

СТРАНЫ
и
НАРОДЫ
ВОСТОКА

СТРАНЫ и НАРОДЫ ВОСТОКА

ВЫПУСК
XXVII



ВЫПУСК
XXVII



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Географическое общество СССР
Восточная комиссия



СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Серия основана в 1959 году

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР

Д. А. Ольдерогге

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

АФРИКА

(География, история, культура, экономика)

Москва
Главная редакция восточной литературы
1991

ББК 26.89(6)
С83

Ответственные редакторы
Б. А. ВАЛЬСКАЯ, В. С. ЯГЬЯ

Редактор издательства
А. Я. ХАЗИЗОВА

Страны и народы Востока. Вып. XXVII: Афри-
С83 **ка: География, история, культура, экономика. —**
М.: Наука. Главная редакция восточной литерату-
ры, 1991. — 300 с.
ISBN 5-02-017127-1

В очередной сборник вошли статьи по географии, истории, культуре и экономике африканских стран. Публикуются материалы полевых исследований, некоторые статьи написаны с привлечением данных, собранных авторами лично. Сборник посвящен памяти выдающегося африканиста Д. А. Ольдерогге (1903—1987).

С $\frac{1805060000-100}{013(02)-91}$ 93-91

ББК 26.89(6)

ISBN 5-02-017127-1

© Главная редакция
восточной литературы
издательства «Наука», 1991

ОТ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР

Член-корреспондент АН СССР, профессор Дмитрий Алексеевич Ольдерогге возглавил Восточную комиссию Географического общества СССР в 1965 г., сменив на этом посту академика В. В. Струве. Под его общей редакцией вышли в свет 22 тома серии «Страны и народы Востока», и этот, 27-й, готовился под его руководством. Д. А. Ольдерогге подписал его для предоставления в Главную редакцию восточной литературы 9 февраля 1987 г. Этот том—последний научный труд, направленный Д. А. Ольдерогге в печать. 30 апреля 1987 г. Дмитрия Алексеевича не стало. Идут годы... Все больше отдаляют они нас от этой печальной даты, и все ярче вырисовывается масштабность сделанного Дмитрием Алексеевичем в науке.

До самого последнего времени Д. А. Ольдерогге живо интересовался делами Восточной комиссии, ее научными публикациями, ходом подготовки и издания выпусков серии «Страны и народы Востока». За четыре дня до кончины Д. А. Ольдерогге обсудил с членами бюро Восточной комиссии перспективы этой серии, говорил о расширении круга авторов, подчеркивал необходимость сохранения комплексного подхода к определению тематики и содержания ее выпусков.

Составители и авторы статей настоящего сборника посвящают его памяти Дмитрия Алексеевича Ольдерогге—выдающегося ученого, внесшего большой вклад в отечественную и мировую науку о народах Азии и Африки. В содержание тома внесены некоторые коррективы. Помещены статья о деятельности Д. А. Ольдерогге в Географическом обществе СССР, текст его доклада о результатах экспедиции в Западную Африку, прочитанного на заседании Восточной комиссии и Центрального лектория им. Ю. М. Шокальского Географического общества СССР в апреле 1964 г.

*Академик АН СССР
М. Н. Боголюбов*

Б. А. Вальская, А. А. Жуков, В. С. Ягья

Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ
И ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР

Обстоятельная научная биография члена-корреспондента АН СССР, профессора, доктора исторических наук Дмитрия Алексеевича Ольдерогге (1903—1987), который по праву считается одним из основоположников советской африканистики, еще впереди*.

Интерес к его научному наследию с годами не ослабевает, а даже, наоборот, возрастает. Это с особой силой проявляется во время ежегодных Ольдерогговских чтений, организуемых сектором Африки Ленинградской части Института этнографии АН СССР, Научным советом по Африке АН СССР, восточным факультетом Ленинградского университета и Восточной комиссией Географического общества СССР. Слушая доклады и научные сообщения о теоретических разработках Д. А. Ольдерогге и его жизненном пути, отмеченном исключительно самоотверженным служением науке и Родине, приходят на память слова из «Жития Месропа Маштоца» Корюна: «И обо всем этом он благовествует не ради похвалы и славы, но чтобы это служило примером и правилом идущим вослед» (цит. по [10, 04.11.1987]). Именно для «идущих вослед», чье внимание привлечено к научным поискам и открытиям Д. А. Ольдерогге, и раскрывается в настоящей статье роль Дмитрия Алексеевича в Географическом обществе СССР. Она, эта роль, до сих пор не освещалась в литературе и остается пока малоизвестной или вовсе не известной.

В некрологе, опубликованном в журнале «Известия Всесоюзного географического общества», подчеркивалось, что Д. А. Ольдерогге принимал активное участие в работе этого общества, в распространении географических знаний и исследованиях в области географии [8, 1988, т. 120, № 1, с. 110]. На

* При ее написании могут быть использованы не только концептуальные идеи, содержащиеся в его многочисленных опубликованных трудах (см., например, перечень его работ [11, 1983, № 6, с. 209—210; 23, с. 11—23]), и документы, хранящиеся в архивах, в частности в Ленинградском отделении АН СССР, но и небольшие статьи, преимущественно юбилейного характера (см., например, [4; 7, 1973, т. 32, № 5, с. 464, 465; 7, 1983, т. 61, № 3, с. 284, 285; 23, с. 3—10; 25, 1973, № 6, с. 147—150]), а также некрологи (см., например, [8, 1988, т. 120, № 1, с. 110]). См. также [5; 6].



состоявшемся 16 декабря 1987 г. специальном заседании в Центральной организации Географического общества СССР, посвященном памяти этого выдающегося ученого, не раз звучало в выступлениях А. Б. Давидсона, Н. М. Гиренко, К. И. Позднякова, А. А. Жукова, В. С. Ягья и др., что Д. А. Ольдерогге внес большой вклад в общую теорию этнографии и в различные области африканистики, в том числе и в изучение географии континента. Отмечались также заслуги Д. А. Ольдерогге в организации географических исследований в нашей стране. Жизнь и научная деятельность Д. А. Ольдерогге подтверждают подобные оценки.

Свою педагогическую деятельность Дмитрий Алексеевич начал на географическом факультете Ленинградского университета, где в 1929 г. приступил к чтению курса этнографии народов Африки. Позднее он неоднократно пояснял в разговорах со своими учениками и коллегами, что географические исследова-

ния, особенно социальные и экономико-географические, немислимы без хорошей этнографической оснастки, без привлечения этнографических данных. Как подчеркивал Д. А. Ольдерогге, этнография и география населения тесно взаимосвязаны. Уже будучи (с 1946 г.) заведующим кафедрой африканистики восточного факультета, он уделял большое внимание содержанию курса «География Африки» для студентов-африканистов. За четыре дня до своей кончины Д. А. Ольдерогге в очередной раз давал советы одному из авторов этой статьи по поводу читаемого им курса «География Африки». В частности, было предложено расширить темы «Физико-географическая характеристика Африки» и «География языков Африки». В целях повышения географической подготовки студентов на кафедре по инициативе Дмитрия Алексеевича в 60—70-е годы читались спецкурсы по страноведению Западной Африки, Восточной Африки и отдельно Эфиопии.

В работах самого Д. А. Ольдерогге (даже в некоторых лингвистических) неизменно присутствует географический подход (см., например, [13; 16]). Неудивительно поэтому присуждение Д. А. Ольдерогге в 1966 г. Географическим обществом золотой медали им. П. П. Семенова за выдающийся труд по истории Западного Судана [13], в котором ярко проявился и талант ученого как географа. В представлении на соискание этой медали, подписанном председателем отделения этнографии Географического общества С. И. Руденко, указывалось, что Дмитрий Алексеевич Ольдерогге — глава советской африканистики, ученый с широким диапазоном, его исследования охватывают ряд смежных дисциплин и что «Западный Судан в XV—XIX вв.» — выдающийся труд, реконструирующий африканское прошлое на основе привлечения исторических, этнографических, лингвистических и географических данных. Дмитрий Алексеевич опубликовал также несколько работ на сугубо географические темы (см., например, [17]).

Интерес к географии привел Д. А. Ольдерогге в Географическое общество: в 1933 г. по рекомендации тогдашнего ученого секретаря общества, известного геолога и геоморфолога Я. С. Эдельштейна он был принят в действительные члены этой общественно-научной организации. Заполняя в 1939 г. регистрационную карточку, Дмитрий Алексеевич изъявил желание работать в Отделении истории географических знаний и в трех комиссиях: сказочной и детского фольклора, быта и языка, а также орнамента и одежды. В то время президентом Географического общества был выдающийся советский ученый и путешественник Н. И. Вавилов. На всю жизнь запомнил Д. А. Ольдерогге слова, не раз повторявшиеся Николаем Ивановичем, что «ученый должен стоять на глобусе». В великолепном по архитектуре здании Географического общества, построенном в 1908 г., Д. А. Ольдерогге общался также с пользовавшимися мировой известностью учеными И. Ю. Крачковским, С. Ф. Ольден-

бургом, А. Е. Ферсманом и Л. С. Бергом, являвшимися членами Совета Географического общества СССР.

Принимая участие в заседаниях избранных им комиссий и отделений, Дмитрий Алексеевич многократно выступал при обсуждении докладов, которые делали члены общества. Особый интерес вызывали его этнографические и историко-географические пояснения к сообщению Н. И. Вавилова о первой советской научной экспедиции в Эфиопию. Внимание к Эфиопии тогда было чрезвычайно большим, ибо страна в ту осень 1935 г. подверглась агрессии фашистской Италии. В Советском Союзе и во многих других государствах с симпатией относились к упорному сопротивлению эфиопского народа; мировая общественность оказывала тогда ему материальную и моральную поддержку. Поэтому-то собравшиеся в Географическом обществе с таким живым, неподдельным интересом воспринимали доклад Н. И. Вавилова и выступления ряда ученых при его обсуждении, а также экспозицию коллекций, составленных участниками экспедиции в Эфиопию.

С не меньшим вниманием отнеслись ленинградцы к выставке эфиопских коллекций, развернутой в том же, 1935 г. в Музее этнографии и антропологии Института этнографии АН СССР. Специальный путеводитель к ней, содержащий и некоторые географические данные об этой стране, подготовил Д. А. Ольдерогге [12]. Пророчески в нем звучали строки, в которых предсказывалось, что «война в Африке угрожает превратиться в мировую войну за передел колоний» [12, с. 6].

Год спустя под редакцией Д. А. Ольдерогге вышла в свет книга «Абиссиния (Эфиопия)» [1], к написанию которой были привлечены и члены Географического общества Н. М. Каратаев и И. И. Бабков. Впервые в отечественной науке была создана крупная страноведческая работа, структура которой не могла не послужить основанием для формирования в нашей стране концепции страноведения как отрасли географических знаний. Здесь уместно напомнить слова основоположника советской экономической географии, чл.-кор. АН СССР Н. Н. Баранского о том, что «страноведение, не претендуя на роль особой науки, должно быть лишь организационной формой объединения разносторонних знаний о той или иной определенной стране» [3, с. 34].

Выступал ли Дмитрий Алексеевич до войны с самостоятельными докладами в Географическом обществе? Да, но документально зафиксированные сведения сохранились лишь об одном. Весной 1941 г., когда в Северной Африке развернулись ожесточенные военные действия между союзническими войсками и итало-германскими соединениями, Дмитрий Алексеевич прочел лекцию о Ливии, остановившись в основном на, казалось бы, весьма далекой от войны проблеме — происхождении и значении наскальных рисунков, обнаруженных на юге этой североафриканской страны. Мы написали «казалось бы» не случайно.

Ибо Дмитрий Алексеевич убедительно доказывал самобытность древнего искусства на территории Ливии, отвергая распространявшиеся расистские теории. Диапозитивы, которые демонстрировались докладчиком, сохранились в Архиве Географического общества. Вновь с темой о наскальных рисунках, но с привлечением большого материала уже по всей Северной Африке Дмитрий Алексеевич выступил в осажденном Ленинграде в июне 1942 г.

Дальнейшее сотрудничество Д. А. Ольдерогге с Географическим обществом связано с работой Восточной комиссии, созданной в декабре 1955 г. по инициативе акад. В. В. Струве и известного географа и востоковеда А. В. Королева. С тех пор стали регулярными выступления Д. А. Ольдерогге в Географическом обществе, на заседаниях восточной комиссии которого собиралось, как правило, большое число слушателей. Это не случайно, ибо с 1960 г.—года Африки, когда начался интенсивный процесс распада колониальной системы на континенте и образования национальных независимых государств, заметно возрос интерес в нашем обществе к судьбам африканских народов, их прошлому и настоящему, к перспективам развития освободившихся стран. Надо отметить, что и образование самой Восточной комиссии в середине 50-х годов явилось своеобразным откликом научной общественности Ленинграда на повышение в нашей стране внимания к жизни народов Азии и Африки. Тем же самым можно объяснить возросший спрос (при неизменно добротном качестве материалов, конечно) на издававшиеся с 1959 г. комиссией сборники серии «Страны и народы Востока». (Первые пять томов этой серии вышли под общей редакцией В. В. Струве.)

17 января 1961 г. Д. А. Ольдерогге сделал сообщение «О работе секции африканистики на XXV Международном конгрессе востоковедов», проходившем в Москве в августе 1960 г. На этом конгрессе Дмитрий Алексеевич руководил вместе с И. И. Потехиным заседаниями африканистов, а также возглавлял подсекцию филологии.

18 октября того же года Дмитрий Алексеевич выступил в Географическом обществе с докладом о своей поездке в 1961 г. в Сенегал и Мали, о географических, этнографических и лингвистических изысканиях в этих африканских странах.

Вновь в Сенегале и Мали Д. А. Ольдерогге оказался в декабре 1963—марте 1964 г., где он руководил советской лингвистической экспедицией АН СССР. Ее маршрут пролегал по линии Дакар—Бамако—Томбукту. По просьбе правительства Мали она занималась изучением языков бамбара, фуль, сонгай и др. Участники экспедиции собрали обширный материал, необходимый для оказания помощи ученым Мали по введению письменности этих языков. Во время работы экспедиции проводились этнографические исследования и географические наблюдения, коллекционирование предметов материальной куль-

туры и произведений искусства. Дмитрий Алексеевич собрал коллекцию земледельческих орудий, которую передал в Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого.

И в последующие годы Дмитрий Алексеевич всегда с неизменной готовностью выступал в Географическом обществе с сообщениями о результатах своих поездок в Африку, на международные конгрессы в зарубежные страны. Так, 8 января 1969 г. он поделился с участниками заседания Восточной комиссии своими впечатлениями о VIII международном конгрессе антропологических и этнографических наук, состоявшемся в Токио и Киото в 1968 г. Спустя три месяца Д. А. Ольдерогге рассказывал о пребывании в ноябре 1968 г. в Эфиопии, когда император Хайле Селассие I вручал ему в Доме Африки международную премию (тогда она называлась «премия им. Хайле Селассие I») за выдающиеся достижения в области изучения Африки. Вместе с ним в тот год были награждены крупнейшие африканисты: французский натуралист Теодор Моно, долгое время возглавлявший Институт Черной Африки в Дакаре, английский археолог Л. Лики, который сделал уникальные открытия в Восточной Африке, американский лингвист Дж. Гринберг — создатель получившей признание классификации африканских языков, знаменитый эфиопский художник Афэ Уорк Такле и др. После вручения премии Дмитрий Алексеевич совершил путешествие по Северной Эфиопии, посетив, в частности, Аксум, некогда главный город могущественного Аксумского царства. Из Эфиопии ученый привез большую коллекцию картин современной живописи этой страны, а также коллекцию крестов. Обе коллекции были подарены им Ленинградской части Института этнографии АН СССР.

Эти выступления Дмитрия Алексеевича о поездках в Японию и Эфиопию состоялись уже после того, как 15 сентября 1965 г. Восточная комиссия понесла тяжелую потерю. Скончался ее председатель, выдающийся советский ученый, акад. Василий Васильевич Струве. 24 ноября 1965 г. все востоковедные учреждения Ленинграда и Географическое общество СССР провели специальную научную сессию, посвященную памяти этого ученого. Со вступительным словом на ней выступил Д. А. Ольдерогге.

1 декабря 1965 г. на первом заседании Восточной комиссии после кончины В. В. Струве Дмитрий Алексеевич сделал доклад «Архитектурные памятники Томбукту». На этом заседании он был избран председателем Восточной комиссии, которой руководил 22 года, до последних дней своей жизни. В течение этого времени Дмитрий Алексеевич осуществлял научное редактирование всех изданий Восточной комиссии, и не только двадцати двух томов серии «Страны и народы Востока» общим объемом более 500 печатных листов, включая настоящий сборник, но и вышедшего в 1973 г. в Географическом обществе сборника «Проблемы населения и хозяйства стран Африки», кото-

рый включал ряд оригинальных работ, в том числе теоретическую статью самого Д. А. Ольдерогге [20, с. 3—11].

За эти же годы на Восточной комиссии обсуждены сотни докладов, прочитанных видными и начинающими учеными Ленинграда, Москвы, Киева, других городов и посвященных географии, этнографии, истории и экономике стран Азии и Африки. Комиссия много сделала для изучения истории исследования стран Востока русскими путешественниками, и в особенности членами Географического общества.

На V и VI съездах Географического общества Дмитрия Алексеевича избрали членом его ученого совета, а на VII съезде — почетным членом этого общества, имеющим, в частности, пожизненное право входить в состав ученого совета. В связи с представлением к этому званию на заседании бюро Восточной комиссии (проходило в отсутствие Д. А. Ольдерогге) было принято письмо, в котором указывалось, что своей многолетней и плодотворной деятельностью в течение почти 50 лет Д. А. Ольдерогге содействовал развитию не только географических наук, но и наук, находящихся на стыке географии и истории, таких, как этнотопонимика и этнолингвистика, имеющих большое практическое значение.

На заседаниях Восточной комиссии, когда заслушивались отчеты и шли переборы бюро, Дмитрий Алексеевич с общего согласия ее членов сделал правилом свои выступления с научным докладом. Так, 27 марта 1973 г. он рассказывал о проблемах разгадки тайн легендарной страны Пунт, а 14 апреля 1976 г. изложил разработанную им новую этническую классификацию народов Южной Азии.

С конца 70-х годов Д. А. Ольдерогге деятельно помогал Архиву Географического общества собирать рукописи русских путешественников, посещавших в разное время Африку. При его содействии в Архив поступили материалы Л. К. Артамонова, который в самом конце XIX в. прошел не изведанными до того землями Эфиопии, фотодокументы Г. В. Соболевского, посетившего в начале XX в. Африку в составе экспедиции князя Демидова-Сан-Донато, и др.

Дмитрий Алексеевич входил в состав оргкомитетов ряда научных конференций, которые проводило Географическое общество, принимал самое активное участие в их работе. Вот только один пример такой его деятельности.

3—6 февраля 1969 г. в Ленинграде, в том числе при посредстве Восточной комиссии, прошла конференция на тему «Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке». Приветствуя участников на ее открытии, Д. А. Ольдерогге напомнил, что «сейчас Африкой занимаются не единицы и даже не десятки, а сотни людей», а до Великой Октябрьской революции Африкой интересовались либо отдельные путешественники, либо университетские ученые, которые занимались «только проблемами истории и языками Северной

Африки, т. е. той частью Африки, которая так или иначе была связана с историей Европы и с историей ее культуры... Народы Черной Африки, народы Африки южнее Сахары почти никого не интересовали» [24, ч. I, с. 7].

На этой конференции Д. А. Ольдерогге был куратором III секции «Население и трудовые ресурсы в системе производительных сил и факторов размещения производства в Африке». В своем выступлении на этой секции он особо подчеркнул, что «в результате дележа африканской территории в конце XIX в. народы были разделены по колониальным границам, зачастую по параллелям и меридианам, и в каждой колонии оказалось много национальностей и много языков». Но за столетнее владение колониальными территориями новых наций не сложилось. «В колониальный период, — отметил ученый, — возникли новые условия для неравномерного развития народов Африки. Это сказалось на этнических отношениях... В основе многих этнических конфликтов лежит эта неравномерность» [24, ч. II, с. 47].

Большой интерес вызывали доклады самого Д. А. Ольдерогге на заседаниях Восточной комиссии.

10 мая 1966 г. Дмитрий Алексеевич поделился своими впечатлениями о поездке в Сенегал на Первый всемирный фестиваль негритянского искусства, а 30 ноября выступил с докладом «Этнолингвистическое и политическое деление Африки», где изложил новый подход к районированию Африки. В позднее опубликованных тезисах этого доклада, с которым ученый выступил и на ежегодной научной сессии Ленинградской части Института этнографии АН СССР, указывалось: «В колониях выделились районы, имевшие экономическое значение для метрополий, и районы несущественные, так сказать, резервные». Это вызвало неравномерность развития общественно-экономических отношений. «В районах экономически важных устанавливались капиталистические отношения, в резервных сохранялись, зачастую искусственно, родо-племенные связи. Все вновь образовавшиеся государства сохранили характерные черты экономического развития колоний и ту же случайность и пестроту этнического состава» [14, с. 41—42].

Эти положения Дмитрий Алексеевич развил в другой своей статье, включенной в сборник, который был посвящен III сессии Международного конгресса африканистов в Аддис-Абебе (декабрь 1973 г.). Теоретически важен вывод ученого о том, что столетнее порабощение народов Африки «создало особый тип социального развития, который следует назвать колониальным обществом» [20, с. 4]. Он охарактеризовал основные черты этого общества, где уже «складывалось новое этническое единство».

В работе Восточной комиссии Д. А. Ольдерогге уделял большое внимание истории исследования Азии и Африки, поощрял историко-географические изыскания. По его инициативе в ряде томов серии «Страны и народы Востока» был введен специаль-

ный раздел «История географических исследований» (см., например, [27, с. 5—67]). При жизни Дмитрия Алексеевича был подготовлен и XXVIII том этой серии, посвященный целиком истории географического исследования стран Азии и Африки.

Придавая большое значение истории географических открытий, путешествиям, географическим контактам в прошлом и призывая коллег к изучению этих проблем, Д. А. Ольдерогге сам внес большой вклад в восстановление картины познания нашей Земли. 25 марта 1967 г. на заседании Восточной комиссии он сделал сообщение о неизвестном русском путешественнике, посетившем в 1821 г. Томбукту. Позднее оно было опубликовано [17, с. 3—22].

В 1978 г. в XX томе «Стран и народов Востока» он опубликовал статью о древних этнокультурных связях Африки, Индии и Индонезии [22, с. 174—184]. Эта статья содержала обоснованную критику теории переселения из Юго-Восточной и Южной Азии в Африку различных расовых групп, якобы принесших на Африканский континент более высокую культуру. Дмитрий Алексеевич был сторонником «глубокой древности и постепенного развития культуры на Африканском материке» [22, с. 175].

Охарактеризовав кратко важнейшие археологические открытия на территории Африки, ученый писал, что «последние данные радиоуглеродного анализа находок в Африке, и Южной Сахаре в частности, показали, что Африка представляла область, где человечество сделало первые шаги в развитии культуры вообще, где происходило постепенное одомашнивание животных и введение в культуру местных растений» [22, с. 176]. Задолго до выхода этой работы ученый излагал отдельные идеи по затронутому вопросу на специальном заседании Восточной комиссии, например в «Сообщении о новых открытиях по археологии и истории Африки» (10 мая 1972 г.).

Тема миграций из Азии в Африку и обратно постоянно привлекала Дмитрия Алексеевича. В 1971 г. он ознакомил Восточную комиссию с жизнью сидди-африканцев в Индии, потомков рабов, вывезенных из Восточной Африки и сохранивших в своем быту язык суахили. Вскоре он опубликовал на эту тему статью в очередном томе «Стран и народов Востока» [19, с. 147—152]. 26 марта 1980 г. Восточная комиссия заслушала доклад Д. А. Ольдерогге «Древние миграции населения и языковые общности в Африке».

История науки, и прежде всего, конечно, африканистики, была предметом особого исследовательского интереса Д. А. Ольдерогге. Так, на научной сессии (17—18 октября 1967 г.), организованной Восточной комиссией в связи с 50-летием Великого Октября, Д. А. Ольдерогге выступил с докладом «Африканистика в СССР».

Важнейшие достижения в изучении Африки за годы Советской власти, как подчеркнул Д. А. Ольдерогге, связаны с на-

чалом еще в 1934 г. преподавания африканских языков в Ленинграде, с открытием в 1944 г. восточного факультета в ЛГУ и организацией на этом факультете кафедры африканистики, а затем созданием сектора Африки в Институте этнографии АН СССР, с изданием в серии монографий «Народы мира» в 1954 г. тома «Народы Африки». Этапное значение для изучения стран Африки имело создание в 1959 г. специального Института Африки в системе АН СССР. Свои взгляды на становление и развитие африканистики в СССР Д. А. Ольдерогге изложил в совместно с Ю. Д. Дмитриевским написанной статье, опубликованной в седьмом выпуске серии «Страны и народы Востока» [15, с. 5—7].

Однако наибольшее внимание ученого привлекала очень актуальная проблема соотношения рода и общины. В 1945 г. он успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Кольцевая связь родов и трехродовой союз (*Gens triplex*). Из истории развития социального строя первобытной общины». В дальнейшем Дмитрий Алексеевич осуществил ряд дополнительных исследований, в результате чего были сформулированы новые обоснованные выводы, обогатившие теорию первобытнообщинного строя.

20 мая 1970 г. Дмитрий Алексеевич выступил на заседании Восточной комиссии с теоретическим докладом «Род и община (к проблеме типологии общины по материалам Африки и Востока)», а 1 декабря того же года с докладом на тему «Матрилинейный род и община (на примере Западной Африки)». Позднее по этим вопросам он опубликовал несколько работ (см. [18; 21]), в одной из которых отмечал, что «родовая организация и ее подразделения в сфере экономики реализуются в виде общественных структур ряда: дом, хозяйство или домашняя община, большая семья, деревенская община, сельская община и т. п. По мере распада родовой организации эта линия экономических структур продолжает существовать, приобретая все большее значение, сохраняясь даже в условиях классового общества» [21, с. 11—12].

В последний раз Д. А. Ольдерогге выступил на заседании Восточной комиссии, проведенном совместно с Отделением этнографии Географического общества, за два года до своей кончины — 17 апреля 1985 г. Оно было посвящено 40-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне. В своих воспоминаниях Дмитрий Алексеевич рассказал, что с самого начала войны он находился на окопных работах на подступах к Ленинграду, за Новгородом, где рыл противотанковые рвы.

Когда фашисты подошли к Ленинграду, Дмитрий Алексеевич вступил в народное ополчение. Он дежурил на крыше Института этнографии АН СССР, гасил зажигательные бомбы, сброшенные фашистами на Кунсткамеру во время налета авиации, тушил пожар в здании института.

Рассказ о непосредственном участии в защите Ленинграда в Великую Отечественную войну Дмитрий Алексеевич перемещал сведениями о своей научной работе, которую он не оставлял даже в самые трудные дни ленинградской блокады.

9 декабря 1986 г. Дмитрий Алексеевич в последний раз посетил «дворец географов», как нередко называют выделяющийся среди прочих строений своими широкими окнами и кладкой будто необработанного камня особняк в переулке Гривцова. Тогда проходило заседание ученого совета Географического общества, на котором Д. А. Ольдерогге выступил в развернувшейся дискуссии.

Уже будучи тяжелобольным, Дмитрий Алексеевич продолжал интересоваться делами Восточной комиссии. В январе 1987 г. он попросил прислать ему тезисы доклада О. С. Сорокиной, которая должна была выступить на заседании комиссии на тему «Миф об Атлантиде в свете индоевропейской логико-философской традиции». В феврале Д. А. Ольдерогге подписал в печать XXVII том серии «Страны и народы Востока». В марте Дмитрий Алексеевич откорректировал план издания новых сборников этой серии. За день до своей кончины, 29 апреля 1987 г., он подписал два документа от имени Восточной комиссии в Президиум Географического общества: об увековечении памяти Н. Н. Миклухо-Маклая в связи со столетием со дня его смерти и о выдвижении книги М. Б. Горнунга «Развивающиеся страны: постоянно влажные тропики (Изменение природной среды под воздействием хозяйственной деятельности)» на золотую медаль им. Н. М. Пржевальского.

Дмитрий Алексеевич принадлежал к числу тех ученых и наставников, чьи знания, щедрая готовность делиться ими, фантастическая энергия, остроумие являлись огромной притягательной силой. Он всегда был в окружении своих учеников и коллег. Чем дальше уходит время от того грустного дня, когда не стало Дмитрия Алексеевича, тем острее ощущается потеря. Но продолжают жить и действовать его труды, идеи, ученики.

Л и т е р а т у р а

1. Абиссиния (Эфиопия). Сборник статей. М.—Л., 1936.
2. Акишева З. П. Первая русская геологическая экспедиция в Эфиопию (1904 г.).—Страны и народы Востока. Вып. 7. Страны и народы Африки. М., 1969.
3. Баранский Н. Н. Научные принципы географии.—Избранные труды. М., 1980.
4. Вопросы географии. Страноведение: состояние и задачи. Сборник № 116. М., 1981.
5. Жуков А. А. Африканистика в университете.—Очерки по истории Ленинградского университета. Вып. IV. Л., 1982.
6. Жуков А. А. Д. А. Ольдерогге как один из основателей историко-этнографического направления в советской африканистике.—Изучение истории Африки. Проблемы и достижения. М., 1985.
7. Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М.
8. Известия Всесоюзного географического общества. Л.

9. *Коцевская Н. Н.* В. Марков [В. И. Матвей] и его книга «Искусство негров». — Страны и народы Востока. Вып. 9. М., 1969.
10. Литературная газета. М.
11. Народы Азии и Африки. М., 1983, № 6.
12. *Ольдерогге Д. А.* Выставка абиссинских коллекций (краткий путеводитель). М.—Л., 1935.
13. *Ольдерогге Д. А.* Западный Судан в XV—XIX вв. Очерки по истории и истории культуры. — Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 53. М.—Л., 1960.
14. *Ольдерогге Д. А.* Этнолингвистическое и политическое деление Африки. — Тезисы и доклады научной сессии, посвященной итогам работы Института этнографии АН СССР (Ленинградское отделение) за 1966 г. (11—13 апреля 1967 г.). Л., 1967.
15. *Ольдерогге Д. А.* и *Дмитревский Ю. Д.* Изучение стран Африки в СССР за 50 лет (краткий обзор). — Страны и народы Востока. Вып. 7. М., 1969.
16. *Ольдерогге Д. А.* О некоторых этнолингвистических проблемах Африки. — Вопросы социальной лингвистики. Сборник статей. Л., 1969.
17. *Ольдерогге Д. А.* Астраханец в Томбукту в 1821 г. (путешествие Варги, уроженца Кизляра, в Западный Судан). — Труды Института этнографии. Новая серия. Т. 96. Л., 1971.
18. *Ольдерогге Д. А.* Соотношение форм родовой организации и типов домашней общины. — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Института этнографии АН СССР. М., 1971.
19. *Ольдерогге Д. А.* Сиди-африканцы в Индии. — Страны и народы Востока. Вып. 14. М., 1972.
20. *Ольдерогге Д. А.* Колониальное общество — этап в этническом развитии Тропической Африки. — Проблемы населения и хозяйства стран Африки. Л., 1973.
21. *Ольдерогге Д. А.* Род и община: соотношение форм рода и типов общины. — Проблемы использования природных и трудовых ресурсов развивающихся стран. М., 1974.
22. *Ольдерогге Д. А.* Древние связи культуры народов Африки, Индии и Индонезии. — Страны и народы Востока. Вып. 20. М., 1978.
23. Основные проблемы африканистики. М., 1973.
24. Проблемы Африки (научные сообщения). Ч. I—II. М., 1969.
25. *Радченко Г. Ф.* Кочевое скотоводство Тропической Африки. — Современные проблемы развития и размещения производительных сил в Африке. М., 1971.
26. Советская этнография. М.
27. Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987.
28. Востокведение. Ученые записки Ленинградского университета. Вып. 20. Л., 1977; вып. 23. Л., 1980; вып. 24. Л., 1981.

ГЕОГРАФИЯ. ПУТЕШЕСТВИЯ

Д. А. Ольдерогге

ТРИ ГОРОДА ЗАПАДНОГО СУДАНА — ТРИ СТОЛИЦЫ*

Дакар — столица Республики Сенегал, Бамако — столица Республики Мали и Томбукту, или Томбуту², — древняя столица средневекового государства Сонгай. Три города и три различные судьбы.

Первый из них — Дакар, новый колониальный город на берегу Атлантического океана, город, история которого насчитывает немногим более ста лет. Бамако — город в самой середине области саванн, вдали от побережья, образовавшийся на месте прежнего, вероятно существовавшего довольно давно поселения на берегу Нигера, но как город он также сравнительно молодой, и, наконец, Томбукту — древний центр культуры Судана, возникший в X в. на границе пустыни и саванн, время его расцвета — XIV—XVI вв., когда Томбукту соперничал с Каиром и Багдадом. Город, который долгое время был закрыт для европейцев, подобно Мекке или Лхассе, и который сохранил свою древнюю славу до наших дней. История этих трех городов до известной степени отражает историю Западного Судана, историю народов, его населяющих.

Из этих трех городов мне впервые пришлось познакомиться с Дакаром, в котором я побывал [в 1961 году]³. После долгого полета из Парижа через Марсель вдоль берегов Марокко и Мавритании самолет приземлился в самой западной точке Африки — на полуострове, где находится Дакар. Уже издали виден маяк на вершине одного из холмов, которые возвышаются неподалеку от аэродрома. Нынешний аэропорт Иоф, оборудованный самым современным образом, находится довольно далеко от города, вблизи мыса Альмадя, самой крайней оконечности Африки. Наш самолет прибыл на рассвете, в шестом часу утра, и приземлялся еще в темноте, точнее, в предрассветных сумерках. Пока совершались все необходимые формальности: проверка паспортов, виз, получение багажа, начало светать. Для этих широт характерно, что переход от ночи к дню проис-

* Публикацию подготовила И. А. Осницкая¹.

ходит очень быстро, в течение 20—30 минут. Когда мы выходили из самолета, все здания вырисовывались темными силуэтами на сером небе. Нельзя было различить ни деревьев, ни построек, все тонуло во тьме. Занятые делами, мы не заметили, как рассвело, и я почувствовал, что оказался в совершенно новом для себя мире.

До того я уже бывал в Египте и добирался на катере от Александрии до самых границ Судана. Но Северная Африка и Африка к югу от Сахары совершенно различны и по своей природе, климату, и по культуре ее обитателей. На севере — арабский Восток со всеми его характерными чертами — типом построек, одежды, обычаев, — носящими отпечаток, характерный для всех стран южного Средиземноморья и Передней Азии. Судан, где я оказался, сразу поразил меня своеобразием природы и культуры. Начать с того, что все деревья Судана необычны для нас, северян: каилыцедраты, сейлы, баобабы, карите, тамариндовые деревья, большие кусты, покрытые красными цветками вроде пионов, — бугенвиллеи, папайи, или дынные деревья, и т. д. Но, пожалуй, самым удивительным было необыкновенное разнообразие расовых типов местного населения: высокие и стройные светло-коричневые тукулеры, сухощавые с тонкими, нервными лицами фульбе, величественные, очень мощные, черные и высокие волофы, сереры, крепкие крестьяне бамбара. Это разнообразие языков, народностей и культур характерно для Судана и объясняется его историей и географическим положением.

Дорога от аэродрома в город идет по равнине мимо деревень, старого аэродрома Уакам и пригородов, где живет беднейшая часть населения города. Однако приезжие минуют эти пригороды, не замечая их, так как асфальтированное шоссе ограждено с обеих сторон стенами и живой изгородью кустов бугенвиллеи. Нам впоследствии довелось не раз побывать в этих кварталах. Но пока великолепное шоссе ведет Вас в самый центр города через кварталы правительственных вилл, научных учреждений, посольств и т. д. Перед Вами мелькают здания самого современного типа, лучшие образцы французской архитектуры последних лет: Дворец юстиции, здание Института Французской Черной Африки, Национального собрания, виллы членов правительства и т. д. И вот мы в центре города. Здесь перед нами многоэтажные небоскребы, где помещаются министерства, банки, правления фирм. Сворачиваем в сторону и попадаем в африканский квартал — медину. Характер застройки совершенно меняется. Двухэтажные дома перемежаются с одноэтажными глинобитными домиками с плоскими кровлями, кое-где встречаются мечети, улицы уже, и весь характер этой части города иной.

Для большинства африканских городов типично сочетание кварталов европейской застройки с кварталами, где живет местное население. Прежде, до образования независимых африкан-

ских государств, они различались очень резко. В благоустроенных кварталах жили почти исключительно европейцы: чиновники, коммерсанты, военные — словом, по преимуществу пришлое население, тогда как местное существовало обособленно от них. В европейской части улицы были в основном асфальтированы, всюду имелся водопровод, электричество, а африканские кварталы были всего этого лишены. На дворе каждой усадьбы был свой колодец или одна колонка на всю улицу, во дворах горели костры, топились печи для приготовления лепешек, дома освещались керосиновыми лампами, тут же по бокам улицы были сточные канавы. Наконец, в африканских кварталах почти на каждом крупном перекрестке существовали небольшие рынки, где торговали преимущественно женщины. Тут можно было купить всевозможные овощи, орехи кола, фрукты, пряности, лепешки, консервы, всякую мелочь. Особое место отводилось обычно для мясного и рыбного рынков, которые давали о себе знать тяжелым запахом.

Все это было характерно для африканских городов в прошлом. Теперь, после освобождения от колониализма, условия изменились: численность европейского населения сократилась, а африканцы уже не обязаны жить только в своих кварталах. Однако нельзя ожидать, чтобы различия исчезли через несколько лет. По-прежнему еще сохраняются кварталы различной застройки, хотя в европейской части живут и африканцы. Чаше всего виллы, принадлежавшие европейским предпринимателям и чиновникам, перешли к видным политическим деятелям и крупным чиновникам-африканцам. Основная же часть местного населения по-прежнему живет в своей медине. Так обстоит дело, в частности, и в Дакаре.

Правительство Сенегала несколько лет тому назад приняло решение о переустройстве города на современный лад. С этой целью на окраине города были выделены особые участки, и местное акционерное общество получило право на продажу коттеджей, выстроенных довольно скромно, но со всеми удобствами в северной части Дакара. Мне пришлось проезжать по владениям этой компании. Уютные одноэтажные домики с небольшими садовым участком отвечают самым современным требованиям комфорта. Предусмотрены особенности климата — затененные веранды, возможность постоянного проветривания помещений и т. д. Но, увы, кварталы пустуют, так как цена такого домика слишком высока и доступна лишь богатым людям. Одновременно с этим в центре города для перестройки были выделены целые районы. Значительная часть их жителей, притом беднейшая, принуждена была выселиться в пригороды, о которых я говорил ранее. Эти поселки производят удручающее впечатление. Недаром они скрыты от глаз приезжих розовыми цветами бугенвиллеи. Представьте себе песчаное поле без единого кустика, без деревца. На этом песке сооружены жалкие шалаши наподобие наших дровяных сараев, но,

пожалуй, не столь солидные. Материалом для построек служат доски от ящиков, фанера, листы жести от бочек и банок. Нет необходимости говорить о том, что нет ни электричества, ни водопровода, ни канализации. Лишь колонки, стоящие на перекрестках улиц,— свидетельство заботы о населении.

Таков внешний облик Дакара. Центром его, несомненно, является порт. Весь город строился вокруг него. Дакарский порт намного превосходит по своему грузообороту другие порты Западной Африки—Абиджан, Котону и др. Кроме того, Дакар является важным стратегическим пунктом благодаря своей близости к Южной Америке. Аэропорт Дакара связывает страны Западной Европы с Западной Африкой, Конго, Южно-Африканской Республикой и со странами Латинской Америки.

Дакар—город сравнительно молодой. Только в конце прошлого века, после раздела колоний между Англией, Францией, Бельгией и Германией, французы начинают строить на узкой береговой полосе между мысами Бель-Эр и Дефанс портовые сооружения. А до этого стоянка судов находилась на о-ве Горее, где уже в 1588 г. обосновались голландцы. Горее происходит от голландского «гуде реее» («хорошая гавань»), здесь они построили укрепление и здание, в котором были заключены рабы. Вплоть до середины прошлого века Горее был центром работорговли. Сюда свозили рабов, захваченных в разных районах Африки, и отсюда уходили корабли с живым товаром к берегам Америки. Островок этот в течение нескольких веков оспаривали между собой голландцы, французы и англичане. В конце концов его захватила Франция. После запрещения работорговли Горее потерял свое значение, а узкая полоса земли напротив него на побережье уже в 1902 г. стала городом и столицей всех французских колоний в Западной Африке. В 1910 г. в городе было всего 25 тыс. человек, в 50-е годы—230 тыс., после 1960 г. население увеличилось вдвое [8, с. 372—392].

Совсем иной характер имеет столица Республики Мали—Бамако. Он находится в глубине саванн внутренней части Западного Судана. Город расположен в верхнем течении р. Нигер, как раз в том месте, где его течение прерывают пороги Сотуба. В этом месте Нигер суживается до 1 км (выше и ниже порогов ширина его составляет 1,5—1,7 км). У порогов в сухое время года возможна переправа с одного берега на другой. Очевидно, благодаря этому обстоятельству здесь издавна находились поселения. Бамако расположен между невысокими горами Мандинг и рекой. В горах, неподалеку от Бамако, и даже в самом городе археологами были найдены следы поселений эпохи неолита.

Происхождение названия «Бамако» окончательно не установлено. Чаще всего высказывается мнение, что оно означает «река крокодилов», так как на языке бамбара «бама» значит «крокодил», а «ко»—«река», «ручеек», «заводь». Другие производят

его от слова «бан» (один из видов пальмы) и предполагают, что это название переводится как «пальмовый ручей». Наконец, местные жители любят рассказывать легенду о некоем охотнике по имени Бамба, который будто бы жил в этих местах. Словом, происхождение названия города неизвестно, так же как неизвестна этимология большинства географических названий. Во всяком случае, официально признанной, по-видимому, считается первая версия, и поэтому на гербе Бамако изображены три крокодила [9, с. 379—393].

Об истории Бамако до XIX в. мы ничего не знаем. Впервые о нем упоминает Мунго Парк, шотландский врач, которому принадлежит честь первооткрывателя Нигера. Описывая свои путешествия, он дважды упоминает о Бамако, и оба раза по довольно печальному поводу. И в 1795 и в 1805 г., т. е. во время как первого, так и второго своего путешествия, он был там задержан, или, если хотите, взят в плен местными вождями. Позднее замечательный французский исследователь Рене Кайе, о котором мне придется упомянуть в связи с Томбукту, сообщал о Бамако как о важном торговом поселении. Вероятно, поэтому французские колониальные власти при разделе захваченных в Африке земель решили устроить в Бамако свой опорный пункт.

В 1883 г. французский экспедиционный отряд Борни-Деборда занял селение, затем здесь был сооружен форт, по местному названию «тата». В это время население Бамако не превышало 600 человек. Однако в скором времени выгодное положение Бамако заставило французскую администрацию сделать его центром вновь созданной колонии Верхний Сенегал-Нигер, позднее получившей новое название — Французский Судан. Эта колония в 1960 г. добилась независимости, и Бамако стал столицей независимой Республики Мали. С этого времени численность населения города резко увеличилась и продолжает расти.

Когда смотришь на Бамако с гор Мандинго, то перед глазами раскрывается прекрасная панорама города. На холме Кулуба находятся правительственные учреждения, Дворец президента, Институт гуманитарных исследований и Медицинский центр. Внизу у подножия холмов и почти до самого берега Нигера раскинулся город. Первоначально он состоял из трех поселений, которые сохранили до нашего времени свои названия и составляют кварталы города — Ниарела, Дравела и Бозола. Они были основаны тремя группами поселенцев: ньаре, драве и туре. Первые, очевидно, пришли с севера, затем к ним присоединились бозо-рыбаки, поставившие дома у самой реки. До сих пор квартал Бозола сохранил свои занятия. Здесь Вы увидите рыболовные сети, на вешалах у реки сушат и коптят рыбу.

Позднее вокруг этих поселений начали строить свои дома европейцы, прежде всего купцы, позднее чиновники и военные. Так образовалась центральная часть города, растянувшаяся от реки до холмов Кулуба. Слева и справа от этих кварталов про-

должали селиться африканцы. Новым кварталам была придана четкая планировка.

Бамако — столица многонационального государства. Основные народы, населяющие Мали, — это бамбара, фульбе и сонгаи. Кроме того, на севере страны основную массу составляют арабы хассания, занимающиеся скотоводством, и туареги, кочевники-верблюдоводы. В южной части страны живут народности бобо, сенуфо, севернее их — догоны. Наконец, в западной части Мали живут малинке. Все эти народы по языку принадлежат к различным языковым группам, из них главнейшие три: манде, фуль и сонгаи. Малинке и бамбара, входящие в группу манде, живут в самых населенных сельскохозяйственных районах страны. Фульбе занимаются по большей части скотоводством, разводя стада крупного рогатого скота в области Масина в среднем течении Нигера. Сонгаи — сельскохозяйственное население среднего течения Нигера.

В Бамако мы видим все три эти народности, не встречаются здесь только туареги, которые не покидают Сахары в районе Томбукту. Основную массу населения составляют бамбара, потому что город находится в самом центре расселения этого народа. Однако в городе немало фульбе, которые составляют значительную часть чиновников. Ремесленники и мелкие торговцы преимущественно бамбара и малинке. В центре Бамако находится крытый рынок и неподалеку от него ремесленное училище. В этом училище обучаются народным кустарным промыслам, а также ювелирному делу. У бамбара очень развито ткацкое ремесло. Отличительной особенностью местных тканей является то, что все они сшиты из узких полос.

В настоящее время город уже не разделяется на европейскую и африканскую части. Правда, центральная часть города сохранила некоторые особенности первоначальной застройки — здесь по преимуществу двух- и трехэтажные дома. В ней находятся банки, аптеки, крупные магазины и т. п. Однако улицы асфальтированы теперь не только в этой части города. Главнейшие из улиц африканских кварталов: Кура, Багададжи, Медина Кура, Болибана и др. — также покрыты асфальтом. Электричество уже не является привилегией европейских кварталов. Оно проникло теперь почти во все районы Бамако. Кинотеатры, книжные магазины также имеются и в бывших африканских кварталах, но самое главное, что европейцы уже не живут обособленно, а рассредоточены по всему городу.

При содействии Советского Союза в Бамако построен большой стадион, перестраивается аэродром, который должен расширяться и будет перенесен на другой берег Нигера и превращен в крупный аэропорт международного значения. Нельзя не упомянуть, что выше порогов Сотуба в 50-е годы был построен мост длиной около 2 км.

Большую живописность придают городу зеленые насаждения. В центре много лимонных деревьев, папайи, манго, возвышают-

ся каильцедраты, сейлы и др. Многие улицы утопают в зелени. Городу, несомненно, предстоит большое будущее. Он может стать центром авиалиний, соединяющих страны Северной Африки и Центральной. На берегу Нигера предполагается возвести многоэтажные здания, которые должны украсить набережную реки. Существует проект расширения Большого Бамако, рассчитанного на 500 тыс. жителей. Соответственно требованиям градостроительства в зону будущего Большого Бамако должны войти города Кати и Куликоро, т. е. он раскинется на 60 км, включая парки и леса. Железная дорога, которая в настоящее время оказалась в центре города, должна быть вынесена за его пределы, предполагается также сооружение университетского городка в Бадалабугу.

Совершенно иной характер и по своей истории, и по своему облику имеет Томбукту. Это старинный город, древняя столица средневековых государств Мали и Сонгаи. Он находится на самой границе Сахары и Судана, на берегу Нигера, в том месте, где река поворачивает к югу. По-видимому, сюда по реке издавна прибывали торговые суда с юга. Здесь земледельцы Судана обменивали свою продукцию на соль, привозимую кочевниками из Сахары. О Томбукту очень точно сказал поэт Н. С. Гумилев:

Здесь встречается тот, кто сидит на верблюде,
С тем, кто правит веслом на широком плоту.

Это почти точный перевод старинной «Суданской хроники», а вот другие слова поэта: «Это город поэтов и пальм — Томбукту» — весьма далеки от реальности. Теперь тут нет почти никакой растительности. (Вполне возможно, что многим, побывавшим в Томбукту, он мог показаться пыльным, захолустным, заштатным городком.) Нигер, эта великая река Судана, подходившая прежде к самому городу, теперь изменила русло и отошла от него на 8 км к югу. Томбукту оказался окруженным песками, и лишь во время больших разливов Нигера вода подступает к нему.

Теперь город находится в запустении, в нем осталось лишь около 8 тыс. жителей, но еще в середине прошлого века в нем было не менее 20 тыс. человек, а до того, вероятно, не менее 80—100 тыс. История Томбукту теснейшим образом связана с историей торговли в странах Западного Судана, и прежде всего с торговлей солью. Все страны Западного Судана лишены соли. Местное население до недавнего времени принуждено было добывать ее из некоторых растений. Собранные растения сжигали, золу растворяли в воде, а затем ее процеживали, выпаривали и в результате получали несколько щепоток соли. Не говоря уже о низком качестве этой соли, весь процесс ее добывания был очень трудоемок.

В наши дни повсюду соль является продуктом импортным, она поступает в Судан с юга через морские порты. Иначе об-

стояло дело в средние века, да и позднее. Соль привозили из Сахары. Там в районе Текказа и Таудени, далеко к северу от Нигера, на расстоянии примерно 20 дней караванного пути находятся огромные залежи каменной соли. Соль добывается в виде больших плит метра полтора длиной, около 80 см шириной и 30 см толщиной. В местах добычи соли рабочие строят себе дома из соляных плит, причем о таких домах рассказывают еще греческие писатели V в. до н. э. Это показывает, что торговля солью имеет очень долгую историю.

Караваны, приходящие из Судана за солью, привозили зерно, а другие товары (прежде это были золото и рабы) шли дальше в страны Северной Африки. В средние века до открытия Америки основной приток золота из стран Западного Судана на рынки Европы осуществлялся этим путем. Обратные караваны везли ткани и предметы роскоши, а в местах соляных разработок забирали соль. Чтобы судить о размерах торговли, достаточно сказать, что ежегодные караваны, отправлявшиеся за солью, насчитывали еще в 70—80-е годы прошлого века до 10 тыс. верблюдов, причем иногда такой караван снаряжался два раза в год. Каждый караван имел строгую военную организацию, своего начальника, авангард и арьергард, и вооруженные отряды сопровождали его на всем пути. Предприятие это было довольно рискованным, так как каравану постоянно угрожали набеги кочевников-туарегов. Приходилось договариваться с вождями племен, чтобы получить свободный проход по Сахаре.

Главным местом торговли солью был Томбукту. Сюда приходили караваны, и на большом рынке Йобу-Бер в центре города соль продавали посредникам, которые переправляли ее в Кабару — порт города, находящийся на берегу Нигера. Там соль перегружали на лодки и развозили по всему Судану. Богатство Томбукту поражало воображение современников.

Город неоднократно подвергался нападениям кочевых племен туарегов, набегам племен фульбе и даже воинственного народа моси, живущего далеко на юге в саваннах Судана. Однако во времена своего могущества, когда Томбукту был вторым по значению городом государства Сонгаи, он успешно отражал набеги кочевников. Город был окружен крепостными стенами, в нем процветали науки и ремесла. В мечетях Джингеребер, Санкоре преподавали теологию, юриспруденцию и прочие науки того времени. В XV—XVI вв. Томбукту был прославлен своими учеными и поэтами. Сохранились рукописи XVI в., где приводятся биографические сведения о 200 ученых, живших в Томбукту.

В начале нашего века в одной хижине в деревне около Томбукту была найдена рукопись, написанная по-арабски, но местными уроженцами ас-Саади и Махмудом Кати, африканцами по происхождению. Эти рукописи содержали историю сонгайского государства вплоть до конца XVI в. Авторы их были сви-

детелями разрушения Томбукту марокканскими войсками в 1593 г. [3, с. 344—350].

Марокканский султан Мулай Ахмед ас-Захаби, желая завладеть золотом Судана, отправил войско под начальством Джудара-паши через пустыню к Томбукту. После долгого двухмесячного похода войско Джудара неожиданно появилось у берегов Нигера. В битве при Черном камне сонгайцы были разбиты. В марокканских войсках было много европейских наемников, вооруженных огнестрельным оружием. Битва эта изменила всю историю Судана. Сонгайское государство распалось. Томбукту был разграблен, часть населения уведена в рабство, и по всей стране воцарилась анархия. Но вскоре в войсках завоевателей начались болезни. Непривычные к климату Судана солдаты умирали от желтой лихорадки, все лошади погибли от укусов мухи цеце, порох кончился, и, что самое главное, следующая армия, отправленная на подкрепление, погибла в песках пустыни.

Томбукту так и не смог оправиться от этого нашествия. Вскоре после него во время набега туарегов были разрушены крепостные стены [7, с. 899—918], город постепенно все больше приходил в упадок. Тем не менее торговля солью продолжалась и Томбукту сохранял еще свое торговое значение. Окончательный удар ему был нанесен изменением торговых путей. Соль стали привозить с юга, и караванная торговля захирела. Однако и теперь еще на рынках Томбукту и Кабары можно видеть плиты каменной соли разных сортов. Из города по-прежнему отправляются караваны в Сахару и привозят оттуда соль. Теперь на соляных коях работают уже не рабы, а сезонные рабочие, которые снабжаются продуктами и работают у частных предпринимателей.

Долгое время Томбукту был совершенно закрыт для европейцев. Известно, что в 1483 г. его посетило португальское посольство в составе восьми человек: «из всех назад вернулся только Перу Рейнел, который кое-как приспособился к климату, остальные умерли от болезней» [3, с. 344—350]. Это было единственное посольство, проникшее в Томбукту. Около 1630 г. французский матрос Поль Имбер был взят в плен маврами и увезен в Томбукту. Но в 1632 г. он умер рабом в Марокко, его не удалось выкупить.

В 1826 г. по поручению английского правительства майор Ленг достиг Томбукту с севера, из Триполи. Однако на обратном пути он был ограблен и убит туарегами около Аравана. В 1828 г. посетить Томбукту удалось молодому французу Рене Кайе, который под видом араба, возвращающегося в Египет, примкнул к каравану, шедшему через Томбукту на север. Кайе привез первые сведения об этом городе⁴ и получил премию Французского географического общества, которая была предназначена первооткрывателю Томбукту (см. [5]). Следующим европейцем был замечательный исследователь Африки Генрих

Барт (см. [4]), который провел в Томбукту около семи месяцев, но постоянно подвергался нападениям. Его спасло только заступничество арабского купца, гостем которого он был. 26 лет спустя после Барта Томбукту посетил другой путешественник, Оскар Ленц, проводивший там несколько недель [6, с. 114—139, 140—169].

Во время колониального раздела Африки Томбукту был захвачен французами. Следует упомянуть об одном замечательном человеке, французе Дюпюи-Якуба, который остался в памяти местного населения как защитник его интересов от произвола колониальных властей. Дюпюи полностью вошел в среду сонгаев, женившись на африканке, он променял Францию на свою новую родину. Там он умер, там и похоронен. Работам Дюпюи мы обязаны сохранением замечательного сонгайского фольклора и описанием быта, ремесел его жителей.

В настоящее время Томбукту поражает всякого своим застывшим величием. Громадные мечети его с минаретами в виде четырехугольных башен, дома так называемой суданской архитектуры стоят так же, как и много веков назад. Основную часть его населения составляют сонгаи — народ, издавна населявший долину р. Нигер. Превосходные земледельцы, сонгаи живут в деревнях по берегам реки. В городе немало арабов и туарегов. Туареги и теперь сохраняют свой национальный костюм. Мужчины носят покрывала, закрывающие лицо до самых глаз. На голове тюрбан, широкая рубаха до колен, на ногах шаровары. Туарег всегда опоясан мечом, на левом предплечье кинжал, а в руках копье. С этим оружием туарег никогда не расстается. Впервые мне пришлось убедиться в этом, когда в Гундаме нужно было пересаживаться на небольшой самолет местного сообщения. В числе пассажиров был один туарег. Его копье доставило много хлопот экипажу, потому что оно по своей длине не умещалось в кабине и его пришлось положить на пол, открыв дверь в кабину пилота. Туареги по-прежнему остаются воинственными и недоверчивыми. В конце 1963 г. племена туарегов подняли восстание в северо-западных районах Республики Мали. Причиной восстания было нежелание их отказаться от права собирать дань с оседлого населения, как они это делали в течение веков.

* * *

По старинным представлениям сонгаев, земля — это большая плоская тарелка вроде той, плетеной, на которой провеивают зерно. Земля делится на населенные людьми деревни — «койра» и необитаемые заросли, пустыни, т. е. «гандьи». «Койра» — это безопасность, культурная жизнь, «гандьи» — область страха, где человека подстерегают опасности. Там господствуют звери, там бродят туареги, которых недаром называют «сургу», т. е. гиенами. Кроме того, там обитают злые духи:

«гандьи би», «гандьи кваре» и «хауса гандьи», т. е. духи дикой земли — белые, черные и хауса.

В этом противопоставлении земли освоенной и населенной земле дикой, необработанной отражается мировоззрение африканцев вообще, а не только сонгаев. Сходные представления мы находим и у многих народов бассейна р. Конго в Восточной Африке. Однако у сонгаев Томбукту это противопоставление имеет особый характер. Для них «койра» — это прежде всего их собственный город, а вся остальная страна — «гандьи», подобно тому как у римлян Урбс — это прежде всего Рим, а все остальное — его окружение («Урби ет орби» — в этом выразилось самосознание римлянина, гордого величием своего города). «Римляне всех, кто не живет в Риме, называют иностранцами (форестиери), хотя бы они обитали только в десяти милях от города», — писал Н. В. Гоголь в середине прошлого века.

Жители Томбукту имеют основание гордиться своим городом, его памятниками, его культурой, его славой. До сих пор здесь сохраняются старинные традиции, восходящие к XV—XVI вв., когда Томбукту был центром мусульманской культуры, столицей государства сонгаев. Исторические хроники Судана рассказывают, что, когда в Томбукту прибыл один мусульманский ученый из Каира или Багдада, рассчитывая удивить местных ученых своими знаниями, он был посрамлен своими здешними коллегами.

¹ Эта статья — текст лекции, прочитанной Д. А. Ольдерогге 12 апреля 1965 г. в Географическом обществе СССР. При ее подготовке автор использовал материалы, собранные во время экспедиций в Сенегал и Мали в 1961 и 1963—1964 гг. К тексту приложены фотографии трех главных мечетей Томбукту, их планы, костюмы тузагров, виды города, выписки из «Дневника путешествия» Рене Кайе в Томбукту. Кроме того, в архиве Д. А. Ольдерогге хранятся дневники, отчеты экспедиции, письма. Особый интерес представляют записи текстов на языках сонгаи, бамбара, фуль и томашек. Записи, составленные с помощью известных знатоков языка бамбара Мамаду Фадиалла Кейта, бывшего посла Республики Мали в Советском Союзе, и крупного общественного деятеля и ученого Амаду Ампате Ба, представляют интерес еще и тем, что содержат много сведений, хранящихся лишь в устной традиции народа. Сонгайские тексты, выполненные с помощью Камиля Туре, также изобилуют фольклорными материалами. В кабинете отдела Африки Института этнографии АН СССР в Ленинграде хранятся, помимо того, магнитофонные записи на этих языках.

Д. А. Ольдерогге воспринимал африканистику как науку комплексную, не отделяя преподавание языков от изучения культуры. Поэтому в его личном архиве содержатся такие интересные материалы, как записи сказаний, словари, тексты, зарисовки планов домов, края одежды, земледельческих орудий, дневниковые записи изобилуют материалами по разным аспектам культуры народа. Архив ученого, собиравшийся в течение пяти десятилетий, а также научная библиотека доступны для работы исследователей.

² Первые сведения о Томбукту содержатся в работах средневековых арабских путешественников и географов: у Ибн-Баттуты, Льва Африканского и др. В «Суданских хрониках» русские переводчик и редактор придерживаются написания Томбукту. В книге «Лев Африканский. Африка — третья часть света» (Л., 1983) переводчик дает следующие написания: Томбутто, Тобутто, Там-

буту и Томбукту. В современной литературе наиболее часто встречается последний вариант.

³ В рукописи: «в которой я побывал три года тому назад»; дата, введенная при публикации, точнее указывает время поездки.

⁴ «Наконец,— писал Р. Кайе,— мы благополучно достигли Томбукту, когда солнце коснулось горизонта. Я увидел столицу Судана, которая была целью всех моих желаний. Входя в этот таинственный город, город, который привлекал к себе внимание цивилизованных наций Европы, я был охвачен невыразимым чувством удовлетворения. Я никогда не испытывал такого волнения, и моя радость была безгранична... Когда я пришел в себя, я нашел, что зрелище, которое предстало перед моими глазами, не соответствовало моим ожиданиям. Я имел прежде совсем иное представление о величине и богатстве этого города. Он на первый взгляд состоял из множества глинобитных домов, плохо построенных, и со всех сторон его окружали безграничные равнины песков желто-белого цвета необычайной сухости. Небо на горизонте бледно-красное, вся природа печальна, повсюду царит безмолвие. Не слышно пения птиц. И в то же время есть что-то величественное в этом городе, возведенном среди песков, и можно восхищаться усилиями его создателей. Я думаю, что прежде река протекала у города, но теперь она отошла на 8 миль и находится у Кабары.

Утром я решил пройти к городу, чтобы познакомиться с ним. Он оказался противу моих ожиданий ни большим, ни населенным. Торговля его значительно меньше, чем о ней молва. Здесь нет, как в Дженне, чужеземцев, пришедших из разных стран Судана. На улицах Томбукту я встретил только верблюдов, пришедших из Кабары, груженных товарами, привезенными по реке. Несколько небольших групп жителей, сидевших на земле на циновках и ведущих разговор, много мавров, спящих у дверей в тени. Словом, все было полно большой печали. Я был поражен бездеятельностью, я бы сказал даже инертностью, царящей в городе. Несколько продавцов орехов кола кричали, продавая их. Около четырех часов, когда жара спала, я видел вышедших на прогулку негров-купцов, очень хорошо одетых, верхом на богато украшенных прекрасных конях. Осторожность не позволяет им удаляться от города из-за опасности встретиться с туарегами... Улицы в Томбукту чистые и достаточно широкие, так что по ним могут проехать три всадника в ряд. В самом городе и около него много соломенных хижин, почти круглой формы. В них живут бедняки и рабы, продающие товары по поручению своих хозяев. Жители Томбукту изысканно чистоплотны, как в своей одежде, так и в жилище» [5, с. 355].

Л и т е р а т у р а

1. *Куббель Л. Е.* Путь в Томбукту. Рассказ о путешествиях Александра Гордона Лэнга по внутренним областям Африки. М., 1971.
2. Суданские хроники. М., 1984.
3. *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1963.
4. *Barth H.* Reisen und Entdeckungen in Nord- und Central-Afrika in den Jahren 1849 bis 1855. Gotha, 1858.
5. *Caillié R.* Journal d'un voyage. T. III. P., 1830.
6. *Lenz Oskar.* Timbuktu. Reise durch Marokko, die Sahara und den Sudan. Bd. 2. Lpz., 1884.
7. *Mauny R.* Notes d'archéologie sur Tombouctou.— Bulletin de l'Institut français d'Afrique Noire. 1952, t. XIV, № 3.
8. *Seck A.* Dakar — Les Cahiers d'Outre-Mer. 1961, № 56.
9. *Villien-Rossi M.-L.* Bamako. Capitale du Mali.— Les Cahiers d'Outre-Mer. 1963, № 64.

О. Г. Герасимов

ПО ДОРОГАМ ВЕЛИКОЙ ПУСТЫНИ

Свою работу в Географическом обществе СССР я начинал с доброго благословения Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. В 1971 г., накануне поездки в Южный Йемен, я получил у него подробную инструкцию о том, как собирать коллекции и этнографические сведения. Мне не довелось попасть в то время в Африку, объект специального интереса Д. А. Ольдерогге, но удалось передать некоторые предметы арабского быта в Ленинградское отделение Института этнографии АН СССР и содействовать организации смешанной советско-южнойеменской комплексной экспедиции. В Африке я оказался лишь в 1984 г., приехав на работу в Ливию. И здесь в числе первых дел я постарался выполнить указания своего учителя. У меня перед глазами стояли русские путешественники, натуралисты и писатели, которые побывали в Африке, и я чувствовал себя в чем-то сопричастным нашим соотечественникам, вложившим много сил, энергии и доброты в изучение этого огромного континента. К числу таких людей я отношу и Дмитрия Алексеевича Ольдерогге.

Время от времени у нас раздаются голоса, что можно прожить без истории. Это неверно и оскорбительно. Ощущение истории лежит глубоко внутри нас, поскольку образ жизни каждого общества, каждого человека определен традициями, зародившимися еще в далеком прошлом. К Африке это относится еще в большей степени, чем к какой-либо другой части света. Именно здесь история играла и играет очень важную роль, так как с ее помощью можно проникнуть в глубь времен и проследить истоки культуры и богатой цивилизации, за исключением, возможно, последних наслоений колониального периода. Вот почему мое желание посетить Гадамес было воспринято с большой заинтересованностью моими ливийскими друзьями. Ведь каждому человеку приятно внимание к истории и культуре его народа. В этом смысле ливийцы не были исключением, и вопреки утверждению об их суровости, нелюдимости и замкнутости

я встретил самое любезное отношение и стремление помочь в организации непростой даже по нынешним нормам — поездки в Гадамес.

Мы выехали из Триполи в Гадамес ранним февральским утром. Наш первый отрезок пути протекает через поселок Азизию к г. Гарьян и далее вдоль южных отрогов горной цепи Джебель Нефуса до г. Налут, расположенного на высоте 700 м над уровнем моря. Невысокие склоны этого хребта, сложенные известняковыми породами, перемежаются с небольшими долинами, засаженными зерновыми культурами, оливковыми и фруктовыми деревьями. Зеленъ отдельных, как часовые стоящих кипарисов резко контрастирует с красной отдыхающей землей и голыми плодовыми деревьями.

За Гарьяном мы съехали с обочины и остановились у невысоких сосенок. Пока мои спутники готовили нехитрый завтрак, я пошел бродить по переполанному полю, вдоль невысоких обрывистых скал, вперив взгляд под ноги в надежде найти что-то интересное. А эта надежда не была беспочвенной. Северная Африка, особенно те районы, по которым мы сейчас путешествуем, служила местом обитания человека еще в глубокой древности.

В 1954 г. итальянский археолог П. Грациози, изучив краткий путеводитель, составленный немецким путешественником Д. Рольфом, трижды посетившим Ливию начиная с 1865 г., открыл в 80 км на юго-запад от г. Мизда семь гротов с наскальными гравюрами и в 1971 г. опубликовал в Риме результаты своих исследований. Наиболее интересен древнейший период этой доисторической галереи. Здесь в натуральную величину изображены быки, страусы и многочисленные фигуры женщин. Последний сюжет определенно связан с культом плодородия и типичен для древнейшего периода наскальных рисунков. По мнению П. Грациози, изображения быков с выгнутыми вперед рогами в ливийских гротах близки по стилю и технике к изображениям быков в гротах Италии и юго-запада Франции на Средиземноморском побережье, датируемым самым концом палеолита. Любопытно отметить, что в пустыне Гоби советско-монгольская экспедиция в 60-х годах открыла палеолитическую живопись в пещере Хойт-Цэнкер, где изображены страусы, напоминающие ливийские рисунки. Хотя П. Грациози воздерживается от окончательных утверждений о времени появления первых наскальных гравюр в районе Мизда, бесспорно, что они являются одними из древнейших среди известных сейчас петроглифов Африки и, возможно, вскрывают еще одну сторону древних контактов трех континентов [2, с. 388].

В I тысячелетии до н. э. финикийцы, обитатели восточного Средиземноморья, начали колонизацию Северной Африки, основывая на побережье свои торговые фактории и поселения. Жившие в глубинных районах племена занимались земледелием и скотоводством, и появление ловких торговцев, имевших вы-

ход за море, было воспринято без особой враждебности, тем более что финикийцы вели в основном посредническую торговлю и не вмешивались во внутренние дела племен. Пришельцы вначале не интересовались глубинными районами и так мало знали о коренных жителях, что верили в фантастические сведения о происхождении нумидийцев и ливийцев, как они называли местных жителей, от персов, мидян и армян. В конце I тысячелетия до н. э. финикийцы основали на побережье в 120 км от нынешнего Триполи г. Лептис, жители которого поддерживали устойчивые дружественные отношения с местным населением. Именно от Лептиса, который получил впоследствии приставку «Магна», т. е. «Великий», в отличие от Малого Лептиса в Тунисе, шли караванные тропы в глубь страны как раз через те районы, где мы путешествуем. Одна дорога вела прямо на юг на г. Мурзук в глубине Сахары — нынешнюю столицу исторической провинции Феццан, вторая — на юго-запад на г. Мизда, лежащий на южной границе Римской Африки, и третья — круто на юго-запад до Гадамеса.

В сборнике «*Libya antiqua*» приводится короткая справка по истории Гадамеса:

«— Корнелий Бальб завоевал Гадамес. Известно, что этот римский полководец прошел в 19 г. до н. э. через Гадамес в Феццан и захватил Джерму, столицу гарамантов;

— II в. Гадамес обеспечивает связь с морем и поставку керамики. Некрополь в пределах города уже используется;

— Септимий Север (193—211). III легион стоял в Гадамесе. Римский император был родом из Магна-Лептиса и оказывал особые знаки внимания Северной Африке;

— IV—V вв. Расцвет цивилизации Гадамеса. Богатые люди города строят монументальные склепы;

— VI в. При Юстиниане Гадамес уже связан с римлянами договором; принимает христианство».

Продолжая рассуждения историков, можно предположить, что Гадамес представлял собой небольшое государство, которое поддерживало связи с Римом и странами Средиземноморья. Это нашло свое выражение в подписании соответствующих соглашений. Только во время оккупации III легиона Гадамес был несвободен, а во все остальные времена пользовался свободой. Это подтверждается археологическим и этнографическим материалом, внимательно собранным французским ученым Р. Ланфри, относительно существования князей Гадамеса [4, с. 90—91].

Раскопки в Феццане и Гадамесе дали обильные находки предметов торговли — гончарные изделия, стекло, лампы, монеты, — которые свидетельствуют о широком развитии этой торговли и о существовании уже в те времена торговых путей, ведущих с побережья через Сахару в Черную Африку.

А вдруг повезет и мне? Вот в красной земле я нахожу один круглый каменный шар величиной с голубиное яйцо, который вполне мог быть древним снарядом для пращи, и несколько

острых кремневых осколков, которые могли быть наконечниками стрел. Мне хочется в это верить. Ведь г. Мизда, где обнаружены наскальные рисунки неолитической пастушьей культуры, находится всего в 70 км от нашей стоянки.

После Налута мы спускаемся с отрогов гор и едем прямо на юго-запад к Гадамесу, вдоль высохших русел — «вади». В период больших дождей вади и их окрестности наполняются водой и приносят большие разрушения постройкам, не рассчитанным на такие атмосферные осадки. В начале марта 1988 г. наши газеты сообщили о большом наводнении в Алжирской Сахаре. Стихийное бедствие обрушилось на южные районы страны. Сахарский город Таманрассет и его окрестности оказались буквально затоплены водой в результате сильного ливня, который не утихал в течение почти 30 часов подряд. В городе частично было парализовано движение автотранспорта. Два человека погибли, многие получили ранения, а более 300 семей были эвакуированы из домов, оказавшихся под угрозой затопления.

Вади Джирджир, Зузам, Шаршув и др., находящиеся в этом районе Сахары, служат также и караванными тропами, а редкие деревья, растущие в них, дают приют людям и скудный корм утомленным верблюдам.

Дорога заметно идет вниз. Ведь Налут расположен на высоте 700 м, а поселок Синаван, в который мы въезжаем, имеет отметку 31 м над уровнем моря.

Вокруг раскинулась плоская, усыпанная щебенкой и галькой пустыня, которая называется у арабов «хаммада», а у туарегов — «тасили». Мы как раз находимся в западной части Красной Хаммады («Хаммада Хамра») и сейчас забираем все круче к западу, к Гадамесу.

Сахара по праву называется Великой пустыней, и уважение, которое она внушает коренным жителям, вполне оправданно. Ее площадь чуть меньше площади Европы, и на таком огромном пространстве Сахара, естественно, не может быть однообразной. Кроме щебнистых плато «хаммада», которые занимают вместе со скалами половину площади Сахары, здесь есть и «серир» — пространства, усыпанные окатанной галькой и песком, «себка», или «шебка», — сильно расчлененные плато с засоленными глинистыми отложениями, превращающиеся во время дождя в топкие болота, и «эрг» — большие участки, покрытые дюнами. В Аравии дюны передвигаются на 30—80 м в год. В Сахаре таких «резвых» дюн нет. Более того, ученые полагают, что большие дюны в ядре своем сложены твердыми породами и образованы, как и вади, в более влажный период.

На обочине старой, еще построенной итальянцами дороги я замечаю завалившийся дорожный столб — серый отшлифованный кусок гранита высотой в метр, похожий на ствол мортиры. На нем надпись: «Гадамес — 183 км; Триполи — 400 км». Дорога проходит по невысокому холму и сбегает вниз, туда,

где раскинулась унылая, серая, усыпанная щебенкой пустыня. На горизонте чуть различимы несколько пасущихся верблюдов и человек. За несколько километров отсюда в разреженном пустынном воздухе, под солнцем на фоне голубого неба они мне представляются кузнечиками и муравьем, затерявшимися на огромных пространствах. Как все-таки малы и ничтожны на фоне Сахары живые существа!

Все эти географические тонкости приходят мне в голову под мерное гудение автомобиля, с каждой минутой приближающего меня к цели путешествия. Еще несколько километров по отличной новой дороге, и мы упираемся в шлагбаум на развилке дорог: одна ведет в Гадамес, а другая — в Алжир, граница с которым проходит неподалеку отсюда.

Покрутив немного по улицам, мы упираемся в одноэтажное красное здание гостиницы, построенное в традиционном для пустыни архитектурном стиле. По углам возвышаются ступенчатые башенки; стены, двери и окна украшены растительным орнаментом и геометрическими фигурами. Здание прилегает к стене старого города и, видимо, специально строилось в этом месте, за городской стеной. Уже потом от директора гостиницы мы узнаем, что гостиница — бывший дворец итальянского маршала Бальбо, а гостиничные номера — бывшие комнаты отдыха для его гостей, которых сюда доставляли на самолете. Затерявшийся в Сахаре Гадамес не был обойден вниманием европейских колонизаторов.

4 марта 1915 г. в 64 км от Гадамеса, близ нынешней границы с Тунисом, в местечке, называемом «Баб», т. е. «Врата», произошло сражение между 250 всадниками из племен туарегов, мукараха, зинтан и авляд Махмуд под командованием Хадж Ахмеда и Махди Кифо и итальянским отрядом, насчитывавшим 1300 солдат. Итальянский отряд двигался в сторону Гадамеса. Узнав о приближении ливийцев, итальянцы окопались в районе колодца Умджазам и в течение трех дней отбивались от осаждавших их патриотов. Узнав о приближении подмоги итальянцам с юга, из города Гат, ливийцы решили взять приступом укрепления итальянцев. Была одержана победа, и итальянцы бежали в сторону нынешнего Туниса, бросая оружие и раненых. Племена зинтан и авляд Махмуд проживают к северо-востоку от Гадамеса, однако вместе с туарегами они вели борьбу против итальянских захватчиков. Это ли не доказательство общности исторической судьбы, интересов и целей ливийского народа, который объединил в себе различные племена!

На туристической карте, изданной в Триполи, на месте г. Гадамес нарисован человек с треугольным щитом и копьем, в синей просторной рубахе и белой чалме, закрывающей также нижнюю часть лица. Именно такими представляют себе туарегов, этих рыцарей пустыни, искусных караванщиков и торговцев. Об их происхождении продолжают спорить ученые, хотя

общие черты все же можно определить. В древности все жители Северной Африки, кроме Египта, назывались ливийцами. Ливийские племена постепенно смешались с финикийцами, которые осваивали побережье Средиземного моря, вовлекались в экономическую жизнь, принимали участие в военных действиях Карфагена и других финикийских городов. К V в. до н. э. этот конгломерат племен и народов стал более монолитным, причем господствующим в этой группе ливофиникийцев, как их называли древние греческие и римские авторы, был все-таки ливийский элемент. Потомки ливофиникийцев получили впоследствии название берберов. Ко времени арабского завоевания (VII в.) берберское население делилось на две группы — берберы зената, занимавшиеся скотоводством в пустынных районах, и берберы сан-хаджа, занимавшиеся земледелием. Арабы впоследствии ассимилировались с местными жителями и в результате такого смешения образовалось единое по своей культуре и языку арабо-берберское население. В этом людском море только в отдельных оазисах Сахары сохранились убывающие, как шагреневая кожа, островки чистого берберского населения.

Кочевники-туареги тоже считаются берберами, но они отличаются от берберов Большого Атласа или других районов Северной Африки. Знать туарегов Сахары очень строго ограждала чистоту своей крови, и, несмотря на их географическую близость к Черной Африке, они практически сумели избежать примеси негроидной расы. Туареги-кочевники высокие, до 174 см ростом, с длинными ногами и руками, удлинёнными лицами, узкими носами, светло-коричневой кожей, и лишь у тех, у кого присутствует негроидная кровь, кожа имеет темно-коричневый оттенок.

Я перебираю в памяти эти сведения о происхождении туарегов, готовясь к встрече с мэром Гадамеса. Мы сидим на открытой веранде бывшего дворца маршала Бальбо и зябко кутаемся в демисезонные пальто. В Гадамесе климат континентальный, и после захода солнца становится не просто свежо, а холодно. Недаром на каждую койку в гостинице нам положили по два одеяла. Мэр города оказался сорокалетним мужчиной, одетым в современный костюм, уверенно объясняющимся на французском языке. Он учился в г. Себха во французской школе, а затем продолжил образование во Франции. Он туарег, и ему, естественно, дорога история и культура этого народа.

«Гадамес основан более 5 тыс. лет назад,— говорит мэр.— О его древности свидетельствуют результаты раскопок на территории города, где ученые нашли стоянку древнего человека, следы пребывания греков и римлян. Город всегда жил караванной торговлей — взгляните на карту, где он расположен,— и сельским хозяйством. Недаром у нас говорят: у города Гадамес пригород Томбукту».

Томбукту находится в 2 тыс. км отсюда, в республике Мали,

на берегу р. Нигер. Именно туда караванщики Гадамеса во-
дили через Сахару свои караваны и, как я потом узнал, имели
там своих родственников, жен, детей и торговых агентов. По-
этому житель Гадамеса нередко ни разу не бывал в Триполи,
или на побережье, но несколько раз в своей жизни посещал
Томбукту или другие караванные станции Сахары.

«Вода у нас залегает неглубоко. Есть колодцы глубиной до
12 м,— продолжает мэр.— Другой водоносный слой расположен
на глубине 350—450 м. Но самая лучшая и обильная вода из
водоносного слоя Кикла, названного по имени городка недале-
ко от Ифрена. С глубины 980—1000 м вода идет под большим
напором».

Мэр сетует на то, что караваны сейчас уже не ходят и город
стал постепенно умирать. Туареги, которые были проводника-
ми, знали караванные тропы, колодцы, несли охрану, стали без-
работными. Колодцы, разбросанные в пустыне через каждые
30—40 км — дневной переход верблюда — разрушаются, зано-
сятся песком и илом, хотя разведение верблюдов именно в этом
районе продолжает вызывать интерес у жителей. Стоит пройти
небольшому дождю, и хаммада покрывается зеленой травой —
сюда везут на автомашинах овец, коз и верблюдов даже из
района залива Большой Сирт.

Прямо за стеной гостиницы находится источник Айн аль-
Фрас, главный и единственный в прошлом источник питьевой
воды и орошения. Его суточный дебит делился на 121 равную
часть, которая именовалась «тинка». Весь дебит распределялся
между пятью потребителями, но в разных пропорциях. Пять ка-
налов отводили воду на участки, где выращивались клевер на
корм скоту, овощи только для местного потребления. Меня по-
разила неравномерность распределения воды, которая сложи-
лась в древности, и сейчас никто даже не может вспомнить,
когда и как это случилось. Так, в канал Таску подавалась
81 тинка, в канал Тарт — 29, в Тинкабиш — 7, в Тиндифран —
3 и в последний, Тинханаун, — 1 тинка.

Клаус Полькен, немецкий журналист, в книге «В плену Са-
хары» приводит легенду об открытии источника в Гадамесе:
«Когда-то, утверждают в Гадамесе, здесь обитало могучее ко-
чевое племя, возглавляемое вождем Нимродом. Однажды слу-
чилось так, что член этого племени заблудился в пустыне. Пос-
ле нескольких дней скитаний он, обессилив, рухнул на землю.
Мысль о неизбежной гибели неотступно преследовала его. Вдруг
его преданная верблюдица ударила копытом по пустынной зем-
ле, и в тот же миг из недр земли забила струя прохладной,
прозрачной воды. Пустыня тут же покрылась изумрудно-зеле-
ным ковром, из земли поднялись пальмы. Источник же полу-
чил название „Айн аль-Фрас“ — „Верблюжий источник“» [3,
с. 199].

Клаус Полькен пересказал один из вариантов легенды, ко-
торую слышал каждый, кто побывал когда-либо в Гадамесе.

Здесь, правда, есть несколько фактических неточностей, которые, однако, не умаляют красоты этого рассказа. Так, например, скорее всего бедуин был на лошади, а не на верблюде, так как верблюд не имеет копыт — у него мягкая подошва, позволяющая передвигаться по пескам, и само название «Айн аль-Фрас» переводится как «Источник всадника», т. е. «фариса», который может быть только на лошади. Вызывает сомнение и имя вождя могучего кочевого племени в Северной Африке — Нимрод. Ведь Нимрод — правнук библейского Ноя, получивший в гл. 10 Первой книги Моисея лестную аттестацию «сильного зверолова пред Господом». По другому преданию, Гадамес был основан еще Авраамом, будто бы не нашедшим нигде в мире лучшего места. Скорее всего эти легенды общесемитского происхождения были занесены арабами в Северную Африку. Ведь древний Сидамус, как называли его римляне, пал под ударами арабского полководца Амра бен аль-Анса во второй половине VII в.

Кстати, о происхождении нынешнего названия города нет единого мнения. Одни считают, что оно образовано от слова «кадами», где арабский корень «кадама» — прибывать, приходить. Другие производят его от латинских слов «ридамус» или «сидамус», а некоторые произносят «Сейид Амус», т. е. господин Амус. По одной из легенд, современное название «Гадамес» происходит от двух арабских слов: «гада» — обедать и «амс» — вчера. Говорят, что когда-то в прошлом караванщики устроились у источника обедать, затем собрали пожитки и тронулись в путь. И только на второй день обнаружили, что они потеряли большое блюдо. Стали думать-гадать и решили, что оставили его у источника Айн аль-Фрас, где они «вчера обедали», т. е. «гада амс». Посланный к источнику всадник действительно нашел потерянное блюдо.

Издалека кажется, что Гадамес спрятался в пальмовой роще. Здесь произрастает 35 сортов фиников. На крохотных участках, обнесенных глинобитными дувалами, всегда растет несколько пальм, орошаемых из этого источника. Пальмы утилизуются полностью. Ствол пальмы, называемый «саннур», распиливается на доски и используется для перекрытия в домах. Пальмовые ветви, называемые «джарида», идут на крышу, которая затем засыпается влажной землей. Из пальмовых листьев делается разная хозяйственная утварь: тарелки, крышки для тарелок, туески и др.

Сегодня в Ливии два Гадамеса: один старый, с темными переулками и кварталами, названными по имени населявших их больших семей, и новый город, построенный после революции 1969 г. за стеной старого. В старом городе, обнесенном двумя рядами оборонительных стен, сложенных из саманного кирпича, было 1400 домов. Первая, наружная, стена имела четверо ворот, вторая, внутренняя, — шестнадцать. Жители Гадамеса гордились, что в старом городе было 12 коранических школ,

которые по ливийской традиции называются «завия», т. е. обитель, и 11 мечетей.

Получив порцию информации о старом Гадамесе, мы начинаем его осмотр. Пустой, без единого жителя, с домами, закрытыми на замки и засовы, он производит гнетущее впечатление, хотя кое-кто и пытается представить его музеем под открытым небом. Некоторые стены и крыши обвалились. Однако темные улицы и переулки, которые образуют непонятный для нас лабиринт, не производят впечатления запущенного города, который не убирается. Наш гид объясняет, что жители, перебравшиеся в новый Гадамес, заходят в свои старые дома, которые остаются их собственностью, и продолжают по мере сил поддерживать их в жилом состоянии. В старом городе играют свадьбы, проходят похороны, отмечаются религиозные праздники.

Дома в старом городе сложены из саманного кирпича, называемого «туб». Кирпичи бывают разного размера, чаще всего $25 \times 40 \times 80$ см, и изготавливаются из земли с примесью соломы. В летний период кирпичи сохнут 15 дней и после этого считаются готовыми к употреблению. Наш гид утверждал, что на строительство обычного двухэтажного дома в старом Гадамесе шло около 25 тыс. кирпичей, около 800 погонных метров пальмовых балок, 10 тыс. пальмовых веток, 10 дверей и другого оборудования, что обходилось хозяину в 3 тыс. дин. Строительство каждого дома, несмотря на артельный метод и помощь соплеменников, называемую «рагата», продолжалось 7—8 лет. Однако дома старого города, сделанные из такого материала, постепенно разрушаются. Уже есть немало брошенных домов, хозяева которых либо уехали в поисках работы в другие места, либо стали немощны для такой тяжелой работы. И вот местные власти создали Комитет друзей старого города, в который вошли молодые интеллигенты и учащиеся начальных и средних школ. Цель Комитета — сохранить город, тем более что он объявлен ЮНЕСКО культурным достоянием всего человечества. На разработку проекта спасения старого Гадамеса было израсходовано 230 тыс. долл. В 1986 г., когда я там оказался, никаких работ не велось, и местные жители в основном уповали на Комитет друзей старого города.

Видимо, не случаен сегодня интерес к прошлому своего народа, его истории и культуре, особенно со стороны молодежи, желающей сохранить память о прошлом для себя и будущих поколений. Это явление характерно для всех стран и народов. И было чрезвычайно приятно познакомиться с бойскаутами, которые на одно из первых мест в своей работе выносят сохранение самобытной культуры древнего Гадамеса. В информационном листке, изготовленном 10 октября 1985 г. по случаю открытия Дома бойскаутов в Гадамесе, говорилось, что обряды местного населения по радостным и грустным поводам, религиозным праздникам и другим событиям не имеют аналогов

и древнее самого города. Далее приводились такие примеры: в Гадамесе поется 640 различных по словам и мелодиям песен, причем эти песни сопровождают человека на всем протяжении его жизни, ибо связаны с его трудом и бытом. Свадьба в Гадамесе продолжается 15 дней, и каждый день исполняются разные песни. Более того, каждая семья в городе имеет свою песню, которая исполняется на гадамесском диалекте. «Наше обширное культурное наследие пережило века и сохранилось до сегодняшних дней», — заканчивает автор. И невольно хочется продолжить: неужели мы не сможем сохранить для потомков то, что получили от своих предков? Ведь в этом весь смысл. В этом, если хотите, историческая миссия молодежи.

Наш гид Ахмед Касем Дави подарил мне карту старого Гадамеса, которую он помог сделать шведской экспедиции, посетившей эти места в 1961—1962 гг. На карте город разделен на семь кварталов. Стержнем каждого квартала является улица — «шара», от которой отходят переулки — «зенга». Три квартала — таску, дарар и мазиг — относятся к берберскому роду бен валид, другие четыре квартала — тафарфара, джарсан, авляд абу лейль и тангазин — к роду бен вазит. Члены обоих родов считаются коренными жителями Гадамеса, говорят на гадамесском диалекте берберского языка, хотя здесь в ходу также арабский язык, местный туарегский диалект — ифигаз и язык хауса. На одной из карт, сделанных шведской экспедицией, от Гадамеса в сторону Туниса прочерчена дорога, по обе стороны которой разбросаны черные квадраты домиков. На карте указано, что это район туарегов. Видимо, караванщики, которые прибывали в город с товарами, оставляли здесь своих верблюдов. В сам Гадамес, обнесенный стенами, с узкими темными улицами и закоулками, верблюдов с поклажей, конечно, пройти не мог.

Три квартала, принадлежащие роду бен валид, расположены компактно в северной части старого города и отделены от остальных двумя мечетями, одна из которых — мечеть Юнеса (построена в IX в.), при ней имеются оригинальные кабинеты для омовения. Из рассуждений гида я понял, что самая уважаемая семья — таску, хотя бы потому, что из 121 доли воды из источника ей передавалась 81, т. е. $\frac{2}{3}$. Квартал таску, состоящий из 24 переулков и тупиков, стал объектом налета французской авиации 16 сентября 1942 г. Именно к этому кварталу прилегало здание итальянского консульства и резиденция маршала Бальбо, о чем французам было хорошо известно. В результате бомбежки было разрушено 400 домов и убито 43 человека из числа жителей Гадамеса, но никто из итальянцев не пострадал.

Мы идем по темным переходам улиц семи кварталов, выходим на площади, которые были центром сбора всех членов одной большой семьи. Некоторые семьи, например тангазин, имеют две площади. Владения этой семьи начинаются сразу за мече-

тями и в одном месте смыкаются с владениями таску. В старом городе есть и небольшой рынок: вокруг квадратной площади расположились лавки, которые сегодня закрыты ветхими ставнями. На одной из улиц рядом с рынком гид показывает углубление в стене и большой крюк над головой, вбитый в толстое пальмовое бревно. На крюк подвешивали весы вроде нашего безмена, а в нише ставились весы, которые считались эталонными. На больших весах взвешивалась поклажа, а иногда даже золото, поскольку в Гадамесе оно доставлялось в огромных количествах. Этим делом занимался амин аз-захаб, т. е. секретарь по торговле золотом, который отвечал за сохранность и точность «золотых весов».

Вообще наш гид утверждает, что многие торговые термины и понятия выдумали жители Гадамеса, во всяком случае такие, как паспорт, виза, часы, почта, «свободный рынок», т. е. без пошлин и налогового обложения, весы и многое другое. Трудно установить, кто первый ввел в практику эти понятия. По-видимому, будет правильно сказать, что караванщики Гадамеса были хорошими торговцами и использовали все достижения своего времени для ее организации. Достаточно отметить, что финикийцы после основания Карфагена на территории нынешнего города Тунис в начале IX в. до н. э. подписали с жителями Гадамеса торговый договор, признав тем самым его значение как перевалочного пункта транссахарской торговли. Для облегчения расчетов была введена специальная десятичная система, изобретение которой приписывается Гадамесу, входящая к счету на пальцах. «Один», «два», «три», «четыре» — изображались вертикальными палочками, «пять» — вертикальным полукружием, а «десять» — кружком. «Пятьдесят» изображалось значком, похожим на нашу двойку, сотня — на нашу шестерку, тысяча — на восьмерку и т. д.

На север от старого города построен совершенно новый город с кварталами домов, сложенных из кирпича, но с сохранением норм и традиций архитектуры Гадамеса. По углам домов возвышаются конусообразные башенки, охрой нанесены геометрические и растительные орнаменты. У каждого дома стоит автомашина.

Мэр города откровенно гордится успехами. Если раньше во время дождей улицы старого города, да и его пригородных кварталов, на месте которых вырос новый город, превращались в болота с красной жижей, то сейчас этого уже не случается. В новом городе дороги асфальтированы, а их общая протяженность — 750 км. Уже построено 800 домов. Каждый житель может получить ссуду для индивидуального строительства или встать на очередь и дожидаться получения одного из новых домов, которые строятся иностранной компанией. В 1985 г. старый город, который насчитывал 1400 домов, был освобожден полностью. Это значит, что 1400 семей, как минимум, переселились в новые дома.

Жители Гадамеса справедливо гордятся новой больницей на 80 коек. Небольшое уютное одноэтажное здание оборудовано самым современным медицинским оборудованием и приборами западногерманского производства. Такая больница, в которой, кстати, работают польские врачи, могла бы украсить любой европейский город.

Многое сделано и для молодежи. Построен новый Центр бойскаутов, который имеется в виду использовать для приема делегаций бойскаутов или аналогичных организаций из других стран. Я был удивлен, когда мне сказали, что в Гадамесе еще до антимонархической революции 1969 г. были смешанные школы, где учились мальчики и девочки. Это факт, безусловно, примечательный и свидетельствует о том, что женщина здесь, в пустыне Сахара, имела больше прав, чем на побережье. Сейчас в Гадамесе нет неграмотных даже среди взрослых. Все шестилетние ребята — мальчики и девочки — ходят в школу. Работает медицинское училище, где учится около двадцати девочек на медицинских сестер. Они же, получив специальное образование, работают в административном аппарате, в школах, в магазинах.

Строительство нового города обошлось правительству сравнительно недорого, так как он расположен компактно, что дало экономию при сооружении системы коммуникаций, водопровода и канализации. «Мы работаем в пустыне, но мы — городские жители, — подчеркнул мэр. — Поэтому, сколько бы мы ни бродили с караванами по пустыне, мы возвращаемся домой, в Гадамес, который не должен умереть».

«Вопрос о трудоустройстве у нас стоит очень остро, — заканчивает мэр. — Караванов нет, сельское хозяйство развивается слабо из-за недостатка хороших земель, транспортные расходы велики, так как приходится издалека возить сырье, оборудование и налаживать производство. Но что-то делать надо. Мы не хотим, чтобы город умирал».

И вот мои друзья излагают планы создания в Гадамесе туристического центра. Для этого нужна хорошая гостиница. Дорога есть, первая очередь аэродрома построена, и на нем могут приземляться современные реактивные самолеты.

По совету местного начальства мы идем осматривать новый туристический центр, расположенный в одноэтажном доме. Большинство лавок пустуют, только в двух работают сапожники и в одной — мастер по серебряным украшениям. Внимание к сапожному делу не случайно: ведь город Гадамес иногда называют даже сейчас «Мадинат аль-джулуд» — «Город кожи», а среди проектов развития есть планы создания кожевенной фабрики. Однако мастера Гадамеса делают особенную обувь, только ту, которую надевает невеста в день свадьбы и затем прячет ее в глубь сундука, с тем чтобы когда-то полюбоваться ею и вспомнить это торжество.

В лавке на стульчике сидит древний дед с большой седой

бородой. В воздухе чувствуется сильный запах эвкалипта. На примусе стоит большая жестяная банка из-под порошкового молока, в которой лежат чуть прикрытые желтой водой листья этого растения. Наши предположения о каких-то оригинальных обрядах, связанных с воскурением благовоний, разбиваются о суровую действительность: дед простужен и просто лечится. Банка с эвкалиптом на примусе действует как ингалятор.

На небольшой полке стоят башмаки, изготовленные ремесленником. Вот «бальга» — туфли, сплошь расшитые красными и зелеными нитями, с металлическими заклепками. Задник у них загнут внутрь и прибит гвоздем: можно ходить без задника или, вырвав гвоздь, надеть как обычные полуботинки. Бальга надевают и мужчины и женщины. В таком же художественном исполнении, сплошь расшитые желтыми, красными и зелеными нитями, делаются и женские сапоги высотой до икр и со шнуровкой впереди. Эти сапоги, называемые «саббат», невеста надевает в день свадьбы, и некоторые девушки даже сегодня отказываются выходить замуж, если родители не купят ей таких сапог. Правда, иногда отец девушки, да и она сама, прикоснувшись к современной цивилизации, пренебрегают этим древним обычаем, но тут в дело вступает мать и нередко вопреки воле мужа заставляет дочь купить сапоги и надеть их на свадьбу. По-видимому, эта деталь туалета невесты имеет какой-то смысл, скорее всего символизирует будущее семейное счастье и благополучие. Интересно отметить, что эти сапоги не только пользуются спросом у невест Гадамеса, но и покупаются женщинами Налута, города, расположенного на восточных отрогах Джебель Нефуса, в 320 км от Гадамеса. Причина должна быть очень веской: ведь эти сапоги, которые по нынешним ценам стоят дорого, надеваются только раз в жизни, да в них практически и нельзя ходить.

Мастер охотно рассказывает о своем производстве. Вот «гальб» — колодка. Заготовки дома расшивают женщины, и затем он уже в зависимости от размера делает бальга, саббат или «таллик», как называются в Гадамесе шлепанцы. Все делается на заказ и сразу забирается. Среди его немногочисленных изделий я вижу несколько расшитых кошельков, называемых «сальфа». Тут только я замечаю, что инструмент у мастера архисовременный: японский сапожный нож с подстройкой длины лезвия, набор английских иголок для шитья по коже, западногерманский клей, — и даже газовый примус, на котором кипит банка с эвкалиптом, сделан в Южной Корее. И все эти предметы, сработанные на современных предприятиях в тысячах километров отсюда, служат старому ремесленнику в затерянном в Сахаре городке для того, чтобы изготовить расшитые сапоги для невесты, которые будут надеты всего один раз! Это ли не доказательство живучести древних обычаев, смысл которых ускользает от большинства из нас за суетой и ритмом современной жизни.

Наш следующий визит — в двухэтажный дом старого города, прямо за городской стеной, который хозяин показывает туристам. Все остальные дома закрыты, и туда не принято водить посторонних. Что касается этого дома, то он, можно сказать, уже стал туристическим объектом. Как и все дома, он сделан из саманного кирпича, стены обмазаны глиной и разрисованы типичным сахарским орнаментом. Через низкую входную дверь попадаем в темную прихожую, откуда ведут двери в кладовые для зерна, утвари и, видимо, скота. Внутренние помещения и лестница на второй этаж побелены известью, называемой «милус».

Центральной частью дома является гостиная, в которую попадаешь сразу с лестницы. В потолок лестницы на всем протяжении двух пролетов вкраплены разноцветные осколки фаянсовой посуды. Дверей нет, и в дверном проеме на уровне человеческого роста справа сделано углубление, где стоит горшок, называемый «бухур», для воскурения благовоний, а с другой — масляный светильник, называемый «энар». Воскуряют, как правило, изготавливаемые в Гадамесе по местному рецепту благовония, называемые «уд гумари». Словом «уд» в арабских странах называют сандаловое дерево, и, по-видимому, оно и лежит в основе этого воскуряемого вещества. Расположение светильника и горшка для благовоний глубоко символично — они должны не допускать злых духов, которые могут попытаться проникнуть в дом: ведь благовония отгоняют дьявола и питают богов, обитающих, по древнесемитским представлениям, на небесах. Огонь и свет всегда считались очищающей субстанцией во всех религиях.

Потолок в гостиной очень высокий, в два этажа. Перекрытие сделано из пальмовых досок и лап. Под потолком треугольные и квадратные отверстия служат для вентиляции и освещения, так как окон или других источников света в комнате нет. Все стены гостиной увешаны небольшими, диаметром 15—20 см, медными тарелками, называемыми «таманаст». Раз в год в мусульманский праздник — день рождения пророка Мухаммеда — эти тарелки снимаются и начищаются до блеска. Наш гид объяснил, что тарелки служат как бы отражателями света, дающего из отверстий под потолком. Этим же целям, по словам гида, служат несколько больших зеркал в багетовых рамах и многочисленные их осколки, вмазанные в стены на лестнице и в гостиной. Последнее объяснение мне кажется несколько упрощенным. Дело в том, что зеркало в представлении многих народов, восходящих к примитивным религиям, в том числе и русского, может отражать только сущее, телесное, и любой оборотень или злой дух, принявший человеческий образ, не имеет зеркального отражения, а следовательно, будет сразу разоблачен. По представлению туарегов и жителей Гадамеса, пустыня населена добрыми и злыми духами, и недаром на каждом перевале или трудном переходе они ставят доброму духу камень,

чтобы он не забыл их своими милостями. Ну, а если злой дух проник в город, в дом? Как его можно разоблачить! Только посредством зеркала, в котором он не отражается. Возможно, мое заключение несколько поспешно, но зеркала были важными предметами торговли, которые развозили по пустыне туареги и караванщики из Гадамеса.

В правом углу гостиной выделена крошечная комнатка размером два на два метра, вся застеленная тюфяками и коврами. Над ней сделан небольшой свод в виде купола, и поэтому она так и называется — «кубба» (купол). Вход в нее открытый, без дверей, украшен орнаментом. Это место первой брачной ночи, куда после свадьбы попадают жених и невеста. Здесь же женщина после смерти мужа сидит в траурных одеждах, как нам сказали, 4 месяца 10 дней.

Под одной крышей с гостиной находится кладовая с наиболее ценным имуществом. Вот верблюжье деревянное седло, называемое по-туарегски «тарик», что значит «дорога», небольшой глиняный горшок, именуемый «акус», а по-арабски «кадах» — кстати, есть в арабских странах такая мера сыпучих веществ. Поскольку жизнь города связана с караванной торговлей, то здесь много элементов верблюжьей сбруи, названия которых мне говорит хозяин по-туарегски: «тагант» — повод узды для верблюда, сделанный из простой кожи, «тигунен» — повод той же узды, но богато украшенный кистями из цветной кожи. Вот бурдюк для воды — «таживерт» и переметная сума для верблюда — «агрудж», вот туарегские тапочки с ремешком, охватывающим большой палец, на широкой подошве, называемые «игатеман». Тут же и нехитрые кухонные принадлежности: сито с кожаным дном — «гурбан», деревянная ложка — «тсукальт», конусообразная крышка, плетенная из пальмовых листьев, — «тавалилт», которой прикрывают еду на тарелках, чтобы она не пылилась и не остывала. Последнее — уже городское изобретение и к кочевникам отношения не имеет.

Среди кухонной утвари вдруг замечаю кинжал, называемый «тейлак». Еще в музее в Триполи я видел несколько кинжалов туарегов, по форме отличающихся от общепринятых клинков, видимо, из-за того, что туареги носят это оружие несколько необычно. Маленькие кинжалы прикрепляются к левой руке выше локтя, на бицепс. Более крупные кинжалы вкладываются в левую ладонь рукояткой таким образом, что лезвие идет вдоль руки, до подмышки. У больших кинжалов туарегов металлическая планка, разделяющая обычно клинок и рукоятку, делается на наружном конце рукоятки. Именно за эту планку туарег выхватывает свой кинжал из левого рукава. На всех картинах туарегов изображают в просторных плащах, со щитом и большим копьем. Ведь в широких плащах можно спрятать сколько угодно холодного оружия.

Последний объект в доме — «ажурер», т. е. кухня, сделанная в виде пристройки на крыше дома. Кухня топится дровами и

кизяком по-черному, и сверху сделаны отверстия, через которые выходит едкий дым. Очаг представляет собой продолговатую скамью из глины, прижатую к наружной стене, с четырьмя разновеликими отверстиями для горшков. Каждый горшок — «кыдр» — по размеру соответствует отверстию, называемому «мансаб». Может быть, это случайно, но «мансаб» по-арабски переводится как «чин», «должность».

Больше всего меня поразили орнаменты, которыми разрисованы внутренние стены домов. В традиционной культуре жителей Гадамеса, истоки которой теряются в глубине тысячелетий и которая впитала в себя представления кочевников, жителей оазисов Сахары, в том числе и туарегов, арабов и других народов, символы всегда играли огромную роль в повседневной жизни. Они призваны оберегать от злых духов и, наоборот, поощрять добрых на добрые дела, способствовать сохранению здоровья, давать удачу в торговле, охоте и бранных походах. Вот орнамент в виде солнца с загнутыми по ходу часовой стрелки семью лучами. Это символ вечного движения, вечной жизни, причем число «семь» тоже несет в себе большой смысл, который восходит еще к религиозным представлениям древних жителей Месопотамии. Да и у нас семерка — не простое число. Вспомните — «семь раз отмерь, один раз отрежь», «у семи нянек дитя без глазу» или «семь верст до небес».

Не только сами геометрические и растительные орнаменты, но и краска, которой они сделаны, видимо, несут в себе определенный смысл. Вот большой, вытянутый острием вверх, неправильной формы ромб, разбитый еще на четыре ромба. Два ромба — верхний и нижний — выкрашены в зеленый цвет, два остальных по бокам — в желтый. От верхней точки отходит вертикально одна толстая линия, которая заканчивается рогулькой. Две другие идут в стороны и перечеркнуты короткими поперечными линиями. Не знаю, как Вам, но мне представляется, что автор изобразил что-то похожее на огород или сад, где зелень символизирует жизнь, траву, воду, а желтый цвет — пустыню. Не случайно именно от зеленого поля идут вертикальная линия и две боковые, что вполне может изображать пальму и ее листья — самое большое и полезное дерево в пустыне.

Другой орнамент не менее интересен. Он представляет собой квадрат, перечеркнутый крест-накрест широкой, закрашенной охрой полосой. И только в верхнем треугольнике поставлены две яркие синие точки. Думаю, здесь символика вполне ясная. Изображены, вероятно, два источника или колодца и пересекающиеся в пустыне караванные тропы.

В конце прошлого века в Гадамесе побывал наш соотечественник врач А. В. Елисеев, который был очарован «полумифическим», «первым городом настоящей Сахары». Даже при относительно оживленном движении караванов его поездка была все-таки смелым предприятием. В то время Гадамес посе-

тило всего несколько европейцев, но старый караванщик Ибн-Салах, узнавший, что А. В. Елисеев принадлежит к уважаемому даже в пустыне сословию врачей, взялся организовать эту поездку, имея в виду использовать его медицинские познания для лечения своей семьи. Надо думать, что А. В. Елисеев знал, на что он идет. В 1881 г. туареги уничтожили миссию Флаттерса, трех миссионеров и одного путешественника по имени Дюшере. Но А. В. Елисееву было также известно, что полковник Флаттерс, имевший сотни верблюдов и десятки хорошо вооруженных людей, с точки зрения туарегов, посягал на их свободу и независимость, поэтому его участь была заранее предпрешена.

Мне на память приходит описание Гадамеса, сделанное А. В. Елисеевым, очень тонко подметившим особенность этого города: «Представьте себе массу зданий небольших, построенных из глины и сырца и сливающихся между собой почти в одну сплошную массу, перерезанную лишь немногими открытыми улицами и маленькими площадями, разделяющими не отдельные ряды домов, а целые кварталы. В этих последних уже нет даже тех кривых и тесных улиц, которые так характерны для всех городов Востока, а лишь одни темные коридоры, перерезывающие во всех направлениях тесно слившуюся между собой массу домов Гадамеса. Эти коридоры вовсе не похожи на крытые сводчатые улочки многих городов Востока, все-таки освещаемые дневным светом; это скорее ходы подземных галерей, в которых ходят с фонарем даже в течение дня. Немногие отверстия вроде шахт, сделанные в толще сводов этих туннелей, пропускают слишком мало дневного света в глубину улиц Гадамеса, которые предназначены почти исключительно для пользования мужчин. Прекрасная половина населения Гадамеса в противоположность мужчинам, обреченным ходить во мраке подземных галерей, имеет постоянное пребывание на террасах своих домов, правда отгороженных небольшими стенами, но вместе с тем соединенных между собой так, что образуется обширная площадь, тянущаяся над всем подземным Гадамесом. Эту поверхность террас можно сравнить с верхним доком корабля, предназначенным для пользования пассажиров высшего класса, тогда как подземные галереи, пересекающие также весь город,—с трюмными помещениями для непривилегированных пассажиров. Старый мудир очень остроумно назвал всю площадь террасы, образующую настоящие улицы, переулки и целые кварталы, верхним или женским Гадамесом в противоположность нижнему — мужскому.

В туннели подземного города позволяется, впрочем, спустаться не только рабьям, имеющим право пользоваться ими наравне с мужчинами, но и свободным женщинам в исключительных случаях» [1, с. 227].

Наше пребывание в Гадамесе закончилось на высокой ноте: мы получили приглашение на свадьбу и на концерт местного

ансамбля, который побывал в Москве в 1985 г. и принимал участие в вечерах советско-ливийской дружбы.

Свадьба, как и во всех мусульманских странах, раздельная. Мы попадаем в отгороженное от улицы палаткой место, застеленное коврами. В центре горит костер, и его неровные всполохи освещают сидящих вокруг туарегов в широких, цвета индиго плащах и белых чалмах, называемых «лисам исанджад». Все сидят молча, как большие куклы, и смотрят на огонь, который поддерживает молодой парень, подбрасывающий смолистые сучья пустынных кустарников. Нас угощают сладким чаем в маленьких стопках с пенной шапкой. Из беседы с соседом, лица которого я не вижу, узнаю, что невесте четырнадцать лет, жениху — двадцать один. Невеста находится с женщинами в небольшой палатке, поставленной прямо перед новым домом в сотне метров отсюда. А жених — «где-то здесь». Мой собеседник приоткрывает у подбородка свой белый платок и подносит ко рту стопку чая.

Насчет этого платка и обычая туарегов закрывать лицо существует несколько объяснений, причем почти каждый европеец, встретившись с туарегом, непременно задает вопрос, почему мужчины закрывают лицо, а их женщины нет, хотя и являются мусульманками. Самое распространенное объяснение связано с тем, что туарег закрывает лицо от пыльной бури, которая нередко случается во время долгих переходов по пустыне. Затем он, мол, так привыкает к своей белой чалме, что перестает ее снимать даже дома, хотя во время еды ему приходится проделывать неудобную операцию и подносить ко рту пищу и чай снизу, приоткрывая чуть-чуть свой белый платок. В самом Гадамесе мне объясняли, что мужчины начинают носить такую белую, а в некоторых случаях голубую чалму с пятнадцатилетнего возраста, после праздника, который устраивают его родители. В этом возрасте мальчик уже становится мужчиной и может принимать участие в войне, жениться и водить караваны. Если это объяснение соответствует действительности, то чалма надевается именно после обряда инициации, которым многие африканские народы отмечают совершеннолетие. Если у мальчиков это событие приходится на 15 лет, то вполне вероятно, что у девочек оно происходит на год раньше, в 14 лет — именно столько лет невесте на нашей свадьбе.

Отвечая на вопрос, мой собеседник говорит, что в прошлом он сам ходил с караванами в Томбукту и Кано (на севере современной Нигерии). По его словам, до Кано караван делает 90 дневных переходов, называемых «мархаля», причем каждая мархаля равна 30 км, примерно столько, сколько может пройти груженный верблюд. До Томбукту караван делает более 90 переходов, причем и в первом и во втором случаях караванщики могут два-три дня отдыхать у колодца. Уже в гостинице я посмотрел на карту, нашел Томбукту и Кано. По прямой линии от Гадамеса до Кано 2100 км, до Томбукту — 1800 км. Но ведь

караваны не ходят по прямой, и поэтому не случайно дорога у них занимает более трех месяцев в один конец.

Караваны бывают разные — от 25 до 1000 верблюдов. Есть специальная порода грузовых верблюдов, которые поднимают до 200 кг груза. Но больше всего ценятся беговые верблюды, которые называются махрийцами — по имени провинции Махра в Южном Йемене, где их специально разводят. Правда, сейчас беговых верблюдов разводят и в Сахаре, но они по традиции называются махрийцами, ибо все-таки в родословной каждого бегового верблюда обязательно должен присутствовать махриец. Сейчас один верблюд стоит 400 ливийских дин., но махриец — дороже. Верблюд для кочевника — не только средство передвижения. Это друг, напарник, с которым можно поговорить во время продолжительных переходов, спеть ему песню. Верблюд ценою своей жизни может в пустыне спасти умирающего от жажды человека. Рассказы о глотке крови из шейной артерии верблюда или воде из его внутренностей положены в основу многих устных рассказов и легенд.

Оформление брака у туарегов не отличается от этой процедуры у других мусульман. При свидетелях и чтении Корана заключается брачный контракт. От имени девушки его подписывает ее поручитель — вакиль, которым может быть отец, старший брат или дядя.

Вечером, накануне нашего отъезда, в гостевом доме был устроен концерт местного самодеятельного ансамбля. Музыканты сидели в углу, закутанные в свободные плащи туарегов и другие одежды, которые символизировали единство всех племен и народов. Вот синий плащ «суб», или «ткамис», шерстяная накидка с капюшоном «бурнуса», длинная, до пят, рубаша «галабия» и белое одеяло «джарт». Музыканты поют и подыгрывают на бубнах, барабанах и местной однострунной скрипке, называемой «имзад». Перед ними танцуют четверо юношей, у одного узкие, как у монголоида, глаза, но кучерявые волосы негроида. Один солист в широкой расшитой рубаше идет по кругу, припадая на одну ногу, затем подпрыгивает и начинает кружиться волчком.

Меня поражают не столько танцы — в них есть и африканские и арабские элементы, — сколько наряд исполнителя — квадратная рубаша с прорезью для головы, в которую он ловко влез прямо у нас на глазах. Слева на рубаше две длинные, почти до подola, сходящие на нет полосы, вышитые синими нитками. Левее от этих двух полос вышит квадрат, разбитый на девять маленьких квадратов, из которых семь затянуты зеленоватой гладью шелковых ниток. Под квадратом что-то похожее на изображение елки, и внизу, на уровне окончания полос, изображен трехлистник нашего клевера. На правой стороне — два круга, причем второй в центре разделен на четыре сегмента, три из которых тоже вышиты гладью. Что означает весь этот набор орнаментов, вышитых голубыми и зеленоватыми нитками,

узнать не удалось, хотя у меня нет сомнений, что все это имеет свой глубокий смысл.

Концерт в полном разгаре. Входят и уходят зрители, барабанщики колотят руками по своим инструментам, солист до изнеможения крутится на одной ноге вокруг своей оси в развевающейся рубахе.

Завтра мы уезжаем, и мэр Гадамеса, сказав несколько подходящих к случаю любезных слов, дарит мне вышитые башмаки с приколоченными задниками и огромную «сахарскую розу». Этим словом в Северной Африке называют кристаллы гипса, которые находят в песке, где под влиянием воды и последующего испарения они приобретают различные, похожие на бутоны или раскрывшиеся цветы формы. Я видел в Тунисе, на берегу гавани, где был расположен древний Карфаген, гору этих маленьких розочек, разложенных для продажи туристам. В Ливии собирать такие сахарские розы запрещается, и поэтому я был несказанно рад этому подарку. Наш неизменный гид по Гадамесу семидесятипятилетний Ахмед Кесем решил также доставить нам удовольствие, заметив, что эта роза привезена из района Абалесса и вырыта недалеко от могилы умершей в IV в. королевы туарегов по имени Тин-Хинан, потомками которой они себя считают.

Л и т е р а т у р а

1. *Елисеев А. В.* По белу свету. СПб., 1896.
2. Наука и человечество. М., 1973.
3. *Полькен К.* В плену у Сахары. М., 1973.
4. *Libya antiqua.* Vol. 13—14. Tripoli, 1976—1977.

О.-М. М. Клаасен

Г. Р. НИЛЭНДЕР — ПЕРВЫЙ ЭСТОНСКИЙ АФРИКАНИСТ

До XIX столетия выходцы из Эстонии посещали Африку крайне редко. Современный исследователь Ю. Пюви высказал предположение, что жители побережья и островов Эстонии могли принимать участие еще в экспедиции курляндского герцога Якоба в Гамбию в 1651 г. [22], но оно до сего времени остается лишь гипотезой. Несколько лет спустя, во второй половине 50-х годов XVII в., короткое время служил на Золотом берегу в качестве коменданта Шведской колонии один из воспитанников Тартуского университета — И. Ф. фон Крузенштерн [10, с. 308, 309]. В 1745—1748 гг. в Алжире находился уроженец Таллинна К. Ноттбек [26, с. 197]. Но все эти контакты с Африкой были эпизодическими и не оставили заметного следа в исторических анналах Эстонии. Более широкий характер связи Эстонии с Африкой приобрели в XIX в., особенно благодаря научной и практической деятельности Г. Р. Нилэндера.

Имя Густава Рейнгольда Нилэндера, который с 1808 по 1825 г. жил в Сьерра-Леоне, сейчас мало известно даже на его родине, в Эстонии. Из его обширного литературного наследия на эстонском языке опубликован лишь небольшой отрывок из дневника (см. [14, 11.09.1960]). Впервые имя Г. Р. Нилэндера появилось в списках эстонских миссионеров в 1903 г. [15, с. 8]. В то же время оно хорошо было известно в западных протестантских церковных кругах [12, с. 91; 21, с. 62, 129], а в истории культуры Сьерра-Леоне сохраняется и поныне [23]. В лице Г. Р. Нилэндера мы имеем дело с одним из основоположников европейской африканистики, исследователем языков и культур народов этого континента, человеком, который много сделал для установления контактов между африканской и европейской цивилизациями.

Откуда он родом — неизвестно. Эстонские источники утверждают, что он родился или в Лифляндии, или в Эстляндии [15, с. 8; 16, с. 6]. Сам он сообщал англиканскому Обществу церковной миссии, что он родом «из Ревеля в Лифляндии, в Польше» [3]. Видимо, под этим следует понимать, что он родился в Таллинне, который на немецкий лад называли Ревелем и где в конце XVIII столетия проживало много Нилэндеров [4, ф. 1864, оп. 2, ед. хр. V—I—20], а в дальнейшем судьба приве-

ла его в Лифляндию, а оттуда — в Польшу. Точно неизвестна также дата его рождения. В 1806 г., по его словам, ему было 30 лет [3]. Таким образом, он мог родиться примерно в 1776 г. В немногочисленных сохранившихся таллиннских церковных метриках дата его рождения не зафиксирована [5, ф. 31, оп. 1, ед. хр. 32; ф. 237, оп. 1, ед. хр. 24].

В возрасте 27 лет Г. Р. Нилэндер поступил в школу пастора Енике в Берлине, основанную в 1800 г. [24, с. 303]. Окончив ее в 1805 г., Г. Р. Нилэндер, как и многие другие ее воспитанники, поступил на службу в англиканское Общество церковной миссии (в 1799—1812 гг. называлось Обществом церковной миссии для Африки и Востока). Девять месяцев он пополнял свои знания в Англии. 15 мая 1806 г. был направлен в Сьерра-Леоне. Эта страна стала первым местом действия Общества церковной миссии в Африке.

Путь Г. Р. Нилэндера и его двух сокурсников — Л. Бутчера и И. Г. Прассе — из Ливерпуля в Западную Африку был полон приключений и длился более полугода. Пришлось пережить бури, кораблекрушения и вынужденные промежуточные остановки [13, 1839, т. 2, с. 210—213]. Наконец, живые и здоровые, они прибыли в Сьерра-Леоне, получившему свое название («Нагорье львицы»), как известно, еще в XV в. от португальца Педро де Синтра [9, с. 53]. Английские квакеры выбрали это побережье в 1787 г. для колонии освобожденных рабов-негров и основали здесь поселение Фритаун [1, с. 170; 2, с. 170]. До 1808 г. колония была частной собственностью Общества церковной миссии Сьерра-Леоне, затем перешла под контроль правительства Великобритании.

В жизни и деятельности Г. Р. Нилэндера в Сьерра-Леоне можно выделить три периода. В первые годы (1806—1812) он служил капелланом прихода во Фритауне, сменив на этой должности своего товарища по школе М. Реннера, прибывшего в Сьерра-Леоне в 1804 г. Одновременно ему пришлось быть учителем. Он стал основателем первой регулярно работающей школы во Фритауне [13, 1851, т. 2, с. 29], которая на первых порах насчитывала около 50 учеников. Так началась деятельность Г. Р. Нилэндера в Африке, продолжавшаяся 19 лет.

Лишившись вскоре своей первой жены, которая не выдержала здешнего нездорового климата, Г. Р. Нилэндер стал подумывать об отъезде из Фритауна. Его внимание привлек народ булом, живший на другом берегу залива и считавший себя старейшим в мире [13, 1817, т. 2, с. 547]. В мае 1809 г. Г. Р. Нилэндер нанес визит вождю буломов Джорджу, резиденция которого находилась в небольшой, с населением примерно 150—200 человек, деревне Йонгру. Вождь, будучи уже знаком с миссионерами, принял его очень радушно и предложил ему взяться за обучение местных детей [13, 1851, т. 2, с. 120].

Получив согласие от Общества церковной миссии, Г. Р. Нилэндер осенью 1812 г. переселился на землю буломов. Назва-

ние земли — Булом, или Булм, или Болм, — означало «низменность» [7, с. 375; 9, с. 63]. Поблизости от резиденции вождя, в красивом месте на берегу моря, представитель английского правительства купил небольшой земельный участок, который стали называть Малым Йонгру (Йонгру Помо). Здесь была построена для Г. Р. Нилэндера с семьей (он вновь женился) бамбуковая хижина с глиняным полом, где он поселился и вскоре занялся своей школьной работой, поначалу с привезенными из Фритауна двумя мальчиками и двумя девочками из племени конго. Так начался в жизни Г. Р. Нилэндера самый значительный и плодотворный период — работа на земле буломов (1812—1818) [13, 1817, т. 2, с. 552—553; 13, 1851, т. 3, с. 121].

Поначалу Г. Р. Нилэндеру пришлось больше учиться самому, нежели учить других. Довольно быстро он сумел овладеть языком буломов, который, по мнению О. Даппера, «очень трудно изучить» [7, с. 381]. Ему помогало местное население, в том числе его ученики, число которых с одиннадцати (весной 1813 г.) возросло до пятидесяти к весне 1816 г. [13, 1817, т. 2, с. 534]. Знание местного языка считалось существенной предпосылкой в миссионерской работе. Однако в большинстве случаев миссионеры связывали это лишь с практической необходимостью общения при распространении христианской веры. Г. Р. Нилэндер пошел дальше. В хорошем знании языка буломов он видел возможность дать детям образование на родном языке, лучше познакомить их с элементами европейской культуры. С другой стороны, знание языка буломов предоставляло ему возможность глубже проникнуть в этнографию, мифологию и фольклор народа, познакомить европейцев с его самобытной культурой.

В результате усердной работы он вскоре закончил рукопись «Грамматика и словарь языка булом» [18], а затем «Учебник правописания языка булом с диалогом и упражнениями из Священного писания» [17]; за ними последовали «Доброе слово» [19] и «Избранные части литургии» [20]. Рукописи он отправил в Лондон, где они были напечатаны.

Особенно высоко следует оценить «Грамматику и словарь языка булом». До ее появления существовал только созданный в конце XVIII столетия работавшим во Фритауне английским врачом Т. Уинтерботтомом небольшой, из 465 слов и выражений, словарь англо-булом-темна [27, с. 358—382].

Изданная же Нилэндером «Грамматика и словарь» представляла собой обширное лингвистическое исследование, выполненное на материале языка булом впервые. Книга эта объемом 159 страниц состояла из двух основных частей: грамматики и словаря. Грамматика, в свою очередь, делилась на три части: «Буквы и их возможности», «Части речи» и «Синтаксис». Подбор материала, его объем и выработанная автором система позволяют утверждать, что работа Г. Р. Нилэндера была об-

стоятельной. Без сомнения, ему помогло знание многих древних и новых европейских языков (немецкого, английского, латинского, греческого), а также восточных (иврита, арабского) [24, с. 311]. Интересна синтаксическая часть грамматики, которая была основана Г. Р. Нилэндером на примерах живого языка. В этой части он представил три письма и басни: «Слон и коза», «Хамелеон, обезьяна и изготовитель арака» и «Гусеница и черепаха» — все на языках булом и английском.

После выхода своей книги Г. Р. Нилэндер подарил один экземпляр молодому булomu, помогавшему ему в изучении языка. Когда тот прочел письма и басни своим соплеменникам, те никак не могли поверить, что все прочитанное «жило в книге», и явились к Г. Р. Нилэндеру, чтобы это проверить [13, 1851, т. 3, с. 130]. В результате авторитет ученого у местных жителей значительно возрос.

В заключительном разделе грамматики Г. Р. Нилэндер поместил 129 фраз на языке булом вместе с английским переводом, а также мужские и женские имена и наименования месяцев. Затем следовал список деревень Булома, в который были занесены и правители с их титулами (бэй, нен, па), а также приблизительное число жителей. Примечательно, что у буломов кроме обычных деревень было еще и два «города рабов», а также что в одной деревне правителем была женщина [18, с. 72—73].

Второй раздел книги состоял из буломско-английского и английско-буломского словарей. В первый Г. Р. Нилэндер поместил 1048 слов на языке булом и 26 различных изречений с их английским переводом. Во второй части были даны на буломском языке соответствия 1112 английским словам и изречениям. В некоторых случаях Г. Р. Нилэндер счел нужным дать словам более подробные разъяснения, например системе титулов буломской аристократии [18, с. 100, 118, 153—154], понятиям, связанным с обычаями и верованиями буломов [18, с. 81, 105, 110].

«Грамматика и словарь языка булом» была первым исследованием буломской лингвистики. Она составила ценный вклад не только в историю и культуру народов Сьерра-Леоне, но и в африканистику в целом.

Названный труд совместно со значительно меньшим по объему «Учебником правописания языка булом» (16 страниц без диалога и упражнений по Священному писанию) позволили Г. Р. Нилэндеру начать обучение детей буломов на их родном языке. В своем дневнике он записал режим дня в школе: подъем — с восходом солнца; в 7 часов — утренняя молитва; с 10 до 14 часов — занятия на английском языке (для дневной группы); после обеда — занятия на языке булом; с 18 до 20 — уроки для подростков, работающих днем в поле; в 20 — вечерняя молитва [13, 1817, т. 2, с. 553, 554].

Рабочий день Г. Р. Нилэндера был долгим и напряженным. В течение примерно полугода вести занятия на английском

языке ему помогал учитель И. Х. Шперрхаген, однако убийственный климат вскоре свел его в могилу. Позднее Г. Р. Нилэндеру удалось получить в помощники юношу с о-вов Платанов С. Каулкера. Однако основную нагрузку нес сам Г. Р. Нилэндер. Вызывает восхищение тот факт, что наряду с преподаванием в школе ему удалось еще находить время для исследовательской работы по лингвистике и фольклору, занятий этнографией и мифологией буломов, участия в проводившихся у короля палаверах (собраниях совета племен). Г. Р. Нилэндер собрал обширный материал о злом духе буломов — коло [13, 1818, т. 3, с. 495—498], который позднее использовал в своей «Малой миссионерской библиотеке» Г. Е. Буркхард [6, с. 32, 33]; всесторонне ознакомился с ролью талисмана (сибэй или григри) в повседневной жизни, переведя для европейского читателя арабский текст об одном из них [13, 1816, т. 5, с. 372—373]. Вообще основным предметом его занятий были верования буломов. Он стремился найти возможности и средства к освобождению буломов от суеверия и от оказывавшего на них сильное влияние ислама.

Вождь Джордж, сравнительно образованный человек, умудренный жизненным опытом (его возраст, как предполагал Нилэндер, был уже более 100 лет [13, 1851, т. 3, с. 133]), относился к ученому хорошо, покровительствовал его усилиям в распространении знаний среди буломов. По-видимому, он искал в англичанах определенный противовес как возрастающей экспансии темне, так и монополистическому положению исповедовавших ислам торговцев мандинго. Своей популярностью Г. Р. Нилэндер был в определенной степени обязан Джорджу. В Йонгру Помо приезжали учиться даже с далекого острова Шербро. Большинство учащихся были дети правителей и состоятельных торговцев.

Однако в работе школы возникли проблемы, когда Г. Р. Нилэндер попытался реализовать директиву руководства Общества церковной миссии — обучить детей наряду с обычными предметами также практическому земледелию на базе европейской агротехнической науки. При школе начали выращивать рис, кофе, хлопчатник. Урожай двух первых культур вывозился из страны уже в 1817 г. [11, с. 99]. Сразу стали распространяться слухи, что Г. Р. Нилэндер использует обучение детей как ширму для личного обогащения. Чтобы рассеять эти слухи, Г. Р. Нилэндер распределил земельные участки между детьми, и каждый становился обладателем выращенного им урожая [13, 1851, т. 3, с. 131, 132].

Весной 1816 г. в Сьерра-Леоне прибыл ревизор Общества церковной миссии Э. Бикерстет. Г. Р. Нилэндер сопровождал его в этой поездке, продолжавшейся почти два месяца. Они посетили Каппору, Бассию, Ганоф, Брамию и другие миссионерские участки. Ученый получил, таким образом, возможность ознакомиться со многими новыми для себя местами, увидеть пло-

ды трудов своих коллег, в качестве ветерана подать совет более молодым из них. Последним местом визита Э. Бикерстета было Йонгру Помо, где он провел почти две недели и вместе с Г. Р. Нилэндером принял 4 мая 1816 г. участие в большом палавере в резиденции вождя [13, 1817, т. 2, с. 522—534].

Ревизор Общества церковной миссии был удовлетворен работой Г. Р. Нилэндера, но отнюдь не его жилищными условиями. Он посоветовал построить добротный дощатый дом с непромокаемой крышей. Возник вопрос и о строительстве молельни. До сих пор вождь Джордж, несмотря на всю свою предупредительность, был стойким противником распространения христианства среди буломов, хотя и испытывал интерес к Библии на арабском языке, которую Г. Р. Нилэндер ему подарил [27, с. 115]. Но когда речь зашла о строительстве молельни, Джордж заявил, что, мол, у буломов нет времени ходить в церковь, а кроме того, они не знают английского языка [13, 1851, т. 2, с. 124].

В 1816 г. вышли в свет еще две книги религиозного содержания, составленные Г. Р. Нилэндером на буломском языке [19; 20]. К этому времени его знание языка булом настолько возросло, что он уже мог произносить на нем проповеди. В конце концов вождь уступил, и 19 февраля 1817 г. Г. Р. Нилэндер произнес свою первую проповедь нескольким десяткам слушателей [13, 1820, т. 5, с. 295]. В том же году в Йонгру Помо была построена небольшая молельня [13, 1839, т. 2, с. 257].

Деятельность Г. Р. Нилэндера в качестве проповедника христианства у буломов оказалась непродолжительной и безуспешной. Вождь Джордж вскоре умер. Против Г. Р. Нилэндера объединились вожди буломов, видевшие в христианстве средство подрыва своего авторитета, рабовладельцы и торговцы, защищавшие свои пошатнувшиеся позиции, люди, исповедующие ислам, а также местные вероучители, стремившиеся сохранить традиционную религию. Напряжение быстро возросло, и в 1818 г. Г. Р. Нилэндер был вынужден покинуть Йонгру Помо [13, 1839, т. 2, с. 257].

Новым местом его деятельности стал городок Кисси неподалеку от Фритауна. В городке было приблизительно 1000 жителей, и их численность постоянно возрастала за счет притока освобожденных негров [13, 1826, т. 6, с. 9]. Здесь прошел третий период жизни Г. Р. Нилэндера в Сьерра-Леоне (1818—1825).

В этническом отношении Кисси был чрезвычайно неоднородным, однако жили здесь и буломы, для детей которых Г. Р. Нилэндер сразу организовал обучение. Но вскоре стали давать о себе знать усталость и нервное напряжение прошедших лет. Частые болезни, вызванные нездоровым климатом, подорвали его здоровье, ослабили работоспособность. Осенью 1821 г., когда в Сьерра-Леоне наступает период дождей, Г. Р. Нилэндер дошел до крайнего изнеможения [25, с. 73].

Все же жизнь в Кисси была легче, чем в Йонгру Помо. В 1818—1821 гг. хорошим помощником ему был С. Каулкер. После того как в 1821 г. С. Каулкер вернулся в свои родные места на о-ва Платанов (где, между прочим, продолжил перевод Библии на язык булом, начатый Г. Р. Нилэндером [13, 1851, т. 3, с. 154—156]), его заменила вдова миссионера Ф. Венцеля.

Очень тяжелым выдался 1823 год. За семь месяцев дождей церковная миссия в Сьерра-Леоне потеряла 12 человек, которые умерли от болезней [13, 1826, т. 6, с. 49]. Многие миссионерские станции и школы остались без персонала. Г. Р. Нилэндеру пришлось, оставив школу в Кисси почти полностью на своих помощников из числа африканцев, взять на себя еще и приход во Фритауне, где умерли оба священника. Большую помощь оказал ему прибывший в 1823 г. воспитанник Базельской миссионерской школы В. Метцгера [13, 1826, т. 6, с. 9—10].

Сам Г. Р. Нилэндер хотя и оправился от продолжавшейся 13 недель болезни в этом роковом году, но от поездки в отпуск в Европу отказался [13, 1851, т. 7, с. 118]. Он решил остаться в Сьерра-Леоне, невзирая на свое подорванное здоровье. Это стоило ему жизни. 23 мая 1825 г., будучи не в силах превозмочь очередной приступ болезни, он скончался и был похоронен в африканской земле. Там же были похоронены и первая и вторая его жены [3].

Таким образом, Густав Рейнхольд Нилэндер был не только первым эстонским африканистом, но и, очевидно, первым африканистом из нашей страны, проводившим исследования непосредственно на континенте. Кроме того, он, несомненно, является одним из первых в мире исследователей языка, этнографии и религии народа булом. Имя его должно остаться в истории нашей науки.

Л и т е р а т у р а

1. Бюттнер Т. История Африки с древнейших времен. М., 1981.
2. История Тропической Африки (с древнейших времен до 1800 г.). М., 1984.
3. Письмо помощника архивариуса Общества церковной миссии В. Фелса от 23 октября 1986 года (в архиве автора).
4. Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР.
5. Центральный государственный архив Таллинна.
6. Burkhardt G. E. Die evangelische Mission unter den Negeren in West-Afrika.— Kleine Missions-Bibliothek. Bd. II. Bielefeld—Leipzig, 1860.
7. Dapper O. Umbständliche und Eigentliche Beschreibung von Afrika. Amsterdam, 1670.
8. Deutschbaltisches biographisches Lexikon 1710—1960. Köln—Wien, 1970.
9. Ehrmann Th. Fr. Geschichte der merkwürdigsten Reisen welche seit dem zwölften Jahrhunderte zu Wasser und zu Land unternommen worden sind. Bd. VII. Frankfurt am Main, 1793.
10. Granlund V. En svensk koloni i Afrika eller svenska afrikanska kompaniets historia.— Historisk bibliothek. Bd. VI. Stockholm, 1879.
11. Geographisches Zeitung der Hartha. Zeitschrift für Erd-, Völker- und Staatenkunde. Stuttgart—Tübingen, 1828, September.

12. *Gundert H.* Die evangelische Mission: ihre Länder, Völker und Arbeiten. Calw—Stuttgart, 1903.
13. Magazin für die neueste Geschichte der protestantische Missions- und Bibelgesellschaften. Basel.
14. *Missioni-Leht.* Tallinn.
15. *Missioni-Lendleht.* Tallinn, 1903.
16. Missions-Flugblatt für die evang-lutherischen Gemeinden Liv-, Est- und Kurlands. Dorpat, 1911.
17. *Nyländer G. R.* A Spelling-book of the Bullom Language; with a Dialogue and Scripture Exercises. L., 1814.
18. *Nyländer G. R.* Grammar and Vocabulary of the Bullom Language. L., 1814.
19. *Nyländer G. R.* Selected Parts of Common Prayer. L., 1816.
20. *Nyländer G. R.* Lum keleng. L., 1816.
21. *Ostertag A.* Übersichtliche Geschichte der protestantischen Missionen von der Reformation bis zur Gegenwart. Stuttgart, 1858.
22. *Püvi J.* Eastlastest Aafrika avastajad ja uurijad.—Nõukogude Hiiumaa. 23.10.1982.
23. *Seddall H.* The Missionary History of Sierra Leone. L., 1974.
24. *Strümpfel P.* Johannes Jänicke.—Allgemeine Missions-Zeitschrift. Bd. XXVII. B., 1900.
25. *Strümpfel P.* Bernhard Jansen. Missionar in Sierra Leone 1816—1823.—Allgemeine Missions-Zeitschrift. Bd. XXX. Bbl. № 4, B., 1904.
26. *Tering A.* Album Academicum der Universität Dorpat (Tartu) 1632—1710. Tallinn, 1984.
27. *Warneck G.* Abriss einer Geschichte der protestantischen Missionen von der Reformation bis auf die Gegenwart. B., 1913.
28. *Winterbottom I.* Nachrichten von der Sierra Leona—Küste und ihren Bewohner.—Bibliothek der neuesten und wichtigsten Reisebeschreibungen zur Erweiterung der Erdkunde. Bd. XXIII. Weimar, 1805.

Ю. Д. Дмитриевский

КЛИМАТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АФРИКИ

Физико-географические (а часто и экономико-географические) монографии по Африке всегда содержат характеристику ее климата. Эта характеристика в лучшем варианте включает в себя анализ климатообразующих факторов, распределение по материку температуры и осадков, климатическое районирование. В экономико-географических работах иногда встречается самая общая хозяйственная оценка климата Африки и ее больших регионов. Характеристики климата Африки как природного ресурса нам встречать не приходилось. Между тем сегодня, когда развивается конструктивная география, «ресурсная» сторона природы, и в частности «ресурсный» аспект климата, приобретает особенно важное значение. При этом характеристика климатических ресурсов Африки не включает анализа тех флуктуаций климата (особенно южнее Сахары в Сахеле), которые неоднократно случались в последние годы, — это тема особого разговора.

В настоящей работе делается попытка в общих чертах охарактеризовать климатические ресурсы Африки: их формирование, особенности, величину, типологию, районирование.

Формирование климата и, следовательно, климатических ресурсов Африки происходит в связи с действием целого ряда климатообразующих факторов.

Широтное положение. Большая часть Африки расположена в приэкваториальных и тропических широтах. Только крайний север и крайний юг Африки лежат в субтропических широтах умеренного пояса: самая северная точка материка — м. Эль-Абьяд (Энгела) — $37^{\circ} 20'$ с. ш., самая южная — м. Игольный (Агульяш) — $34^{\circ} 52'$ ю. ш. Это обстоятельство вызывает по крайней мере следующие следствия:

- а) сильное нагревание и, следовательно, высокие температуры в течение всего года на большей части материка;
- б) господство тропического и экваториального воздуха;
- в) ограниченная роль полярного воздуха, проникающего только в субтропические районы Африки.

Положение Африки в Северном и Южном полушариях при том условии, что северная и южная окраины материка примерно равно удалены от экватора, влечет за собой повторение внут-

ри континента в разных полушариях аналогичных климатических ситуаций. При этом не исключается и симметричное расположение по отношению к экватору одинаковых климатических типов, климатических областей.

Горизонтальная расчлененность материка. Африка — очень компактный, массивный материк. На огромных пространствах его суша не расчленена какими-либо элементами моря. Поэтому здесь существуют прекрасные условия для формирования больших масс континентального воздуха, их передвижения на значительные расстояния без трансформации в морской. И наоборот, возможности трансформации в континентальный проникающего сюда морского воздуха очень велики.

Слабая горизонтальная расчлененность Африки, отсутствие чередования (как, например, в Европе) суши и моря создают условия для устойчивых циркуляционных систем. Возможности для образования циклонов здесь довольно ограничены.

Примыкающая суша. Северо-Восточная Африка находится под сильным влиянием расположенной по соседству Аравии, где формируется тропический континентальный воздух, который в определенные сезоны проникает на Африканский материк. При этом Красное море играет весьма небольшую роль в трансформации аравийского воздуха. Континентальный полярный воздух, формирующийся в некоторых районах Европы, принимает участие в образовании средиземноморских циклонов, которые оказывают определенное влияние и на Северную Африку.

Окружающие моря. Восточные берега материка омываются водами теплых течений. Южное экваториальное течение Индийского океана у берегов Африки отклоняется на юго-запад, образуя Мозамбикское, а затем Игольное течение. Северное экваториальное течение у п-ова Сомали отклоняется на северо-восток, направляясь к берегам Индостана. Воздушные массы, проходящие над этими течениями, насыщаются влагой, которую они несут на материк.

Зимой Северного полушария в связи с действием зимнего азиатского (индийского) муссона наблюдается движение воды от берегов Индии и Пакистана к экватору вдоль п-ова Сомали. Эта вода холоднее экваториальных вод — и сезонное течение, идущее от берегов Азии к берегам Африки, имеет скорее характер холодного с вытекающими отсюда климатическими следствиями.

Роль холодных течений особенно ярко выражена у западных берегов Африки, где действуют компенсационные Бенгельское (Бенгуэльское) и Канарское течения. Воздушные массы, проходящие над холодными течениями, охлаждаются, содержащаяся в них влага конденсируется уже над океаном, и на материк воздух приходит в значительной мере осушенным. Обычно он попадает на более теплый, чем окружающее море, материк, нагревается и удаляется от точки насыщения, не выделяя осадков.

Как отмечалось, роль Красного моря в формировании климатов Африки весьма скромна. Приходящие со стороны Аравии воздушные массы столь сухи, что сравнительно узкая «полоса» Красного моря мало насыщает их влагой, и ее хватает лишь на очень ограниченный прибрежный район.

В образовании циклонов значительно бóльшую роль играют атлантические воздушные массы, чем средиземноморские.

Рельеф. Бóльшая часть Африки представляет собой плато, внутри которого высоты меняются весьма плавно. Каких-нибудь крупных орографических барьеров внутри этого плато нет. Воздушные массы имеют возможность беспрепятственно проникать как с окружающих морей и периферии материка в его центр, так и наоборот. Поэтому и изменения в климате на Африканском континенте происходят постепенно.

Во многих случаях вдоль окраин материка располагаются краевые возвышенности, представляющие собой чаще всего приподнятый и рассеченный эрозией край плато. Эти возвышенности представляют собой орографические климатические барьеры, разные стороны которых обладают различными условиями увлажнения. Морские воздушные массы, встречая на своем пути такой барьер, отдают на наветренных склонах большое количество влаги и во внутренние районы материка попадают в значительной мере иссушенными (примером могут служить возвышенности Юго-Восточной Африки, в частности Драконовы горы).

В некоторых районах материка (Западная Сахара, Ливия) поверхность представлена очень плоской равниной. Такой характер рельефа тоже оказывает свое воздействие на климат — тем, в частности, что попадающие на плоскую и обычно сильно разогретую поверхность воздушные массы нагреваются и удаляются от точки насыщения.

Более сложный рельеф типичен для Северо-Западной Африки — Атласской горной страны, а также для Восточной Африки и Эфиопского нагорья. Чередование горных хребтов, массивов, плато, находящихся в различной степени изоляции, в различном положении по отношению к окружающим морям, вызывает значительное разнообразие условий нагревания и увлажнения в пределах названных областей. Поэтому в отличие от большинства районов материка здесь встречаются климатические контрасты. Даже на небольшом расстоянии здесь возможны очень существенные изменения климата, чего в большинстве районов Африки не встретишь.

Абсолютная высота. Различия в абсолютной высоте и связанные с ними климатические изменения не играют в большинстве районов Африки значительной роли. Исключение представляют названные выше области Атласа, Эфиопского нагорья, Восточной Африки. Внутри этих областей встречаются очень большие различия в абсолютной высоте (в Атласе и Эфиопском нагорье более 4 тыс. м, в Восточной Африке — около

6 тыс. м). Отсюда вытекают внутриобластные климатические различия. С этим же фактором связано появление вертикальной климатической и вообще географической поясности (на некоторых массивах Восточной Африки можно встретить все зоны — от гилей до нивальной).

Атмосферная циркуляция. Этот климатообразующий фактор представляет собой, по сути дела, следствие всех названных и рассмотренных выше факторов. Однако, возникнув, атмосферная циркуляция начинает играть самостоятельную и весьма активную роль.

Летом Северного полушария (июль) область наибольшего нагревания смещается далеко к северу от экватора. В связи с этим экваториальный барический минимум дает большой отрог на север, и центр низкого давления располагается в Сахаре.

С перемещением экваториального минимума соответственно смещаются на север динамически связанные с ним области затропических (субтропических) максимумов. Затропический максимум Северного полушария перемещается в Средиземноморье (поскольку наиболее высокое давление внутри этой области наблюдается в районе Азорских островов, нередко Средиземноморскую область высокого давления называют отрогом азорского антициклона). Затропический максимум Южного полушария располагается между 30° и 20° ю. ш., так что ось его лежит примерно в районе Южного тропика.

Затропические максимумы сформированы главным образом за счет тропического воздуха, в них господствует антициклональный режим нисходящих токов. Поэтому для областей их распространения характерна сухая, жаркая погода.

В области затропического максимума Северного полушария зарождаются северо-восточные пассаты. Хотя пассатный поток и направляется здесь с моря, попадая на сильно разогретую сравнительно плоскую поверхность Ливии, Сахары и других районов, он удаляется от точки насыщения и осадков практически не дает.

Зарождающийся в области затропического максимума Южного полушария юго-восточный пассат в значительной мере формируется за счет тропического морского воздуха. Юго-восточный пассат, который образуется над Индийским океаном, приносит влагу в восточные районы Мадагаскара и Восточную Африку (в первую очередь на наветренные склоны гор и возвышенностей), а тот, который формируется над материком, приносит сухой континентальный тропический воздух в юго-западные районы Африки.

Наконец, юго-восточный пассат, образующийся над Атлантическим океаном, проходит над Гвинейским заливом, где формируется и за счет экваториального воздуха. Севернее экватора воздушный поток отклоняется вправо, и обращенный пассат Южного полушария имеет вначале южное, а затем и юго-западное направление. Попадая на материк, в Гвинейскую Афри-

ку, воздушный поток приобретает характер экваториального муссона,двигающегося в сторону барического минимума Сахары. По мере продвижения на север, северо-восток и восток экваториальный воздух отдает влагу, и количество осадков по направлению к Сахаре постепенно уменьшается.

И в гвинейских районах, и в Судане кроме муссонных осадков большую роль играют и конвективные.

Крайний юго-восток Африканского континента находится под влиянием преимущественно северо-западного воздушного потока с материка, который может рассматриваться в качестве зимнего муссона, направляющегося из области затропического максимума Южного полушария. Этот северо-западный поток не очень устойчив и нередко сменяется воздушными потоками с моря.

Крайний юго-запад Африки (район Кейптауна) находится в зоне циклональной циркуляции и получает много осадков. Несколько меньшее количество их получают район, расположенный восточнее Капских гор, и примыкающее к ним побережье.

Экваториальная область Африки, для которой, как и для других экваториальных районов земного шара, характерно развитие конвекции, получает конвективные, зенитальные осадки.

Таким образом, летом Северного (или зимой Южного) полушария осадки получают экваториальная область Африки, Верхняя Гвинея, Судан, Эфиопское нагорье, Восточный Мадагаскар и примыкающие к океану части Восточной Африки, район Кейптауна и область восточнее Капских гор.

Летом Южного полушария (январь) область наибольших температур смещается на юг от экватора и экваториальная зона низкого давления дает огромный отрог далеко на юг. Этот отрог низкого давления распространяется на Южную и Юго-Восточную Африку, вклиниваясь даже на материке в область затропического максимума Южного полушария, которая располагается в это время примерно между 30° и 40° ю. ш. Названная область оказывается, таким образом, разбитой фактически на два антициклона, один из которых лежит к западу и юго-западу, а второй — к востоку и юго-востоку от Южной Африки. При этом антициклон, располагающийся в Атлантике, своим отрогом налегает на крайний юго-запад материка — район Кейптауна.

В связи с перемещением на юг экваториальной области низкого давления смещается на юг не только упоминавшаяся уже область затропического высокого давления Южного полушария, но и соответствующая область Северного полушария. Она располагается примерно между 20° и 30° — в Сахаре и далее в Аравии. Севернее, в Средиземноморье — область пониженного давления. Здесь развивается циклональная циркуляция. При этом в образовании циклонов принимают участие и воздух Атлантики, и средиземноморский, и полярный континентальный

воздух, формирующийся над Европой, и тропический континентальный воздух. Все же полярный воздух оказывает наибольшее влияние. В западных районах средиземноморской Африки преобладают атлантические циклоны, в восточных — циклоны местного, средиземноморского, происхождения. С этим связано отчасти и уменьшение к востоку количества осадков, которые обязаны своим происхождением циклонам.

В Сахаре из-за развития антициклонального режима стоит сухая погода. На южной периферии Сахары зарождаются северо-восточные пассаты, сформированные сухим континентальным тропическим воздухом, который распространяется на Судан и многие районы Верхней Гвинеи. Иногда этот воздушный поток прорывается и на Гвинейское побережье, где в это время (период харматтана) прекращаются осадки.

Северо-восточный пассат направляется в Африку и из Аравии. Этот воздушный поток немного насыщается влагой над Красным морем и отдает затем ее (в очень небольшом количестве) наветренным склонам красноморских возвышенностей Африки (главным образом Судана и Эфиопии).

В экваториальной области Африки и примыкающих к ней с юга сильно нагретых в это время года районах Южной Африки (включая Мадагаскар) развиваются процессы конвекции и выпадают конвективные осадки.

В затропической области высокого давления над Индийским океаном зарождаются юго-восточные пассаты, которые в это время могут рассматриваться и как летний муссон. Этот муссонный поток приносит влагу на восток Мадагаскара, в прилегающие к океану районы Восточной и Юго-Восточной Африки. Во внутренние области (например, в район западнее Драконовых гор) муссон приходит сильно трансформированным, иссушенным. Определенное влияние оказывает летний муссон и на южное побережье Африки с примыкающими Капскими горами.

Район Кейптауна, где господствует антициклональный режим, осадков в это время года не получает.

Зарождающиеся к западу от Южной Африки, в затропической области высокого давления над Атлантикой, юго-восточные пассаты направляются к экватору, а перейдя его, отклоняются вправо и в виде южного и юго-западного потока приходят на побережье Верхней Гвинеи, отдавая там осадки.

Таким образом, в январе получают осадки Экваториальная Африка и большая часть Восточной, Юго-Восточной и Южной Африки, Мадагаскар, побережье Верхней Гвинеи, часть побережья Красного моря, средиземноморская Африка.

Сравнение июльских и январских циркуляционных процессов и их последствий позволяет выявить на территории Африки следующие области:

постоянно влажные — Экваториальная Африка, побережье Верхней Гвинеи, Восточный Мадагаскар, южное побережье Африки с примыкающими участками Капских гор;

с летними осадками — Судан, Эфиопское нагорье, Внутренний и Западный Мадагаскар, большая часть Южной и Юго-Восточной Африки;

с зимними осадками — средиземноморская Африка, Красноморские возвышенности Судана, район Кейптауна;

постоянно сухие — Сахара, Намиб с примыкающими районами и некоторые другие.

Отдельные части Африки очень сильно различаются между собой не только по режиму осадков, но и по их количеству.

«В Африке наиболее отчетливо проявляется основная закономерность распределения увлажнения в тропическом поясе: количество осадков симметрично уменьшается в обе стороны от экватора до тропических широт, где достигает минимальных величин и вновь несколько увеличивается в субтропиках» [3, с. 413]. Впрочем, на юге Африки в связи с характером атмосферной циркуляции, морских течений и рельефа количество осадков изменяется не столько с севера на юг, сколько с востока на запад. Здесь на смену широтной закономерности приходит меридиональная, что находит свое отражение в характере географической зональности.

Наиболее влажные районы Африки (2000—4000 мм осадков) находятся в Верхней Гвинее, на востоке Мадагаскара. Здесь постоянство осадков сочетается с благоприятными орографическими условиями. Это особенно относится к наветренным склонам вулкана Камерун. Именно в Дебундже расположено самое влажное место на материке (9655 мм).

В приэкваториальных районах, в частности во впадине Конго, имеющей сравнительно замкнутый характер, осадков выпадает 1500—2000 мм. В субэкваториальных и тропических районах количество осадков в целом постепенно понижается с удалением от экватора. Поэтому можно встретить обширные районы, где выпадает от 1000 до 1500 мм, от 500 до 1000 мм. Большие территории получают менее 500 и даже менее 250 мм. В Сахаре и Намибе выпадает меньше 100 мм. Во многих районах этих областей осадки случаются не каждый год. Правда, участки, где осадки не выпадают никогда, по-видимому, редки.

Большие различия в количестве осадков наблюдаются в горных областях (особенно на Эфиопском нагорье и в Атласе) в связи с разницей в экспозиции склонов, степенью и характером замкнутости отдельных районов, абсолютной высотой.

Все изложенное показывает, что гидротермический режим большинства районов Африки благоприятен для развития хозяйства. Иными словами, можно говорить о том, что климатические ресурсы Африки исключительно велики. Быть может, именно эти ресурсы — самое важное звено в системе природных ресурсов континента.

В климатических ресурсах Африки особенно значительна их термическая составляющая. В большинстве районов сумма активных температур составляет 6000—10 000°; велики и се-

зонные суммы температур. Лишь в субтропических и горных районах в отдельные сезоны сумма температур относительно невелика и не позволяет выращивать культуры жаркого пояса. В отдельных горных массивах это положение относится ко всем сезонам.

Весьма разнообразна картина распределения влаги (в связи с рассмотренным выше количеством осадков и их сезонностью). Ее дефицит во многих районах приводит к тому, что сумма температур, обеспеченная осадками, не превышает там 2000—3000°, а на обширных пустынных территориях этот показатель вообще равен нулю. Поэтому, несмотря на благоприятную для большей части Африки термическую составляющую климатических ресурсов, общий агроклиматический потенциал сильно варьирует от района к району.

На основании анализа термического режима и увлажнения в Африке можно выделить районы [1, с. 19, 20], где:

1. Весь год могут выращиваться культуры жаркого пояса:
 - а) постоянно влажные (возможно выращивание нескольких урожаев в год);
 - б) сезонно-влажные (без искусственного орошения возможно выращивание только одного урожая);
 - в) постоянно сухие (земледелие невозможно без искусственного орошения).
2. В теплую часть года могут выращиваться культуры жаркого, а в холодную — умеренного пояса (подтипы а, б, в).
3. Весь год могут выращиваться культуры только умеренного пояса (подтипы а, б, в).
4. Только часть года могут выращиваться культуры умеренного пояса:
 - а) постоянно или сезонно-влажные (по температурным условиям возможно выращивание только одного урожая без орошения);
 - б) влажные в холодный сезон или постоянно сухие (земледелие невозможно без орошения).

Нетрудно видеть, что типы 1 и 2 распространены в приэкваториальных и тропических широтах, тип 3 — в субтропиках, а 4 — в ряде горных районов Африки.

Агроклиматический потенциал разных типов районов может быть оценен в баллах. Наиболее высокий балл у постоянно влажных районов, где земледелие без искусственного орошения возможно весь год и может выращиваться несколько урожаев культур только жаркого или жаркого и умеренного поясов (т. е. районы типов 1а и 2а). Наиболее низкий балл получают районы, где возможно выращивание одного урожая культур умеренного пояса при условии искусственного орошения (тип 4б).

Конечно, хозяйственная оценка климата и климатических ресурсов не может ограничиться их агроклиматической характеристикой. Следует дать характеристики промышленно-климатическую, строительно-климатическую, транспортно-климатическую,

скую, рекреационно-климатическую. Если подходы к последней в общем ясны (и предусматривают оценку климата с точки зрения не только рекреантов-аборигенов Африки, но и туристов из стран умеренного пояса), то остальные оценки требуют дополнительного анализа, хотя и здесь ряд подходов проанализирован (см. [2]). Можно сказать, что при оценке климатических ресурсов Африки и ее регионов с точки зрения развития промышленности, транспорта, строительства необходимо учитывать воздействие климата на металлические конструкции, волокнистые и другие материалы, условия строительства. Большую роль при этом воздействиям играют температуры и их колебания, влажность воздуха, его запыленность в целом и в периоды пыльных бурь, скорость ветра и другие показатели. Важны и медико-климатические исследования Африки. Так что всесторонний анализ климата Африки и комплексное районирование климатических ресурсов континента еще впереди.

Л и т е р а т у р а

1. *Дмитревский Ю. Д.* Африка. Очерки экономической географии. М., 1975.
2. *Параметры тропического климата для технических целей.* Л., 1973.
3. *Физическая география частей света.* М., 1953.

М. П. Забродская

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
РЕГИОНАЛЬНОГО КОМПЛЕКСНО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА
ТЕРРИТОРИИ СТРАН АФРИКИ**

При определении задач и путей эволюции географии развивающихся стран в эпоху научно-технического прогресса необходимо решить ряд теоретических проблем страноведения, тесно связанного с вопросами географического синтеза, или, по-иному, регионального комплексно-географического анализа конкретных территорий.

Начиная с первых десятилетий XX в. и до сегодняшнего дня в нашей литературе дискутируется вопрос о положении страноведения в системе географических наук, о предмете страноведческого исследования.

Логика развития науки, особенно процесса научной интеграции, и повышение интереса к теории и практике географического синтеза изменили распространенные в прошлом нигилистические взгляды на задачи страноведческого исследования. По С. В. Калеснику, главная общая задача страноведения — «установление сложившихся на данной конкретной территории связей между природой, населением и хозяйством и создание на основе научного объяснения этих связей комплексных географических характеристик» [13, с. 19]. Иными словами, интеграционные тенденции в развитии географии определяют в настоящее время предмет страноведческих исследований. Последние прежде всего должны выявлять региональное своеобразие взаимодействия природы и человека на определенном этапе социально-экономического развития страны. Значит, страноведение, развиваясь на стыке физической и экономической географии, должно пользоваться методами как естественноисторического, так и социально-экономического изучения территории отдельной страны или группы стран. В таком случае страноведение становится наукой со своим особым предметом исследования. Следовательно, те тенденции в развитии страноведения, которые вносят вклад в методику географического синтеза, представляющего одно из наших «слабых мест», являются особо перспективными с точки зрения становления предмета и содержания комплексных географических описаний стран на современном этапе. При этом следует подчеркнуть, что именно

составление таких региональных характеристик, основанных на показе взаимоотношений природы и общественного производства на конкретном региональном фоне, является насущной теоретической и практической задачей, важным социальным заказом географии развивающихся стран.

Анализ основных этапов становления и развития теоретических основ страноведческих характеристик Африки будет сделан на примере нескольких монографий, наиболее ярко иллюстрирующих основные тенденции развития страноведения Африки в прошлом и настоящем.

Из проведенного нами исследования важнейших страноведческих работ по Африке XIX в. [11] следует, что все они составлены по одному плану: в них беглые замечания о природе дополняются самыми подробными сведениями по истории и этнографии без попыток выявления внутрирегиональных связей и, следовательно, региональной дифференциации. Нередко страноведческий синтез сводится к перечню справочно-номенклатурных данных о природе, этнографии, истории, цивилизации.

Подходы к анализу фактического материала по странам Африки резко изменяются в региональных описаниях французских авторов, чьи работы в этой области являются не только самыми многочисленными, а нередко и пионерными, но и принципиальными с точки зрения выявления всех аспектов мощной французской школы «географии человека», которая, бесспорно, оказала влияние на становление страноведения во многих европейских странах.

Из критического анализа теоретических положений французской географической школы (см., например, [1; 2; 6]) следует, что ее основной чертой является регионализм. Не касаясь всех аспектов регионализма французских географов, следует подчеркнуть лишь следующие:

а) территория каждой страны представляет собой географическое единство, образованное длительным воздействием человека на ее природу, его приспособлением к определенным природным условиям. В основу описания кладется принцип «страна и люди», но страна — это прежде всего ее природа, и лишь на природном фоне характеризуются экономика и образ жизни человека;

б) региональное описание страны — это комплексная характеристика небольшой местности, взятой в неопределенных границах. Отдельные местности объединяются в более крупные единицы, которые часто совпадают с границами сельскохозяйственных районов, характеризующихся известным единством типа сельскохозяйственного производства и культуры и, следовательно, образа жизни человека;

в) в комплексных региональных характеристиках соотношение физической географии и так называемой «географии человека» почти равное, при этом под «географией человека» понимаются история заселения, традиционные типы использова-

ния земель и занятия населения, а главное, воздействие человека на природу.

Остановимся детальнее на этой стороне исследований французских географов.

Человек признается мощным фактором преобразования природы. Антропогенная эволюция природы — это изменение пейзажа, «географического образа страны». Поэтому целью исследования является изучение выражения человеческой деятельности в пейзаже, показ внешнего вида местности, характера заселения и облика населенных пунктов, способов обработки земли, плотин, каналов, лесопосадок и других объектов, визуально изменяющих природу регионов страны.

Представители школы «всеобщей географии», несомненно, внесли вклад в страноведческие исследования Африки, и здесь прежде всего имеется в виду монография крупнейшего представителя этой школы Огюстена Бернара по Северной и Западной Африке [4]. Региональные очерки О. Бернара включают характеристики природы и населения, причем синтетическим выражением их взаимодействия считаются так называемые «образы жизни заселения».

Население Северной Африки по образу жизни разделено на кочевое и оседлое (садоводы, хлебопашцы, пастухи и горожане). Очень детально описывается облик их домов и поселений, в описание мастерски вплетаются черты быта, культуры, хозяйственной деятельности. Но при этом трудно выделить связь последней с типами природных ландшафтов, понять их модификацию под влиянием традиционного образа жизни каждой группы населения.

Хотя регионализм является сутью французской географии, при исследованиях стран Африки закономерности ландшафтной дифференциации не выявляются, и границы регионов, выделяемые на территории каждой страны, отличаются произвольностью. Авторы не придают границам принципиального значения, поэтому создается впечатление, что территориальное расчленение стран и регионов является для них лишь средством организации материала и структуры работы.

Каждое территориальное образование воспринимается ими как уникальное, поэтому прежде всего необходимо живо, красочно, поистине во французском стиле «географической миниатюры» описать, оттенить его своеобразие. Необходимо прибавить к этому, что при детальном описании образа жизни населения О. Бернар не коснулся вопроса о хищническом использовании природной среды и жестокой эксплуатации коренного населения в эпоху колониализма. Недооценка социально-экономического аспекта — общая особенность всех работ этой школы [6].

Заслугой французских географов является внимание к антропогенному фактору, «очеловечивание» природы, но визуальные наблюдения без выявления взаимосвязей и закономерностей при-

водят к эмпиризму, когда описание доведено до высшего класса при упрощенном общем теоретическом освещении.

Анализ страноведческих работ школы «всеобщей географии» дает возможность еще раз подчеркнуть важное значение усилий советских географов по разработке проблем географического районирования. Географическое районирование стимулирует изучение воздействия антропогенного фактора, прогнозирование модификаций природных процессов под влиянием производственной деятельности на конкретной территории. В таком случае визуальность наблюдений «элементов воздействия человека на землю» помогает выявлению региональной дифференциации природно-антропогенных ландшафтов.

В мощном потоке географической литературы по Африке в послевоенные годы отчетливо выявляется несколько тенденций.

Прежде всего резко уменьшается количество общематериковых или макрорегиональных страноведческих сводок в противоположность многочисленным описаниям по отдельным небольшим регионам и странам континента, особенно по странам Магриба и Западной Африки.

Во всех работах материал компонуется по отделам — природа, население, экономика, а нередко история и политика и даже культура — без достаточного показа взаимосвязей и оценки природных ресурсов. Границы регионов отличаются произвольностью, чаще всего с учетом лишь политико-административных градаций. Взаимоотношения природы и хозяйственной деятельности не выясняются, анализ природы, как правило, носит подсобный характер для различных политических, исторических и экономических экскурсов. Во всех случаях не исследуются пространственные закономерности, и опытов выявления особенностей региональной дифференциации чрезвычайно мало.

Некоторые страноведческие работы перестают быть географическими еще и потому, что в них игнорируется физико-географический аспект изучения стран континента. Любопытна в этом отношении книга И. Фосса [20] по Гвинее. Глава «Положение, климат и физическая география» занимает семь страниц, в то время как глава о культуре, включающая спорт, театр, изобразительное искусство и т. д., излагается на 130 страницах. Если отбросить этот на первый взгляд формальный признак, то все равно становится очевидным, что подобные страноведческие исследования, охватывающие огромный круг вопросов, имеют лишь подсобное справочное или информационное значение.

Таков основной характер зарубежных страноведческих работ, посвященных африканским государствам. Положительный опыт этих исследований состоит в том, что важнейшие капитальные сводки составляются на основе более или менее длительных экспедиций и полевых исследований. Это — с одной стороны. С другой — в некоторых монографиях изучаются проблемы географического синтеза, т. е. развиваются и усо-

вершенствуются истинно научные аспекты страноведческих исследований. Особенно детально разрабатываются эти проблемы страноведения крупнейшим географом ФРГ Хорстом Меншином и его учениками.

Нам представляется, что важнейшей положительной стороной исследований Х. Меншинга является доскональный региональный физико-географический анализ с картами отраслевого и природного районирования на зональной основе [19, с. 14, 28, 87 и след.]. Кроме того, исследуются типы землепользования в различных ландшафтах [19, с. 40], рассматриваются культурные (антропогенные) ландшафты и основные этапы их эволюции.

Название монографии Х. Меншинга — «Географическое страноведение» («Eine geographische Länderkunde»), и действительно, «Тунис» не физико- или экономико-географическая сводка, она выполнена на стыке этих двух форм географического синтеза. В связи с этим заслуживает внимания предисловие к монографии, где приводится мысль о том, что центральной проблемой страноведческого исследования является регионально-географический анализ ландшафтов стран и других географических районов с точки зрения взаимосвязи между природными и культурными ландшафтами. Культурные ландшафты Х. Меншинга — это типы использования естественно-географической основы «от времен Древнего Рима» до наших дней, или не что иное, как историко-традиционные типы использования земель.

В региональной части монографии по Тунису Х. Меншинг уделяет первоочередное внимание природно-географическим различиям и историко-географическим типам культурных ландшафтов (особенно показательно описание п-ова мыса Бон [19, с. 130—139]).

Подходы к анализу взаимодействия физико- и экономико-географических категорий во всех монографиях данной группы не отличаются своеобразием, они не разработаны и не определены, но, несмотря на это, значение таких работ для развития научного географического страноведения достаточно велико.

В советской географии своеобразным подъемом (пиком) в развитии африканского страноведения явились 60-е годы, когда в течение нескольких лет (1963—1969) было опубликовано около десятка капитальных монографий по странам Африки — Н. С. Асоян (см. [3]), Н. А. Длина (см. [10]), И. С. Сергеевой (см. [18]), М. Б. Горнунга и Г. М. Уткина (см. [9]), Г. М. Моисеевой (см. 15)), Л. Ф. Блохина (см. [5]), Ю. Г. Липца (см. [14]), М. М. Голубчика (см. [8]), Г. Ф. Радченко (см. [16; 17]).

Почти все монографии написаны научными сотрудниками Института географии АН СССР и вышли под редакцией проф. К. М. Попова. Но тем не менее единство научной школы не означает однообразия в структуре и интерпретации фактического материала, которые определяются характером первич-

ного исходного материала и, безусловно, различными теоретическими подходами к его компоновке и анализу.

Остановимся на некоторых существенных, с нашей точки зрения, чертах советских африканских страноведческих исследований.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие публикаций обшематериковых страноведческих сводок, где бы достаточно полно и всесторонне анализировались физико- и экономико-географические региональные проблемы континента. Это, естественно, затруднило показ географического своеобразия стран на обшематериковом и узкорегинальном фоне.

Большинство монографий по странам Африки имеет подзаголовков — «Экономико-географическая характеристика». Помимо вопросов, связанных с населением, экономикой и историей страны, имеются достаточно детальные их физико-географические характеристики, чаще всего озаглавленные «Природные условия и естественные ресурсы».

Под каким углом зрения анализируются естественно-географические условия стран при экономико-географических характеристиках? Общая слабая сторона этого анализа уже подчеркивалась: нечеткий региональный аспект, отсутствие карт физико-географического районирования и соотношения между природными комплексами.

Однако в монографии «Берег Слоновой Кости» [5] сделан большой шаг вперед в этом отношении. Л. Ф. Блохин избежал ненужных подробностей по геологической истории от докембрия до неотектоники, климату и другим компонентам, а весь физико-географический материал нанизан на один стержень — ресурсоведческий. Кроме того, анализ причин территориальных различий отдельных отраслей хозяйства произведен с необходимым учетом природных условий, что, по нашему мнению, усиливает географическое звучание всей монографии Л. Ф. Блохина.

В некоторых монографиях детально анализируется очень большой круг вопросов: природа, этнография, демография, культура, религия, просвещение, здравоохранение, история национально-освободительного движения, все отрасли экономики, транспорт, торговля и т. д. (см., например, [17]). Эта тенденция в развитии страноведения нам представляется, как уже отмечалось, малоперспективной, так как разноплановость многочисленных характеристик страны не дает возможности выявить их взаимосвязи, а главное, отразить их в региональном аспекте, что прежде всего должно характеризовать любое географическое описание.

В последние годы возникла своеобразная дискуссия о путях оптимизации страноведческих характеристик и других проблемах страноведения, о чем ярко свидетельствует публикация отдельного тома «Вопросов географии» [7], посвященного столетию со дня рождения Н. Н. Баранского — основоположника

советского страноведения, страстного борца за возрождение мастерства комплексных региональных характеристик. Несмотря на всесторонность дискуссии, ее полезность для углубления и уточнения теоретических основ страноведения зарубежных стран, заметного расширения страноведческих (комплексно-региональных) публикаций в последние годы не наблюдается.

Наиболее перспективной с точки зрения определения подходов, структуры и в некоторой степени методов комплексно-географического анализа территории больших регионов Африки является монография по странам Сахеля Г. Ф. Радченко [17]. Уже из ее «Введения» явствует, что работа направлена на исследование состояния природной среды, особенностей использования природных ресурсов и на анализ основных проблем развития хозяйства. Автор не декларирует тесную связь между состоянием природной среды и проблемами развития хозяйства стран Сахеля, но при знакомстве со структурой книги, а тем более с ее содержанием эти взаимоотношения легко выявляются, они служат стержнем всей работы.

Региональный аспект в системе «природа — человек — хозяйство» усиливается выбором региона исследования. По терминологии автора, Сахельский регион — это своеобразный природный таксон, границы и характер которого определяются факторами зонально-провинциальной дифференциации. Правда, используя комплексный физико-географический подход к анализу природной среды, Г. Ф. Радченко избегает общепринятой терминологии, даже природные зоны в монографии называются биоклиматическими, а отсутствие карт районирования затрудняет выявление территориальных различий. Следование моде особенно заметно в тех разделах монографии, где природные системы (геосистемы) именуются экосистемами. Но, исключая это пренебрежение к общепринятой географической терминологии, вызывают большой интерес подходы автора монографии к отбору и анализу факторов природной среды. Из них особенно детально и целенаправленно излагаются важнейшие аспекты климата — изобилие тепла и изменчивость осадков, определяющие многие стороны природных систем Сахельского субрегиона. При оценке агроклиматических условий уделяется внимание периодичности засух.

Понятно, что природно-хозяйственные системы стран Сахеля находятся в тесном сопряжении с водными и почвенными ресурсами, наличием естественных пастбищ и т. д. Для любого регионального страноведческого исследования необходимо установление достаточно жесткого отбора сведений по населению и хозяйству территории. Характеристика населения стран дается с учетом многовекового опыта адаптации к суровым условиям природной среды, а подходы автора монографии к показу региональных различий в степени освоенности территории каждой страны, анализ механизма взаимосвязи природа —

хозяйство, по-видимому, заслуживают специального изучения. Однако при характеристике промышленности и транспорта материал излишне детализируется, что слабо увязывается с остальными направлениями комплексно-географического анализа стран Сахеля.

Практическая направленность монографии особенно проявляется при экологической интерпретации экономического развития стран региона, что, разумеется, и должно завершать проблемную комплексно-географическую (страноведческую) характеристику региона исследуемой территории.

Анализ развития комплексно-географических исследований стран Африки позволяет сделать следующие выводы.

1. Одним из основных направлений в развитии географии Африканского континента являются комплексно-географические (страноведческие) исследования отдельных государств или регионов. По-видимому, при определении территорий для таких работ следует отдать предпочтение крупным, может быть, естественным частям континентов (субконтинентам), так как только в этом случае возможны постановка и решение региональных проблем, что обязательно должно характеризовать географическое страноведческое исследование.

2. Страноведческие монографии могут быть нескольких типов:

а) страноведческие монографии справочного или учебного типа, несущие большую информационную нагрузку. Эти работы пользуются большим спросом в учебных и специальных учреждениях. Страноведческие исследования такого типа преследуют культурно-воспитательные цели, но не имеют серьезного научного значения, поэтому представляется целесообразным издавать их под рубрикой «Популярная серия»;

б) собственно страноведческие монографии, исследующие региональные особенности процесса взаимодействия в системе природа — население — хозяйство. Без выявления региональных закономерностей и взаимосвязей пропадает регионализм — стержень комплексно-географического анализа территории.

3. Важным объектом страноведческих исследований должны быть антропогенные ландшафты, сформировавшиеся на определенных природно-территориальных комплексах под влиянием того или иного типа хозяйственной деятельности в прошлом и настоящем. Кроме того, весьма актуальна разработка ресурсоведческого направления, наметившегося в страноведческих публикациях последних лет.

4. Ограниченность методов страноведческих исследований выдвигает на первый план сравнительный метод. Для сравнимости комплексно-географических характеристик необходима разработка уровней генерализации, жесткость отбора страноведческих сведений.

Комплексно-географические (страноведческие) исследования имеют важное прикладное, научно-теоретическое и познаватель-

ное значение и поэтому должны быть широко представлены при определении путей дальнейшего развития географии зарубежных стран.

Л и т е р а т у р а

1. *Александровская О. А.* Французская географическая школа XIX — начала XX веков. М., 1972.
2. *Артемьева А. Г.* Вопросы экономического районирования Франции в трудах французских географов.— Теоретические вопросы экономического районирования. М., 1962.
3. *Асоян Н. С.* Нигерия. Экономико-географическая характеристика. М., 1963.
4. *Бернар О.* Северная и Западная Африка. М., 1949.
5. *Блохин Л. Ф.* Берег Слоновой Кости. Экономико-географическая характеристика. М., 1967.
6. *Витвер И. А.* Французская школа «географии человека». — Ученые записки МГУ. Вып. 35. География. М., 1940.
7. Вопросы географии. Страноведение: состояние и задачи. Сборник № 116. М., 1981.
8. *Голубчик М. М.* Федеративная республика Камерун. Экономико-географический очерк. М., 1968.
9. *Горнунг М. Б., Уткин Г. М.* Марокко. Очерки по физической и экономической географии. М., 1966.
10. *Длин Н. А.* Египет. М., 1963.
11. *Забродская М. П.* К истории физико-географического районирования Африки (по материалам важнейших страноведческих работ XIX — начала XX в.). — Страны и народы Востока. Вып. 4. М., 1965.
12. *Исаченко Н. А.* Основы ландшафтоведения и физико-географическое районирование. М., 1965.
13. *Калесник С. В.* Предмет географических наук, их система и классификация.— Теоретические вопросы физической и экономической географии. Т. 1. М., 1972.
14. *Липец Ю. Г.* Страны Юго-Восточной Африки. Экономико-географическая характеристика стран бассейна Замбези. М., 1968.
15. *Моисеева Г. М.* Южно-Африканская Республика. Экономико-географическая характеристика. М., 1966.
16. *Радченко Г. Ф.* Республика Мали. М., 1969.
17. *Радченко Г. Ф.* Страны Сахеля. М., 1983.
18. *Сергеева И. С.* Сомалийская республика. М., 1965.
19. *Mensching H.* Tunesien. Darmstadt, 1968.
20. *Voss J.* Guinea. Bonn, 1968.

О. П. Литовка

**САХЕЛЬ: ПРОБЛЕМЫ УРБАНИЗАЦИИ
И ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ**

Аридные и семиаридные зоны занимают около трети территории Земли и уже много лет привлекают пристальное внимание в связи с развитием на значительной части этих зон процесса опустынивания, или десертификации, под которым понимается «сложный процесс качественного и количественного ухудшения растительного и почвенного покровов... происходящий под влиянием как климатических колебаний и изменений, так и растущего антропогенного воздействия на среду» [4, с. 78]. Наблюдения за аридной зоной свидетельствуют о ее постоянном расширении примерно на 60 тыс. кв. км в год [6, с. 13]. При этом следует отметить, что в Сахеле процесс опустынивания на протяжении последних десятилетий захватывает около 20 тыс. кв. км ежегодно [7, с. 262]. Такая ситуация вызывает массовое обнищание сельского населения, способствует его бегству в города и, следовательно, возрастанию удельного веса городского населения и развитию, хотя и в меньшей степени, чем в сопредельных странах, процесса урбанизации в этом регионе.

Сахель следует отнести к числу неустойчивых экологических систем, легко поддающихся качественным изменениям, свидетельством чего и является уже упомянутый процесс опустынивания, теснейшим образом связанный с хозяйственной деятельностью человека. «На основе анализа данных космических съемок доказано, что опустынивание в Сахеле — прежде всего антропогенный процесс, возникший в переходной полосе от пустыни к саванне, а частично и в саванне» [1, с. 175]. Для борьбы с опустыниванием в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН созданы специальный фонд и служба ООН по Сахелю (ЮНСО), оказывающие помощь странам региона.

Роль урбанизации и индустриализации в развитии процесса опустынивания Сахеля исследована в гораздо меньшей степени, чем роль сельского хозяйства, но несомненно, что первые из названных факторов способствуют концентрации населения, росту потребления ресурсов, в том числе и таких дефицитных в данной зоне, как вода, что, конечно, обостряет проблему. Так, «проведенные в различных странах поисковые работы и науч-

ные исследования показали, что водозапасы замкнутых водоносных горизонтов глубокого залегания относятся преимущественно к категории невозобновимых» [2, с. 8], а именно эти горизонты подвергаются все большей эксплуатации в районах концентрации населения в странах Сахеля. Таким образом, определение основных путей максимального снижения отрицательного воздействия урбанизации и индустриализации на природную среду сахельской зоны является одной из важных исследовательских проблем.

Подавляющая часть стран, расположенных в указанной зоне (см. [3]), относится к числу наименее развитых. Достаточно сказать, что такие крупные государства региона, как Чад, Нигер, Мали, Центральнаяафриканская Республика, являются беднейшими в мире. При этом, однако, интересы их экономического развития нередко противоречат экологическим задачам, что в еще большей степени осложняет проблему взаимоотношений урбанизации и индустриализации с природной средой. Еще в 1971 г. на конференции 77 развивающихся стран в Лиме было подчеркнуто, что охрана среды не должна препятствовать социально-экономическому развитию государств региона. В то же время заранее предпринимаемые меры по установлению динамического экологического равновесия между техногенной и природной средой в конечном счете экономически более выгодны, чем ликвидация последствий нарушений, часто имеющих необратимый характер. Теоретически возможно такое положение, когда развитие урбанизации и индустриализации не только не нарушает окружающую природную среду, но и способствует ее качественному улучшению.

Современная урбанизация — чрезвычайно сложное социально-экономическое явление, постоянно развивающееся во времени и пространстве и в той или иной мере получившее распространение фактически во всех странах мира. В пространственном развитии урбанизации можно выделить два взаимосвязанных аспекта: формирование определенной (как правило, постоянно усложняющейся) сети городских поселений, с одной стороны, и территориальное развитие самих городских поселений — с другой. Для урбанизации в развивающихся странах характерны элементы стихийности, и экологические отношения в системе «город — окружающая среда» в большинстве случаев весьма напряженны и труднорегулируемы.

Индустриализация, представляющая собой процесс усиления роли промышленного производства в экономике, играет ведущую роль в решении проблем экономического развития. Чаше всего индустриализация тесно связана с урбанизацией, однако отождествлять эти два процесса или считать, что развитие урбанизации определяется исключительно степенью индустриализации, не следует. Во многих случаях причинная связь между ними незначительна, а иногда и вообще отсутствует, что особенно характерно для многих сахельских стран.

И урбанизация и индустриализация в настоящее время находят свое выражение в активном развитии техногенной среды, которая далеко не всегда оптимально вписывается в окружающую природную среду и в результате этого является основной причиной нарушения последней. Принимая во внимание совместное — в большом числе случаев — воздействие урбанизации и индустриализации на природную среду, объединим их далее условным понятием «урбанизационная система».

Развитие индустриализации и урбанизации в сахельской зоне связано с рядом принципиальных отличий от условий гумидных регионов. Главным обстоятельством является аридность, определяющая наличие экстремальных условий проживания, вызванных значительной продолжительностью засушливого жаркого периода, ограниченностью водных ресурсов, ветровым режимом и пылевой эрозией почв, неблагоприятными инженерно-строительными условиями. Особенно осложняют ситуацию практически регулярные на большей части территории региона засухи.

Прямые последствия вторжения урбанизационной системы в аридную зону прежде всего сказываются непосредственно на самой этой системе, требуя значительных усилий по преодолению аридности с целью обеспечения необходимых условий функционирования. Кроме того, урбанизационная система оказывает прямое и косвенное влияние на природную среду как в пределах собственно систем, так и на территориях их техногенного влияния.

Урбанизация и индустриализация в сахельской зоне связаны с рядом негативных и позитивных последствий, исследование которых указывает на наличие острых проблем, требующих установления определенной системы управления этими процессами. Одним из главных требований в деле предохранения территории Сахеля от неблагоприятных последствий урбанизации и индустриализации должно быть исключение возможности их стихийного развития, наносящего наиболее существенный урон природной среде региона.

Сама по себе высокая степень концентрации населения уже оказывает разрушающее воздействие на природную среду, вызывает так называемое антропогенное изреживание биосферно-геоценозов. Например, всего за несколько десятилетий древесно-кустарниковая растительность отступила от столицы Судана Хартума более чем на 100 км [8, с. 86].

Однако наиболее отрицательное воздействие на природную среду оказывают не само население, а создаваемые в процессе развития урбанизационной системы промышленные, инженерно-технические, транспортные и другие объекты, влияние которых может в отдельных случаях распространяться на сотни километров.

Изменение в окружающей природной среде, происходящие под влиянием индустриализации и урбанизации, проявляются

во многих, тесно связанных друг с другом направлениях, в числе которых можно выделить:

- изменения почвенных условий и биогеоценозов;
- нарушения геоморфологических форм;
- физико-механические и химические изменения;
- загрязнения воздушного бассейна;
- изменения гидрологического и гидрогеологического режима;
- нарушения, связанные с изменением термического режима воздушного и водного бассейнов.

Сведения о происходящих изменениях можно получить с помощью специального кадастра, характеризующего нарушения в природной среде и ее отдельных компонентах.

Как отмечалось, урбанизация и индустриализация оказывают на окружающую среду и прямое и косвенное влияние, причем если первое (ликвидация растительного и почвенного покрова, нарушение геологической структуры и видоизменение рельефа, гидро- и атмосферы и т. п.) учесть сравнительно легко, то косвенное воздействие часто проявляется спустя весьма продолжительное время и носит естественный характер, выражающийся в постоянных изменениях микроклимата, гидрологического и гидрогеологического режимов, направлений и скорости денудационно-аккумулятивных процессов и других подобных явлениях, способствующих в конечном счете весьма существенным изменениям природной среды.

Сейчас еще нельзя говорить о том, что полностью решена проблема анализа негативных экологических последствий урбанизации и индустриализации в каждом конкретном случае. Необходимым условием повышения эффективности такого анализа является разработка комплексных показателей, с помощью которых можно было бы характеризовать существующие и ожидаемые экологические изменения, происходящие в результате функционирования того или иного городского образования или промышленного объекта. При этом нужно помнить, что исчезновение или значительное ухудшение одного из элементов природной среды не может быть компенсировано другими ее элементами.

Современные отрасли и предприятия промышленности значительно дифференцированы по степени их воздействия на окружающую среду. Поэтому целесообразно провести их соответствующую классификацию с учетом специфических условий сахальской зоны, где современная технология часто ведет себя иначе, чем в гумидных областях, типичных для стран, в которых эта технология чаще всего создавалась. Как заявил директор-исполнитель Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) М. Толба, «индустриализация большинства развивающихся стран основывается на импорте не соответствующего местным условиям оборудования, больших капиталовложениях и энергоемкой технологии» [5, 1979, № 7, с. 1].

Традиционные технологические процессы весьма несовершенны с точки зрения экологии. Особенно отрицательное воздействие на окружающую среду оказывают предприятия химической, нефтеперерабатывающей, цементной промышленности, черной и цветной металлургии, тепловые электростанции. Поэтому при размещении промышленных предприятий должен соблюдаться принцип, по которому сумма вредных выбросов за весь предполагаемый срок эксплуатации предприятий не превышала бы предела, после которого в природной среде могут наступить необратимые процессы.

Развитие урбанизации и индустриализации связано с капитальным строительством, формированием строительно-монтажной базы и, следовательно, использованием местных минерально-сырьевых ресурсов, которое находится в прямой зависимости от темпов и уровня развития процесса индустриализации и урбанизации. Необходима разработка балансов имеющегося сырья и его расходования. Оценка мероприятий по использованию природных ресурсов должна быть пространственно дифференцирована, в связи с чем необходима классификация территорий сахальской зоны по их способности сопротивляться воздействию техногенной среды, по степени интенсивности разложения продуктов техногенеза. Важную роль при этом могут сыграть коэффициенты интенсивности природопользования.

В числе наиболее важных компонентов природной среды, учитываемых при классификации территорий в сахальской зоне, следует назвать глубину залегания и степень минерализации грунтовых вод, общий дебит поверхностных вод и его распределение по временам года (следует особо подчеркнуть, что среднегодовой суммарный сток рек, достигающих Сахеля, за период с 1968 по 1984 г. снизился на 25%), годовой и суточный температурный режим, количество осадков, прочие метеорологические характеристики, литологический состав почвообразующих пород, степень расчлененности и форму рельефа и др. Особая форма учета должна применяться для определения объема потребления отдельных видов природных ресурсов, их частичного возвращения, рекультивации и стоимости защиты. Оценка величины ущерба и расходов на охрану и улучшение окружающей среды — важная методологическая проблема. Методы расчета предотвращенного ущерба могут быть разработаны по нескольким объектам (по источнику загрязнения, по населенному пункту, по району или среде воздействия).

Качественные и количественные показатели последствий урбанизации и индустриализации в сахальской зоне находятся в прямой зависимости от масштаба урбанизационной системы, профиля промышленного производства и уровня техногенного воздействия на природную среду. Поэтому факторный анализ причин является неразрывной частью тех или иных мер предотвращения отрицательных последствий развития урбанизации и индустриализации.

На основании изложенных положений можно прийти к основной формулировке решения поставленной задачи — охранение природной среды сахельской зоны от неблагоприятных последствий урбанизации и индустриализации должно предопределяться соответствующим размещением урбанизационных систем, для развития которых следует выбирать территории, способствующие эффективности мероприятий по сокращению неблагоприятного воздействия на среду. В свою очередь, планировочные и технические мероприятия должны базироваться на допустимом пределе техногенных нагрузок на природную среду. Таким образом, для каждого региона сахельской зоны должны быть установлены дифференцированные техногенные нагрузки, отвечающие требованию сохранения оптимального соотношения между этими нагрузками и природной средой при соблюдении главного условия — исключения возможности деградации. В конкретных условиях рассматриваемой зоны процесс деградации является основой опустынивания.

Существующие способы сокращения уровня загрязнения природной среды исходят из применения современных методов очистки продуктов техногенной деятельности. Однако развитие технологии производства новых продуктов сопровождается увеличением сопутствующих ему выбросов в атмосферу и почву. В этой связи для решения поставленных задач возрастает значение использования методов градостроительного управления процессами защиты природной среды сахельской зоны от воздействия урбанизации и индустриализации.

Основные преимущества метода градостроительного управления процессами защиты природной среды заключаются в использовании метеорологических, орографических и других особенностей того или иного региона для оптимального с экологической точки зрения размещения элементов урбанизационных систем. Так, например, в сахельской зоне имеются благоприятные предпосылки для организации орошаемого земледелия. Сельскохозяйственные поля, размещаясь на ранее бесплодных почвах, могут стать базой эффективного производства целого ряда культур и одновременно решить проблему удаления сточных вод.

Развитие урбанизации и индустриализации в Сахеле требует создания системы зеленых насаждений как общеоздоровительного, так и защитного назначения, поскольку наличие пустынных территорий вблизи урбанизационных систем делает необходимым проведение обширных работ по закреплению почв и созданию противозерозионных и противопылевых зеленых массивов. Состояние растительности может служить индикатором антропогенного воздействия на среду в целом, и целесообразно проведение специальных исследований, характеризующих изменения фитоценозов при различных расстояниях от источника загрязнения. Способность растений к поглощению из атмосферы таких загрязнителей, как бутан, метан, этан, бензол,

толуол и др., весьма различна, и при прочих равных условиях количество поглощенных веществ может в зависимости от вида растений изменяться в 50 и более раз. Необходимо определение газоустойчивости различных видов растений и классификация их по отношению к определенным загрязнителям и сочетаниям загрязнителей. Таким образом, появляется возможность соответствующего подбора растений, который будет способствовать уменьшению вредного антропогенного, прежде всего промышленного и транспортного, воздействия на окружающую среду.

Общие методологические принципы развития системы «сахельская зона — урбанизация» сводятся к следующим основным позициям:

- урбанизационная система и зона ее техногенного влияния не обязательно являются фактором деградации природного ландшафта;

- урбанизация стимулирует развитие инфраструктуры жизнеобеспечения;

- природные особенности того или иного региона в пределах зоны предопределяют выбор территории для развития урбанизационной системы и ее функциональных зон, а также профиль промышленного производства;

- техногенная деятельность урбанизационной системы должна быть подчинена научно обоснованным нормам допустимой нагрузки на ландшафт.

Л и т е р а т у р а

1. Григорьев А. А. Антропогенные воздействия на природную среду по наблюдениям из космоса. Л., 1985.
2. Марга Ж., Саад К. Ф. Подземные воды глубокого залегания: источники водоснабжения в пустыне.— Природа и ресурсы (ЮНЕСКО). 1984, т. 20, № 2.
3. Радченко Г. В. Страны Сахеля. М., 1983.
4. Развивающиеся страны: природа и человек. М., 1982.
5. Унитарра (ЮНЕСКО). М.
6. Droste-Huebschoff B. Ecological Research and Development.— Development and Cooperation. 1983, № 1.
7. Mabbutt I. A. Perspectives on Desertification.— Economic Geography. 1977, vol. 53, № 4.
8. Rapp A., Hellden U. Research on Environmental Monitoring Methods for Land Use Planning in African Drylands. Lund, 1979.

В. С. Ягья

**СДВИГИ В ГЕОГРАФИИ НАСЕЛЕНИЯ
И ПОЛИТИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ**

Афро-азиатский и латиноамериканский мир в 80-е годы характеризовался особенно динамичными экономическими, социальными и политическими сдвигами. Многие происходившие здесь процессы приобрели глобальный характер и все заметнее сказываются на соотношении сил в мире. Речь, разумеется, идет о «суммарном» эффекте их участия в международных делах, ибо, как писал К. Н. Брутенц, «процесс возрастания веса освободившихся и, в общем, развивающихся стран по своему политическому и социальному смыслу неоднозначен» [4, с. 102].

В связи с повышением роли развивающихся стран в мировой экономике и международных отношениях усиливается внимание ученых-обществоведов к различным проблемам этих государств. Важное место в их исследовании занимают актуальные вопросы народонаселения Азии, Африки и Латинской Америки. Значителен вклад отечественной науки в изучение данной тематики, в частности географии населения, этнографии и демографии освободившихся стран. Крупные научные направления в области этнографии, этногеографии, геоурбанистики и геодемографии разработаны или разрабатываются Д. А. Ольдерогге, Л. И. Бонифатьевой, М. Б. Горнунгом, Я. Н. Гузеватым, А. А. Долининым, Р. Н. Исмагиловой, Я. Г. Машбицем, В. В. Покшишевским, М. С. Розиным, Г. В. Сдасюк, Б. Б. Руновым и рядом других советских ученых. Заметный вклад в изучение народонаселения освободившихся стран внес С. И. Брук, фундаментальный труд которого представляет собой этнодемографическую панораму населения различных регионов мира, в том числе Азии, Африки и Латинской Америки [3].

Наименее исследованы, однако, политико-географические аспекты демографических и экистических процессов в развивающихся странах. Судя по всему, это связано с отсутствием должного внимания к политико-географической науке, о чем приходилось уже писать [20, с. 9]. Отставание весьма спорных или даже возрождение устаревших и не оправдавших себя положений вряд ли способствует активизации политико-геогра-

фических исследований [16, с. 37]. Актуальность и высокая теоретическая значимость политической географии как общественно-географической науки несомненны, что не раз подчеркивалось в трудах Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, Ю. Д. Дмитриевского, И. М. Маергойза, Я. Г. Машбица, В. В. Покшишевского, Ю. Г. Саушкина, Б. Н. Семевского. В 80-е годы для подъема авторитета политической географии немало сделали Р. А. Горбачевич, Н. В. Каледин, В. А. Колосов, С. Б. Слечич, О. В. Витковский, А. Л. Белов и др.

В настоящей статье предпринимается попытка определить взаимосвязь сдвигов в географии населения и политико-географических процессов в развивающихся странах. Разумеется, проследить взаимодействие этих географических явлений в полном объеме здесь не удастся, ограничимся лишь рассмотрением некоторых сторон влияния геодемографических и экистических сдвигов на изменение политико-географической ситуации в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Методологическая основа решения поставленной задачи состоит в том, что, как писал К. Маркс, «когда мы рассматриваем данную страну в политико-экономическом отношении, то мы начинаем с ее населения, его разделения на классы, распределения населения между городом, деревней и морскими промыслами, между различными отраслями производства» [1, т. 12, с. 726].

В отношении изучаемых вопросов большое значение имеет также следующее положение: несмотря на наличие антагонистических противоречий на определенных этапах развития общества, оно благодаря социальным отношениям представляет собой единый организм [11, с. 155]. В работе К. Маркса и Ф. Энгельса «Немецкая идеология» показана взаимосвязь между производительными силами, и в первую очередь населением как ведущей из них, и политическими отношениями, государством [1, т. 3, с. 322]; в письме К. Маркса П. В. Анненкову от 28 декабря 1846 г. прослежено влияние производительных сил на развитие всех общественных отношений, в том числе политических [1, т. 27, с. 402, 403]; Ф. Энгельс в «Анти-Дюринге» политический аспект отношений сводит не только к управлению людьми, но и к управлению вещами, производственными процессами [1, т. 20, с. 292]. В свою очередь, политические связи выступают в отношении экономических и социальных, как образно говорил К. Маркс, в качестве дирижера в оркестре [1, т. 23, с. 342—344]. Сами политические отношения представляют собой сферу политического бытия совокупного человека, одну из определяющих форм «существования и действия социальных качеств человека» [1, т. 1, с. 242].

Руководствуясь приведенными выше методологическими положениями, следует сделать вывод о теснейшей взаимосвязи географии населения и политической географии. Население как социально организованный коллектив производителей выступает в качестве объекта и субъекта политики одновременно.

Оно является носителем политических отношений, действующим лицом (активным или пассивным) политических событий, явлений или процессов.

Территориальная дифференциация геодемографических и экистических особенностей населения, обусловленная в конечном счете пространственной структурой общественного воспроизводства, во многом предопределяет политико-территориальные различия в организации жизни общества, их проявления, ход развития и т. д. В свою очередь, нельзя не согласиться с В. Г. Давидовичем в том, что «расселение зависит от способа производства и надстройки, формируется в соответствии с потребностями производства, экономических отношений, политики, культуры и быта людей» [8, с. 15]. Развивая мысль В. Г. Давидовича, необходимо отметить, что от перечисленных выше факторов зависит не только экистическая обстановка, но и геодемографическая ситуация. Показательна в этом отношении демографическая политика, осуществляемая тем или иным государством и воздействующая так или иначе на все стороны развития народонаселения, производства, политики, включая и их пространственные аспекты.

Все высказанные выше общетеоретические соображения о взаимодействии географии населения и политической географии позволяют обстоятельнее, основательнее осветить поставленные в данной работе вопросы.

Главный геодемографический феномен в современном мире — все усиливающийся рост численности населения Земли, и особенно в Африке, Латинской Америке и Азии. Однако, по мнению С. И. Брука, основанному на анализе статистических материалов за длительный период, нельзя говорить, как это делают западные исследователи, о «демографическом взрыве» или «бесконтрольном» росте населения в послевоенное время [3, с. 11]. Более того, С. И. Брук утверждает, что, учитывая тенденции последних лет и крайне малую вероятность возвращения к чрезвычайно высоким темпам воспроизводства населения 60-х годов, следует признать прогнозы ООН относительно общей численности населения мира (и, добавим, отдельных регионов) на 2000 г. завышенными [3, с. 29]. Автор допускает, что в 2000 г. на Земле будет не выше 5,5—5,8 млрд. человек.

Этот вывод базируется на обстоятельном учете тенденции сокращения среднемировой рождаемости (а следовательно, и естественного прироста, хотя уменьшается и смертность), вполне укоренившейся в последнее десятилетие в значительной степени за счет приближения так называемой демографической зимы в Европе [9, 1987, № 29, с. 8—9]. В интервью газете «Известия» 17 октября 1989 г. заместитель Генерального секретаря ООН Адебайо Адедеджи привел такие данные о годовом приросте населения: в развивающихся странах — 1,94%, в развитых — 0,6, в целом в мире — 1,63%. Нельзя не отметить,

однако, что в большинстве стран Африки и Западной Азии уровень рождаемости по-прежнему высок: в 1989 г. в Африке он составил 45 детей на тысячу человек. Это, вероятно, и дало основание экспертам ООН утверждать на Всемирной конференции по народонаселению в Мехико в августе 1984 г., что в 2000 г. население земного шара составит 6,1 млрд. человек, т. е. на 1,3 млрд. человек больше, чем в 1984 г. (имеются и другие подсчеты: на рубеже XX—XXI веков будет жить более 6,4 млрд. человек). В 1990 г. американская исследовательская организация «Польюлейшн референс бюро» опубликовала свой прогноз численности населения на Земле в 2000 г. (6 млрд. 292 млн. человек), очень близкий к расчетам экспертов ООН. По долгосрочным перспективным прогнозам ООН предполагается, что в 2025 г. население Земли возрастет (по среднему варианту) до 8,2 млрд. человек, а еще через 25 лет — до 9,5 млрд. и стабилизируется к концу XXI в. на уровне 10,5 млрд. человек [5].

При этом самые высокие темпы прироста населения сохраняются в афро-азиатском и латиноамериканском мире (табл. 1). Так, по прогнозам ООН, к началу XXI в. 56% этого прироста будет приходиться на Азию, 25% — на Африку и 11% — на Латинскую Америку.

Ожидается также значительный прирост населения в отдельных развивающихся странах (табл. 2).

Во многих государствах и международных организациях продолжают подсчеты будущей численности населения на Земле. В них немало любопытного. Так, бюро переписи США в 1988 г. рассчитало, что в 2040 г. в мире будет проживать 10 млрд. человек, в том числе Индия, Пакистан и Нигерия войдут в первую четверку самых населенных стран.

Как видим, во всех прогнозах неизменно отмечается значительное увеличение численности населения развивающихся стран. И это несмотря на демографическую политику правительств большинства этих стран, предусматривающую установление контроля над рождаемостью и ее сокращение. (Не следует полагать, как это часто допускается в научной и публицистической литературе, что в традиционном обществе, скажем в Африке, отсутствовали правила регулирования рождаемости. Они широко практиковались, например, у кипсигов в Кении и фульбе в Западной Африке.) Так, в Алжире введена политика «планирования семьи на основе индивидуального и коллективного согласия», поддержанная мусульманским духовенством. В феврале 1983 г. правительство этой страны приняло комплексную программу регулирования демографического роста, включающую проведение широкой разъяснительной работы, с тем чтобы ограничение количества детей стало добровольным и сознательным выбором супругов, и создание специальных центров по оказанию практической медицинской помощи и распространению контрацептивных средств. Активно

Таблица 1

**Предполагаемая численность населения
в основных регионах мира *,
млн. человек**

Регион	1984 г.	2000 г.	Прирост, %
Африка	513	851	65,9
Латинская Америка	390	564	44,6
Азия	2730	3564	30,5
Океания	24	29	20,8
Северная Америка	259	302	16,6
Европа (без СССР)	489	511	4,5

* Источник: [9, 1984, № 6, с. 18].

Таблица 2

**Предполагаемая численность населения
в отдельных странах *,
млн. человек**

Страна	1984 г.	2025 г.
Индия	750	1311
Нигерия	97	329
Бангладеш	92,4	266
Бразилия	133	243
Египет	46	86
Кения	20	83

* Источник: [9, 1984, № 33, с. 3].

политику планирования семьи проводит начиная с 1988 г. Нигерия, правительство которой очень обеспокоено высокими темпами роста населения — 3,2% в год [26, с. 23].

Примеров демографической политики аналогичного содержания немало в Азии, Африке и Латинской Америке. Они широко освещены в советской литературе (см., например, [6; 7; 12 и др.]). В ряде стран в понятие «демографическая политика» включаются исключительно экзистенциальные проблемы. Подтверждение тому — разработка в Ливии в рамках решения демографических вопросов проекта развития сети населенных пунктов до 2000 г., в котором рекомендуется интегрировать существующие северо-западные и северо-восточные городские агломерации и создать новую столицу в районе Большого Сирта с населением 250 тыс. человек, рассредоточить промышленные предприятия, торговые и административные учреждения по региональным центрам, создать 24 новых города в малоосвоенных районах, а также расселить жителей 150 деревень, где отсутствуют возможности дальнейшего хозяйственного роста.

Правительство Ливии на основе этого проекта приняло Национальный перспективный план на 1981—2000 гг., предусматривающий создание главной оси экономического развития между Мисуратой и Бенгази с рядом субрегиональных центров (см. [25]).

В афро-азиатском и латиноамериканском мире имеются, однако, страны, правительства которых открыто поощряют увеличение рождаемости. К ним относятся, в частности, Саудовская Аравия, Малайзия, Ирак, Чили, Уругвай, Габон, ЦАР, Камерун, Судан и Заир (см. [9, 1984, № 34, с. 14]). Особое внимание к увеличению численности населения объясняется не только тем, что оно (население) рассматривается как экономический ресурс. Учитываются также политико-престижные мотивы, ну и, конечно, военно-стратегические позиции страны в отношении соседей. Показательно в этой связи, что в Ираке во время войны с Ираном в 80-е годы расклеивались плакаты с осуждением противозачаточных средств и призывами к женщинам рожать детей для своей страны [9, 1988, № 3, с. 11]. Заметим, что население Ирака составляет немногим более $\frac{1}{3}$ жителей Ирана.

Провозглашаемый тем или иным правительством курс на усиление контроля над рождаемостью в ряде случаев недостаточно эффективен. Так, в Гане в 1960 г. на 10 женщин, достигших возраста 45—49 лет, приходилось 62 деторождения, в 1971 г. — уже 68, а в 1979 г. и того больше — 69 (см. [28]). Да и в упоминавшейся уже Нигерии, несмотря на правительственные усилия по ограничению рождаемости, политика планирования семьи не встречает понимания у населения. Опросы показали, что 84% нигерийских женщин не заинтересованы в планировании семьи, лишь $\frac{1}{3}$ вообще слышала о методах контрацепции и только 3% супружеских пар сегодня готовы к планированию семьи [26, с. 23]. Вместе с тем было бы неправильно утверждать, что программы ограничения рождаемости в развивающихся странах, в том числе и в Гане, вовсе не дают никаких позитивных результатов (см., например, [23]).

В большинстве освободившихся государств совершенно справедливо признают обусловленность демографических процессов социально-экономическими факторами. Это нашло свое подтверждение на состоявшейся в Аруше (Танзания) Второй конференции по народонаселению Африки и на Всемирной конференции по народонаселению в Мехико, проходившей под девизом «Человек — самая большая ценность в мире, население — главное богатство каждого государства». Не быстрый рост населения сам по себе, а социально-экономическая отсталость, неокOLONиальная стратегия монополий, которая ухудшает экономическое положение освободившихся государств, — вот причины увеличивающегося разрыва в уровнях развития между ними и развитыми странами. Именно поэтому в Азии, Африке и Латинской Америке все чаще признают, что демографическая

политика должна стать органической частью социально-экономической и политической стратегии государства.

Стремительный рост населения в развивающихся странах требует огромных капиталовложений для сохранения уже достигнутого уровня жизни. По подсчетам американского экономиста Дж. Спенглера, при росте населения страны на 1% в год нужны капиталовложения в размере 4% национального дохода. Таким образом, в странах с естественным приростом населения в 2% и более необходимо ежегодно инвестировать 8% национального дохода и выше. Это означает сокращение расходов на повышение уровня социальной обеспеченности населения, перенапряжение национальных бюджетов, а также уменьшение инвестиций на подъем отсталых в социально-экономическом отношении районов развивающихся стран. Тем самым при определенных социально-политических обстоятельствах возникают новые либо углубляются старые причины роста межрегионалистской напряженности (межрайонного антагонизма) [19, с. 21, 22]. Эта напряженность усиливается в условиях этнического и профессионального плюрализма, вследствие чего обостряются проблемы территориального единства и государственно-политического устройства страны.

Подобная политико-географическая картина наблюдалась или наблюдается во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки (например, в Индии, Индонезии, Эфиопии, Нигерии, Чаде). Таким образом, демографический процесс, характеризующийся резким увеличением численности населения, в исследуемых регионах может содействовать углублению и даже возникновению дезинтеграционных процессов [13, с. 18, 19].

С быстрым ростом численности населения во многих странах связано обострение экологических и политико-территориальных проблем. Ухудшение состояния окружающей среды, нарушение ее равновесия уменьшают, по существу, экологическую емкость тех или иных районов, в результате чего власти нередко предпринимают меры по переселению жителей из экологически кризисных территорий. Это, в свою очередь, может вызывать нежелательные конфликты между переселенцами и местными жителями, особенно если и те и другие этнически чужеродны. Подобное имело место, например, в Эфиопии.

Правительствами предпринимаются и другие шаги по решению сложных географо-экологических проблем. Так, в Кении с конца 1983 г. осуществлялся проект по анализу сложившейся в аридных и семиаридных областях (занимающих 80% ее площади) демографической ситуации и разработке рекомендаций по оптимизации природопользования в условиях роста плотности населения (см. [27]).

Значительный естественный прирост, связанный с сохраняющейся еще высокой рождаемостью и резким понижением смертности, определяет большую долю детей (до 14 лет) в на-

селении Азии, Африки и Латинской Америки — как правило, более 40%. Это требует существенных затрат на воспитание и образование детей, а в связи с переходом их в производительный возраст обостряется проблема занятости. Надо учесть также и некоторое повышение в освободившихся странах доли лиц пожилых возрастов (60 лет и выше). Оба эти геодемографических процесса (рост численности детских и пожилых возрастов) увеличивают «демографическую нагрузку» на трудоспособное население (15—59 лет), тормозя повышение жизненного уровня всего народа.

Наличие в составе населения большой доли детей и потребности общества в квалифицированных кадрах вынуждают правительства стран «третьего мира» развивать сеть школьных учреждений, а также средних специальных и высших учебных заведений. Это, в свою очередь, увеличивает контингент учащейся молодежи. Количественный рост последней (прежде всего студенчества) усиливает социально «детонирующую» роль этого слоя населения. Особую активность в этом плане проявляет студенчество стран Латинской Америки, Ближнего и Среднего Востока, Западной Африки, Таиланда, Малайзии и некоторых других государств. Общественная сила студенчества и примыкающих к нему учащихся старших классов повышается в результате их территориальной концентрации в многочисленных учебных заведениях (особенно в Африке), размещенных, как правило, в крупных и средних населенных пунктах. Большая часть студенчества также проживает в общежитиях, представляющих собой своеобразные студенческие городки. Это, несомненно, усиливает у них чувство политической общности, солидарности. При возникновении студенческих волнений концентрация молодежи в учебных заведениях и студенческих городках создает определенную политико-территориальную базу сражений студентов с властями. Яркий пример тому — студенческие волнения в Аддис-Абебе в мае—июне 1990 г., участники которых протестовали против казни двенадцати генералов, обвиненных в попытке государственного переворота в мае 1989 г. Основные студенческие городки в пределах Аддис-Абебы — эпицентры антиправительственных выступлений молодежи, по сообщению газеты «Известия» от 2 июня 1990 г., были осаждены полицией и войсками. Властям удалось предотвратить распространение волнений на другие районы столицы.

Не исключены также столкновения между учащейся молодежью на этнической и конфессиональной основе. Подобные конфликты в условиях нерешенности сложных проблем национальных и религиозных отношений особенно часты в пограничных (межэтнических и межконфессиональных) областях и в студенческих городках.

Низкий уровень и темпы экономического развития освободившихся стран не соответствуют темпам роста населения,

и потому в них велика армия детей школьного возраста, не посещающих школу, а также лиц производительных возрастов, не имеющих работу. Так, в Индии, по официальным данным, в середине 80-х годов насчитывалось 30 млн. полностью безработных, причем некоторые авторы считают, что в действительности безработных там было в несколько раз больше. До полумиллиона безработных насчитывалось в Эфиопии к 1990 г.

С начала 80-х годов рост трудовых ресурсов в Индонезии составляет ежегодно 1,75 млн. человек, причем многие из этих новых контингентов рабочей силы остаются вовсе либо частично без работы. В 1980 г. в стране из 51 млн. человек, занятых на различных предприятиях и в учреждениях, 11,5 млн. работали менее 24 часов в неделю (см. [22]). Сходная ситуация наблюдается и в других государствах Азии, Африки и Латинской Америки.

Среди безработных в развивающихся странах оказывается немало выпускников школ и даже высших учебных заведений — это так называемая «квалифицированная безработица». Известно, что люди в поисках работы покидают свои деревни и мелкие населенные пункты и отправляются в крупные города, где, также не найдя работу, оседают на «дно», пополняя тем самым маргинальные слои города. Маргиналы представляют собой социально взрывоопасный элемент населения. В выступлениях городских низов Азии и Африки все возрастающую роль играет упоминавшаяся выше безработная и полубезработная интеллигенция. Маргиналы, расселяясь, как правило, на окраине городов, в городских трущобах, образуют территориально «пояса нищеты», которые постоянно разбухают за счет увеличивающейся миграции из деревень. Исследователи считают, что численность городских низов, в том числе их ядра — безработных и люмпен-пролетариата, будет расти еще в течение нескольких десятилетий [14, с. 304]. Подобная тенденция обусловлена невиданными прежде темпами урбанизации в афро-азиатском и латиноамериканском мире, причем эти темпы, как правило, намного опережают рост промышленности. Появился даже термин «допромышленная урбанизация».

Таким образом, рассматривая территориальную структуру населения развивающихся стран, нельзя игнорировать «пояса нищеты», представляющие собой своеобразные политико-географические зоны социальной напряженности. Немало случаев (например, в Аддис-Абебе в январе—феврале 1974 г.), когда достаточно искры, чтобы обездоленные и озлобленные маргиналы покинули эти свои зоны и нахлынули на респектабельные кварталы, требуя улучшения жизненных условий. В Азии, Африке и Латинской Америке политическая роль городов весьма велика, если учесть, что многие из них окружены обширными пространствами, где сохраняются архаичные отношения, традиционные условия существования. Применительно к разви-

вающимся странам по-особому звучат слова В. И. Ленина о том, что во всех случаях «города представляют из себя центры экономической, политической и духовной жизни народа и являются главными двигателями прогресса» [2, с. 341].

В политико-географическом отношении города цементируют территориальное единство страны. Известно, что многие из развивающихся государств накануне обретения независимости являли собой, по сути дела, конгломерат разобщенных областей. Рост городов и массовые миграции населения типа «деревня—город», «город—город», «деревня—деревня» и даже «город—деревня», а также «деревня—агропромышленный комплекс» ускоряют превращение страны в единый политико-территориальный комплекс.

Первостепенное значение в жизни народов, освободившихся от колониализма, имеют столицы, причем в большинстве стран Азии, Африки и Латинской Америки они являются, как правило, самыми крупными городами, а другие намного отстают от них по численности населения. Заметное увеличение количества горожан видно на примере Индии (табл. 3).

Предполагается, что в 2000 г. самым населенным городом в мире станет Мехико, который будет насчитывать 27,6 млн. жителей. Кроме того, в Азии, Африке и Латинской Америке будет еще пять городов с населением 14—21,5 млн. человек: Сан-Паулу, Бомбей, Калькутта, Джакарта и Рио-де-Жанейро [9, 1984, № 6, с. 18]. По прогнозу экспертов Международной организации труда, опубликованному в 1988 г., к этим городам в «третьем мире» будут примыкать по численности населения Каир, Карачи, Дакка и Манила, где будут проживать 11—13 млн. человек. Ожидается в связи с появлением городов-гигантов усиление существующих или возникновение новых политико-географических процессов.

Урбанизация и дальнейшее развитие экономики в странах исследуемых регионов вызывают изменения социальной структуры населения, а следовательно, затрагивают и ее пространственный аспект. Для определения социально-территориальной или территориально-политической организации населения, думается, можно использовать коэффициент локализации (K_L) социальной или политической группы в данном районе. Формула этого коэффициента такова:

$$K_L = \frac{\text{численность социальной группы в районе}}{\text{численность социальной группы в стране}},$$

Представляется целесообразным делать подсчет по административным районам. Применение этого коэффициента позволит основательнее осуществить политико-географическое районирование страны или региона.

Быстрые темпы урбанизации приводят к заметным изменениям в этноконфессиональной картине развивающихся стран. Эта тенденция обстоятельно проанализирована в ряде работ

Таблица 3

**Рост численности населения
крупнейших городов Индии в 1971—1981 гг. ***

Город	Численность населения в 1981 г., млн. человек	Рост в сравнении с 1971 г., %
Калькутта	9,17	30,4
Бомбей	8,20	37,4
Дели	5,23	43,4
Мадрас	4,28	34,9
Ахмадабад	2,51	44,4
Хайдарабад	2,56	42,9
Канпур	1,68	32,2
Пуна	1,68	48,5
Нагпур	1,30	39,6

* Источник: [21].

В. В. Покшишевского, Я. Г. Машбица и С. И. Брука. С учетом их мнения особо следует подчеркнуть сложность и противоречивость этнообъединительной роли городов в афро-азиатском и латиноамериканском мире. Процессы «переваривания» в общенациональном котле представителей различных этнических групп в городах Азии и Африки затруднены, в частности, из-за «этнического урбанизма», т. е. обособленного расселения отдельных этнических групп в городах. «Этнический урбанизм», дополненный конфессиональной неоднородностью (в этом случае можно говорить о «конфессиональном урбанизме»), еще более усложняет этническую консолидацию и интеграцию. В 60—80-е годы было немало случаев межэтнических столкновений в городах Азии и Африки между жителями этно- или конфессионально обособленных кварталов. В этой связи большое значение имеет определение этно- или конфессионально-пространственных параметров расселения людей в городах, что позволит объективнее и глубже исследовать территориальные аспекты социально-политических процессов.

Из-за отсутствия достоверной этнодемографической и религиозной статистики по многим городам Азии, Африки и Латинской Америки трудно вычислить индекс этнической мозаичности, предложенный Б. М. Эккелем (см. [17]), а также индекс конфессиональной неоднородности. Формула последнего индекса:

$$P_i = N \cdot Q,$$

где P_i — индекс конфессиональной неоднородности i -го района или города,

N — число конфессиональных групп населения i -го района или города,

Q — доля конфессиональной группы во всем населении i -го района или города.

С помощью этих индексов можно сопоставить мозаичность этнического и конфессионального состава различных районов и городов страны или стран, а также определить этнические (или конфессиональные) политико-территориальные зоны вероятных межэтнических или межконфессиональных столкновений либо контактов.

На изменение этноконфессиональной структуры населения развивающихся стран оказывает влияние не только урбанизация, но и многие другие геодемографические процессы. Весьма значительна при этом роль неодинаковых темпов естественного прироста у различных народов. Немало случаев, когда данный показатель выше у народов или конфессиональных групп, в социально-политическом и экономическом отношении дискриминируемых в своих странах. Повышение «демографического веса» таких угнетенных групп населения усиливает среди них стремление к изменению социально-политического и экономического положения, нередко вызывая даже центробежные тенденции. Очень показательна в этой связи ситуация в Ливане, где, «хотя большинство населения... и принадлежит к одному этносу — ливанским арабам, традиционные конфессиональные различия позволяют говорить о существовании в рамках одного этноса нескольких групп, обособившихся под влиянием конфессионального фактора» [15, с. 4; см. также: 13, с. 176, 177].

Конфессиональный характер социально-политических структур, утвердившийся в недавнем прошлом в Ливане, в настоящее время уже не соответствует современной обстановке в стране. Выведенные на основе переписи 1932 г. нормы общинного представительства, согласно которым христианам-маронитам в силу их численного превосходства над другими религиозными общинами предоставлялось большее количество мест в государственных органах власти, в наши дни безнадежно устарели, ибо уровень прироста населения у мусульман Ливана (как шиитов, так и суннитов) выше, чем у маронитов. В основе длившейся почти два года (1975—1976) гражданской войны в Ливане лежало, с одной стороны, стремление национально-патриотических сил осуществить прогрессивные реформы, ликвидировавшие бы социально-политическую дискриминацию, а с другой — желание правохристианских партий сохранить конфессиональное (и, следовательно, социально-экономическое) статус-кво. В ходе боевых действий христианское руководство, опасаясь за свои привилегии, выдвинуло план раздела Ливана на три государства (христианское в Центральном Ливане, мусульмано-суннитское на северо-востоке и мусульмано-шиитское на юге и юго-востоке), объединенных в федерацию [15, с. 4]. Особо подчеркнем, что прогрессивные силы Ливана видят путь освобождения от межобщинной, межконфессиональной отчужденности в сплочении всех трудящихся для защиты их общенациональных интересов.

Аналогичных взглядов придерживаются и левые партии Ин-

дии, где так называемые коммуналистские отношения время от времени резко обостряются. С середины 80-х годов ухудшилась обстановка в штате Пенджаб, где сикхские сепаратисты активизировали свои выступления за отделение и образование «самостоятельного государства Халистан». Усиление подобных настроений среди сикхов отчасти связано с увеличением их доли в общей численности населения Индии (в 1881 г.—0,74%, 1971 г.—1,89, а в начале 80-х годов—более 2%) (см. [24]).

Ведущую роль в ливанских и индийских событиях (а также в сходных, но не тождественных событиях на Филиппинах, Кипре, в Малайзии и других странах) играют социально-экономические факторы. Однако нельзя не учитывать и значительную роль геодемографических и этноконфессиональных обстоятельств, в данном случае их влияние на политико-территориальные дезинтеграционные процессы.

Говоря о политико-географических процессах в их взаимодействии с геодемографическими изменениями в развивающихся странах, следует особо обратить внимание на исламский фактор, который стал играть все возрастающую роль в судьбах многих государств Азии и Африки (см. [18]). Например, как предполагают, в Сьерра-Леоне в начале 80-х годов мусульмане составляли уже 25—50% всего населения. Распространение ислама на этой территории началось лишь в XVII в., а число его приверженцев заметно стало увеличиваться только после второй мировой войны. Это происходило не только за счет расселения фулани, мандинго и сусу в горных районах страны, перехода в мусульманскую веру части менде, ранее исповедовавших местные автохтонные религии или христианство. У мусульман Сьерра-Леоне рождаемость значительно выше в сравнении с приверженцами других вероисповеданий. Мусульманские богословы и служители культа оказывают все большее влияние на различные стороны жизни Сьерра-Леоне, в том числе на правительственные решения.

Аналогичная ситуация характерна для Бангладеш и ряда других государств «третьего мира». И если в Бангладеш нет конфликтов на конфессиональной основе, то в Судане, где велика доля христиан и сторонников местных верований, в Эфиопии с преобладанием в ней христиан над численно увеличивающимся мусульманским населением и в других странах с неоднородным конфессиональным составом политическая обстановка иная. В арабо-мусульманском мире считают даже, что в Эфиопии мусульман больше, чем христиан, и на издаваемых в арабских столицах географических картах часто вся Эфиопия окрашивается в зеленый цвет, как и другие страны исламского мира [18, с. 177]. В последнее время резко обострились мусульманско-христианские взаимоотношения в Нигерии [9, 1988, № 31, с. 10]. Очаги конфликтных ситуаций в «третьем мире» на конфессиональной почве, обусловленные отчасти геодемографическими обстоятельствами и сопутствующими им социально-

экономическими трудностями, осложняют политико-географическую обстановку в Азии, Африке и Латинской Америке. Дальнейшее изучение взаимодействия сдвигов в географии населения и политико-географических процессов в Азии, Африке и Латинской Америке намного обогатит общественную географию развивающихся стран.

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения *.
2. Ленин В. И. Новейшие данные о партиях в Германии.— Т. 23.
3. Брук С. И. Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1981.
4. Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в начале 80-х годов.— Коммунист. 1984, № 3.
5. Бюллетень иностранной коммерческой информации. М., 02.08.1984.
6. Гузеватый Я. Н. Проблемы народонаселения и социально-экономическое развитие стран Азии, Африки и Латинской Америки. М., 1970.
7. Гузеватый Я. Н. Демографо-экономические проблемы Азии. М., 1980.
8. Давидович В. Г. Расселение в промышленных узлах. М., 1960.
9. За рубежом. М.
10. Крупская Н. К. Педагогические сочинения. Т. 9. М., 1964.
11. Перфильев М. Н. Общественные отношения. Методологические и социологические проблемы. Л., 1974.
12. Производительные силы Африки. Трудовые ресурсы. М., 1981.
13. Пучков П. И. Современная география религий. М., 1975.
14. Развивающиеся страны: закономерности, тенденции, перспективы. М., 1974.
15. Родионов М. А. Марониты Ливана (Историко-этнографический очерк). Автореф. канд. дис. Л., 1975.
16. Сальников С. С. Экономическая география океана в СССР.— Экономическая и социальная география: проблемы и перспективы. Л., 1984.
17. Эккель Б. М. Определение индекса мозаичности национального состава республик, краев и областей СССР.— Советская этнография. 1976, № 2.
18. Этноконфессиональные процессы в современном мире. Баку, 1989.
19. Ягья В. С. Размещение хозяйства и некоторые политико-географические процессы в «третьем мире».— Страны и народы Востока. Вып. 18. М., 1976.
20. Ягья В. С. Становление и развитие политической географии в Советском Союзе.— География, политика и культура. Л., 1990.
21. Bhatia J. C. Density of Population and Social Pathology in India.— Indian Geography Studies. 1983, № 20.
22. Chaponnière J. R. L'Indonésie, le plus pauvre et le plus peuplé des pays de l'OPEC.— Industrie et travaux Outre-Mer. 1984, vol. 32, № 367.
23. Crimmins E. M. a. o. New Perspectives on the Demographic Transition: a Theoretic and Empirical Analysis of an Indian State, 1951—1975.— Economic Development and Cultural Change. 1984, vol. 32, № 2.
24. Dutt A. K., Davgun S. Religious Pattern of India with Factorial Regionalization.— Geojournal. 1979, vol. 3, № 2.
25. Lanless R., Kezeiri S. Special Aspects of Population Change in Libia.— Méditerranée. 1983, vol. 50, № 4.
26. Nigeria: New Population Policy.— Africa. 1989, vol. 30, № 9—10.
27. Sindiga I. Monitoring Population Pressure in the Semi-Arid Zone of Kenya.— Geographical Bulletin. Gamma, Beta, Theta, Upsilon. 1984, vol. 25.
28. Tawiah E. O. Determinants of Cumulative Fertility in Ghana.— Demography. 1984, vol. 21, № 1.

* Труды К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по 2-му изданию Сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений.

Г. Л. Гальперин

К ВОПРОСУ О МИГРАЦИЯХ НАСЕЛЕНИЯ В ЭФИОПИИ

(до революции 1974 г.)

Под миграциями населения в настоящей работе понимают достаточно массовые, повторяющиеся или разовые — как стихийные, так и организованные — перемещения населения, вызываемые социально-экономическими, политическими, историко-этническими или природно-географическими причинами либо той или иной совокупностью таковых.

История Эфиопии, как и прошлое других африканских стран, дает немало примеров разной по характеру и масштабам подвижности населения. Надо отметить, однако, что миграционные процессы в предреволюционной и революционной Эфиопии изучены куда меньше, чем исторически более давние перемещения населения в пределах страны и региона (Африканский Рог). В определенной мере, как представляется, это связано с тем, что научный анализ миграций населения в последние два-три десятилетия перед эфиопской революцией стал бы одновременно политическим приговором режиму Хайле Селассие I — а на это по разным обстоятельствам отваживались немногие. Другая причина — скудость и противоречивость источников, как литературных, так и полевых. И наконец, третья — известная недооценка исследователями значения, масштабов и последствий перемещений населения Эфиопии.

С 50-х годов становится все более очевидной роль капиталистического уклада в Эфиопии как ведущего, системообразующего. Но рост капиталистических отношений, обусловленный внутренними и внешними факторами (воздействие международного капиталистического хозяйства), замедлялся огромным грузом докапиталистических, а в ряде районов и раннефеодальных и дофеодальных производительных сил и производственных отношений [7, с. 14]. Все это не могло не сказаться на характере миграций населения, и прежде всего трудовых, которые нас больше всего интересуют. К ним в самом широком толковании этого термина в данных заметках причисляются перемещения населения, вызванные необходимостью и относительной возможностью получения на условиях найма основных или дополнительных доходов вне места проживания мигранта. Однако предварительно следует остановиться на основных ти-

лах нетрудовых миграций населения в дореволюционной Эфиопии.

К таким миграциям надо отнести существующие и сегодня традиционные перемещения населения, связанные с типом хозяйства. Это прежде всего миграции скотоводов-кочевников в обширных периферийных районах, занимающих не менее половины территории страны. В нормальных условиях время и направление кочевок целиком определялись режимом водообеспечения, носили очевидный сезонный характер. Многие традиционные маршруты пересекали государственные границы. Территория кочевых и полукочевых народов относилась к категории «государственных земель», и уже одно это обстоятельство позволяло режиму Хайле Селассие I распоряжаться такими землями по своему усмотрению (наиболее часто приводимый пример произвола — изгнание скотоводов-афаров с пастбищных угодий в долине р. Аваш в период «плантационной колонизации» этого района).

Другой традиционный тип нетрудовых миграций — торговые. Самые массовые — регулярные посещения крестьянами сельских (один, реже — два раза в неделю) и городских рынков. По мере удлинения «радиуса притяжения» рынков, появления новых центров (с 50-х годов) интенсивность таких миграций заметно возросла. К торговым миграциям можно отнести регулярные путешествия за солью («амоле») в Данакиль, перегоны скота на скотобойни, поездки крестьян к появившимся в начале 60-х годов крупным закупочным пунктам-зернохранилищам. Активными участниками торговых миграций были торговцы-арабы, выполнявшие нередко и роль посредников. Сформировались стабильные контрабандные маршруты. Постоянные торговые вояжи в предреволюционной Эфиопии стали совершать и амхара, что еще сравнительно недавно было бы невероятным.

Другая форма массовых традиционных перемещений населения — паломничество. Исторические христианские центры паломничества утратили свое значение. В канун революции крупнейшим стал Кулуби, близ мусульманского Харэра, «привязанный» к наследственной вотчине рода Хайле Селассие I. Там периодически собиралось по несколько сотен тысяч человек, в том числе и из весьма отдаленных районов. Особую, постоянно обновляемую категорию внешних мигрантов составляли паломники-мусульмане (эфиопы и жители других стран Африки), направлявшиеся в Мекку и Медину через Массауа, реже — Асэб. Транзитный хадж носил, однако, ограниченный характер — основная масса паломников переправлялась через Красное море из суданских портов. Иногда паломники, как христиане, так и мусульмане, навсегда оставались в одном из транзитных пунктов [6, с. 106—107].

Может быть, специфически эфиопским (в Африке) видом массовых миграций следует назвать бродяжничество. Обычно

это были мигранты, навсегда порвавшие с родной деревней, общиной, реже — с городом и не сумевшие закрепиться в каком-либо определенном месте, — нищие, люмпены, калеки. Особую категорию составляли учащиеся традиционных церковных школ — в этих случаях исходными пунктами были, по нашим наблюдениям, церковные центры в Гондэре и Годжаме. В канун революции ряды бродяг заметно пополнили согнанные с земли крестьяне, в частности в районах «зеленой революции» (см. ниже).

В научной литературе практически не содержится сведений об особой категории мигрантов, сельских или городских жителей, которых императорский режим насильственно переселял в южные и западные районы страны. Речь идет о заключенных, в том числе и политических (пересыльные тюрьмы нам приходилось видеть в Гондэре, Дангле). Политические ссыльные во многих случаях стали активными участниками революции — в канун и после свержения феодально-монархического строя.

Наиболее массовыми и устойчивыми оказались начавшиеся еще на рубеже XIX и XX вв. стихийные перемещения земледельческого населения из северных и центральных районов Нагорья на юго-запад, а также на юг. Необходимость и возможность таких миграций могли созреть именно в феодальной Эфиопии; они появились в результате феодальной колонизации обширных районов на южной и западной периферии империи, с одной стороны, и феодально-церковного гнета общины и обезземеливания крестьян-общинников на севере — с другой. Главными исходными районами «крестьянских миграций» были Годжам, Гондэр, часть Уолло, Тыграй, а конечными пунктами — главным образом Уоллега, Южное Шоа, Северное Сидamo, Арси, Северное Бале, Гамо-Гофа, некоторые пограничные с Суданом районы. Основной миграционной единицей была, как правило, семья, но в периоды стихийных бедствий (засухи), а в предреволюционные годы — во время массового изгнания крестьян-арендаторов миграции приобретали четко выраженный групповой характер.

А. Вуд (сотрудник географического факультета университета в Лусаке) указывает, что в последние 25 лет перед революцией «стихийные переселения сельского населения стали заметным явлением, и примеры тому можно было найти почти во всех провинциях» [36, с. 157]. Он утверждает, что такие миграции охватили в 1950—1974 гг. более 1 млн. человек, а площадь вновь освоенных в результате этого земель увеличилась на 25%. Если вторая цифра представляется явно завышенной, то число переселенцев, напротив, видимо, занижено. О довольно значительных масштабах миграций земледельческого населения с севера на юг говорится в докладе эфиопской Комиссии по оказанию помощи и восстановлению и в отчете специальной комиссии МОТ [17, с. 80; 33, с. 14].

Одновременно в северных и центральных районах, а также в некоторых южных участились локальные миграции «вниз», по кромке плато и нагорий, в речные долины, в районы высотного-природного пояса — «колла». Там осваивались участки, обычно неудобья, на которые не существовало фиксированного права владения. Стихийное, а позже отчасти организованное (плантационное) освоение этих районов росло по мере ликвидации очагов малярии и эпизоотических заболеваний, развития инфраструктуры, прежде всего транспорта (особенно на отдельных участках Рифтовой зоны), по мере увеличения объема и достоверности информации, носителями которой были мигранты-отходники, кочующие торговцы, посредники-перекупщики и др. А. Вуд справедливо полагает, что короткие миграции «вниз» не вели к сколько-нибудь заметной разреженности плотности населения, зато расширяли (и, на наш взгляд, очень быстро) зону негативных экологических аномалий. Дальние же миграции имели определенный положительный эффект, если говорить о сельской Эфиопии в целом, точнее — о проблеме выживания разоренного, безземельного и малоземельного крестьянства. Эти стихийные миграции вполне устраивали режим Хайле Селассие I, поскольку, как верно заметил тот же А. Вуд, служили «клапаном» для ослабления серьезного потенциала отчаяния, ненависти, протеста, зревшего в эфиопской деревне [36, с. 161].

Организационная занятость населения вне места проживания создавалась в феодальной Эфиопии принудительными, крепостническими мерами, нередко и на принципах рабовладения. Миграции такого рода были связаны главным образом с обслуживанием нужд царской и феодальных дружин, столичных (в том числе, кстати, и «мигрирующих») поселений, крупных монастырей. Характерный пример — массовое переселение в новую столицу, Аддис-Абебу, на дарованные знати участки дворовой челяди и работников из числа военнопленных-рабов [32, с. 256]. Позже — принудительное переселение помещиками-абсентеистами части городской челяди в свои обширные жалованные поместья на юге страны (в качестве надсмотрщиков, мелких клерков, сторожей и т. п.).

Миграции населения в феодальной Эфиопии не вели к сколько-нибудь заметным социально-экономическим структурным изменениям. И позже развитие капиталистических отношений как в городе, так и деревне, вовлечение Эфиопии в сферу влияния и давления международного капиталистического хозяйства не были настолько глубокими, интенсивными, чтобы трансформировать или ликвидировать многие традиционные перемещения населения, особенно на периферии страны. Вместе с тем именно зарождение и развитие капиталистического уклада создали условия, определяющие необходимость и возможность нового типа миграций — трудовых, в том числе ведущих к серьезным социальным сдвигам, прежде всего к превращению части (пусть

небольшой) феодально-зависимых крестьян, включая общинников, в наемных сельских и городских работников, полностью или почти полностью отчужденных от собственности на землю и права ее использования на условиях аренды и все чаще — от уз общинной, клановой, этнической зависимости, которая нередко чрезмерно подчеркивается многими западными африканистами. При этом даже сезонные, в том числе и разовые трудовые миграции вели к определенным социально-психологическим сдвигам. «„Перекочевыванья“ означают создание подвижности населения,— писал В. И. Ленин о российской деревне на рубеже XIX и XX вв.—Перекочевыванья являются одним из важнейших факторов, мешающих крестьянам „обрастать мхом“, которого слишком достаточно накопила на них история. Без создания подвижности населения не может быть и его развития, и было бы наивностью думать, что какая-нибудь сельская школа может дать то, что дает людям самостоятельное знакомство с различными отношениями и порядками и на юге и на севере, и в земледелии, и в промышленности, и в столице и в захолустье» [1, с. 246]. Видимо, не случайно постоянные отходники одними из первых в Эфиопии встали на сторону антипомещичьей революции, создавая «очаги брожения» как в исходных, так и в приемных пунктах миграций.

В основе трудовых и некоторых нетрудовых миграций в предреволюционной Эфиопии были ускоренное разрушение натурального хозяйства, чрезвычайно низкий жизненный уровень внегородского населения, обусловленный необычайно низкими же продуктивностью сельского хозяйства, производительностью труда, малоземельем и безземельем миллионов крестьян, очень высокой долей прибавочного продукта крестьянского труда, присваиваемого помещиком, церковью, государством, общинной верхушкой. Другие причины — аграрное перенаселение, безработица и неполная занятость в деревне и в городе, исторически сложившееся крайне неравномерное размещение земледельческого населения, связанные с таким размещением негативные экологические процессы, разрушительная сила которых резко усилилась под воздействием стихийных бедствий (хронической засухи в 70-х и первой половине 80-х годов). Большинство исследователей, как эфиопских, так и западных, называют все или часть этих очевидных побудительных факторов.

Результаты обследования сельских районов (1968—1970 гг., без Эритреи) показали, что владельцы 33% из 3,5 млн. сеющих хозяйств назвали в качестве главной причины невозможности дальнейшего увеличения производства нехватку земли; и действительно, 92,6% всех этих хозяйств обрабатывали участки менее 4 га и 82,4% — менее 2 га (рассчитано по [25]; см. также [7, с. 21, 186—188]). Подавляющее большинство крестьянских хозяйств едва обеспечивали и все чаще не обеспечивали минимальную потребительскую посемейную норму. И это при том,

что крестьянские участки были в Эфиопии, как правило, больше, чем в среднем в Тропической Африке. Однако такой преимущественный фактор сводился на нет из-за переистощения почв, более низких урожаев и, главное, из-за откровенно грабительских поборов. Побудительные причины для миграций создавало и перманентное дробление земельных участков, «отпочкование» хозяйств детей от родительских. Обработка крошечных наделов, как отмечает известный эфиопский ученый Мэсфын Уольдэ Мариам, «становилась неэкономичной даже с точки зрения натурального хозяйства» [4, с. 239]. Это было особенно характерно для общинных районов Севера. Община перестала быть гарантом воспроизводства даже на самом низком, нищенском уровне.

Не следует забывать и о постоянном росте численности сельских жителей и, следовательно, одновременном сокращении площади земельных угодий на душу населения. Так, в 1970—1975 гг. плотность земледельческого населения (с учетом безвозвратных миграций в города и гибели от голода свыше 200 тыс. сельских жителей) увеличилась со 176 до 208 человек на 1 кв. км, или на 18% [6, с. 147].

Измельченность земельных участков, деградация хозяйств малоземельных и безземельных крестьян-арендаторов, невозможность в силу социальных (система землевладения и землепользования) или чисто экономических причин обрабатывать пустующие земли высвобождали немалое число работников. По подсчетам эфиопских экономистов, для обработки крестьянских участков в Центральной и Северной Эфиопии достаточно было в среднем двух работников на хозяйство вместо имевшихся трех-четырех. Именно общинный север стал основным поставщиком отходников в другие районы страны, мигрантов в города. Даже в отдельно развитом аграрном районе Чилало (провинция Арси) крестьяне были заняты производительным трудом в среднем в течение лишь $\frac{1}{3}$ дневного (светлого) времени [17, с. 16]. Застойное аграрное перенаселение в совокупности с растущей безработицей в городах стало, как и во многих других развивающихся странах, серьезнейшей национальной проблемой, которая усугублялась в предреволюционной Эфиопии политическими, этнорелигиозными и другими противоречиями.

Первый ощутимый импульс к росту трудовых миграций — как стихийных, так и организованных (в данном случае насильственных) — связан с периодом итальянской оккупации [6, с. 13, 100; 26, с. 719, 720 и др.]. Речь шла об ускорении процесса разложения феодально-рабовладельческих структур, патриархальной деревни, о начале периода капиталистической урбанизации. Итало-эфиопская война привела к разорению сотен тысяч крестьянских хозяйств, к перемещению значительных масс населения. Но одновременно в тот период заметно возросло использование наемного труда — в городах, на соору-

жении дорог, первых энергоустановок, в ходе освоения товарных плантаций, в сфере поставок для оккупационных войск и т. д. В послевоенной Эфиопии наряду с необходимостью поисков работы для немалой части населения постепенно, особенно с 50-х годов, стали появляться пункты притяжения мигрантов, новые рынки рабочей силы: промышленные предприятия и центры, городское коммунальное хозяйство и городское ремесленное производство, плантации, районы производства товарного, в том числе экспортного, кофе, внегородские стройки и т. д.

Вместе с тем развитие капиталистических отношений стимулировало и насильственное перемещение значительных масс населения. Примером могут быть десятки тысяч крестьянских семей, согнанных с арендуемых участков в районах, где проводились эксперименты с «зеленой революцией» (сам этот термин в Эфиопии не употреблялся). Очаги «зеленой революции» (главный — в районе Чилало, провинция Арси) появились в в конце 60-х годов. Они развивались в архаичной социально-экономической оболочке. Речь шла о становлении капиталистического хозяйства при монополии на землю немногих крупных и средних феодальных собственников. Ажиотаж, спекуляции земель, введение механизации, резкое увеличение арендной платы привели к обогащению узкого круга землевладельцев, появлению прослойки хозяйств кулацкого типа и одновременно к массовому разорению крестьян-арендаторов, часть из которых была согнана с земли [7, с. 35]; таков же вывод большинства эфиопских и западных исследователей (см. [10, с. 9; 16, с. 114, 115; 17, с. 17; 27, с. 16, и др.]). Были разорены, разъединены тысячи и тысячи крестьянских семей. Лишенные земли крестьяне становились батраками, постоянными и сезонными плантационными рабочими, пополняли ряды городских безработных, люмпенов, бродяг, уходили на строительные (как правило, дорожные) работы. Часть из них в канун революции с оружием в руках ушла в горные леса. Мэсфын Бызунех, Маббс-Зено и К. Карл справедливо отмечают, что именно в очагах «зеленой революции» накапливался значительный революционный потенциал [27, с. 16].

В Эфиопии известны почти все виды трудовых миграций по направлениям: «деревня — город», «деревня — деревня» (например, отходничество в районы сбора кофе), «город — город» (позтапное «соседание» в мелких городах на пути в столицу и др.), «город — деревня» (сезонная занятость городских безработных в крупных товарных хозяйствах), «город (или деревня) — внегородская стройка» (чаще всего дорожные работы). Внешняя трудовая миграция, столь значительная в некоторых странах Южной и Западной Африки, не была развита. (Правда, в 60-х годах появились некоторые постоянные маршруты — в отдельные пограничные, в основном хлопководческие, районы Судана, но позже в связи с обострением ситуации в ре-

гионе эти миграции прекратились.) Весьма разнообразны были перемещения населения и по срокам — от исчислявшихся днями и неделями до безвозвратных.

При всем разнообразии типов, сроков и направлений трудовых миграций основные причины, их вызывающие, всегда одни и те же — социально-экономические. Сам термин «трудовая миграция» выражает ее суть — работа по найму за пределами места проживания. Видимо, всякие моральные, духовные, психологические, культурные факторы — не первопричина, как указывают многие западные исследователи, а следствие или повод. Внеэкономические стимулы можно определить как «вторичные причины». Например, стремление мигранта приобрести новые — городские — трудовые навыки, тяга к «промышленному обучению» — явление вторичное, результат, как правило, уже свершившейся миграции, стремление сделать свое пребывание вне деревни наиболее рациональным (эти соображения подтверждаются, например, моими беседами с сезонными и постоянными рабочими на строительстве ГЭС Тис-Бисат близ Бахр-Дара).

Интенсивность трудовых миграций определялась многими факторами: нуждой в заработках в денежной форме, дефицитом земли, емкостью рынка рабочей силы, особенно вне деревни, протяженностью и постоянством миграционных маршрутов, сроками и повторяемостью миграций, развитием транспортной сети, семейным положением мигранта, некоторыми этнопрофессиональными особенностями и т. д. В то же время известная специфика эфиопской деревни ограничивала масштабы миграций. Во многих африканских странах община являлась и является, как известно, гарантом сохранения земельной доли мигранта, даже если он отсутствует несколько лет. На севере Эфиопии «рыст общины» (гарантированное право крестьян-общинников на свою долю) претерпел значительные изменения. Превращение общинного землевладения фактически в частно-долевое, растущие противоречия между малоземельными общинниками и общинной верхушкой, концентрация земли и власти в руках последней — все это создавало для мигрантов (а они все без исключения были должниками зажиточных общинников и местных помещиков-администраторов) риск потерять землю, право «рыст». На юге сдерживающими факторами были совершенно неконтролируемый произвол помещиков, сложная система аренды и субаренды, которая привязывала большинство крестьян к земле. Поэтому уход на заработки мог легко обернуться для крестьян лишением земли, права аренды. Тем не менее в предреволюционные годы заметно возросла интенсивность трудовых миграций вообще и доля безвозвратных миграций в частности.

Часто утверждают, что мигрант становится таковым, если за один и тот же период он в состоянии заработать больше вне места проживания. Это утверждение требует, видимо, уточне-

ний. Его можно отнести только к случаям повторных миграций, поскольку у большинства новичков нет никаких гарантий, никакой достоверной информации о том, что их заработки на стороне окажутся выше, чем доходы дома. Очевидно и то, что при существовании на месте даже малейшей возможности заработка в денежной форме вероятность миграции, как правило, резко сокращается.

Потребность доходов в денежной форме, несомненно, оказывала в предреволюционные годы значительное, а в ряде случаев и решающее влияние на интенсивность миграций из деревни. Во-первых, изменилась структура арендной платы, да и всех других поборов с крестьянина — в них все большую долю занимали денежные расчеты (см. [7, с. 39]). Кроме того, появилась нужда в деньгах для покупки товаров, не производимых в деревне, для оплаты новых услуг (например, билета на междугородный автобус) и даже для покупки традиционных товаров, в том числе тех, которые до того сами играли роль денег (соль, перец). Наличия денег требовали и скромные попытки введения новой агротехники, распространение практики купли-продажи земли. Наконец, традиционные формы мобилизации рабочей силы для проведения различных работ — например, для строительства дорог, переправ, церквей и т. д. (тоже, строго говоря, пример организационных локальных миграций) — все чаще стали дополняться или заменяться сбором финансовых средств.

Немалую роль в интенсивности миграций играли, конечно, расстояния между исходными и конечными пунктами. С развитием транспортной сети массовость и частота миграций всех типов значительно усилились. Это в особенности относится к Эфиопии — стране больших расстояний и полного в недалеком прошлом бездорожья. Естественно, что миграционные маршруты на значительном своем протяжении совпадали с новыми дорогами, поскольку последние прокладывались в районы (и в районах) товарного агропроизводства, а также соединяли крупные городские центры. Близкое совпадение Аддис-Абебы с геометрическим центром территории страны определило радиальный рисунок основных автодорог и соответственно дальних миграционных маршрутов. Конечно, мигранты старались выбирать ближайшие приемные пункты, но не исключались и дальние, особенно если отдаленность компенсировалась достоверностью сведений о возможностях заработка (нам приходилось видеть доджамцев на строительстве нефтеперерабатывающего завода в Асэбе), а также если миграция совершалась не впервые. В составе «дальних мигрантов» была больше доля тех, кто уже имел определенные профессиональные (отходнические) навыки.

Большинство мигрантов очень приблизительно представляют себе результаты и, следовательно, сроки миграции, которые зависят от множества факторов, в том числе непредсказуемых,

в пунктах притяжения рабочей силы. При всем разнообразии миграций по срокам можно выделить два основных типа: временные и безвозвратные, или окончательные, переселения. Для временных переселений наиболее характерны сезонные миграции сроком от двух-трех до пяти-шести месяцев. Интенсивность таких миграций в значительной степени определяется спросом на неквалифицированную рабочую силу в исходных и конечных пунктах. Этот спрос, в свою очередь, диктуется такими факторами, как календарь сельскохозяйственных работ (в исходных и приемных пунктах), набор культур, степень трудоемкости основных полевых работ, особенно уборочных (наиболее высоки сезонные потребности в рабочей силе при сборе кофе, хлопка и кунжута), а в городах и на внегородских стройках — объем работ, во многом определяемый и климатической сезонностью. Однако катастрофическое накопление «избыточной» рабочей силы в деревне часто оказывалось решающим фактором. Так, по нашим наблюдениям, в быстро растущем городе Бахр-Даре масштабы отходничества практически не зависели от сезонной занятости жителей деревни и целиком определялись спросом на рабочую силу в этом городе. В сухое время года, когда резко возрастал объем городских (в основном строительных) работ, резко увеличивался наплыв отходников, хотя именно в этот (сухой) период потребность в рабочей силе в деревне особенно велика [6, с. 105, 242].

К временным переселениям относятся также более длительные, чем сезонные, миграции — от одного года до трех лет. Иногда они являлись продолжением сезонной миграции — если отходникам удавалось устроиться на более или менее постоянную работу, решить вопрос с жильем и т. д. Такая перемена иногда обуславливалась и спецификой работ. Так, часть дорожных рабочих, приобретая определенные трудовые навыки, могла пребывать на стройке не сезонно, а в течение всего строительства, кочуя по мере удлинения трассы. При более длительных перемещениях, естественно, ослабевали связи с исходными пунктами миграций, хотя бы уже потому, что мигрант пропускал по крайней мере один сельскохозяйственный сезон в родной деревне. Одним из следствий устойчивых длительных переселений было появление новых населенных пунктов. Они возникали недалеко от строящихся (стационарных) объектов и нередко становились рабочими поселками — по своей социальной и функциональной сути. Подобные поселения мне приходилось видеть, например, у кофейных плантаций на п-ове Зе-гие и близ ГЭС Тис-Ысат. При временных переселениях по сравнению с сезонными заметно увеличивалась доля женщин в составе мигрантов, причем в данном случае речь шла не о проститутках, которые обычно «обслуживали» сезонных рабочих, а о членах семьи мигрантов.

Крестьянин-мигрант чаще всего ищет временную работу. Из этого в общем верного утверждения делается иногда не-

верный, как нам кажется, вывод о том, что даже более или менее прочно закрепившись в конечном пункте, обычно в городе, мигрант раньше или позже возвращается в деревню. Такое мнение легко опровергается всем ходом развития трудовых миграций в Африке вообще и в Эфиопии в частности, бурным процессом урбанизации на континенте. В зависимости от обстоятельств безвозвратная миграция может быть результатом отходничества, временного переселения и даже разовой поездки. Чем продолжительнее сроки миграции, тем выше трудовая квалификация мигранта, тем сильнее его внедеревенские связи, тем меньше шансов на возвращение в исходный пункт миграции. Превращение временной миграции в безвозвратную может быть связано с заменой строительных работ эксплуатационными, с увеличением мощности объекта, в том числе и путем увеличения числа рабочих смен, и т. д. Мигранты, ставшие фабрично-заводскими рабочими, даже в случае увольнения уже, как правило, не возвращались в деревню. Вслед за мигрантами, гораздо реже одновременно, переселялись и семьи или отдельные члены семьи. Нередко число мигрантов увеличивалось и за счет земляков — когда «первопроходцам» удавалось прочно закрепиться на новом месте и существовала хотя бы малейшая возможность заработков [6, с. 104, 105, 106].

Важными центрами притяжения постоянной и сезонной рабочей силы стали осваиваемые иностранным, а позже смешанным и эфиопским капиталом плантационные хозяйства в долине Аваша, в Сетит-Хумэра (близ границы с Суданом), вблизи Асмэры и в долинах рек Барка и Мэрэб в Эритрее, в пригородной зоне Аддис-Абебы. По данным миссии МОТ [17, с. 17, 18], в Сетит-Хумэра, например, в период с июня по январь прибывало до 100 тыс. сезонников, а потребность в начале 70-х годов даже превышала это число. Тысячи крестьян и столичных безработных ежегодно направлялись на плантации сахарного тростника, хлопковые, фруктово-овощеводческие хозяйства в долине Аваша. Они в известной мере заполняли вакуум, который образовался в результате изгнания местного населения — кочевников-афаров. Вместе с тем часть афаров превратилась в сельских рабочих, постоянных и сезонных, особенно на плантациях своего светского и духовного владыки, султана Али Мирахы, который, как отмечал шведский исследователь Л. Бондестам, «был полностью поглощен превращением своего султаната в капиталистическое государство в рамках Эфиопии» [15, с. 436].

Численность сезонных рабочих, естественно, превышала число постоянно занятых. Для стабильного обеспечения рабочей силой крупных товарных хозяйств предпринимались попытки создать рядом с ними «колыца» мелкотоварных хозяйств крестьян-переселенцев. Предполагалось, что крупные хозяйства будут помогать крестьянам техникой, семенами, удобрениями, а те, в свою очередь, поставлять плантациям рабочую силу,

особенно в период сбора. Но из этого ничего не вышло. Правда, в районе Сетит-Хумэра появились хозяйства кулацкого типа, но они сами нуждались в сезонной рабочей силе. Существенной помехой явилось также совпадение набора культур и соответственно календаря сельскохозяйственных работ на плантациях и в крестьянских хозяйствах [6, с. 122]. Остались на бумаге амбициозные планы императорского режима по организованному освоению и заселению бассейна р. Аваш. Владелец плантаций (иностранные компании, дельцы из обуржуазившейся бюрократической элиты, натурализовавшиеся торговые дома) вполне устраивал сложившийся в канун революции рынок рабочей силы — эта «невидимая инвестиция» режима Хайле Селассие I в прибыли плантационных предпринимателей. Правительство, как замечает эфиопский исследователь Тэрфа Соломон, «предоставляло плантационным компаниям не только землю, но и рабочую силу по самой низкой цене» [34, с. 80]. Численность сельских наемных работников, по нашей оценке, составляла в предреволюционной Эфиопии примерно 250 тыс. человек; в это число включены и те, для кого отходничество стало постоянным и необходимым занятием и кто большую часть года проводил, работая по найму на стороне или в поисках такой работы, иногда пропуская несколько сельскохозяйственных сезонов в родных краях.

Наиболее устойчивым каналом сезонных трудовых миграций было отходничество на юго-запад страны, особенно в провинцию Кэфа, на сбор кофе. Местные владельцы кофейных участков сдавали их в аренду крестьянам-землякам, как правило, из своей этнической группы. Владельцы же кофейных участков (кстати, наиболее крупных) — выходцы с севера, включая представителей земельной аристократии, все чаще использовали труд городских безработных, главным образом отходников [7, с. 25, 26]. Большая часть сезонников прибывала из восточного Годжама, южного Гондэра, Шоа (гураре), Уоллеги, Арси и Уолло. В сезон сбора кофе численность населения в кофейнопроизводящих районах увеличивалась за счет мигрантов на 5—10% [35, с. 56], а в области Лиму, главном районе сбора, почти удваивалась [5, с. 84]; общее число сезонников составляло от 50 тыс. до 100 тыс. человек. Приток их приходился на октябрь—декабрь, отток — на январь—март (пик сезона сбора — конец октября — середина декабря).

Средняя продолжительность сезонной занятости мигрантов была два с половиной месяца. Поденная оплата весьма изнурительного, нередко опасного (на участках дикорастущего кофе) труда по сбору кофе составляла в среднем в канун революции 0,75 бырра. Иногда практиковалась денежно-натуральная оплата — 0,5 бырра плюс «кров и харч». Таким образом, оплата труда наемных сборщиков кофе относилась к разряду минимальных в шкале поденной заработной платы в стране. Иногда часть заработка (обычно около четверти) сборщику

выплачивали им же собранными ягодами. Такая форма оплаты практиковалась только в самый разгар сезона, т. е. в период наибольшей активизации торговцев-посредников, которые скупали ягоды за бесценок. Особенный произвол царил на участках, принадлежавших аристократам-северянам, где все операции осуществлялись через полностью коррумпированных управляющих, надсмотрщиков, кладовщиков и т. д. Они пользовались тем, что сезонники с севера, проделав немалый путь, оказывались в безвыходном положении и просто не имели в начале сезона средств, чтобы вернуться.

В предреволюционной Эфиопии немалые масштабы приняла миграция в города, хотя полуфеодальная-полукапиталистическая урбанизация вносила в этот процесс свою специфику. Возникновение современных (послефеодальных) городских поселений связано с периодом правления Менелика II, а на севере, в Эритрее, — с итальянской колонизацией. Аддис-Абеба заметно выросла во второй половине 30-х годов, когда итальянцы собирались сделать этот город центром всех своих восточноафриканских колоний. После изгнания оккупантов стала накапливаться большая масса людей, доведенных до полного разорения и войной, и непомерными поборами помещиков, стремившихся наверстать упущенное за время войны и оккупации. Миграции «деревня — город» постепенно становились одним из важнейших направлений перемещения населения. Росло не только и не столько число городов, сколько темпы прироста городского населения.

Крупными центрами притяжения мигрантов были Асмэра, Дыре-Дауа, Бахр-Дар, Асэлла, Ауаса. Однако главным стал, как и в большинстве других африканских стран, столичный город. В конце 60-х — начале 70-х годов в Аддис-Абебу ежегодно прибывало в среднем 45—50 тыс. мигрантов — больше, чем во все остальные города страны с населением свыше 20 тыс. (табл. 1). Фактический прирост городского населения в 60-х и начале 70-х годов определялся в среднем в 6,7%, в том числе 4,1% за счет «чистой миграции» (приток минус отток мигрантов). Для Аддис-Абебы эти цифры составляли соответственно 7 и 4,7% [29, с. 6, 24—26, 17, с. 55].

Миграция заметно возросла во второй половине 60-х годов, когда в городских поселениях ежегодно стало оседать около 0,45% всего сельского населения. Четвертую часть жителей столицы в 1967 г. составляли мигранты, прибывшие туда после 1961 г. [29, с. 24]. Наиболее высока была доля пришлого населения (на начало 70-х годов) в таких городах, как Бахр-Дар (71%), Назрет (64%), Дэбрэ-Зэйт (63%). Таким образом, речь шла или о новых, быстро растущих промышленных и культурных центрах (Бахр-Дар), или об этапных (промежуточных) населенных пунктах на пути мигрантов в столицу (Дэбрэ-Зэйт), или о том и другом (типичный пример — «срастающиеся города» Назрет — Моджо). Для городских поселений с числом жи-

**Миграция «деревня—город»
(конец 60-х — начало 70-х годов)**

Градация городов	Население		Миграции (среднегодовые данные)								
	всего, тыс.	приш- дое, %	приток			отток			«чистая миграция» (приток минус отток)		
			тыс.	% *	% **	тыс.	% *	% **			
									тыс.	% *	% **
I	613	49,6	44	7,2	31,0	22	3,6	51,0	22	3,6	22,0
II	796	55,7	46	5,8	32,0	8	1,0	19,0	38	4,8	38,0
III	607	...	53	8,7	37,0	13	2,1	30,0	40	6,6	40,0
Всего . . .	2016		143		100,0	43		100,0	100,0		100,0

Источник: [6].

I — города с населением свыше 20 тыс. жителей в каждом, исключая Аддис-Абебу; II — Аддис-Абеба; III — города с населением 5—20 тыс. жителей в каждом.

* В процентах к общей численности населения городов данной градации.

** В процентах к общему среднегодовому числу мигрантов.

телей от 20 тыс. была характерна наибольшая мобильность населения. Это отчасти объяснялось тем, что многие из них являлись обычно временными (этапными) пунктами на миграционных маршрутах в столицу (и в Асмэру). В этих промежуточных пунктах мигранты в ряде случаев обретали определенные (городские) трудовые навыки и получали, как правило, более подробную информацию о возможностях найти работу в конечных пунктах [6, с. 101].

Естественно, что главным исходным районом мигрантов в Аддис-Абебу была «столичная провинция» Шоа. Доля шоанцев среди мигрантов в 1967 г. была 61,5%, в 1976 г. — 58,9% (табл. 2). Еще выше была их доля в канун революции среди занятых в столичной промышленности — 76,1% [13, с. 6]. Меньше всего мигрантов прибывало из провинций Бале, Иллубабор, Кэфа. По оценке Бэкуре Уольдэ Сэмаята, 32, 52 и 70% занятых на промышленных предприятиях в Аддис-Абебе прибыли в столицу в свое время из районов, расположенных в радиусе соответственно в 50, 100 и 150 км [13, с. 7]. Средний возраст мигрантов, прибывших в Аддис-Абебу в 1961—1967 гг., составлял 23 года для мужчин и 21 год для женщин; самая многочисленная (36%) возрастная категория мигрантов в столице в 1967 г. была 15—24 года [29, с. 26, 84].

Следует особо остановиться на городах как центрах этнической интеграции. «Города, — писал Мэсфын Уольдэ Мариам, — являются тем тигелем, в котором идет сплав различных языковых, религиозных и этнических групп населения» [28, с. 13]; из всех просмотренных нами работ только в статье У. Шака,

известного исследователя народа гураге, содержится идея устойчивой «урбанистической трайбализации» [32, с. 251]. Очевидно, что роль городов как центров этнической консолидации зависит от их величины и функциональных особенностей. Так, она выявляется меньше в чисто торговых и транспортных центрах, где контакты людей носят главным образом мимоличный и случайный характер, а рынок рабочей силы ограничен, и больше — в административно-культурных центрах, и особенно многофункциональных городах — Аддис-Абебе, Асмэре, Дыре-Дауа, Назрете, Бахр-Даре.

При основании Аддис-Абебы Менелик II по традиции раздавал представителям знати большие участки земли вокруг дворцового комплекса. На них феодалы селили челядь, рабов. Так появились «сэфэры» (землячество, соседство, становище) как военно-хозяйственные лагеря знати, создаваемые на этнической основе; об этом говорят и исторические названия некоторых районов столицы — Волламо-сэфэр, Гураге-сэфэр, Дорзи-сэфэр и т. д. [32, с. 256; 31, с. 685, и др.].

Закрепившись, мигранты становились «базой» для членов семьи, других родственников, земляков. Эти связи были наиболее устойчивыми среди одной из самых крупных социально-профессиональных групп столичного населения — домашних слуг. В 1960 г. они составляли почти 25% занятых [24, с. 402; см. также: 14, с. 174]; еще и в 1976 г. их доля была очень высока — 16,1% (вычислено по [11]). Состоятельные горожане, особенно осевшие в городах помещики-абсентеисты, набирали слуг, сторожей, приказчиков, поваров, телохранителей и т. д. главным образом из жителей своих сельских владений и из числа дальних родственников («помогающие члены семьи», по официальному определению дореволюционной статистики). И все же, хотя немало мигрантов по-прежнему прибывало в города, используя родственные и земляческие связи, расселяться они уже стали весьма беспорядочно. Этому способствовала и стихийная урбанизация вообще. Система «сэфэр» практически исчезла.

Она начала разрушаться еще в период итальянской оккупации, в том числе и в результате частичного осуществления расистского («зонального») плана расселения столичных жителей. Позже вступили в действие другие факторы. Благодаря стихийному, сравнительно быстрому росту Аддис-Абебы, довольно интенсивным внутригородским перемещениям населения (в 1961—1967 гг., например, местожительство сменили 340 тыс. человек [29, с. 43, 44, 80]) этническая обособленность горожан стала заметно ослабевать. Значительные изменения претерпели и такие очень важные для мигрантов этносоциальные объединения, как «кыддыр», «кыкуб», «мэврэададжа махбэр». Возникшие как общества взаимопомощи и взаимообщения земляков, они превратились позже в административные квартальные объединения, контролируемые городскими властями, а после рево-

люции — в кооперативные организации. Серьезный удар по этническим городским институтам нанесли революция, городские реформы, революционно-демократическая организация городского населения на базе ассоциаций различных уровней. Ряд авторов указывают, что представители крупных народов (амхара, оромо, тыграи) ассимилируются в городах легче и быстрее (см., например, [31, с. 683]), что нашло отражение в широком распространении смешанных браков. В своей изначальной, традиционной форме этнические сообщества земляков и расселение мигрантов по этническому признаку («сэфэр») оказались наиболее стойкими у представителей малых народностей.

Процессы этнической интеграции резко активизировались по мере роста масштабов миграции, ускорения темпов урбанизации вообще. В отличие от мигрантов, например, многих западноафриканских стран большинство мигрантов-эфиопов рассматривают важным средством общения — амхарским языком. Более того, знание амхарского языка во многом определяло шансы успешной миграции. Несмотря на относительно многоязычие в стране, можно говорить совершенно определенно о процессе превращения наиболее крупных городов в одноязычные населенные пункты. Так, более половины городского населения в канун революции пользовались только амхарским языком [6, с. 65]. При этом явно проступает такая тенденция: чем крупнее город, тем более широкое распространение получает амхарский язык. В Аддис-Абебе им в конце 60-х — начале 70-х годов пользовалось около $\frac{3}{4}$ населения (табл. 2). Амхарский — «рабочий язык» в этапных пунктах миграций, включая мелкие административные центры и крупные придорожные деревни [6, с. 64, 65].

Поначалу многие миграционные маршруты в Аддис-Абебу носили четко выраженный этнотрудовой характер: гураге-уборщики, гураге-озеленители, позже — гураге-торговцы, дорзи-ткачи, волламо — строительные рабочие и т. п. Однако с начала 60-х годов этнотрудовая специализация все чаще стала заменяться социальным расслоением. «Верно, — говорится в работе К. Гуткина об урбанизации в Африке, — что мигрант попадает в город часто по каналам родства, но верно и то, что его пребывание там определяется, однако, прежде всего его... принадлежностью к городу, а не к этнической группе» [22, с. 180]; эту же мысль подчеркивает М. Глукман [20, с. 68]. Полиэтнические общности формировались не только в процессе расселения, но и по месту работы (например, на текстильных фабриках).

Положение подавляющего большинства мигрантов было чрезвычайно тяжелым. Бэкуре Уольдэ Сэмайт отмечает, что нищета и поиски заработка — две универсальные побудительные причины миграций в Аддис-Абебу [13, с. 11, 12]; но для многих мигрантов нищета и безработица остались уделом и их городской жизни. Известно, что предложение на рынке рабочей

**Исходные районы миграции
и языковая структура населения Аддис-Абебы**

Место рождения (провинция) мигранта	Число мигрантов, тыс.		Доля в об- щей числен- ности миг- рантов, %		Доля во всем насе- лении, %		Основной язык мигранта*	Доля в язы- ковой струк- туре всего населения, %	
	1967 г.	1976 г.	1967 г.	1976 г.	1967 г.	1976 г.		1967 г.	1976 г.
Арси	5,6	8,4	1,5	1,5	0,8	0,8	амхара (амхарский)	77,6	52,7
Бале	1,3	2,5	0,4	0,4	0,2	0,2			
Гамо-Гофа	16,5	18,9	4,5	3,4	2,4	1,7	гураге	7,3	15,9
Годжам	13,0	21,1	3,5	3,8	1,9	2,0			
Гондэр	9,8	14,3	2,7	2,5	1,4	1,3	оромо	6,4	19,2
Иллубабор	1,2	3,8	0,3	0,7	0,2	0,4			
Кэфа	6,5	6,9	1,8	1,2	0,9	0,6	тыграи	5,1	6,6
Сидамо	7,4	19,6	2,0	3,5	1,1	1,8			
Тыграй	14,8	23,8	4,0	4,2	2,2	2,2	дорзи	2,2	1,8
Уоллега	7,6	9,8	2,1	1,7	1,1	0,9			
Уолло	24,8	62,8	6,8	11,2	3,6	5,5	волайто	0,1	1,5
Харэрге	12,3	17,8	3,3	3,1	1,8	1,6	другие эфиопские языки	1,0	1,5
Шоа	225,9	331,6	61,5	58,9	33,1	30,2			
Эритрея	20,6	21,6	5,6	3,9	3,0	2,0	другие не- эфиопские языки	0,1	0,8
Итого . . .	367,3	562,9	100,0	100,0	53,7	51,2			
Родились в Аддис-Абебе	302,9	533,4			44,3	48,5	нет данных	0,2	—
Родились за пределами Эфиопии	13,3	3,4			2,0	0,3	Всего . . .	100,0	100,0
Всего . . .	683,5	1099,7			100,0	100,0			

Составлено по [29] — на октябрь 1967 г. и по [11] — на декабрь 1976.

* Расхождения в 1967 и 1976 гг. объясняются главным образом характером анкетных вопросов. В 1967 г. ответы давались на вопрос «язык, который вы обычно используете в домашнем обиходе», в 1976 г. — «ваш родной язык». Поэтому доля амхароязычного населения в 1976 г. фактически гораздо выше, чем 52,7%, во всяком случае не ниже, чем в 1967 г.

силы в африканских городах намного превышает спрос. Не была исключением и Аддис-Абеба, несмотря на некоторые структурные особенности формирования столичного рынка рабочей силы. В конце 60-х годов явная безработица в эфиопских городах составляла 5—10% трудоспособного населения; $\frac{2}{3}$ безработных были моложе 25 лет [17, с. 5, 50]. В Аддис-Абебе, как указывает Сылеши Сысайе, в канун революции доля безработных среди населения трудоспособных возрастов составляла 20% [31, с. 681]. Да и среди работающего населения доля не полностью занятых была еще в 1976 г. около 20%, в том

числе работавших менее 28 часов в неделю — около 11% (расчитано по [11, с. 23]). Основную часть безработных составляли люди неграмотные, не имеющие какой-либо специальности. Но и среди нашедших работу мигрантов — промышленных рабочих половина были неграмотны [13, с. 10]. Мигранты получали зарплату по существовавшему минимуму, были лишены какой-либо профсоюзной и тем более конституционной защиты. Их бесправное положение усугублялось психологическими сложностями адаптации.

Возрастающий приток мигрантов усиливал неравномерность размещения столичного населения. Погоня домовладельцев за максимальной жилищной рентой не только исключала поселение мигрантов в центральных районах города, но и вытесняла часть коренного населения на окраины. Другая причина перенаселенности окраинных районов — стремление мигрантов расположиться поближе к промышленным предприятиям, транспортным и ремонтным базам, складам, рынкам и т. д., т. е. потенциальным пунктам спроса на рабочую силу. Районы окраинного столичного (да и других городов) «мигрантского кольца» были не только кварталами высокой и сверхвысокой скученности, они отличались и самыми плохими жилищно-коммунальными условиями. На эти районы в середине 60-х годов в Аддис-Абебе приходилось 60% жилищ так называемого полупостоянного типа и более 80% импровизированных [6, с. 93].

В канун революции ускоренными темпами «вызревали» неустойчивые, промежуточные группы населения, «лишнего» и в деревне, и в городе. К предреволюционной Эфиопии полностью относится тезис марксистов-аграрников о том, что «наиболее ощутимым и социально болезненным выражением» этих процессов «является особая, численно быстро увеличивающаяся группа населения, состоящая из полудеклассированных пауперов и полностью деклассированных люмпенов» [4, с. 29].

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Т. 3.
2. Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г.: Доклад о земле 26 октября (8 ноября).— Т. 35.
3. Ленин В. И. Телеграмма Сибревкому и губисполкомам.— Т. 51.
4. Аграрный вопрос и роль крестьянства на современном этапе национально-освободительной революции (Международная теоретическая конференция. Улан-Батор, 1978). Прага, 1978.
5. Гальперин Г. Л. Кофе в Эфиопии.— Страны и народы Востока. Вып. 9. М., 1969.
6. Гальперин Г. Л. Эфиопия: население, ресурсы, экономика. М., 1978.
7. Гальперин Г. Л. Эфиопия: революция и деревня. М., 1985.
8. Гальперин Г. Л. Эфиопия: спекуляции вокруг помощи.— Новое время. 1985, № 2.
9. Ульяновский Р. А. Победы и трудности национально-освободительной борьбы. М., 1985.

10. *Abate Alula, Tekle Tesfaye*. Land Reform and Peasant Associations in Ethiopia.— Case Studies of Two Widely Differing Regions.— North-East African Studies. 1980, vol. 2, № 2.
11. Addis Ababa Manpower and Housing Sample Survey. Dec. 1976.— Statistical Bulletin. Addis Ababa, 1977, № 15.
12. Basic Documents of the Ethiopian Revolution. Addis Ababa, 1977.
13. *Bekure Wolde Semait*. The Industrial Labour Force in the Addis Ababa Region before 1975 (Origins, Expectations and Realities).— The 7th International Conference on Ethiopian Studies. Lund, Apr. 26—29, 1982. Lund, 1982.
14. *Berlan E.* Addis Ababa. La plus haute wille d'Afrique. Etude géographique. Grenoble, 1963.
15. *Bondestam L.* Peoples and Capitalism in North-Eastern Lowlands of Ethiopia.— Journal of Modern African Studies. 1974, vol. 12, № 3.
16. *Cohen J. M.* Ethiopia: a Survey on the Existence of a Feudal Peasantry.— Journal of Modern African Studies. 1974, vol. 12, № 4.
17. Employment and Unemployment in Ethiopia. Report of the Exploratory Employment Mission Organized by ILO. Geneva, 1974.
18. Ethiopia. Statistical Abstract, 1964—1980. Addis Ababa, 1965—1982.
19. Founding Congress of the Workers' Party of Ethiopia. Central Report. Addis Ababa, 1984.
20. *Gluckman M.* Anthropological Problems Arising from the African Industrial Revolution.— Social Change in Modern Africa. L., 1961.
21. Guideline of the Economic and Social Development of Ethiopia (1984/85—1993/94). Addis Ababa, 1984.
22. *Gutkind C. W.* The African Urban Mileiu: a Force in Rapid Change.— Civilizations. 1962, vol. 12, № 2.
23. *Horvath R. J.* Towns in Ethiopia.— Erkunde. 1968, vol. 22, № 1.
24. *Klaus B. B.* Addis Ababa.— Geographische Rundschau. 1963, Bd. 15, № 10.
25. Land Area and Utilization: Results of the National Sample Survey Second Round. Vol. 5. Statistical Bulletin, 1975, № 10.
26. *Lapiso (Gebre) Dilebo*. Land Tenure, Underlying Cause of the Ethiopian Revolution.— Proceedings of the 5th International Conference on Ethiopian Studies. Session B. Apr. 13—16, 1978. Chicago, 1979.
27. *Mesfin Bezuneh*, Mabbs Zeno, Carl C. The Contribution of the Green Revolution to Social Change in Ethiopia.— Northeast African Studies. 1984, vol. 6, № 3.
28. *Mesfin Wolde Mariam*. The Rural-Urban Split in Ethiopia.— Dialogue. 1968, vol. 2, № 1.
29. Population of Addis Ababa. Results from the Population Sample Survey of Oct. 1967.— Statistical Bulletin. Addis Ababa, 1972, № 8.
30. Redistribution of Population in Africa. London—Nairobi—Ibadan, 1982.
31. *Seleshi Sisaye*. Urban Migration and the Labor Movement in Ethiopia.— Proceedings of the 5th International Conference on Ethiopian Studies. Session B. Apr. 13—16. Chicago, 1979.
32. *Shack W. A.* Urban Ethnicity and the Cultural Process of Urbanization in Ethiopia.— Urban Anthropological Cross-Culture Studies. N. Y., 1973.
33. Tackling the Ravages of Drought. Addis Ababa, 1985.
34. *Terfa Solomon*. Drought and the Ethiopian Revolution.— African Communist. 1979, № 78.
35. *Wood A. P.* Rural Development and National Integration: the Experience of Post-Revolution Ethiopia.— Geography. 1981, vol. 66, № 291.
36. *Wood A. P.* Spontaneous Agricultural Resettlement in Ethiopia: 1950—1974.— Redistribution of Population in Africa. London—Nairobi—Ibadan, 1982.
37. *Wood A. P.* The Decline of Seasonal Labour Migration to the Coffee Forests of South-West Ethiopia.— Geography. 1983, vol. 68, № 298.

Г. А. Лашова

**ЭВОЛЮЦИЯ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ
ИЗ СТРАН МАГРИБА ВО ФРАНЦИЮ**

Миграция рабочей силы, ориентированная на развитие капиталистические страны Западной Европы и США, превратилась в важный элемент функционирования международного рынка труда. Масштабы, направления и причины возникновения миграционных связей обусловлены проблемами социально-экономического развития как стран, потребляющих иностранную рабочую силу, так и государств, ее поставляющих.

В 60—70-е годы иммиграционная политика государств Западной Европы была направлена на привлечение дешевой, малоквалифицированной рабочей силы. Активное участие в международных миграционных движениях приняла и Франция. По величине чистой миграции в 1950—1980 гг. она занимала третье место в мире, уступая в этом отношении США и ФРГ. В послевоенный период рост численности населения страны на $\frac{1}{3}$ обеспечивался за счет притока извне [3, с. 105].

В настоящее время ситуация с трудовой занятостью в западноевропейском регионе резко меняется. Развернувшаяся в последние годы научно-техническая революция вызвала структурную перестройку экономики высокоразвитых капиталистических государств, интенсивные сдвиги в сфере отраслевой и профессиональной занятости. Внедрение новых технологий, оказывающих трудосберегающий эффект, усугубило проблему безработицы, превратив ее в устойчивый элемент рынка труда индустриально развитых стран. Эти процессы заметно модифицировали проблему использования иностранной рабочей силы во Франции. Модернизация экономики, внедрение новых технологий на базе применения электроники привели к резкому повышению производительности труда и обострили положение с занятостью. Темпы прироста наемной рабочей силы, составлявшие в 1968—1973 гг. в среднем 2,0—2,2% в год, сократились в 1974—1977 гг. до 0,4%, а на рубеже 80-х годов началось абсолютное уменьшение занятости [2, с. 59—60]. В этих условиях безработица приобрела затяжной характер. Автоматизация многих операций в сфере услуг (прежде всего в конторском, банковском деле и в торговле) обусловила высвобождение значительного контингента рабочей силы. С 1975 по 1984 г. безработица среди лиц нефизического труда увеличи-

лась почти в пять раз [2, с. 111]. Сфера обслуживания, длительное время выполнявшая функцию рассасывания безработицы, которая прежде периодически охватывала промышленное производство, прекратила играть роль предохранительного клапана и расширила профессиональные границы безработицы.

Бурное развитие новейших производств приводит к переливу рабочей силы внутри самой обрабатывающей промышленности из традиционных в наукоемкие отрасли. Обслуживание сложной техники повышает спрос на рабочую силу, имеющую квалификацию нового типа, основанную на серьезных теоретических знаниях. Профессиональная переподготовка лиц среднего и старшего возраста практически невозможна. Поэтому ряды французских безработных начали пополняться квалифицированными рабочими ремесленного и полуремесленного типа. По расчетам Л. Г. Емохоновой, безработица среди этой категории возросла с 1976 по 1984 г. почти в четыре раза [2, с. 109].

Рост безработицы не мог не отразиться на иммиграционной политике государства и на положении иностранных трудящихся. Французской иммиграционной политике присуще строгое определение сроков пребывания, места и характера работы иммигрантов. Контроль за въездом и выездом иностранных рабочих (за исключением алжирцев) осуществляет Управление международных миграций (ОМІ). Это же управление регистрирует и въезд членов их семей. С 1987 г. иностранец, заявивший о намерении получить пособие по многодетности, должен предъявить разрешение на въезд ребенка [13, с. 174].

Активное участие в регулировании миграционных потоков принимают министерство внутренних дел, контролируя проживание всех категорий иностранных граждан, и министерство труда, визируя трудовые договоры с иностранцами. Законом № 86-1025 от 9 сентября 1986 г. условия въезда и проживания иностранных граждан ужесточились. Для въезда необходимо теперь подтвердить достаточность средств существования. Отсутствие за пределами Франции в течение года приводит к лишению права проживания.

Трудности изучения внешних миграционных процессов во многом определяются неполнотой статистического учета. Отдельные контингенты приезжающих и выезжающих иностранных граждан не регистрируются, в частности лица, прибывшие для работы не по найму. Оценить масштабы этой категории можно лишь косвенным образом, через данные санитарного контроля, который начал осуществляться только с 1987 г. Так, например, из 522 иностранных лиц, прибывших во Францию для самостоятельной трудовой деятельности, 88% составляли алжирцы. Доля этой национальности велика также в числе приезжающих студентов и стажеров [13, с. 172—173].

Наибольшей полнотой отличаются материалы переписей населения, последняя из которых состоялась в 1982 г. Сопоставление данных переписей населения свидетельствует о том, что,

несмотря на политику ограничения, иммиграция сохраняет свое значение (табл. 1).

Таблица 1

**Динамика численности населения
иностранного происхождения во Франции *,
тыс. человек**

Показатель	1954 г.	1975 г.	1982 г.
Численность населения страны	42 781	52 599	54 273
В том числе лиц иностранного происхождения:			
всего	1 765(4,1%)	3 442(6,5%)	3 680(6,8%)
из европейских стран	1 431	2 102	1 760
из африканских стран	229	1 192	1 574
из стран Северной и Южной Америки	49	42	51
из стран Азии	41	104	294

* Источник: [7, с. 280].

Миграционные связи Франции со странами Северной Африки имеют длительную историю, и выходцы из Магриба образуют крупную этническую группу, составляя 38,5% иммигрантов. О динамике этих процессов свидетельствует табл. 2.

Таблица 2

**Миграция из стран Магриба во Францию
(по результатам переписей населения) ***

Год	Всего		В том числе					
			алжирцев		марокканцев		тунисцев	
	человек	%	человек	%	человек	%	человек	%
1946	43 888	100	22 114	50,5	16 458	37,5	1 916	4,4
1954	227 209	100	211 675	93,2	10 734	4,7	4 800	2,1
1962	410 373	100	350 484	85,4	29 320	7,1	24 940	6,0
1968	619 076	100	473 812	76,5	84 236	13,6	61 028	9,9
1975	1 110 450	100	710 690	64,0	226 025	20,4	139 735	12,5
1982	1 416 440	100	795 920	56,2	431 120	30,4	189 400	13,4

* Источник: [10, с. 84—85].

Данные табл. 2 показывают, что въезд североафриканцев во Францию происходил интенсивно до 1975 г., затем произошло замедление. Если в 1968—1975 гг. численность этой категории мигрантов увеличилась на 179,4%, то в 1975—1982 гг. прирост составил только 127,6%. При явном общем спаде в период

1975—1982 гг. миграция была достаточно значительной из Марокко и Туниса (за эти годы численность марокканцев, проживающих во Франции, удвоилась).

Анализ данных об иммиграции работающих по найму и членов их семей, зарегистрированных ОМІ, подтверждает сохранение вышеназванных тенденций (табл. 3).

Таблица 3

Миграция из стран Магриба во Францию (по данным ОМІ) *,
тыс. человек

Национальность	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.
Всего	41 589	47 396	45 767	39 621	32 545	27 140	26 769
В том числе:							
алжирцы	7 166	9 054	7 951	7 305	6 104	5 219	5 206
марокканцы	14 225	16 792	14 002	10 816	8 613	7 720	7 999
тунисцы	3 526	1 015	4 135	3 155	2 339	2 233	2 413

* Источник: [13, с. 173].

В силу длительных традиционных связей двух стран алжирская община играет заметную роль в социально-экономической жизни Франции (табл. 4).

Таблица 4

Миграция алжирцев во Францию *,
человек

Год	Прибытие	Выезд	Миграционное сальдо	Миграционный оборот
1975	592 458	595 966	— 3 508	1 188 424
1976	609 811	648 857	—39 046	1 258 668
1977	775 907	774 430	+ 1 477	1 550 337
1978	821 478	819 845	+ 1 633	1 641 323
1979	970 244	913 373	+56 871	1 883 617
1980	1 185 280	1 098 879	+86 401	2 284 159
1981	1 338 674	1 239 550	+99 124	2 578 224
1982	1 316 926	1 311 989	+ 4 937	2 628 915
1983	1 381 287	1 380 249	+ 1 038	1 761 536
1984	1 564 460	1 573 090	— 8 580	3 137 550
1985	1 834 617	1 919 124	—84 497	3 753 741
1986	1 261 955	1 308 440	—46 485	2 569 395
1987	1 151 492	1 094 163	+57 329	2 245 655

* Рассчитано по [4, с. 80].

Благодаря отдельному статистическому учету миграции алжирцев можно подробнее рассмотреть ее изменения. Из данных табл. 4 видно, что между двумя странами существует интенсивный обмен. Миграционный оборот, достигший максимума в 1985 г., сохраняет значительные размеры. Однозначно ориентированное развитие алжирской миграции на въезд во Францию

прекратилось. Направление миграции периодически меняется, но в целом за указанный период въезд превысил выезд и алжирская община, проживающая во Франции, увеличилась на 117 884 человека. В известной мере миграцию алжирцев во Францию можно охарактеризовать как «ротационную».

21 мая 1975 г. французское правительство разрешило въезд в страну членам семей работающих иностранцев, что привело к существенному изменению характера миграционных потоков, к появлению так называемой «семейной» миграции. Если в 1970 г. на 24 077 прибывших рабочих-марокканцев приходилось 5925 членов их семей, т. е. соотношение между ними было равно 1:0,25, то в 1976 г. с 1802 рабочими прибыло 17 969 родственников, т. е. соотношение стало 1:10 [14, с. 136]. Широкое распространение семейной миграции сохраняется и в настоящее время. Так, в 1987 г. с 554 рабочими-марокканцами во Францию въехало 7999 членов их семей, с 179 тунискими рабочими — 2413 родственников [4, с. 81]. Семейная миграция стала сейчас более массовой, чем собственно миграция рабочей силы, однако и она претерпевает существенные изменения. Как показывает анализ, проведенный М. Трибала, воссоединение семей из Магриба заметно растягивается во времени. Жены и дети не приезжают во Францию одновременно с мужьями. Сокращается и число въезжающих детей, многие из которых прибывают самостоятельно, без родителей. Отмечается изменение возрастной структуры женщин, приезжающих из Северной Африки. Так, средний возраст алжирских женщин в 1985 г. составил 31,25 года вместо 27,93 в 1977 г., марокканских — 28 лет (в 1980 г. — 25,7), туниских — 26,25 года (в 1977 г. — 24,19). Увеличился и возраст детей, прибывающих во Францию, массовый приток детей приходится на 4—8 лет [12, с. 134—138]. По мнению автора, семейная миграция все в большей степени определяется распространением обычая выезда молодых мужчин на родину для женитьбы, в том числе родившихся уже во Франции.

В последние годы по мере ужесточения иммиграционной политики возросла нелегальная, подпольная миграция. Этому способствовали и либерализация въезда лиц, имеющих временное разрешение на проживание и на работу, которое, как правило, получают туристы, студенты и стажеры. В 1981 г. вышел циркуляр о «легализации» иммигрантов. Из 17 862 заявлений, поданных алжирцами, 13 787 получили положительное решение. Французский исследователь алжирской миграции Р. Е. Верхаерн отмечает, что 87,6% «легализованных» иммигрантов прибыли после 1975 г., в том числе 68,4% — по временному разрешению [14, с. 139].

Часть иммигрантов из стран Магриба стремится навсегда остаться во Франции. Развитие процесса натурализации отражает табл. 5.

Как видно из табл. 5, процесс натурализации происходит

Таблица 5

**Натурализация выходцев из стран Магриба *,
человек**

Год	Всего	В том числе		
		алжирцы	марокканцы	тунисцы
1974	3284	557	1054	1673
1975	3751	701	1451	1599
1976	3673	824	1445	1404
1977	4019	921	1478	1620
1978	3499	987	1080	1432
1979	2815	1198	1249	1368
1980	4529	1688	1446	1345
1981	5728	2499	1889	1340
1982	4741	2004	1693	1044
1983	2380	1140	784	456
1984	2657	1268	858	531
1985	5011	1933	1997	1081
1986	3911	1492	1693	726

* Рассчитано по [4, с. 89].

интенсивно, наибольшую активность в получении французского гражданства проявляют марокканцы и туниисцы.

Материалы переписей населения дают возможность проследить динамику отраслевой занятости североафриканцев во французской экономике. Начиная с 60-х годов происходит перелив иностранной рабочей силы из сферы обслуживания и транспорта в отрасли обрабатывающей промышленности и строительство. Алжирцы преимущественно работают в промышленности — 39,4% и в строительстве — 31,3% [10, с. 87]. Марокканцы в большей мере, чем остальные североафриканцы, заняты в сельском хозяйстве, в связи с чем у них получила распространение сезонная миграция. В 1987 г. число сезонников-марокканцев составляло 3752 человека, в то время как туниисцев — только 509 [4, с. 81]. Туниисцы преобладают в сфере обслуживания — 17,9% и на транспорте — 9,2% [10, с. 87]. При всех вариациях в отраслевой занятости различных представителей Магриба главными областями концентрации рабочей силы выступают, как отмечалось, обрабатывающая промышленность и строительство, последняя отрасль — основная сфера поглощения иностранной рабочей силы. В начале 80-х годов здесь работало только 7,7% лиц французского происхождения. Причина активного использования рабочих-иностранцев определяется условиями оплаты труда: почасовые ставки заработной платы в строительстве примерно на 10% ниже, чем в других отраслях [14, с. 125].

Общеизвестно, что квалификационная подготовка подавляющего большинства североафриканских иммигрантов невысока. По свидетельству французских исследователей, лучший уровень подготовки имеют тунисцы, худший — марокканцы. Например, на заводах «Рено» среди служащих, техников и мастеров тунисцы составляли 5%, алжирцы — 3%, марокканцы — 1%. Там же квалифицированными рабочими работали 29,4% тунисцев, 22,4% алжирцев и только 15% марокканцев [8, с. 146].

Рабочие из Магриба, занятые тяжелым физическим трудом, являются объектом жестокой эксплуатации. Как показали результаты обследования строительных организаций трех департаментов Франции, проведенного Р. Е. Верхаерном, наибольшей дискриминации в оплате подвергаются подготовленные, квалифицированные кадры алжирских строителей: вилка в оплате между ними и французами больше, чем у специализированных рабочих (см. [14]). Ущемление прав иностранных рабочих касается и получения премий, различных страховок и пр.

В силу худшей профессиональной подготовленности и шовинистических настроений, усилившихся во Франции в последние годы, выходцы из Северной Африки оказываются первыми кандидатами в армию безработных. Так, с 1974 по 1981 г. в строительстве Франции сократилось 194 762 рабочих места, из них 149 347, или 76,7%, были заняты иммигрантами, в том числе алжирцами, которых насчитывалось 53 271 (27,3%) [14, с. 141]. Среди иностранцев, ищущих работу во Франции, не менее $\frac{1}{3}$ алжирцев, растет абсолютное число безработных.

Для размещения мигрантов из Магриба характерна четко выраженная концентрация в трех районах Франции — Парижском (Иль-де-Франс), Рона — Альпы (Лион) и Прованс — Альпы — Лазурный берег (Марсель). По данным переписи населения, здесь оседает от 60 до 75% североафриканцев. Эта картина не случайна: названные районы отличаются наибольшим динамизмом хозяйственной жизни.

Каковы же последствия эмиграции для стран Северной Африки? Чтобы дать приближенную оценку убыли населения из них, рассчитаем, какую долю составляют мигранты, проживающие во Франции, от всей численности населения стран-«доноров». В целом она невелика: для Алжира — 2,5%, для Марокко — 2,2, для Туниса — 2,8% [6, с. 134]. Однако при этом нельзя не учитывать, что выезжают наиболее подготовленные кадры. Так, доля квалифицированных опытных рабочих в тунисской эмиграции превышала 80% [1, с. 176]. Большинство из выехавших имели работу на родине, но их доход там был в шесть-восемь раз ниже, чем во Франции.

Эмиграция сопровождается расширением внутренних миграционных движений. Л. Лассонд полагает, что в Марокко перемещение населения из сельской местности в города и выезд за границу оттесняют на второй план традиционные кочевые миграции, что характерно и для других стран Магриба. Этот же

Денежные переводы мигрантов, проживающих во Франции*,
млн. фр.

Страны	1981 г.	1982 г.	1983 г.	1984 г.	1985 г.
Страны Магриба	3 940	3 781	4 447	4 318	5 233
В том числе:					
Алжир	79	64	123	34	23
Марокко	3 079	3 146	4 015	4 091	4 814
Тунис	782	571	309	193	396
Остальные страны Африки	246	336	369	...	
Италия	458	452	478	2 633	2 214
Португалия	6 852	7 361	7 286	7 333	7 226
Итого . . .	14 842	15 596	16 687	15 904	16 728

* Источник: [15, с. 29].

автор выделяет в Марокко три основных очага эмиграции. Первый — северо-восток (провинции Ужда, Надор, Эль-Госенма) — отличается распространением нелегальной миграции, среди отъезжающих преобладают горожане первого поколения. Второй — юго-запад (провинция Агадир) — возник из-за острого аграрного перенаселения. Этот очаг сложился раньше остальных, и его мигранты имеют преимущественно крестьянское происхождение. Третий — самый мощный и хорошо организованный — Атлантическое побережье. В Касабланке находится служба эмиграции министерства труда, которая регистрирует выезд за рубеж. К сожалению, в стране учет обратной миграции не налажен (см. [9]). Выводы Л. Лассонда подтверждаются данными о происхождении рабочих-марокканцев, обследованных Ш. Гранже на предприятиях «Рено» (см. [8]).

По сведениям К. Таамалаха, автора фундаментальной работы о тунисской эмиграции во Францию, основными провинциями — поставщиками рабочей силы на Запад являются регионы в экономическом отношении Тунис и Сус. В определенной мере их следует рассматривать как сборные, конечные пункты внутренних перемещений населения в поисках работы. Столичная провинция притягивает людей со всей страны, но прежде всего с севера. Провинция Сус обслуживает южную часть, причем отсюда мощный миграционный поток направляется наряду с бывшей метрополией и в Ливию (см. [11]).

Стимулирующее воздействие на трудовую эмиграцию из стран Магриба оказывает острейшая проблема занятости населения. Резервная армия труда сформировалась в Северной Африке давно, еще в колониальное время, и главная причина ее возникновения — широкое распространение французской земельной колонизации. Так, в середине 80-х годов безработных в Тунисе насчитывалось 300 тыс. человек, или 14% экономически

активного населения, среди них молодежь в возрасте от 18 до 25 лет составляла 60% [1, с. 53].

Другой «привлекательной» стороной эмиграции является приток финансовых средств, поступающих из-за границы (табл. 6).

Отметим, что для многочисленной алжирской общины, размещенной во Франции, массовый перевод денежных средств не характерен. Объяснение следует искать в широком распространении скрытых форм переправки средств и материальных ценностей. К. Винтол де Венде указывает на большие масштабы вывоза алжирскими мигрантами товаров и индивидуальных автомашин, возникновение «чемоданной» торговли. Существует практика, когда алжирец, желающий выехать во Францию, заранее списывается со своим соотечественником, который предоставляет ему на чужбине необходимые средства для первоначального обустройства. А кандидат на выезд расплачивается с семьей эмигранта эквивалентной суммой, включая проценты (см. [15]).

Самые значительные денежные переводы отправляют на родину марокканцы. Так, по подсчетам М. Шареф, они вносят заметный вклад в бюджет Марокко, превышая поступления от важнейшей статьи экспорта — фосфоритов (см. [5]).

Эмиграция рабочей силы увеличивает зависимость стран Северной Африки от экономической конъюнктуры индустриально развитых стран. Статус самих эмигрантов на чужбине уязвим, и экономическое положение их семей непрочное.

Л и т е р а т у р а

1. Гусаров В. И. Трудовые ресурсы и социальные проблемы Туниса. М., 1985.
2. Емохонова Л. Г. Рабочий класс Франции в условиях НТР. М., 1985.
3. Слукка А. Е. Население Западной Европы: воспроизводство, миграции, расселение, занятость. М., 1984.
4. Annuaire statistique de la France. 1987. Vol. 93. P., 1988.
5. Charef M. Les transferts d'épargne des émigrés marocains en France: évolution de leur importance et de leur effets.— Maghrébins en France: émigrés ou immigrés. P., 1983.
6. Demographic Yearbook, 1985. UN. N. Y., 1987.
7. George P. Les étrangers en France, étude géographique.— Annales de géographie. 1986, № 529.
8. Granges Ch. Les travailleurs marocains employés par la régie Renault en France: conditions de travail et de vie.— Maghrébins en France; émigrés ou immigrés. P., 1983.
9. Lassonde L. Les migrations de travail au Maroc.— Maghrébins en France: émigrés ou immigrés. P., 1983.
10. Singer-Kérel J. Les actifs maghrébins dans les recensements français.— Maghrébins en France: émigrés ou immigrés. P., 1983.
11. Taamallah Kh. L'évolutions de l'émigration tunisienne en Europe occidentale et ses impacts socio-économiques.— Maghrébins en France' émigrés ou immigrés. P., 1983.
12. Tribalat M. Chronique de l'immigration.— Population. 1987, № 1.
13. Tribalat M. Chronique de l'immigration.— Population. 1989, № 1.
14. Verhaern R. E. L'immigration algérienne et la crise économique en France.— Maghrébins en France: émigrés ou immigrés. P., 1983.
15. Winhtol de Wenden C. Les transferts de révenue et de biens des immigrés maghrébins vers leurs pays d'origine.— Problèmes économiques. 1987, № 2046.

ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА

А. М. Хазанов

НАРОДЫ АНГОЛЫ НАКАНУНЕ ПОРТУГАЛЬСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ЭКСПАНСИИ (мбунду и жага)

Ко времени появления португальских колонизаторов в бассейне р. Конго (конец XV в.) там уже существовало несколько африканских государств, в том числе Конго, Лунда, Ндонго и др. Наиболее высокого уровня политического, социально-экономического и культурного развития достигло государство Конго, во главе которого стоял маниконго (правитель), обладавший функциями верховного земельного собственника, главнокомандующего и судьи.

В отличие от государства Конго, которому посвящено много обстоятельных работ советских, западных и африканских ученых, Ндонго до сих пор не стало предметом специальных исторических исследований. Между тем оно было одним из самых могущественных государств на африканском побережье Атлантики.

Ндонго — так называли свое государство местные жители — мбунду, а португальцы дали ему название «Ангола» по имени правившей там династии Нгола. Это обстоятельство позднее забылось, вследствие чего даже в новейшей литературе происходит путаница в указанных названиях. Однако факт двойного названия страны был зафиксирован многими современниками. Так, голландский путешественник Ян Хердер, побывавший здесь в середине XVII в., отмечал, что «Ангола — имя первого основателя этого королевства, который восстал против короля Конго, данником которого он был. Собственное название страны — Донго, иногда она называется Амбонде» [11, с. 360].

Во многих португальских официальных документах (в официальной корреспонденции, королевских указах и т. д.) конца XVI — начала XVII в. королевство Ндонго именуется «новым королевством дона Себастьяна, завоеванным в Эфиопии». Это длинное и громоздкое название дал королевству португальский завоеватель Диаш де Новаиш, который, основав на

о-ве Луанда город Паулу де Луанда, соорудил там часовню св. Себастьяна в память об одноименном короле Португалии и назвал королевство в честь того же монарха [6, т. III, с. 547]. Однако это название не прижилось и постепенно было вытеснено названием «Ангола».

Установить точные географические границы государства Ндонго, или Ангола, не представляется возможным. Однако мы располагаем рядом свидетельств современников, которые дают возможность приблизительно локализовать его. Так, по словам жившего там миссионера Каваччи, Ндонго было расположено между р. Данде и 16° ю. ш. С запада его омывал океан, на востоке оно граничило с государством Матамба [7, с. 59—60]. С этим указанием совпадают и сведения Лопиша—Пигафетты и Хердера—Даппера о том, что королевство Ндонго было расположено между реками Данде и Кванза и что его территория омывалась несколькими реками: Данде, Бенго, Кванза, Лукала и Калукала [11, с. 64]. Столицей государства был г. Мбанза-Кабаса.

Почти все современники, писавшие о Ндонго, отмечают его необычайную многонаселенность. Португальский торговец Д. Лопиш, побывавший в Анголе в конце XVI в., свидетельствовал, что «это королевство—самое населенное, какое только можно видеть...» [15, с. 71]. Португальский чиновник Домингуш Абреу де Бриту утверждал в 1591 г., что Ангола—«самая многонаселенная страна на Земле». К этому он не забыл добавить, что она представляет собой «один из самых больших невольничьих рынков, который не будет исчерпан до конца света» [5, с. 229].

Население Ндонго состояло в основном из мбунду—народа, принадлежащего к западным банту. По своим этническим характеристикам мбунду были близки к народу конго, населявшему государство Конго. Д. Лопиш отмечал, что жители Ндонго и Конго говорили почти на одном и том же языке, отличающемся лишь произношением отдельных слов [15, с. 72].

Западные историки склонны преуменьшать уровень хозяйственного и общественного развития этих народов в XV—XVI вв. Однако нужно придать должное значение тому факту, что ко времени появления европейцев мбунду уже имели государственность, обрабатывали металл, в том числе железо и медь, знали гончарное и другие ремесла и умели вырабатывать ткани из рафии.

Жители Ндонго использовали переложную систему земледелия и имели несколько видов прирученных домашних животных—свиней, овец, кур, а в некоторых районах—крупный рогатый скот [10, с. 52—57]. После прихода европейцев они стали культивировать введенные ими сельскохозяйственные растения—маис, маниоку, картофель и др. Монах Антониу Мендиш, описывая Ндонго, сообщал: «Что касается земли, то она изобилует плодами, очень населена и вся полна пальм, из кото-

рых делают вино, оливковое масло и другие продукты питания» [6, т. II, doc. 173, с. 510].

Ян Хердер свидетельствовал, что «земли Луанды сухи и бесплодны, но поля, омываемые рекой Бенго, плодородны. Там растут маниока, маис, бобы, несколько видов трав и фруктовых деревьев». «Впрочем,— добавляет Ян Хердер,— вся страна представляет собой целину, и трудно получать продукты питания». По свидетельству того же автора, на берегах Бенго выращивались апельсины, лимоны, ананасы, бананы, картофель и кокосовые орехи, в провинции Иламба — бобы и кукуруза [11, с. 363].

После того как португальцы завоевали прибрежную часть Анголы, губернатор Фернандо де Соуза в 1629—1630 гг. приказал всем жителям Луанды возделывать по участку земли. «Это освоение целины показалось сначала слишком тяжелым для ангольцев, мало привыкших к работе, но когда они убедились в плодородии земли и получаемых выгодах, они приохотились к сельскому хозяйству» [11, с. 363]. Таким образом, источники указывают на большое разнообразие сельскохозяйственных культур, выращиваемых в Ндонго.

Наиболее употребительными продуктами питания, по свидетельству современников, были фасоль, а также овечье, козье, свиное и куриное мясо. Как писал один миссионер о жителях Анголы, «обычная пища, которую они едят и когда находятся дома, и когда бывают в пути,— это горячая мука из кукурузы, сделанная наподобие клея (которую они называют „энфунде“) и свиное сало, которое они всегда носят с собой, или какое-либо мясо, а иногда копченая рыба. Их обычное питье — вода или напиток, сделанный из кукурузы (который они называют „оалу“ и который похож на очень плохое пиво)» [6, т. III, doc. 21, с. 135—136].

Одним из важных видов хозяйственной деятельности в Ндонго была добыча нзимбу — раковин, служивших средством обмена во многих районах средневековой Африки [16, с. 42]. Главным местом добычи этой своеобразной африканской валюты был о-в Луанда. По свидетельству Гарсиа Симоинша, на о-ве Луанда в 70-х годах XVI в. проживало 3 тыс. человек, большинство из которых было занято на добыче нзимбу [6, т. III, с. 131]. Сбор раковин составлял монополию правителя Конго, поэтому все нзимбу отправлялись в столицу государства Конго — Мбанза-Конго. Лопиш писал: «Остров Луанда является для короля Конго шахтой, откуда он черпает свои запасы „драгоценных металлов“, причем эти сокровища он и его соседи ценят больше, чем золото и серебро. Для сбора используют женщин, которые входят глубоко в море и наполняют корзины песком, из которого затем извлекают маленькие раковинки. Их промывают, очищают и относят в казну короля» [15, с. 38].

Остров Луанда в начале XVI в. был известен как «остров

монет». Как сообщает португальский чиновник Абреу де Бриту, сбор нзимбу проводился по приказу маниконго в 4 лигах (1 лига равняется 5 км) от берега для того, чтобы «скрыть столь великое богатство от португальских властей» [3, doc. 25—27]. Педру Сардинья, побывавший в Ндонго в начале XVII в., также писал, что нзимбу находят в море вдоль о-ва Луанда и что самый крупный из них — немного меньше кедрового ореха, а самый маленький имеет размеры пшеничного зерна. Он утверждал, что это важнейшая монета из всех, имеющих хождение в Конго, монарх которого ценит ее так же, как король Португалии — рудники Потоси, и если у него отнимут о-в Луанда, он начнет войну [6, т. VI, с. 54].

Раковины нзимбу служили главным средством обмена в государстве Конго. Абреу де Бриту писал в докладе королю в 1591 г.: «Нзимбу настолько ценятся в этом королевстве, что, когда я, будучи в городе Луанда, послал в Конго множество золотых монет для покупки рабов, эти монеты были отвергнуты продавцами, сказавшими, что их истинные деньги и золото — нзимбу Луанды, которые делают их богатыми...» [6, т. IV, doc. 131, с. 538].

Нзимбу не только подвергались специальной обработке, но и просеивались через особое решето, находившееся в королевской казне. Покупательная способность раковин определялась их размером. В зависимости от размеров эти оригинальные денежные знаки, столь удивлявшие всех видевших их европейцев, делились на десять категорий различного достоинства. При крупных сделках пользовались специальными мешочками, вмещавшими 1000, 10 000 и 20 000 нзимбу [10, с. 308].

Однако нзимбу, игравшие роль главной денежной единицы в государстве Конго, не играли ее там, где они добывались, — в государстве Ндонго. Они имели хождение в Ндонго в качестве денег, но были там не главным, а лишь вспомогательным средством обмена. Король Конго Алвару II писал в 1604 г. в инструкциях своему послу в Риме, что «нзимбу не имеют хождения в королевстве Ангола» [10, с. 31]. Главными же денежными эквивалентами в Ндонго были, по-видимому, соль, куски ткани и раковины — либонгос и панос, а после появления европейцев — венецианское стекло. Свидетельства, подтверждающие это предположение, мы находим в книгах О. Дашпера и Ф. Пигафетты.

Пигафетта со слов Лопиша пишет об Анголе: «Монеты этой страны не те же самые, что монеты Конго. Они состоят не из раковин, а из бусинок венецианского стекла величиной с орех и меньше. Эти бусинки служат деньгами, а также украшениями в виде колье и браслетов, которые носят и мужчины и женщины» [15, с. 72]. Дашпер сообщает, что самыми лучшими украшениями у жителей королевства считаются колье и браслеты из стекла, называемые «анзолос», которые они передают по наследству своим сыновьям [11, с. 367].

В своем докладе под названием «История резиденции отцов общества Иисуса в Анголе», составленном в 1594 г., монахи-иезуиты констатировали, что соль «служит черным деньгами, за которые они покупают товары» [6, т. IV, doc. 132, с. 550]. «Соль является их монетой, и за нее продают все вещи,— сообщает монах Антониу Мендиш,— эта соль находится в большой горе, и ее оттуда извлекают и делают из нее квадратные камни... За каждый из них можно купить три петуха и шесть куриц» [6, т. II, doc. 173, с. 511].

Раковины нзимбу служили предметом экспорта не только в Конго, но и в другие страны. Они имели хождение как средство обмена у жага, в Судане и в Бенине [12, с. 102—104]. Вначале нзимбу использовали как украшения, но со временем благодаря своему маленькому весу и размеру, легкости счета и транспортировки, не говоря уже об их необычайной прочности, красоте и невозможности фальсификации, эти ракушки обнаружили преимущества, похожие на преимущества металлической монеты, благодаря чему они приобрели хождение почти на всем западноафриканском побережье [16, с. 15—16].

Источники позволяют выделить три основные социальные группы в ангольском обществе: знать (макотас), простой народ и рабы [11, с. 366—367]. Наличие последней группы, казалось бы, дает основание отнести государство Ндонго к числу рабовладельческих. Однако источники с очевидностью показывают, что в Ндонго существовали такие формы землевладения и землепользования, которые должны быть определены как феодальные. В самом деле, здесь мы видим все характерные признаки раннефеодальных общественных отношений.

Неограниченное право распоряжаться землей принадлежало королю. При этом он как бы персонифицировал государственную власть, в руках которой находилась верховная собственность на землю. Наряду с этим существовало условное пожизненное право, которое имели вассалы короля — соба (правители провинций и небольших политических объединений — княжеств). Третьей формой землевладения были пожалования короля за особые заслуги в наследственное владение. Вассальная зависимость соба от короля проявлялась не только в том, что они имели лишь право временного держания земли, но и в том, что они были обязаны платить вассальную дань [11, с. 372].

В свою очередь, соба являлся сеньором для лиц, стоявших на ступеньку ниже на феодально-иерархической лестнице королевства. Таким образом, перед нами, несомненно, система вассальной зависимости, составляющая иерархическую сеньориальную структуру, типичную для обществ раннефеодального типа. Для этой структуры характерны «договорные» отношения — имеющая силу закона система прав и обязанностей между сеньорами и вассалами. Таким образом, социальные отношения между основными классами этого общества — феодалами и

крестьянами — были скреплены юридическими обязательствами, представляющими собой легальное выражение этих базисных отношений.

В Ндонго мы видим все основные черты, характерные для раннефеодального общества: условные феодальные земельные держания, система вассалитета, уплата соба вассальной дани королю, личная зависимость крестьян и т. д.

Наряду с пожизненным земельным владением в Ндонго существовало и наследственное, но оно, по-видимому, не получило большого распространения. Можно с большой долей вероятности предположить, что преобладающей формой землевладения в Ндонго была не частная феодальная собственность, а условная временная.

Характерная особенность государства Ндонго, как и многих других средневековых африканских государств, состояла в том, что процесс формирования феодальных отношений протекал здесь в условиях существования весьма сильных и получивших широкое развитие родо-племенных отношений, испытывая на себе их значительное воздействие.

В государстве Ндонго явственно различимы три социально-хозяйственных уклада: господствующий феодальный, рабовладельческий и значительные элементы первобытнообщинных отношений. Последние имели столь большое распространение и играли столь значительную роль в этой социально-хозяйственной структуре, что порой не представляется возможным провести четкую границу между феодальными и родо-племенными институтами. Это объясняется в значительной степени тем, что класс феодалов в Ндонго возникал в результате феодализации родо-племенной верхушки, вследствие чего феодальные институты как бы «вырастали» из родо-племенных и несли в себе их элементы и черты.

В государственно-правовой области это проявлялось в наличии догосударственных форм управления (соба были правителями племенных княжеств и сохраняли многие черты родо-племенных вождей и старейшин). Такие архаические институты, с одной стороны, тормозили процесс феодализации, а с другой — ослабляли эффективность государственной власти. Все это обусловило более примитивный характер Ндонго и других африканских государств по сравнению с раннефеодальными государствами Западной Европы, возникшими в VIII—IX вв. на развалинах Римской империи.

Верховная власть в стране, как отмечалось, принадлежала королю. Он был неограниченным и абсолютным повелителем над жизнью и смертью своих подданных. Помимо того что король обладал верховным правом на всю землю государства, он был еще верховным судьей и верховным главнокомандующим. Такая практически неограниченная власть короля вытекала из суеверного представления африканцев о нем как о существе высшего порядка, обладающем неземным могуществом.

благодаря которому он может распоряжаться всеми земными стихиями. Гарсия Симоинш сообщает: «О короле открыто говорят, что он хозяин солнца и дождя и что он по своему желанию приказывает дождю быть или не быть. Сегодня мне сказал один уважаемый человек, который от имени губернатора пришел посетить наш орден, что ему то же самое говорил сам король» [6, т. III, doc. 21, с. 137].

При королевском дворе, отличавшемся необычайной пышностью, строго соблюдался сложный церемониал, который в значительной степени был имитацией придворного этикета в государстве Конго. О. Даппер пишет о правителе Ндонго: «Этот король, который во всем обезьянничает с короля Конго, держит большое число павлинов и запрещает делать это всем своим подданным под страхом смерти или обращения в рабство со всей семьей. Если кто-либо вырвет у какой-нибудь из этих птиц хоть одно перо, его подвергают тому же наказанию» [11, с. 370].

Любопытные сведения о сложном церемониале, существовавшем при дворе, сообщает Гарсия Симоинш. Он пишет, что «учтивость, которую (жители Анголы.— А. Х.) проявляют в отношениях с королем и друг с другом, состоит в том, что они хлопают в ладоши... Они имеют обыкновение брать обеими руками то, что им дает король, даже если это очень маленькая вещь... Король полагает, что, когда его подданный берет что-нибудь только одной рукой, ему не следует особенно доверять» [6, т. III, doc. 21, с. 137].

Весьма интересную информацию мы находим в воспоминаниях английского матроса А. Найвета (XVI в.). Эта информация особенно ценна, поскольку ее отличает высокая степень достоверности: Найвет хорошо знал предмет, о котором он пишет, так как много лет провел в Анголе. Он сообщает: «Черные мавры имеют хорошие законы и очень боятся своего короля. Этого короля постоянно посещают знатные люди его королевства, а когда он отправляется за границу, он всегда имеет в охране не менее 200 лучников, а также 12 человек, которые идут впереди, поют и играют на дудках, сделанных из большого тростника, и 4 или 5 молодых мавров, идущих за ним в качестве его пажей. За ними следуют все его знатные люди» [4, с. 94].

Вся территория государства была разделена на несколько провинций, во главе которых стояли губернаторы. Названия провинций, согласно ряду источников, были следующие: Иламба, Кисама, Моссекэ, Донго (где находилась столица государства Мбанза-Кабаса), Аре, Унго. Провинции, в свою очередь, делились на районы, во главе которых стояли соба, жившие в деревнях, называвшихся «банза». Соба имели очень большую, практически неограниченную власть. В письме Гарсия Симоинша мы читаем: «Король Анголы, как говорят, имеет 10 или 12 соба, между которыми разделено все его королевство и ко-

торые являются князьями и великими сеньорами. Каждый из них в своей земле имеет право продавать и убивать своих вассалов, когда этого требует характер совершенного ими проступка» [6, т. III, doc. 21, с. 134].

Ниже соба стояла знать макотас. Соба пользовались большим почетом и были сеньорами по отношению к макотас, оказывавшим им знаки вассальной преданности. Как сообщает О. Даппер, «макотас, или благородные, имеют право подходить к ним и разговаривать с ними, но для этого они должны встать на колени и хлопнуть в ладоши в знак уважения» [11, с. 370].

Насколько можно судить по источникам, среди макотас широкое распространение имели своеобразные «дворянские поединки» — дуэли с помощью луков и стрел. Найвет сообщает: «Когда между ними случаются ссоры, они просят у короля разрешение на битву и затем сражаются перед ним. Они подходят к королю... встают на колени, протягивают руки и кричат: „Суд сражением!“ Затем король ударяет их по спинам конским хвостом. Тогда они идут в поле и сражаются луками, пока один не убьет другого» [6, т. IV, doc. 132, с. 559].

Всеми судебными делами в государстве ведал один чиновник — тендала. Он выслушивал стороны и творил суд [4, с. 95].

Функции командования армией во время войны лежали на особом чиновнике, называвшемся «чиамболе». Авторы «Истории резиденции отцов общества Иисуса» (1594 г.) сообщают: «Король Анголы сам никогда не участвует в битвах. Когда начинается война, он приказывает соба прислать ему такое число лучников, которое он считает достаточным. Он передает их под командование... чиамболе, имеющего неограниченную власть во всем, что касается войны. Для судебной администрации он посылает с ним тендала» (судью). Война всегда была связана со сложными церемониями, обычаями и обрядами, которые, по убеждению ангольцев, должны были благоприятствовать их успеху. «Если в военном лагере кто-либо, увидев дурной сон, закричит „ита, ита!“, т. е. „война, война!“, то другие будут считать его плохим воином и отрубят ему голову... За четыре-пять дней до битвы король отделяется от жен и находится в доме, из которого никто не должен выходить, кроме одного пользующегося его доверием вассала, который приносит ему пищу. Дав битву, чиамболе... едет с отчетом к королю... Он рассказывает, как расставил войска и как дрались воины. Обычно его люди строятся в три эскадрона, в среднем идет чиамболе, в двух других — другие капитаны, в переднем — наиболее храбрые, называемые „гунзис“» [6, т. V, doc. 132, с. 562, 563].

Вооружение армии Ндонго состояло из луков, дротиков и ножей. По свидетельству того же источника, «самые храбрые имеют только одну или две стрелы и твердое намерение не потерять впустую первого броска, ибо если они его потеряют и враг набросится на них, им не останется ничего другого, как воткнуть в него вторую стрелу и попытаться оторвать ему

голову. Они сражаются с португальцами очень храбро, хотя на равнине никогда не одерживали верх. Но когда они собираются в своих крепостях, которые представляют собой особого рода заросли, имеющие листву, через которую их невозможно увидеть, они обычно причиняют больше ущерба нашим. И уже сегодня их смелость столь велика благодаря нескольким победам, одержанным над нашими в таких местах, что те, кто прежде бежали только при одной мысли о мушкетах, теперь осмеливаются хвататься за них и вырывать их из рук солдат» [6, т. IV, doc. 132, с. 563—564].

Армия Ндонго была весьма многочисленной. Монах Антониу Мендиш уверяет, что он видел, как прошли «тысяча за тысячей» 50 тыс. солдат короля Ндонго, отправленных на подавление восстания 12 местных князьков [6, т. II, doc. 173, с. 509]. Многие современники, говоря о численности армии Анголы, называют цифры в 60 тыс., 100 тыс., 200 тыс., 900 тыс. и даже 1 млн. Как правило, эти оценки сильно преувеличены. Но в то же время можно допустить, что короли Анголы могли выставить на поле боя войско в несколько десятков тысяч человек, так как в XVI—XVII вв., страна имела очень многочисленное население, поскольку работорговля не получила еще тех внушительных масштабов, которых она достигла в XVIII—XIX вв.

Подробное описание армии Анголы приводит в своем «сообщении» Лопиш. Он отмечает, что эта армия и ее боевой порядок во многом напоминают армию Конго. Войска передвигаются пешком «и в зависимости от условий местности то рассыпаются, то соединяются, то разделяются на группы». Управление войсками осуществляется с помощью специальных сигналов. «Эти сигналы приказывает подавать командующий, который находится в середине войска... Главные инструменты для подачи этих сигналов бывают трех видов. Первые — это огромные деревянные трещотки, которые производят ужасный звук, и барабаны, сделанные из кожи, натянутой на цилиндр из коры, по которому ударяют молотком из слоновой кости. У них есть также инструмент, имеющий форму опрокинутой треугольной пирамиды, сделанной из железных пластинок, а для того чтобы он производил ужасный звук, в пластинках делают трещину. В-третьих, они используют пустые слоновьи бивни, большие и малые... в которые дуют, чтобы произвести воинственную музыку, способную возбудить храбрость в случае опасности. Командующий армией должен всегда иметь при себе достаточное число инструментов всех трех видов, больших и малых. Если нужно дать сигнал всей армии, он приказывает звучать самым большим, если только части ее, он приказывает звучать меньшим соответственно числу людей этой части, так что каждый отряд имеет свой особый сигнал, который он знает и повторяет» [15, с. 71].

Командиры отличались от простых солдат высокой прической, украшенной страусовыми, павлиньими и петушиными

перьями, которые, по словам Лопиша, «помогали им казаться очень большими и придавали очень грозный вид». Голые по поясу, они носили на шее железные цепочки. Короткие, до колен, штаны были перетянуты красивым поясом, к которому были подвешены колокольчики, звеневшие при малейшем движении. По этому звону солдаты определяли местонахождение командиров. Простые солдаты имели одежду лишь на нижней части тела — это был кусок ткани или звериная шкура.

В первый ряд войска ставили обычно самых смелых и ловких воинов. Они, как и командиры, имели колокольчики, по звону которых остальное войско узнавало о приближении опасности и о начале битвы.

В начале сражения применялся рассыпной строй для того, чтобы «легче было метать стрелы и избежать стрел врага. Когда первый ряд кажется усталым, ему дается сигнал к отступлению и, поняв его, он немного отступает, чтобы уступить место новым, свежим войскам, и это повторяется несколько раз до тех пор, пока вся армия не устремится в атаку» [15, с. 68].

До появления португальских миссионеров жители Анголы были идолопоклонниками. По свидетельству современников, они называли своих идолов общим именем Ганганжумба. Кроме того, каждый из этих идолов имел собственное имя: Кинжунго, Калинете и др. Суеверные ангольцы были твердо убеждены, что все болезни являются результатом гнева этих злых духов, который можно успокоить путем пролития пальмового вина [11, с. 372].

В анонимной рукописи XVIII в., написанной как руководство для будущих миссионеров в Конго и Анголе, говорится: «Идолопоклонство, которое практикуется в этих странах, на первый взгляд кажется самым дьявольским, какое только можно встретить во всем мире... В своем заблуждении они считают демона всемогущим и верховным судьей, но, по их мнению, он способен творить только всевозможное зло. Они воздают ему своего рода культ: приносят ему жертвы, жгут ритуальные предметы, играют в его честь на инструментах, поют, славословят, вызывают и т. д. ... Они имеют обычай почитать также львов и тигров, и когда они встречаются одного из этих диких зверей, то не осмеливаются ни убить его, ни убежать, они бросаются на колени и начинают воздавать ему хвалу, умоляя не разрывая их на куски и питая ложную надежду, что это может умерить или парализовать его свирепость».

Все современники подчеркивали исключительную суеверность ангольцев. Лопиш писал, что «они, как некогда римляне, до такой степени верят в предзнаменования, что если они встречают птицу, летящую налево от них или кричащую определенным образом, они отказываются от своего решения и возвращаются назад» [15, с. 71].

Огромным влиянием в государстве пользовались жрецы (гангас), служившие в храмах, построенных во многих местах.

Гангас, считавшиеся служителями идолов, сами почитались как боги. По свидетельству Даппера, народ верил, что «они могут закрывать небо и вызывать дождь, давать плодородие и изобилие, давать жизнь или смерть, проникать в будущее» [11, с. 372].

Соба имели право на гаремы. По свидетельству современников, «как король, так и соба имеют много жен, и среди них одну — главную» [6, т. IV, doc. 132, с. 559]. Многоженство было общераспространенным и официально узаконенным обычаем. При этом количество жен непосредственно зависело от общественного и имущественного положения человека и в то же время было его показателем. Даппер пишет: «Мужчины берут столько жен, сколько они могут прокормить. Но первая жена имеет власть над другими, если ее свадьба была отпразднована с христианскими церемониями» [11, с. 367].

Разумеется, это свидетельство относится уже к сравнительно позднему периоду, когда христианство пустило в Анголе довольно прочные корни. Что касается дохристианского периода, то, хотя семья была тогда тоже полигамной, брак характеризовался крайней непрочностью и был легкорасторжим. В документе под названием «Сведения о браках в Анголе», написанном в 1582—1583 гг., его автор Б. Баррейра сообщает, что «язычники Анголы... все женятся с подразумеваемым условием, что могут разойтись всякий раз, как пожелают вступить в новый брак... Всякий раз, когда женщина, недовольная мужем, оставляет его и идет в дом отца, ее отец обязан выплатить то, что муж дал за нее, когда ее принял. И, таким образом, постоянно оставляют одних и берут других... и всех называют женами. Этот обычай настолько распространен, что даже король с тех пор, как мы приехали в эту страну, бросил уже трех королев... Они женятся на многих женщинах, и первый делает так король, как и все, имеющие некоторое состояние» [6, т. III, doc. 55, с. 230].

К началу XVII в. государство Ндонго достигло пика своего экономического и военного могущества. Это проявилось, в частности, в том, что когда португальские колонизаторы построили в начале XVII в. ряд крепостей на Атлантическом побережье и попытались захватить Ндонго, мбунду оказали им стойкое и мужественное сопротивление. В 20-х годах XVII в. на территории Ндонго под руководством «чернокожей Жанны д'Арк» Нзинги Мбанди Нгола развернулась антиколониальная борьба, надолго задержавшая дальнейшую колонизацию и захват португальцами внутренних районов Анголы [2, с. 72—100]. Лишь в конце XVII в. колонизаторам удалось, сломив сопротивление мбунду, покончить с независимостью государства Ндонго.

Одним из самых любопытных и наименее изученных этнических образований были жага. В португальских текстах XVI—XVII вв. неоднократно встречаются упоминания об этом народе. Особенно часто термин «жага» фигурирует в официальной

корреспонденции португальских резидентов в Конго в 60-х годах XVI в. Как явствует из этих документов, в 1569 г. имело место вторжение в Конго народа жага и разрушение столицы государства — Сан-Салвадора, что заставило короля Конго Алвару I просить помощи у португальцев.

В то же время у авторов XVIII в. то и дело встречаются упоминания о «жага Касанжи», «жага Каконды» и «варварах-каннибалах» жага, или йака, которых часто использовали в качестве наемников португальцев.

Наконец, подробные сведения о воинственных ордах жага мы находим в воспоминаниях английского матроса Эндрю Беттела, который был их пленником в течение 21 месяца между 1601 и 1603 гг. в районе, примыкающем к р. Кеве (или Куво), впадающей в океан южнее Бенгела-Велья (ныне Порту-Амбоин) [4, с. 20].

Чем объяснить такой разноречивой в употреблении термина «жага» и что же он все-таки означает? Относится ли он к какому-либо племени или другому этническому образованию, либо это титул короля, название определенной должности или просто-напросто наименование воинственных банд?

Как мы уже говорили, термин «жага» особенно часто фигурирует в различных источниках начиная с 60-х годов XVI в., и нетрудно заметить, что именно с этого времени появляется разноречивой в его употреблении. Данное обстоятельство наводит на мысль, что жага до 60-х годов XVI в. и после — не одно и то же. Это априорное соображение становится трудноопровержимой гипотезой, если вспомнить, что именно в 60-х годах XVI в. имело место страшное нашествие жага на Конго и разрушение Сан-Салвадора. По-видимому, это нашествие вселило такой ужас в португальцев, что они стали позже применять это название ко всем воинственным народам Тропической Африки [8, с. 70]. Собственно жага, по-видимому, следует считать народ, который фигурирует под этим названием в ранних источниках первой половины XVI в.

Планкер, опираясь на сведения Дж. Каваци, долгое время жившего среди жага в королевстве Матамба в период правления знаменитой Нзинги Мбанди Нгола, а также изучив устную традицию йака — одного из современных народов, сложившихся на этнической основе жага, пришел к выводу, что последние пришли с юга или юго-востока Африки, с берегов р. Кунене, и близки к современным бечуана.

Что касается тех жага, которые упоминаются в более поздних источниках (конца XVI — начала XVII в.), то под ними, видимо, имелась в виду целая группа народов, зона обитания которых образовывала своего рода подкову вокруг государства Конго и Ндонго, центральная часть которой находилась в Имбангала. Здесь проживали селе, жага Беттела (у устья р. Кеве), амбоим, либоло (к югу от р. Кванза) и имбангала. Касанжи, смешанные с лунда, жага и йака, фиксируются источ-

никами к востоку от Кванго (на территории нынешнего Заира) после 1750 г. [8, с. 71].

Наиболее осведомленным из всех, сообщающих нам о жага, несомненно, был Э. Беттел, проживший среди них около двух лет. В своей книге он рисует нам жага как исключительно воинственный народ, передвигавшийся с одного места на другое и уничтожавший всех, кто попадался ему на пути. Он рассказывает, что жага не воспроизводили себя нормальным путем, так как все новорожденные умерщвлялись, а свои ряды пополняли, уводя в полон юношей и девушек завоеванных народов, которых перевоспитывали в традициях жага. В результате этнический состав жага был весьма неоднородным и практически не поддается научному учету. Как считает американский исследователь Дж. Миллер, отряды жага во все возраставшей пропорции должны были состоять из чокве и сонго [1, с. 143]. «Грозные отряды воинов-киломбо, очевидно, выросли из комбинации институтов овимбунду и чокве (луэна), сложившейся в то время, когда группа кингури, уже испытывавшая на себе сильное влияние обычаев чокве в период миграции через Итенго и Мона-Кимбунду, встретила к западу от Кванзы с умбундуязычными народами» [1, с. 143].

От овимбунду жага восприняли общество воинов под названием «киломбо». Первоначально это слово означало мужскую ассоциацию, открытую для всех, в которой ее члены проходили тяжкие ритуалы посвящения, прививавшие им дух воинского братства и сплавивавшие их в единый отряд, неуязвимый для оружия врага. Общество киломбо привнесло в ряды жага два качества, которых им до этого не доставало: «во-первых, прочную структуру, способную объединить большое число чужих друг другу людей, и, во-вторых, военную дисциплину, помогавшую побеждать крупные королевства, которые преграждали им путь на север, за Лухандо, и на запад от Кванзы» [1, с. 143]. Позднее термином «киломбо» стали называть крепость, укрепленный лагерь, возводимый жага во время их многочисленных завоевательных походов. «Когда жага появились западнее Кванго,—пишет исследователь Д. Лара,—они жили, кормясь войной, в своих укрепленных лагерях, или „киломбо“, в перерывах между быстрыми и эффективными рейдами. Мужчины и женщины сражались бок о бок, новорожденных, очевидно, предавали смерти, чтобы они не мешали движению отрядов» [14, с. 104].

«Когда они поселяются в какой-либо стране,—рассказывает Беттел,—то остаются там не дольше, чем она может обеспечить их средствами существования. Во время жатвы они селятся в самом плодородном месте, какое могут найти, и снимают урожай своих врагов и забирают их скот. Ибо они не сеют и не выращивают скот, а добывают все это в войнах» [4, с. 30].

Беттел, а с его легкой руки и все позднейшие исследователи считают чуть ли не главной характерной для жага чертой

их патологическую страсть к антропофагии. Беттел расписывает эту их страсть в таких подробностях, которые могут отбить аппетит даже у очень проголодавшегося человека. Однако, как можно предполагать с очень большой степенью вероятности, обычай есть человеческое мясо имел не гастрономическое, а символическое значение и был своего рода ритуалом мести в отношении врагов. К врагам, по-видимому, приравнивались трусы и предатели, которых постигала такая же незавидная участь. «Те, кто малодушничали и повертывали спины к врагу, тотчас же осуждались за трусость, и их тела съедали» [4, с. 29].

Утверждение Беттела о том, что жага «питаются главным образом человеческим мясом» [4, с. 21], является, мягко говоря, преувеличением. Оно обнаруживает свою несостоятельность и явную неосведомленность автора в данном вопросе уже при простом сопоставлении с его же упоминанием о том, что жага имеют «великие запасы скота и пшеницы и многие другие товары» [4, с. 22]. Беттелу явно хотелось удивить своих читателей сенсационностью описываемых им событий, а также заставить их поверить в высокую степень риска, которой он подвергался. Этим, вероятно, объясняются многие преувеличения и фантастические детали, содержащиеся в его описании.

Вождь жага (Великий жага) был их высшим военачальником, которому они все беспрекословно повиновались. Вот как выглядел, по описанию Беттела, этот верховный вождь: «Великий жага Каландо носит очень длинные волосы... вокруг шеи у него — ожерелье из раковин, которые находят на берегу... Он носит вокруг талии ткань из пальмы, прекрасную, как шелк... Он носит в носу кусок меди в два дюйма длиной и то же в ушах. Его тело всегда раскрашено в красный и белый цвета. Он имеет 20 или 30 жен, которые следуют за ним» [4, с. 31—32]. Вождю подчинялись 12 помощников, которые командовали отдельными воинскими подразделениями.

Как только жага приходили на новое место, они тотчас же создавали хорошо укрепленный военный лагерь. Согласно сведениям, приводимым Каватци, этот лагерь (киломбо) обносился двойным частоколом. В центре лагеря находились домики главнокомандующего и шести его помощников. Дом главнокомандующего огораживался рвами и охранялся с помощью стражи. Жага строили свои дома очень близко друг к другу. Их луки, стрелы и дротики всегда стояли снаружи, около дверей, так что, когда объявлялась тревога, жага невозможно было застать врасплох. Лагерь имел несколько ворот, у которых выставлялась ночная стража с барабанами и тавайлем (вид музыкального инструмента) [7, с. 207].

Беттел дает живописное и обстоятельное описание военной тактики жага, с несомненностью свидетельствующее об уме, изобретательности и находчивости их военачальников и о смелости, ловкости и высоком военном мастерстве рядовых вои-

нов. Когда жага приходят в новую страну, сообщает Беттел, «их генерал строит свой форт и живет там спокойно месяц или два. Ибо он говорит, что для жителей видеть, что он поселился в их стране,—столь же великая война, как если бы он сражался с ними ежедневно. Жители много раз приходят и осаждают его форт, а эти жага обороняются... Когда же их генерал решает перейти в нападение, он выводит ночью из форта тысячу людей, которые устраивают засаду примерно в миле от него. Затем утром Великий жага выходит с остальным войском из форта, как если бы он хотел взять город. Жители, подошедшие к форту, чтобы защитить свою страну, оказываются между теми и другими. Жага дают сигнал с помощью барабанов, и тогда люди, укрывшиеся в засаде, встают, и очень мало кому удается спастись. В этот день их генерал опустошает страну» [4, с. 31].

Изучение источников приводит нас к выводу, что в области военного искусства жага оставили далеко позади многие другие африканские народы и стали (это можно утверждать без всякого опасения впасть в преувеличение) одной из самых серьезных в военном отношении сил на континенте. Именно совершенная (для того времени) военная организация, сила, ловкость и исключительное мужество жага позволили им стать грозными противниками для португальцев, которые обладали огнестрельным оружием, до того неизвестным народам Африки. Около тридцати лет жага оказывали героическое сопротивление португальским захватчикам в Анголе, сражаясь под знаменами легендарной королевы Нзинги Мбанди Нгола.

В 1594 г. Великий жага Касоч нанес сокрушительное поражение португальскому военачальнику Балтазару де Алмейда, уничтожив при этом 800 португальцев [4, с. 27].

Разбойничий образ жизни и разбойничьи нравы жага, каннибализм и другие их малопочтенные занятия, по-видимому, не мешали быть этим профессиональным грабителям весьма суеверными, сентиментальными и даже музыкальными людьми. Из источников видно, что всякого рода суеверия, анимистические культы и музыка играли в их жизни исключительно большую роль. Беттел пишет: «Когда Великий жага Каландола затевает крупное предприятие против жителей какой-либо страны, он приносит жертву дьяволу утром перед восходом солнца. Он сидит на стуле, а по обе стороны от него стоят колдуны. Вокруг него стоят 40 или 50 женщин, держа в каждой руке „зебра“ — хвост дикой лошади, которым они размахивают, и поют. За ними — великое множество музыкальных инструментов и барабанов, на которых все время играют» [4, с. 33]. Суеверие жага подтверждается и другими источниками.

Женщины жага были столь же воинственны, как и мужчины. Они носили мужчинам оружие и часто сами участвовали в сражениях. По Беттелу, они выбивали себе «для храбрости» четыре зуба (два сверху и два снизу), причем те, кто боялись

это сделать, были для жага «отвратительны и они никогда не ели и не пили с ними» [4, с. 32].

К середине XVII в. жага расселились среди мбунду, создав группу государств, просуществовавших до XIX в. Наиболее крупным и высокоцентрализованным из этих государств было Касанже. Оно возникло на этнической базе жага и восточных мбунду в Байша де Касанже и в долине р. Кванго. После 1648 г. государство Касанже стало своего рода посредником на главном работорговом пути от Луанды через Маланже к р. Кванго и оттуда к территории Лунда. Португальцы организовали в XVII в. ярмарку в столице Касанже, с помощью которой правитель государства (кингури) монополизировал снабжение рабами прибрежных рынков. Однако к концу XVIII в. кингури потеряли контроль над работорговлей, на которой базировались их власть, могущество и процветание, после чего как централизованная система управления, так и вообще государство Касанже пришли в упадок.

Л и т е р а т у р а

1. *Миллер Дж.* Короли и сородичи. М., 1984.
2. *Хазанов А. М.* Экспансия Португалии в Африке и борьба африканских народов за независимость (XVI—XVIII вв.). М., 1976.
3. *Arquivos de Angola. Serie 1. Vol. 3.* [Б. м., б. г.].
4. *Battell A.* The Strange Adventures of Andrew Battell of Leigh in Angola and the Adjoining Regions. L., 1901.
5. *Boxer C. R.* Salvador de Sá and the Struggle for Brazil and Angola (1602—1686). L., 1952.
6. *Brasão A.* Monumenta missionaria africana. Africa Occidental. Lisboa, 1952—1955.
7. *Cavazzi G. A.* Istorica descrittione de tre regni. Congo Matamba e Angola. Bologna, 1687.
8. *Cornevin R.* Histoire de l'Afrique. T. II. P., 1966.
9. *Couto C.* O zimbo na historiografia angolana. Luanda, 1973.
10. *Cuvellier J.* L'ancien royaume de Congo. Bruges, P., 1946.
11. *Dapper O.* Description de l'Afrique. Amsterdam, 1686.
12. *Felgas H. A. E.* As populações nativas. do Congo Português. Luanda, 1960.
13. *Labat J. B.* Relation historique de l'Ethiopie occidentale, contenant la description des royaumes du Congo, Angola et Matamba. T. 1. P., 1732.
14. *Lara O. D.* Negro Resistance to Slavery and the Atlantic Slave Trade, from Africa to Black America.— The African Slave Trade from XV to XIX Century. P., 1979.
15. *Pigafetta Ph.* Le Congo. La veridique description du royaume africain. Bruxelles, 1883.
16. *Rebello de Sousa.* Moedas de Angola. Luanda, 1967.

Н. М. Гиренко

**КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ
В АГРАРНЫХ РАЙОНАХ ТАНЗАНИИ**

Объединенная Республика Танзания занимает территорию с достаточно разнообразным ландшафтом и весьма различными климатическими условиями. Традиционные типы хозяйства, формы общественного устройства, а также темпы развития этой восточноафриканской страны имеют свою специфику, обусловленную как экологией, так и особенностью исторических судеб.

Известно, что общественное развитие тесно сопряжено с действием культурного фактора и само часто воспринимается как развитие культуры в широком ее понимании. В связи с этим становится крайне актуальным определение того, что понимать под культурным фактором, так как без этого сложно выявить, в чем заключается его воздействие на общественный процесс в целом. Проблема культуры широко обсуждается в этнографии [3, с. 61; 4, с. 68; 5, с. 78—96]. Это нашло достаточное отражение в многочисленных статьях в журнале «Советская этнография», дискуссиях на международных и отечественных симпозиумах, в отдельных монографиях, посвященных теории культуры (см. [1, с. 70—91; 2, с. 118—145]). Проблема влияния культуры на общественные процессы самого различного вида остается тем не менее одной из наиболее актуальных.

Культурная специфика общественных процессов, в том числе и культурная специфика революционных преобразований в аграрных районах Танзании, которых мы здесь частично коснемся, заслуживает самого пристального внимания. Вне осознания этой специфики легко отождествить основное с второстепенным, общее с особенным, а подчас и причину со следствием. Это чрезвычайно широкая тема. Мы ограничимся здесь лишь краткими замечаниями, используя данные о ситуации в Танзании 70—80-х годов, чтобы еще раз обратить внимание на практическую и научную важность исследования культурного фактора как специфического явления общественной жизни.

В советской африканистике неоднократно отмечалось, что при анализе тенденций общественного развития современных африканских государств необходимо принимать во внимание результат предшествовавшего колониального периода, так как в это время складывались особые социально-экономические, идеологические и межэтнические отношения.

В колониальный период в единую политическую, экономическую и социальную систему оказывались вовлеченными соответствующие отношения самых различных стадийальных фаз общественной эволюции, и, как отмечают исследователи, колониальный капитализм создал особую социально-экономическую структуру [8, с. 7]. Такие образования, которые не без основания именуются колониальными обществами [7, с. 3—11], не могли быть стабильными. Эпоха деколонизации, начавшаяся получением политической независимости бывшими колониями, наглядно это подтвердила. Внутренняя неустойчивость была обусловлена прежде всего отсутствием местной экономической мотивированности объединения народов в рамках политических границ, ставших границами современных независимых стран Африки. Объединения возникали не под влиянием местных экономических или политических тенденций, а в результате договоров, заключенных ведущими империалистическими державами далеко за пределами континента.

Отсутствие локальной экономической мотивированности возникновения колониальных обществ составляет содержательную их характеристику. Создание и укрепление внутренней экономической мотивированности путем развития экономической инфраструктуры, приобретение формационной определенности являются существенными моментами, определяющими специфику многих общественных процессов, протекающих в странах — наследниках колониальных обществ. Можно утверждать, что колониальные общества — искусственные образования, но это не значит, будто в них или в возникших на их основе молодых государствах не действуют закономерности общественного развития.

Современный процесс деколонизации и процесс приобретения формационной целостности бывшими колониальными обществами продолжает развиваться вглубь. В нем существенную роль играют политические, идеологические установки правящих групп, международная экономическая и политическая ситуация. В этой связи вопрос о действии объективных законов общественного развития в современную эпоху и в конкретной ситуации каждой отдельной страны приобретает практическую значимость для руководителей африканских стран, становится актуальным для исследователей самой разной политической ориентации. По сути дела, страны так называемого третьего мира находятся в активном поиске политических, экономических, идеологических установок, различных вариантов концепции общественного строительства. В этом поиске все чаще фигурируют социалистические идеи различного толка, все чаще используется и марксистская терминология.

Танзания с первых лет самостоятельного в политическом отношении существования определенно провозгласила ориентацию на построение в перспективе общества уджамаа — общества, которое не должно быть основано на угнетении человека

человеком и частной собственности на основные средства производства, где люди будут относиться друг к другу как члены единой идеальной семьи. Программа уджамаа и конкретные мероприятия в социально-экономической и духовной сферах жизни дают основания и африканским лидерам, и исследователям говорить об устойчивой стратегической установке Революционной партии и правительства Танзании на строительство социализма (именно термином «социализм» чаще всего переводится суахильское слово «уджамаа» на другие языки, и мы будем следовать этой традиции). В направлении строительства социализма в Танзании правительство предприняло ряд существенных практических преобразований. Однако, несмотря на достаточно устойчивую установку, в явной форме выраженную со времени провозглашения Арушской декларации в 1967 г., об определенной формационной целостности системы общественных отношений в Танзании в настоящее время говорить рано, какое бы содержание ни вкладывать в понятие «социализм».

Основной задачей Революционной партии в развитии социально-экономических отношений являлся перевод сельскохозяйственного производства на современный интенсивный уровень. Танзания, как и большинство государств Африки, — аграрная страна, возникшая в рамках колониального общества. Еще к концу XIX в. высшие фазы социально-экономического развития здесь были представлены редкими образованиями феодального типа, в то время как значительная часть населения жила, по существу, в системах отношений еще более ранней формационной принадлежности. Учитывая это, можно представить себе всю грандиозность задач, стоящих перед правительством Танзании сегодня, и важность мероприятий, уже осуществленных в соответствии с Арушской декларацией.

В этническом отношении население Танзании представлено большим количеством самых разнообразных по масштабу этнических групп, что является естественным отражением социальной мозаики прошлого, существовавшей на этой территории задолго до появления европейцев. Этническая дробность, как правило, сопровождается многообразием типов хозяйствования, социальных отношений на уровне непосредственных производителей, множеством различных традиционных видов деятельности и мировоззренческих установок. В таких условиях существенным аспектом общественного строительства является правительственная установка не только на политическую, но и на культурную интеграцию в рамках государственных границ.

В документах правительства Танзании редко используются обозначения типа «племя», «этнос», «культурная общность». Обычно речь идет о танзанийцах и танзанийской нации. Категория «нация» понимается преимущественно как обозначение жителей единого общества, государства. Стремление к снижению значимости расовых и культурных различий в системе общественных отношений Танзании четко просматривается во всех

документах правящей партии и правительства. В первых параграфах Арушской декларации было заявлено: «ТАНУ считает: а) что все люди равны как люди; б) что каждый человек достоин уважения; в) что каждый гражданин есть часть нации и имеет право участвовать в органах управления квартала, района и вплоть до высших органов правительства» (см. [9]). Провозглашение этих элементарных характеристик демократии на основе естественного равенства (все люди равны как люди) крайне существенно для государства, возникшего на основе колониального общества с присущей ему социальной дифференциацией, как правило отождествляемой с различием культур и рас. Отмеченные идеологические послышки были особенно актуальными для периода борьбы за политическую независимость, за полноправное участие африканцев в органах общественного управления.

Уже говорилось, что для Танзании вопросы культуры и ее роли в общественном процессе весьма актуальны, так как их решение приобрело практическое значение. Как подчеркивали представители танзанийской делегации на Международном конгрессе антропологических и этнографических наук, проходившем в 1981 г. в Амстердаме, народ Танзании нуждается не в абстрактном теоретизировании и пополняющих архивы культурологических описаниях отдельных этнографических групп, а в таких исследованиях, которые могли бы служить орудием в реорганизации общественной жизни в соответствии с провозглашенной правящей партией программой построения социализма.

К такого рода исследованиям, направленным на выяснение роли культуры в строительстве общества уджамаа в аграрных районах страны, следует отнести локальное, но комплексное исследование в рамках проекта, получившего название «Джипемойо: исследование развития и культуры», проводившееся в 1975—1979 гг. в провинции Западное Багамоё. В сборе материалов и их обобщении принимали участие танзанийские и финские специалисты. Работы были организованы министерством национальной культуры и молодежи Танзании, Академией наук Финляндии, Хельсинкским университетом и поддерживались рядом других организаций. Полученные систематизированные данные собраны в специальном архиве и еще послужат основой для дальнейшего анализа. Однако о них в общих чертах можно судить по публикациям материалов рабочих семинаров Института проблем развития при Хельсинкском университете (см. [11]).

Слово «культура» фигурирует в названии указанного проекта, в целом определяя направление изысканий. Однако в публикациях семинаров (1977—1986) обращает на себя внимание отсутствие четкого понимания этой категории. Лишь один из руководителей проекта, М.-Л. Сванц, констатировала, что культура — это плод длительного процесса развития, который фор-

мирует новое общество и одновременно формируется им [11, № 1, с. 13].

В публикации 1981 г. отмечается, что задачей последующего изучения культуры должно быть выявление того, как культура и ее проявления служат достижению политических целей нации и как исторические корни культуры воспроизводят идеологические и материальные отношения, тормозящие развитие и мешающие реализации социалистических целей [11, 4, с. 146]. Последнее вызывает необходимость культурной переориентации. Примечательно, что большая часть опубликованных материалов посвящена рассмотрению общеметодологических проблем обществоведения, установлению степени применимости формационного подхода, анализу возможности сочетания буржуазных социологических теорий и марксистской методологии. Однако неопределенность явления культуры, ее специфики не позволили определить, каков же механизм ее воздействия на общественный процесс.

Сам факт, что в проходивших в рамках семинаров дискуссиях часто присутствовали отсылки к концепциям исторического материализма и к конкретным работам классиков марксизма, отражает возросший интерес к марксизму как в Танзании, так и в странах «третьего мира» в целом. В то же время для характеристики отношения к марксизму в Танзании показательна высказанная настороженность по поводу «импорта зарубежных концепций и теорий» в связи с одним из докладов. Примечательна и реакция участников семинара, которые «выразили необходимость в различении марксизма как метода научного исследования и как политической программы» [11, № 1, с. 7]. Сам анализ этих дискуссий не входит в наши задачи, хотя он был бы интересен, так как в них достаточно четко отражаются тенденции развития государственной идеологии в Танзании, соответствующие формационной неопределенности реально существующей в стране социально-экономической структуры.

В целом можно отметить, что как только вопрос ставился по существу, то этим существом закономерно становились процессы материального производства или динамика социально-экономической сферы общественной жизни. Культура как отдельное явление ускользала. Это было следствием достаточно неопределенного разграничения собственно культурного развития и общественных процессов в целом. Такая неопределенность широко представлена в «западной антропологии» (см., например, [12, с. 117—145]), но ее возможно усматривать, например, и в широко распространенном в отечественной этнографической литературе понимании культуры как специфического способа человеческой деятельности, включающей и ее результат.

В определении Э. М. Маркаряна под культурой подразумевается один из аспектов общественного движения, чем оно существенно отличается от предлагавшихся ранее определений,

хотя понимание культуры как некоторой целостности, отличной от природы, присутствует как в зарубежной, так и в отечественной культурологии. Так, например: «Культура есть исторический процесс развития человеческих сил и отношений самого человека как общественного субъекта деятельности, получающий свое внешнее выражение во всем богатстве и многообразии создаваемой людьми предметной действительности, во всей совокупности результатов человеческого труда и мысли» [6, с. 26].

Представляется важным отметить, что отождествление «культурного» и «общественного», в основе чего лежит неправомерное прямое противопоставление культуры природе минуя категорию общественного, для анализа формационно не оформившихся структур в принципе малоперспективно. При указанном понимании специфика явления культуры (в противоположность общественному в целом) либо игнорируется, либо обозначает любой общественный процесс или их совокупность. Вероятно, культуру продуктивнее понимать, как совершенно справедливо отмечает Э. С. Маркарян, как явление в рамках общественного, как особый срез общественных процессов. Такой срез возможно определить как систему форм, в которых реально осуществляются общественные процессы, реализуется бытие конкретных обществ. Эта система включает и формы конкретной реализации общественного и индивидуального сознания, составляющие важный компонент существования общества как целостности. В данном понимании культура охватывает все реально протекающие общественные явления, но только со стороны формы их реализации, обусловленной конкретно-историческими условиями. Необходимость в привлечении категории «культура» возникает именно тогда, когда ставится вопрос о формах, в которых протекает, отражается, фиксируется человеческая деятельность. Рассмотрим с этих позиций некоторые материалы исследований в рамках проекта «Джипемой».

В соответствии с идеологией уджамаа и политикой опоры на собственные силы большое значение в Танзании придается реорганизации традиционных способов сельскохозяйственной деятельности. В частности, это выражалось в проводившихся в 70-х годах широких кампаниях по организации укрупненных деревень-уджамаа. Таким деревням выделялись земельные участки, предоставлялись финансовые субсидии правительства и оказывалась другая помощь. Само по себе переселение не вызывало у населения особенной реакции. Традиционные жилища большей части аграрного населения Танзании не представляют существенной материальной ценности. Земли для обработки здесь всегда, за исключением отдельных районов, было достаточно, а частнособственнические отношения по поводу владения участками в колониальный период не смогли существенно развиваться. Однако, в силу того что с агротехнической стороны процесс сельскохозяйственного производства (подсечно-

огневое мотыжное земледелие) остался во многих таких деревнях традиционным, обрабатываемые участки со временем постепенно расплзались, и вскоре земледельцам приходилось значительное время жить «на выселках». Так, один из участников «Джипемойо» отмечает: «Нужные для интервью люди до сих пор в полях; предположительно они вернутся домой в начале следующего месяца. В полях они проводят день и ночь, охраняя их от обезьян и кабанов» [11, № 1, с. 88]. Известно, что значительное число созданных поселений-уджамаа довольно скоро распалось.

Представляется, что распад таких деревень был следствием противоречия традиционного способа производства и новой, укрупненной и рассчитанной на стабильность в пространстве формы его осуществления. При организации деревень-уджамаа не происходил переход к новым типам производственных отношений и новым формам организации труда. В связи с отсутствием обобществления средств производства и качественной дифференциации трудовой деятельности, специализации деревня растет количественно, форма поселения меняется не в силу реальной экономической необходимости для конкретных производителей, а в целях будущих качественных изменений в экономической сфере страны в целом. В такой ситуации преимущественным (хотя и временным) фактором стабильности фактически становятся политико-идеологическая работа, материальная и организационная помощь правительства, развитие индустриального государственного производства.

Большую настороженность населения вызывала, судя по материалам «Джипемойо», кооперация в сфере малой сельской индустрии. Среди препятствий, тормозящих развитие кооперации труда в этой сфере, один из авторов — Б. К. С. Кьензе — отмечает такие, как превалирование традиционной социальной структуры в сельской местности и недостаточная развитость рынка сбыта продуктов сельских ремесленников [11, № 4, с. 78]. Представляется, что эти два пункта являются весьма существенными и взаимосвязанными. Известно, что местные ремесла в отличие от земледелия не имеют традиции кооперативного труда, связаны со специфическими запретами и мировоззренческими предрассудками. В исторической перспективе тенденции к обобществлению труда, объединению производителей реализуются через обратный процесс: индивидуализацию права собственности на орудия и средства производства, т. е. через развитие частной собственности. Причем этот процесс идет при все возрастающей конкуренции мелких производителей с уплотнением рынка сбыта их товаров. В данном случае противоречие традиции и инновации значительно более существенно, нежели в случае с земледельческой деятельностью, и естественно, что программа кооперирования в этой сфере осуществляется значительно медленнее.

В публикациях «Джипемойо» много материалов, относящих-

ся к скотоводам-барагуйю, являющихся вкраплением в преимущественно сельскохозяйственное население провинции Западное Багамойо. В отношении скотоводов также существует программа интенсификации производства. Так как кооперация здесь традиционна, а частная собственность у барагуйю отсутствовала, то речь идет прежде всего о повышении продуктивности скота, в частности за счет улучшения пород, и о превращении животноводства в товарное производство. В условиях Танзании скотоводы сохраняли традиционную установку на увеличение стада, а не на получение максимальной выгоды от его реализации. В 1974 г. правительством республики было принято решение о сокращении поголовья стада на 10%, однако в 1981 г. количество животных все же увеличилось на 2,3%.

Товарно-денежные отношения, конечно, давно знакомы скотоводам, но сфера их функционирования весьма ограничена в скотоводческих общностях. Доходы от продажи животных и мяса в значительной степени используются для увеличения поголовья. У барагуйю в связи с эпидемией 1978 г. стадо уменьшилось на 19%. В этой ситуации барагуйю стали покупать скот в других районах, откармливать на месте, сдавать государству, а на вырученные деньги пополнять стадо ценными по их понятиям животными. Занимается этим возрастной класс юношей-воинов, на которых традиционно лежит обязанность охранять стада и совершать рейды в целях их пополнения [11, № 2, с. 71]. Заметим, что в данном случае новый вид деятельности (откорм на продажу) осуществлялся в рамках социальных традиций, формально не вступая с ними в противоречие.

Интересно, что барагуйю в результате торговых операций со скотом обладают значительными денежными средствами, часть которых они реализуют в контактах с земледельцами, покупая пиво, утварь, продукты, и, с точки зрения последних, являются богачами. Обособление скотоводов и земледельцев, подчас возникающее при создании компактных деревень нового типа, не выгодно ни тем, ни другим [11, № 1, с. 66], так как разрушает систему обмена. Однако, по сути дела, барагуйю мог быть богачом в том случае, если бы он вдруг стал земледельцем или продал стадо, оказавшееся его частной собственностью, отказался от связей по возрастному классу, родне и пр. На самом деле скотовод-барагуйю остается в системе отношений барагуйю, а земледелец квере — в другой системе отношений с другими ценностями. В целом же по жизненному уровню они имеют незначительные различия и, конечно, не выступают по отношению друг к другу как богач и бедняк, эксплуатируемый и эксплуататор.

Как отмечается в материалах исследования, скотоводы охотно идут на совершенствование производства, активно содействуя тем программам, которые улучшают их экосистему, облегчают труд. В связи с этим стратегия модернизации обществ скотоводов предпочтительнее нацелить прежде всего на изме-

нения в производственной деятельности, что, как отмечают исследователи, будет стимулировать прогрессивные сдвиги и в других сферах [11, № 4, с. 104].

Мы отметили три примера усилий, направленных на развитие социально-экономических условий в аграрных районах Танзании — в земледелии, в животноводстве и в сфере мелкой сельской индустрии — на основе опубликованных материалов танзанийско-финской программы исследований «Джипемойо». Во всех трех случаях очевидно противоречие в тенденциях и закономерностях развития содержательного и формального среза общественных процессов. Можно видеть, что общественное развитие получает преимущество в том случае, когда традиционные формы не являются (с точки зрения местного населения) основным объектом воздействия. Наиболее существенно развитие как раз содержательного момента, неизбежно ведущее к изменению, созданию новых форм, приемлемых для содержательной инновации, причем и старые формы могут найти новое содержание в новом контексте. Изменение же собственно формальной стороны, прямое введение культурной инновации (при старом содержании или с соответствующим новым содержанием) приводят к тому, что либо традиционное содержание облачается в новую форму, либо идет отторжение и формы и содержания. В этом случае, естественно, требуются дополнительные материальные и организационные затраты, призванные погасить объективные тенденции в противоречивом взаимодействии процессов культурного и социально-экономического развития. Это противоречие нами было обозначено как противоречие процессов эволюционного (общественного) и инволюционного (культурного) развития (см. [2]).

Л и т е р а т у р а

1. Гиренко Н. М. Тенденции этнического развития Уньямвези в X в. — Этническая история Африки. М., 1977.
2. Гиренко Н. М. Взаимодействие культуры и общества в свете ленинской диалектики. — Ленинизм и проблемы этнографии. Л., 1987.
3. Маркарян Э. С. Очерки истории культуры. Ер., 1969.
4. Маркарян Э. С. К проблеме осмысления локального разнообразия культуры. — Советская этнография. 1980, № 3.
5. Маркарян Э. С. Узловые проблемы теории культурной традиции. — Советская этнография. 1981, № 2.
6. Марксистско-ленинская теория культуры. М., 1984.
7. Ольдерогге Д. А. Колониальное общество — этап в этническом развитии стран Тропической Африки. Л., 1973.
8. Яблочков Л. Д. Проблемы деколонизации африканского общества. — Социальные сдвиги в независимых странах Африки. М., 1977.
9. Azimio la Arusha na siasa ya TANU juu ya ujamaa na kujitegemea. Idara ya Habari. Dar es Salaam, 1967.
10. Nyerere J. K. Ujamaa. Dar es Salaam, 1968.
11. Jipemoyo. Development and Cultural Research. Vol. 1. Helsinki, 1977. Jipemoyo. Development and Cultural Research. Vol. 2. Helsinki, 1980. Jipemoyo. Development and Cultural Research. Vol. 4. Helsinki, 1981.
12. Oldaker A. A. Tribal Customary Land Tenure in Tanganyika. — Tanganyika Notes and Records. 1957, № 47.
13. Uhuru. Dar es Salaam. 19.12.1981.

В. Г. Кукуян

**ВКЛАД РУССКИХ УЧЕНЫХ
И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ В ИЗУЧЕНИЕ АЛЖИРА
(XVII — первая половина XIX в.)**

Отечественное алжироведение с самого своего зарождения развивалось в общем русле русской ориенталистики. Однако оно имело ряд особенностей, которые касались проблематики и подходов к рассмотрению различных сторон жизни Алжира. На них, к сожалению, не обращали до сих пор внимания исследователи, да и вообще надо признать, что дореволюционное алжироведение еще не стало предметом специального изучения. Пока нет ни одной обобщающей работы на эту тему. Между тем в последней четверти XVII — первой половине XIX в. происходил процесс становления отечественного алжироведения. В то время в русской печати вышло значительное количество различных по содержанию, характеру, научной и практической ценности работ об Алжире. С точки зрения их значения в становлении отечественного алжироведения эти работы можно разделить на три группы, каждая из которых внесла свой специфический вклад в развитие новой отрасли знаний в России.

К первой группе следует отнести весьма разнохарактерные и практически не связанные между собой сведения об Алжире, появившиеся в России в XVII—XVIII вв. Центральное место в этой группе занимает книга русского морского офицера Матвея Григорьевича Коковцова «Достоверныя известия об Альжире...» [14]. Она существенно отличалась от первой книги этого же автора, «Описание Архипелага...», которая в композиционном отношении распадалась на три части: сначала шло описание греческого архипелага, являющееся, по существу, первым в русской литературе. Затем — дневник путешествия автора в Тунис и Алжир в 1776 г. И в третьей части — «Дневник вторых в Варварийские места поездки в 1777 году» [15, с. 117]. В то время как единство темы, композиции, достаточно объективный, глубокий и смелый взгляд на вещи позволяют нам характеризовать вторую книгу как цельное научное исследование. Хотя было бы неверно разделять обе книги, скорее «Описание Архипелага...» следует рассматривать как систематизацию материала для второй книги.

Появление работ М. Г. Коковцова должно было бы стать эпо-

хой в русском востоковедении. Во всяком случае, именно с них мы с полным правом ведем отсчет дней отечественной африканистики. Книги эти вышли в свет в то время, когда победоносное окончание русско-турецкой войны в 1768—1774 гг., подписание Кучук-Кайнарджийского мира и — главное для нашей темы — успешное осуществление экспедиции на греческий архипелаг ввели «Россию в более широкий круг внешней политики, чем это было когда-либо, и тем способствовали возвышению и укреплению русского престижа в глазах не только европейских держав, но и стран Северной Африки, завязавших сношения с Россией» [13, с. 81].

«Архипелагские же экспедиции выяснили значение для России Средиземного моря как театра для действий флота в войнах против Турции и политическую ценность прилегающих к этому морю стран» [13, с. 81]. Вот причины, почему капитан-лейтенант М. Г. Коковцов, проявивший себя во время первой экспедиции не только храбрым офицером, но и любознательным исследователем, составившим подробную лоцию греческого архипелага, получает задание в 1776 г. отправиться на два года в Испанию для ознакомления с ее флотом и портами. В этот период М. Г. Коковцов посетил Тунис и Алжир, куда он прибыл на венецианском купеческом судне 6 мая 1776 г. как «путешествующий русский дворянин». Не исключено, что первое посещение Северной Африки он совершил по собственной инициативе. Во всяком случае, в его послужном списке особо отмечено второе плавание в «африканские порты» и ничего не сказано о первом. Оставаясь на Магрибе до сентября того же, 1776 г., М. Г. Коковцов внимательно изучает «Варварийское побережье, тамошний народ и нравы» и даже получает аудиенцию у тунисского бей. В следующем году М. Г. Коковцов совершает путешествие в Алжир в качестве помощника капитана французского судна. Миссия капитан-лейтенанта носила неофициальный, осведомительный характер. Но образованный, любознательный, инициативный молодой человек относится к делу неформально, внимательно и вдумчиво изучая новые для него и для России страны. Кем же был человек, которого М. О. Косвен справедливо назвал первым русским африканистом (см. [16])?

Выходец из старинной дворянской семьи, Матвей Григорьевич Коковцов родился в 1745 г., в 15 лет поступил в Морской корпус кадетом, по окончании которого в 1761 г. начал службу на Балтике. Затем три года (1765—1768) мичман М. Г. Коковцов «плавал волонтиром на мальтийских галерах». Участник архипелагской экспедиции, Чесменского сражения выполняет различные поручения Адмиралтейства в Средиземном море. 1 января 1785 г., сорока лет, уволен со службы в бригадирском ранге с пенсией [26, с. 101—102]. Через год после отставки публикует первую [15], а еще год спустя вторую [14] книги, которые сохраняют его имя для потомков. И в 1793 г., не до-

жив двух лет до 50, умирает. Книги М. Г. Коковцова представляют нам широко образованного человека, восприимчива идей Н. И. Новикова и Д. И. Фонвизина, придерживающегося самых передовых взглядов своего времени. М. Г. Коковцов осмысливает обширную информацию, полученную им о Северной Африке на уровне характерных для века Просвещения теоретических представлений о формах общественной и политической организации. Описывая различные явления жизни алжирцев, «коих одно только непросвещение делает так много униженными перед их тиранами» [14, с. 69], он постоянно подчеркивает добросердечие и человеколюбие большей части народа. Необходимо особенно отметить то, что М. Г. Коковцов четко отделяет арабо-берберское население от турок. При этом религиозное единство тех и других не только не затуманивает для него истинного положения, но, как наблюдательный исследователь, он замечает, что дети, рожденные от арабских или берберских женщин, не признаются за «природных турок». Такие дети могут стать солдатами, но никогда не получают чинов, ибо турки утверждают, что «происхождение от мавританского или арабского поколения затмевает достоинство истинного мусульманина» [14, с. 43]. Изменить существующее положение может, по мнению М. Г. Коковцова, прежде всего просвещение народа и национально-освободительная борьба арабо-берберских племен, живущих в неприступных горах: «От сих-то горных народов варварийские берега ждут своего освобождения, в чем они и не обманутся, ибо сии народы, будучи на свободе, приобрели их прежнее мужество и легко могут, соединясь с другими вольными народами, низложить турецкую милицию...» [14, с. 69]. Воистину пророческие слова!

Внимательно и всесторонне изучая алжирское общество, автор привлекает большое количество литературы по Северной Африке [14, Предуведомление]. Он называет имя Луиса дер Мармоля, испанского автора XVI в., опубликовавшего в 1573—1599 гг. на базе сочинения Льва Африканского «Общее описание Африки». Однако, судя по тому, что М. Г. Коковцов ошибочно называет его «французским писателем», можно предположить, что он ознакомился с сочинением Мармоля в более известном французском переводе Н. Перро д'Абланкура. Матвей Григорьевич также упоминает голландца Ольферта Даппера, испанского монаха Диего де Аэдо и английского путешественника Томаса Шоу, издавшего в 1738 г. книгу «Путешествия и наблюдения, относящиеся к некоторым частям Барбарии и Леванту». Что касается идентификации перечисляемых М. Г. Коковцовым «арапских писателей», то она весьма затруднительна, и однозначный ответ на вопрос, кому соответствуют до неузнаваемости искаженные в транскрипции М. Г. Коковцова имена, едва ли возможен.

К изучаемой литературе М. Г. Коковцов относится критически, не принимая все на веру. Он веско опровергает мнение

Мармоля о том, «что Варвария на аравийском языке значит степи», и, пожалуй, наиболее авторитетное в ту пору мнение Льва Африканского, «будто бы аравы называли всех приморских жителей Варварии варварами, потому что (они.—В. К.) грубо произносили некоторые слова аравийского языка» [14, с. 2]. И утверждает, что, «без сомнения, варварами прозваны они были от римлян обще с другими завоеванными от них народами из гордости только и презрения к их обычаям, которые им казались грубы. А как европейцы приобжили во всем подражать римлянам, то последуют и их погрешностям» [14, с. 2—3]. Так же строго относится М. Г. Коковцов и к источникам, привлекая максимально достоверные или самим виданные или слышанные из надежных уст, по возможности отделяя правду от вымысла [15, с. 1—75]. Интересно, что для доказательства некоторых положений М. Г. Коковцов пользуется нетипичным для своего времени способом привлечения нумизматического, археологического материала, обращается к топонимике [14, с. 74, 78, 80, 84].

Таким образом, потребности времени, расширявшие проблематику исторических исследований, отразились и на отношении к источникам, предшествующей научной литературе. Нелишне отметить, что М. Г. Коковцов и в этом вопросе шел в первых рядах исследователей своего времени [32, с. 62, 76, 83]. Поэтому неудивительно, что он смог чутко уловить и отразить в своих книгах широкий спектр алжирских проблем, необходимость изучения которых была выдвинута временем. Он рассмотрел, посвящая наиболее важным вопросам отдельные главы, историю Алжира, административное устройство страны. Описал города, особенно подробно Эль-Джезаир. Уделил внимание военному делу, торговле, флоту, алжирскому пиратству, обращению с невольниками, хозяйству, государственным доходам и денежному обращению, образу правления и внешним сношениям Алжира, т. е. дал разностороннюю и содержательную картину жизни этой страны. Естественно, что он рассматривал ее, как указывалось выше, через призму системы взглядов, характерных для передовых дворян второй половины XVIII в.

Кроме основополагающих идей, о которых уже было сказано, нужно отметить идеализацию М. Г. Коковцовым роли государства и личности в общественном процессе. Говоря о вождях независимых арабских и берберских племен, он пишет: «Шеки, начальники аравских орд, находятся в великом почтении у народа, которого они снискивают любовь неусыпными их стараниями и соблюдении общего покоя и правосудия; они в битве с неприятелем первые жертвуют жизнью и почитают за долг потерять оную для спасения своего отечества» [14, с. 36]. Эта идеализированная картина отражает скорее представления М. Г. Коковцова о долге просвещенного правителя, чем реальную ситуацию. Вместе с тем в положительной оценке роли торговли в процессе просвещения общества и властей предержа-

щих проглядывает идеология нарождающейся буржуазии [14, с. 70]. Наибольший интерес вызывает объяснение М. Г. Коковцовым некоторых из наблюдаемых им явлений материальными причинами, даже когда эти явления лежат в сфере законоположений, которую так легко идеализировать. «...Узаконения Алжирского правления не велят наказывать смертью невольников, дабы через то не лишиться прибытка от их выкупа» [14, с. 48]. Особенности климата и частыми землетрясениями объясняет он узость улиц «в Варварийских городах» [14, с. 5—86]. Правда, указанные причины лежат на поверхности, а крайне редкое обращение М. Г. Коковцова к подобного рода объяснениям не позволяет нам говорить о материалистических взглядах автора. Но и оставлять без внимания такие крупницы не следует, ведь так легко было литератору XVIII в. объяснить все злонравием, жестокосердием и невежеством алжирцев.

Большое место в книгах М. Г. Коковцова занимает проблема религии, «Закона», как он пишет на языке своего века. Тут важно отметить, что М. Г. Коковцов в центр внимания ставит не столько описание обычаев и традиций мусульманства, о чем свидетельствует, кстати, не понятая и неправильно им определенная роль марабутов как «мугамеданских монахов» [14, с. 28], сколько критическую оценку роли религиозных организаций и братств марабутов. При этом он, без сомнения, целит в христианство, используя известный прием эпохи Просвещения — прикрывать критику европейского общества восточным антуражем. Правда, делает он это намного осторожнее, чем, например, французские просветители, но достаточно последовательно. В одних случаях маскирует подтекст так, что его мог понять лишь думающий и проницательный читатель: «Марабуты, следуя общему монашескому правилу, внушали сему народу ложное о Законе понятие и, непрестанно питая их невежество несправедливыми рассказами, заградили все стези к их просвещению. Таковы вредные поучения вкореняют в простом народе ненависть и презрение ко всем иноверцам и бывают причиною нарушения общего спокойствия» [14, с. 28]. В других случаях намеки его достаточно прозрачны, чтобы их мог понять каждый читающий: «Альжирское правление не только позволяет христианам торговать по всей области, но и отправлять свободно их богослужение, что многие просвещенные в Европе народы и поныне делать не позволяют, а причиною всему кажется то, что в Варварийских областях духовенство нимало участия в правлении не имеет, следовательно, и не может оно утеснять своею ненавистью иноверцев, а напротив того, все заисит от светского управления» [14, с. 60—61].

От внимания М. Г. Коковцова не ускользает неблагоприятная роль европейцев в поддержании алжирского пиратства: «Христианские же державы, вместо того, чтобы наказывать сию дерзость (пиратство.— В. К.), стараются еще подкреплять их, особливо... с ними выгодно торгующие французы» [15, с. 88, 89].

Тонко раскрывает автор и механизм участия европейских купцов «совокупно с турками» в ограблении арабо-берберского населения [14, с. 49].

Но, пожалуй, самый большой вклад внес М. Г. Коковцов в развитие отечественной этнографии Африки. Подчеркнем при этом, что вклад заключался не только во введении в эту отрасль знаний совершенно нового для российской науки материала, но и в определенных общетеоретических, говоря языком современным, посылах. М. Г. Коковцов предельно четко сформулировал взгляды, которые с полным правом можно рассматривать как первое в отечественной литературе утверждение недопустимости аксиологического подхода к этнографическому исследованию [19, с. 74]. «Несправедливо было бы,— писал М. Г. Коковцов,— осуждать целый народ потому только, что в нем носят на голове чалмы, но должно рассматривать его законы, обычаи, воспитание, климат, их правление и потому делать общее заключение... Я не удивлюсь столь ложному в Европе о сих народах мнению, ибо много есть таких людей, которые презирают других только потому, что не их наблюдают обычаи. Мы находим более благорассуждения и беспристрастия в тех, кои с успехом путешествовали: они, обращаясь с иностранцами, познают добрые и худые их качества и, сличая оные со своими, полагают пределы прежнему своему предрассуждению». Это писалось в то время, когда гораздо привычнее и естественнее для европейца было думать, «что, если кто в Варварии родился, тот не одарен разумом и чувством» [14, Предисловие].

М. Г. Коковцов, последовательно развивая избранную точку зрения, решительно выступает против мнения о «варварийцах» как о народе «злонравном, незаконном и жестокосердном». По существу, он оспаривает идеи европоцентризма, когда утверждает, что ошибочно думать, будто бы североафриканцы жестокосерднее всех европейцев. «Народы варварийские вообще казались мне добронравнее и странноприемчивее многих европейцев, особливо же сицилианцев, калабриссов и некоторых членов испанского народа» [15, с. 94].

Эта концепция позволяет ему достаточно глубоко для своего времени проникнуть в суть изучаемых проблем. М. Г. Коковцов смог отделить не только завоевателей-турок от поработенных арабо-берберских племен, что очевидно было и автору XVII в. [27], но четко разграничить арабов (мавров) и берберов (аравов): «Многие европейские писатели почитают аравов с маврами за один народ, но сие мнение опровергается различием их языка и обычаев» [14, с. 33]. Хотя употребляемая им терминология не всегда бывает строгой и порой возникает некоторая путаница, важно отметить, что автор в понимании этнической ситуации в Алжире и Тунисе намного опередил своих последователей. То же можно сказать и об описании хозяйственной деятельности, особенно когда М. Г. Коковцов констати-

рует не только торговлю с Европой, но и транссахарские торговые связи. При этом важнее всего то, что для Коковцова, пожалуй единственного из русских путешественников, не исключая даже и А. В. Елисеева, очевидна была органическая связь между Африкой «белой» и «черной» (см. [10; 11]).

При рассмотрении политической организации М. Г. Коковцов четко противопоставляет, с одной стороны, турецкую администрацию, с другой — фактически независимые от нее внутренние области. При этом наблюдательный автор проникает взором в дипломатические хитросплетения. «Иметь отдельное правление позволено сему народу, — пишет М. Г. Коковцов, — от альжирского дивана для удержания дерзкой милиции, и для того же альжирский Дей старается быть в дружбе со многими не подданными аравами» [14, с. 26].

Именно М. Г. Коковцов наметил основные направления изучения Алжира и представил первый опыт такового. Оценивая произведения М. Г. Коковцова, выдающийся советский арабист, акад. И. Ю. Крачковский писал: «Основываясь на непосредственных впечатлениях, они обнаруживают некоторое знакомство с арабским языком и до сих пор остаются важным источником для характеристики Алжира и Туниса этой эпохи. Во французской науке нашего времени, только теперь с ними познакомившейся, они получили высокую оценку специалистов по Северной Африке» [18, с. 56—57]. Увы, подлинное признание книг М. Г. Коковцова на родине пришло полтора столетия спустя после выхода его второй книги. Почему свежие и яркие впечатления русского путешественника долгое время оставались втуне и увидели свет лишь через 10 лет после описанных в них событий?

Первое и самое легкое объяснение, которое приходит в голову, когда познакомишься с послужным списком М. Г. Коковцова, — это занятость по службе. Но такое объяснение кажется менее всего правдоподобным для такой незаурядной личности, каковой, без сомнения, является наш автор. Во всяком случае, 10 лет — слишком большой срок, чтобы М. Г. Коковцов, прекрасно сознававший значение своих наблюдений, не нашел времени для их обработки и публикации.

Другое дело, что многие взгляды, достаточно ясно выраженные в книгах, не могли понравиться флотскому начальству, да и гораздо более высокопоставленным особам, выскажи их офицер действительной службы. Если сравнить хотя бы донесения графа А. Г. Орлова императрице, в которых он писал: «Здесь народы лъстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы» [13, с. 82], — всю вину за неудачи на первом этапе архипелагской экспедиции возлагая на греков, с тем, что сообщает М. Г. Коковцов [15, с. 1—75], предположение наше кажется достаточно обоснованным. И все-таки главная причина долгого молчания М. Г. Коковцова, надо думать, в другом. В конце 70-х — начале 80-х годов XVIII в., как ни парадоксаль-

но это прозвучит, в России еще не было особой потребности в работах М. Г. Коковцова. Во-первых, интерес к Востоку, породившийся у нас, как уже отмечалось, в связи с русско-турецкой войной 1768—1774 гг. и последовавшими за этим событиями, ко времени путешествия нашего автора еще недостаточно окреп. Во-вторых, архипелагская экспедиция стала столь широко известным фактом, что в особой пропаганде не нуждалась, и Европе вполне доставало того, что было о ней известно. А раскрывать конкретные интересы в Средиземноморском бассейне России было невыгодно из дипломатических соображений, иначе зачем М. Г. Коковцову представляться то «путешествующим дворянином», а то и вовсе французом. Таким образом, и внутренняя и внешняя общественно-политическая ситуация не благоприятствовала появлению этих книг.

Положение коренным образом изменилось через 10 лет. Прежде всего назревала новая русско-турецкая война, в канун которой русская дипломатия оказалась в нелегком положении. С одной стороны, нужно было не только укрепить союз с Австрией против Турции, сломить сопротивление Франции, но и в целом создать благоприятный для России фон предстоящих действий, обосновать определенные права России на участие в делах средиземноморских, напомнить об архипелагской экспедиции. С другой стороны, и Екатерина II и Г. А. Потемкин считали войну для России преждевременной и прилагали усилия к ее отдалению. В этих условиях книги М. Г. Коковцова были очень кстати: в них не было явной агрессивности и в то же время они недвусмысленно указывали на интересы России в средиземноморском регионе. Таким образом, они могли быть использованы для одного из излюбленных приемов екатерининской дипломатии — политической пропаганды. Да и сама Россия 80-х годов XVIII в. деятельностью М. И. Новикова, Д. И. Фонвизина и других просветителей была в гораздо большей степени подготовлена к появлению этих работ. Не следует, однако, думать, что книги М. Г. Коковцова вышли по какому-то именному указу. Для подобных утверждений у нас нет оснований. Возможно, даже не было полного осознания и самим автором, и издателем политической роли этих книг. Скорее идея носилась в воздухе, и она была легко подхвачена такими достаточно свободно мыслящими и передовыми людьми, какими были М. Г. Коковцов и издатель Ф. О. Туманский.

Так что и появление записок М. Г. Коковцова, и выход в свет его книг были обусловлены как внешнеполитическими интересами России, так и внутривнутриполитической и общекультурной ситуацией, складывающейся в русском обществе. Эти же факторы, как нам кажется, способствовали незаслуженному забвению книг русского исследователя. Преждевременная смерть автора, внутренняя и внешняя политика Павла, диаметрально противоположная екатерининской, и, наконец, почти полное отсутствие читателей литературы об Алжире [3] привели к тому,

что в 40-х годах XIX в. русская общественная и научная мысль открыла Алжир заново, во многом отступая назад от достигнутого М. Г. Коковцовым, книги которого ко времени начала завоевания Алжира Францией никто уже не помнил [2, с. 36; 4, Предисловие].

Таким образом, произведения, которые мы сегодня заслуженно ставим в один ряд с лучшими сочинениями западноевропейских алжироведов до XIX в., в развитии этой отрасли отечественной науки в последующем столетии никакой роли не сыграли.

Другие публикации данной группы представляют собой небольшие материалы в периодических и учебных изданиях, лишь вводившие в сознание русского общества понятие Алжир без научной (на уровне своего времени) его расшифровки. И только «Описание Турецкой империи...», составленное в последней четверти XVII в., представляет для нас особый интерес, так как в нем мы находим, пожалуй, первое письменное свидетельство о посещении русским Магриба, и в частности Бладанаба (Аннабы) и Арчели (Алжира, Эль-Джезаира). Неизвестный русский автор* оставил нам небольшое описание алжирских городов военно-географического характера в сочетании со скудными этнографическими сведениями. В этом описании обращают на себя внимание два важных факта: во-первых, то, что автор метко подметил четкую разграниченность между турецкими и арабскими владениями в Африке, и, во-вторых, что автор не смешивает турок и арабов и рассматривает последних как основное, но зависимое население Арчели [27, с. 10].

Однако и этот труд, как и все другие аналогичные произведения, был вскоре забыт и не оказал сколько-нибудь заметного влияния ни на практическую деятельность русского правительства, ни на развитие отечественной науки о Востоке вообще и об Алжире в частности. Таким образом, все произведения рассматриваемой группы могут быть охарактеризованы лишь как предыстория становления и развития отечественного алжироведения.

Начало систематического изучения Алжира в России относится к первой половине XIX в., когда его завоевание французами вызывало к этой стране большой интерес в Европе. У нас этот интерес подкреплялся событиями Кавказской войны и началом освоения Кавказа, а во второй половине XIX в. — присоединением Средней Азии и ее освоением, что, естественно, побуждало к изучению опыта Франции. Вторую группу материалов об Алжире в изучаемый период представляют многочисленные публикации в русской периодической печати. Они исследованы далеко не полностью, но и тот обширный материал, который доступен анализу, позволяет сделать вывод о

* Есть косвенные факты, позволяющие предполагать, что это был сын боярский Федор Феоктистович Дорохин, родом из Ельца, рейтар, попавший в плен к крымским татарам и проданный ими в Турцию, где он служил в турецких войсках, и со временем, заплатив выкуп, вернулся на родину в 1674 г.

том, что, во-первых, проблемы Алжира вызывали большой интерес у русской общественности (так, в популярных в России демократических журналах «Отечественные записки», «Современник», «Русское слово» и «Дело» публикации об Алжире стоят на втором месте среди всех африканских публикаций, уступая лишь статьям о Египте), а во-вторых, периодические издания самых различных общественно-политических направлений единодушно сходились в оценках алжирских событий, с сочувствием относясь к борьбе народа этой страны против французских колонизаторов и резко критикуя вандализм французской военщины на алжирской земле.

Чрезвычайно разнообразна тематика этой группы материалов — от пространных рецензий на книги об Алжире, вышедшие на английском, французском, немецком и русском языках [5; 31; 35; 36; 37; 38], и небольших заметок «Об открытии в Алжире развалин древнего города римского времени» [25], о французской колониальной экспансии [23] или о пребывании Бу-Маза в Париже [6] до таких статей и очерков, как «Алжир» [2] и «Абд-эль-Кадер» [1], которые заметно выделялись на пестром фоне всего, что публиковалось об Алжире в русской периодической печати.

Небольшая по объему (12 страниц) статья «Алжир» была опубликована анонимно. Автор дал в ней краткий, но достаточно полный обзор западноевропейской литературы об Алжире. В нем он справедливо упрекает французов за то, что они «имели и время и возможность изучить основательно алжирские племена, но не воспользовались ни тем, ни другим» [2, с. 35]. Единственное сочинение, которое, по мнению автора, достойно внимания, — это книга немецкого исследователя Морица Вагнера [39], которую он оценивает как беспристрастное, добросовестное, «на долговременных изысканиях основанное сочинение об Алжире». Исследование М. Вагнера обращает на себя внимание еще и потому, что в то время почти не было крупных работ об Алжире. Только английский путешественник Т. Шоу «за 120 лет перед сим, довольно долго живший в этих владениях и издавший о них сочинение, годное и в настоящее время, заслуживает тем большую благодарность» [2, с. 36].

В то же время методику анализа литературы в статье отличают некоторая поверхностность и субъективизм, что особенно заметно в характеристике книги М. Вагнера. «За беспристрастие и добросовестность Вагнера, — читаем мы, — ручается и самое его происхождение: как немец, он не имел надобности из национального тщеславия или почему-либо другому находить вещи совсем иными, нежели какими они (были. — В. К.) на самом деле... Беспристрастие германского писателя видно и из самого спокойного его повествования, из того, что он описывает только те события, которые заслуживают внимания истории» [2, с. 35, 36].

Тем не менее обзор литературы позволил автору статьи

выделить круг проблем, требующих изучения: этнографическое описание Алжира, пути его колонизации, борьбу алжирского народа за независимость, столкновение колониальных учреждений и традиционных институтов, археологические исследования, возможности развития сельского хозяйства и экономического освоения страны, природу и климат. Уже сам перечень свидетельствует о том, что автор развивал идеи, актуальные для его времени. Напомним, что именно в этот период происходит становление русской буржуазной историографии с характерным для нее расширением круга проблем, требованием более глубокого исследования исторического процесса, обращением к теме народа (правда, в это понятие вкладывался тогда этнический, а не социальный смысл), более серьезным изучением экономической проблематики. В сферу интересов историков входит все больше стран и регионов. Восток, который до того времени в основном изучался в филологическом аспекте, чаще становится и предметом исторического исследования.

Автор статьи «Алжир» выступает с позиций либерала, для которого процесс колонизации есть «благородная обязанность развитой» европейской нации цивилизовать «отсталый» Восток. Конечно, это шаг назад по сравнению с идеями М. Г. Коковцова (нашему автору его книги и не были известны), который как просветитель был чужд европоцентризму. Но именно из представлений о колониализме как «о культурной миссии европейцев» вытекает последовательная критика вандализма и варварства колонизаторов, которые «беспощадно попирают права человечества». И «если б французские генералы,— говорится в статье,— имели средства, соответствующие их затеям, и не страшились грозной власти периодических изданий их отчизны, в Африке нашлось бы теперь много подражателей Пизарро и подобных ему завоевателей» [2, с. 38]. Критике подвергаются все стороны деятельности французской колониальной администрации, не отвечающие «всемирной миссии европейских народов — расширять пределы цивилизации» [4, с. 64].

Однако та же идея европоцентризма мешает автору статьи «Алжир» правильно оценить борьбу алжирского народа за свою независимость. Он впадает в противоречие: с одной стороны, эта борьба представляется ему серьезной помехой «культурной миссии Франции» [2, с. 40], с другой — варварство завоевателей оправдывает в глазах автора эту борьбу. «В последние годы,— пишет он,— неумолимые, легкие, как ветер, сыны пустыни простерли свои набеги почти до самых стен Алжира и вынудили французов запереться в своих владениях» [2, с. 40].

Наиболее ярко внимание к борьбе алжирского народа проявилось в положительной оценке личности эмира Абд эль-Кадера. В то время как во французской колониальной историографии преобладали резко отрицательные оценки личности и деятельности основателя алжирского государства, автор статьи «Алжир», говоря об Абд эль-Кадере, называет его могущест-

венным, предусмотрительным, характеризует его как человека, который по уму, глубокому знанию людей и вообще душевным и физическим качествам в состоянии возглавить арабов [2, с. 40].

Не будет преувеличением сказать, что тема алжирского народа является одной из центральных в статье «Алжир». Автор не только указывает на слабую этнографическую изученность этого народа. Он подчеркивает необходимость глубокого подхода к подобным исследованиям, весьма низко оценивает «поверхностные описания обыкновений арабских», предупреждает об ожидающих исследователя трудностях. И, что особенно важно, высказывает, правда не столь четко, как в свое время М. Г. Ковцов [14, Предуведомление], мысль о недопустимости аксиологического подхода к этнографическому исследованию. «Европейский путешественник не поймет чужого невежественного народа и не примет в нем благородного участия,— пишет он,— до тех пор, пока не привыкнет вполне ко всему, что представляется ему необычного и странного. Начертание верной этнографической картины бывает тем труднее, чем более нравы и гражданские учреждения описываемого народа уклоняются от европейских форм» [2, с. 35].

Заметим, что такое утверждение, казалось бы противоречащее основной для автора идее европоцентризма, свидетельствует о том, что сама идея эта не оставалась неизменной, эволюционируя от безапелляционного непризнания всего неевропейского и требования рассматривать и оценивать все явления с точки зрения Европы и ее традиций к пониманию необходимости объективного изучения неевропейских стран и народов.

Дальнейшее этнографическое изучение Алжира в России позволило, пожалуй, наиболее полно решить в отечественном алжироведении эту задачу. Многие русские исследования, особенно после выхода в свет книги Л. Ф. Костенко [17], изобилуют этнографическими подробностями, а иные полностью посвящены этнографии [10; 11].

Большое место в статье «Алжир» занимает также тема экономического освоения этой страны. Автор характеризует ее природные богатства, перечисляет сельскохозяйственные культуры, которые, по его мнению, могут «принести величайшие выгоды», среди них: хлопок, оливковые деревья, сахарный тростник. Он полагает, что «посев зерновых хлебов гораздо менее выгоден для этой страны, чем, например, упомянутые нами отрасли промышленности, и должен быть предоставлен Европе, где он удастся и на менее плодородной почве» [2, с. 42]. Возможно, что за этой фразой скрываются экономические интересы русских помещиков, которые, являясь одним из основных поставщиков хлеба на международный рынок, могли опасаться возрождения бывшей житницы Римской империи и возможной конкуренции со стороны Алжира.

Особенно интересно, что автор обращает внимание на не-

зученность взаимостолкновения, взаимовлияния колониальных и традиционных общественно-политических институтов. Он дважды подчеркивает, что оставлена без внимания «борьба, которую ведет в Алжире европейская гражданственность с мухаммеданскою нравственною неподвижностью» [2, с. 33—34].

Этот сложный и противоречивый процесс находил свое выражение в разграблении национальных богатств Алжира, когда на нужды колонизации было отторгнуто более 52% земель страны, в уничтожении в ходе кровопролитной войны ее людских ресурсов. Вместе с тем именно в процессе колонизации было окончательно подорвано влияние алжирской феодальной аристократии, что, однако, не привело к ликвидации феодализма; напротив, наметилась тенденция к консервации некоторых феодальных институтов. Колонизация способствовала этнической консолидации алжирских племен, более широкому, чем ранее, смешению представителей населявших страну этносов. Когда-то разделенные на социальные группы жители алжирских городов после завоевания страны превратились в бесправных колониальных «подданных» Франции и жили в собственной стране на положении «иностранцев». Русский ученый прошлого столетия П. А. Чихачев отмечал, что в Алжире создается впечатление, будто «арабы приехали навестить французов» (см. [33]).

Намеченные автором статьи «Алжир» проблемы получили в дальнейшем более полную разработку, и отечественное алжироведение превратилось в одну из значительных отраслей востоковедения в России.

Не меньшее значение для формирования знаний русской общественности об Алжире и борьбе алжирского народа за свою независимость имел опубликованный анонимно в том же, 1841 г. в журнале «Московитянин» очерк «Абд эль-Кадер». К сожалению, материал не дает нам достаточных оснований для анализа взглядов и позиций автора. Однако следует отметить, что это, пожалуй, первая биография Абд эль-Кадера на русском языке. Если сравнить названный очерк с заметкой «Портрет Абд эль-Кадера», опубликованной во втором номере журнала «Современник» за 1848 г. [28], станет ясно, насколько глубже и содержательнее рассматриваемая публикация, которая не только рисует личность выдающегося человека, но и дает краткий обзор освободительной борьбы алжирцев под руководством своего вождя вплоть до заключения Тафнсского договора (май 1837 г.). При этом подчеркнуто, что договор был необходим прежде всего французам [1, с. 339] и в то же время именно французы после взятия Константины и разгрома бея Ахмеда стремились разорвать его.

Важно отметить также и то, что, хотя очерк был написан на основе иностранных, вероятнее всего французских, публикаций, которые, как отмечалось, в этот период изобиловали отрицательными характеристиками вождя алжирского народа, тон

биографии, оценка борьбы алжирцев резко отличались от выступлений французской прессы. Если во французской печати утверждалось, что алжирцы воюют только из чувства мусульманского фанатизма и сила Абд эль-Кадера основана на этом фанатизме, то в статье подчеркивалось отсутствие фанатизма у Абд эль-Кадера [1, с. 337]. «Для достижения своих честолюбивых замыслов,— читаем в статье,— они (французы.— В. К.) тратили деньги и людей, употребляя насилие, измену, притеснения и жестокости. Абд эль-Кадер, не страшась успехов своих сильных соседей (французов.— В. К.), посредством храбрости, проницательности и терпения постепенно упрочил за собой довольно значительную часть той области, которую они всю без исключения хотели присвоить себе» [1, с. 338]. Отмечалось, что алжирцы воюют за независимость своей родины.

Таким образом, в русском обществе XIX в. с самого начала знакомства с Алжиром складывались традиции уважительного отношения к алжирскому народу и его борьбе за независимость, формировалась критическая оценка мероприятий французской колониальной администрации. Русская периодическая печать сыграла в утверждении подобных взглядов первоочередную роль, подготовив почву для более глубокого, научного познания далекой североафриканской страны.

Третью группу работ об Алжире составляют те значительные научные исследования, которые непосредственно легли в основу глубокого и всестороннего изучения этой страны. В данную группу входят книга М. И. Богдановича «Алжирия в новейшее время» [4] и обширная публикация в «Вестнике императорского Русского географического общества» Э. И. Эйхвальда «Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г.» [34]. К этой группе также следовало бы отнести подготовленный к печати, но не увидевший свет из-за безвременной кончины автора II том материалов путешествий и исследований одесского врача А. А. Рафаловича, посвященный пребыванию в Алжире и Тунисе.

Модест Иванович Богданович (1805—1882), русский военный историк, генерал-лейтенант (с 1863 г.), родился в Харьковской губернии в дворянской семье. В 18 лет был произведен в офицеры. Принимал участие в подавлении польского восстания 1830—1831 гг. В 1836 г. окончил Военную академию. С 1838 г.— адъюнкт-профессор, а с 1843 г.— профессор кафедры военной истории и стратегии. После 1862 г. состоял в распоряжении военного министерства. М. И. Богданович создал фундаментальные труды по истории военного искусства и войн России XVIII — первой половины XIX в. [12, с. 498].

О причинах, побудивших М. И. Богдановича после написания ряда книг о военных походах Наполеона, Петра I, Суворова взяться за книгу о далекой североафриканской стране, с которой Россия не имела никаких отношений, сам автор пишет так: «В последние годы появилось множество француз-

ских и немецких сочинений об Алжире, но на русском языке нет ни одной книги, которая могла бы дать хотя некоторое понятие об этой стране, достойной внимательного изучения во многих отношениях и любопытной для нас в особенности по сходству образа ведения войны в Алжире и на Кавказе» [4, Предисловие]. Таким образом, для человека по своему происхождению, социальному положению, жизненному опыту стоявшего на страже интересов Российской империи, каким был М. И. Богданович, имевшего к тому же и опыт написания исторических трудов, естественным было обратиться к изучению страны, которая могла дать богатый материал для практического использования в колониальной политике России.

Итак, главной темой первого русского произведения об Алжире в XIX в. стала колонизация этой страны французами. Достаточно сложная структура книги М. И. Богдановича полностью подчинена данной теме. Здесь русский читатель находит географическое описание Алжира, но это «описание театра войны в Алжирии». Впервые на русском языке так подробно описываются быт и обычаи арабов и кабил, но лишь потому, что они «в настоящее время из числа туземных народов заслуживают внимания в военном отношении» [4, с. 20].

Историческая концепция М. И. Богдановича полностью совпадала со взглядами официальной российской историографии, не случайно со временем он стал официальным военным историографом. М. И. Богданович описывал «деяния царей и полководцев». Так же подошел он и к изучению колониальной войны в Алжире. В книге М. И. Богдановича нет анализа событий, выявления их причин и следствий, исторического фона. Центральное место занимают лишь распоряжения и действия французских управителей Алжира. В «нынешнем состоянии Алжирии», т. е. после победы над Абд эль-Кадером и окончания колониальной войны, внимание автора более всего привлекают успехи колонизации и ее перспективы в будущем.

Методология неизбежно сказалась и на методике работы автора. М. И. Богданович привлекает большое количество новейших французских и немецких исследований об Алжире, использует много неопубликованных официальных документов. В его книге мы находим 24 наименования книг и документов, на которые он многократно ссылается, наибольшее внимание уделяя книгам Деккера «Алжир», «Алжир и алжирская война», Гамбера «Алжир прежний и современный» и целому ряду неопубликованных официальных материалов. Достаточно хорошо для своего времени организован научно-справочный аппарат, сноски делаются постранично. Но за всей этой большой, кропотливой и добросовестной работой мы не находим ни анализа, ни критического осмысления источников и используемой литературы. И исторический факт, и исторический документ, исследование принимаются М. И. Богдановичем как данность. В лучшем случае он сравнивает несколько сообщений об одном и

том же явлении, останавливая свой выбор на том из них, которое вызывает у него большее доверие по каким-то субъективным, ничем серьезно не обоснованным причинам. Такой метод автора, естественно, малоплодотворен. Ему не удастся преодолеть описательность событий. Он и не пытается выяснить **подлинные причины колониальной войны**, особенности ее развития и последствий. Такой задачи не существует для М. И. Богдановича. Отмщение за «удар опухалом» для него вполне достаточный резон для начала войны, а превратности ее целиком и полностью могут быть объяснены одаренностью или бездарностью французских полководцев, согласованностью их действий или конфликтами между ними, с одной стороны, и между военными и правительством Франции — с другой.

Однако было бы несправедливо не отметить, что в рамках столь ограниченной научной концепции и при отсутствии личных наблюдений М. И. Богдановичу удалось высказать ряд мыслей, которые свидетельствуют о способности автора к более глубокому осмыслению тех или иных фактов. Так, например, оценивая боевые качества алжирцев, он пишет: «Боевой порядок природных жителей Алжирии, несмотря на кажущуюся с первого взгляда неправильность его в сравнении с европейскими боевыми порядками, совершенно соответствует качествам туземных войск и топографическим свойствам страны; каждый контингент дружно содействует общей цели, указанной главным начальником, — нападению либо обороне; каждый воин сражается упорно по мере личных качеств» [4, с. 24—25]. Далеко не все, писавшие в Европе о борьбе алжирского народа, умели подметить эту особенность, исходя в оценке алжирских войск исключительно из позиций европейского военного опыта. Но, пожалуй, наиболее ярко проявилась эта способность автора в оценке жизни и деятельности Абд эль-Кадера. М. И. Богданович сумел увидеть в нем личность незаурядную и значительную. Характеризуя его, русский историк пишет, что это был «необыкновенный человек, противостоявший французам в течение более десяти лет и заставивший их действовать в Алжирии стотысячной армией... Обстоятельства благоприятствовали ему, а личные свойства его служили залогом успеха. Соединяя с приятной наружностью высокие душевные качества — великодушие, неустрашимость, бескорыстие, умеренность, — эмир иногда увлекался гордым сознанием своих достоинств» [4, с. 64—65]. Без сомнения, страницы, посвященные Абд эль-Кадеру и возглавляемой им борьбе алжирского народа против колонизаторов, — высшее достижение М. И. Богдановича в его работе.

Однако в целом эта книга уже современниками была оценена как поверхностное, неглубокое описание алжирских событий (см. [5]), хотя сегодня характеристика этой работы представляется делом более сложным.

Объективно идеи и проблемы, разработанные в книге

М. И. Богдановича,— значительный шаг назад по сравнению с трудом М. Г. Коковцова. Но субъективно ни М. И. Богданович, ни кто-либо другой в 40-х годах XIX в. о книге М. Г. Коковцова не знал, т. е. тема Алжира разрабатывалась практически заново, и с этой точки зрения М. И. Богданович оказался пионером отечественного алжироведения, потому что даже статья «Алжир» [2], написанная, бесспорно, более прогрессивным и глубоким автором, лишь констатировала неизученность тех или иных алжирских проблем. Значение книги М. И. Богдановича проявилось позже в ее большом влиянии на многих русских авторов, исследовавших Алжир в дальнейшем. Особенно сильно сказалось это влияние на структуре работ военных историков, таких, например, как А. Н. Куропаткин и А. И. Макшеев [20; 22].

Важным событием в период становления отечественного алжироведения стали путешествия двух русских ученых — врача А. А. Рафаловича и крупного естествоиспытателя, акад. Петербургской академии наук Э. И. Эйхвальда — в Алжир. Оба они не были специалистами в области истории, но, являясь действительными членами императорского Русского географического общества, собрали для него богатый этнографический и исторический материал об этой стране.

Артемий Алексеевич Рафалович был командирован на Восток для изучения условий зарождения и распространения чумы [30]. Исследование этого вопроса было невозможно без знания условий быта местных жителей. Это и побудило ученого собрать обширный этнографический материал о народах Египта, Туниса и Алжира. Однако преждевременная смерть прервала его работу. Из написанного об Алжире до нас дошла лишь небольшая статья «Записки русского врача, отправленного на Восток» [29], которая публицистически остро характеризует «цивилизаторскую» деятельность французов в Алжире. «Туземный, мусульманский элемент везде постепенно и приметно исчезает: или, как в городе Алжире,— от умножившейся бедности через то, что всеми ветвями торговли и промышленности овладели европейцы, с которыми не могут состязаться арабы... или — от губительного действия страшного разврата и пороков, прививаемых образованными завоевателями полуварварским туземцам. Винные погреба, кабаки и развратные дома составляют, конечно, самые многочисленные „гражданские“ заведения в Алжире. Мусульмане, столь упорно отталкивающие все, что могли бы перенять истинно полезного от ненавистных им гяуров, с жадностью всасывают всеми путями разрушающий яд увы! постоянно и во всех частях света разливающийся по следам европейской цивилизации» [29, с. 229].

Это одно из самых сильных и откровенных замечаний в русской публицистике, разоблачающей политику французских колонизаторов в Алжире.

Наблюдения Э. И. Эйхвальда, который был первым русским

ученым в XIX в., посетившим эту страну с исследовательской целью, гораздо более обширны и разносторонни. Сделанный им в 1849 г. доклад на общем собрании Русского географического общества был посвящен путешествию автора в Алжир в 1847 г. и увидел свет в вестнике общества в 1851 г. [34]. Большое, на 84 страницах, сообщение носило страноведческий характер. Основные интересы Э. И. Эйхвальда лежали в области географии, точнее, в области только зарождавшейся тогда геологии (одним из основателей которой в нашей стране по праву считается Э. И. Эйхвальд). Но, как истинный ученый, он добросовестно наблюдает животный, растительный мир, оставляет заметки о местных народах, древней истории Алжира, о процессе колонизации страны французами. Не ограничиваясь наблюдениями, Э. И. Эйхвальд постоянно сравнивает виденное с другими регионами, и в частности с Кавказом и Закавказьем, делает практические выводы.

Тема Кавказа проходит через весь доклад Э. И. Эйхвальда. Описывая город Алжир, он замечает: «Положение Алжира чрезвычайно сходно с положением Дербента у Каспийского моря... только Алжир гораздо красивее и обширнее» [34, с. 2—3].

Значительная часть работы Э. И. Эйхвальда посвящена растительному миру, причем особое внимание автора привлекают тропические растения. Ста трем из них дана морфологическая характеристика, оценены возможности их практического освоения на Кавказе: «И в наших закавказских владениях могло бы приняться разведение подобных общепользовных растений тропических стран. В них деланы опыты, но оставлены, может быть, слишком рано, прежде чем убедились надлежащим образом, действительно ли тамошний климат вовсе не благоприятствует их разведению» [34, с. 15].

Стоит выделить короткое сообщение ученого о торговых связях России и Алжира через Одессу, «из которой еще и нынче, кроме кавказского строительного леса, постоянно получается южнороссийский хлеб через Черное и Средиземное моря путем, который во время римлян был в Ольвию» [34, с. 36—37].

Большое место в докладе Э. И. Эйхвальда занимает и описание условий, в которых происходила Кавказская война, дается характеристика личности Шамиля и его методов ведения боевых действий в сравнении с недавно закончившейся борьбой Абд эль-Кадера против французских колонизаторов.

Работа Э. И. Эйхвальда и его сообщения в географическом обществе были замечены не только в России, но и в научных кругах ряда европейских стран. А его данные о растительном и животном мире не утратили своего значения и в настоящее время, представляя уникальный материал для реставрации флоры и фауны Алжира до начала колонизации, которая привела к резкой деградации ландшафта и истреблению многих видов животных.

Интересно отметить, что к исследованию Алжира М. И. Бог-

дановича и Э. И. Эйхвальда побудили практические интересы России в колонизации Кавказа. Но если первого в основном интересовали военные проблемы, то второй делал акцент на мирном освоении этого края.

Оценивая «алжирское наследие» А. А. Рафаловича и Э. И. Эйхвальда, следует заметить, что, не будучи историками, оба они не владели методикой исторического исследования, да и не ставили перед собой такой цели. Имеющиеся материалы не дают нам оснований для определения системы их взглядов на развитие общества. Вряд ли они придерживались каких-либо исторических концепций и школ. Однако сказанное выше ни в коей мере не умаляет роли этих ученых в отечественном алжироведении. Их этнографические заметки, носившие до известной степени случайный, с позиций исторического исследования, характер, отличаются живостью и непосредственностью наблюдений, содержат богатый фактический материал, рисующий Алжир под властью французов. Опубликованные в официальных и пользующихся популярностью изданиях, работы А. А. Рафаловича и Э. И. Эйхвальда сыграли значительную роль в формировании общественного мнения России на алжирские проблемы.

Итак, рассмотрев период становления отечественного алжироведения, мы можем сделать следующие выводы. Для первого периода характерны непоследовательность в развитии, слабая взаимосвязанность между отдельными работами, целый пласт отечественного алжироведения XVII—XVIII вв. был полностью забыт и не оказал практически никакого влияния на дальнейшее развитие этой отрасли знаний в России, поэтому в XIX в. русские исследователи открывают Алжир заново.

Большую роль в познании Алжира в России наряду с научными исследованиями играла публицистика, способствовавшая более широкому распространению знаний об этой стране в России.

Отечественное алжироведение с первых своих шагов стало развиваться как отрасль исторической науки. И хотя некоторые работы носили страноведческий, историко-географический характер, все-таки исторический аспект, как правило, преобладал, в то время как российское востоковедение в этот период главное внимание уделяло вопросам языкознания. Последнее обстоятельство стало одной из причин того парадоксального явления (которое сохранялось на протяжении всего дореволюционного периода), что Алжиром, за редким исключением, занимались не профессиональные востоковеды, а порой даже не историки. Другой характерной чертой отечественного алжироведения было то, что изучение этой страны побуждалось прежде всего практическими интересами Российской империи и интенсивность подобных исследований во многом зависела от ее политики.

Проблемы колонизации столь отдаленной от нашего оте-

чества «Алжирии» оказались кровно близки захватническим интересам России, жестоко подчинившей себе Кавказ, а затем и Среднюю Азию. Однако русские исследователи критически изучали опыт французских завоевателей, резко выступая против крайностей, а сам Алжир неизменно вызывал у наших соотечественников интерес столь же глубокий, сколь глубоко было их сочувствие борьбе его народа за независимость. И еще задолго до появления на алжирских берегах французских завоевателей русский моряк М. Г. Коковцов выражал искреннюю надежду на освобождение коренного населения от варварского турецкого ига. Эта традиция, заложенная в период становления отечественного алжироведения, стала краеугольным камнем во всех дальнейших российских исследованиях об Алжире.

Л и т е р а т у р а

1. Абд эль-Кадер.— Москвитянин. М., 1841, № 1.
2. Алжир.— Отечественные записки. СПб., 1841, № 18, отд. 2.
3. *Бартольд В. В.* Восток и русская наука.— Сочинения. Т. 9. М., 1977.
4. *Богданович М. И.* Алжирия в новейшее время. СПб., 1849.
5. *Богданович М. И.* Алжирия в новейшее время. СПб., 1849. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1850, № 2, отд. 6.
6. Бу-Маза в Париже.— Современник. СПб., 1847, № 7, отд. 4.
7. Бюжо об Алжире.— Москвитянин. М., 1842, № 10.
8. [*В-ский В. А.*] Охота в окрестностях Мильтяны Милианы (Из путевых записок В. А. В-ского).— Отечественные записки. СПб., 1850, № 6.
9. Европейское население Алжира.— Современник. СПб., 1847, № 4, отд. 4.
10. *Елисеев А. В.* Антропологическая экспедиция в Сахару через Триполи, Тунис и Алжир. СПб., 1885.
11. *Елисеев А. В.* В стране туарегов.— Русский вестник. СПб., 1885, № 7—8.
12. Историческая энциклопедия. Т. 2. М., 1962.
13. История русской армии и флота. Т. 8. Образование. М., 1912.
14. [*Коковцов М. Г.*] Достоверные известия об Альжире. О нравах и обычаях тамошнего народа; о состоянии правительства и собранных доходах, о положении Варварийских берегов, о произрастаниях и прочем; с верным чертежом. СПб., 1787.
15. [*Коковцов М. Г.*] Описание Архипелага и Варварийского берега, изъясляющее положение островов, городов, крепостей, подводных камней и мелей, число жителей, веру, обряды и нравы их с присовокуплением древней истории, и с тремя чертежами. СПб., 1786.
16. *Косвен М. О.* Первый русский африканист М. Г. Коковцов.— Советское востоковедение. 1956, № 2.
17. *Костенко Л. Ф.* Путешествие в Северную Африку. СПб., 1876.
18. *Крачковский И. Ю.* Очерки по истории русской арабистики.— Избранные сочинения. Т. 4. М.— Л., 1957.
19. *Куббель Л. Е.* К истории этнографического изучения Африки в России.— Изучение Африки в России. Дореволюционный период. М., 1977.
20. *Куропаткин А. Н.* Алжирия. СПб., 1877.
21. *Ланда Р. Г.* Взаимодействие европейской колонизации и алжирского общества XIX в.— Арабские страны: история и современность. М., 1981.
22. *Машиев А. И.* Очерк современного состояния Алжирии.— Вестник императорского Русского географического общества. Ч. 28. Кн. 3. Отд. 5. СПб., 1851.
23. О французской колониальной экспансии в Алжире.— Отечественные записки. СПб., 1842, № 7. отд. 7.

24. Об алжирских экспонатах на парижской мануфактурной выставке.— Отечественные записки. СПб., 1849, № 9, отд. 8.
25. Об открытии в Алжире развалин древнего города римского времени.— Отечественные записки. СПб., 1841, № 6, отд. 7.
26. Общий морской список. Ч. 6. Царствование Екатерины II. СПб., 1890.
27. Описание турецкой империи, составленное русским, бывшим в плену у турок в XVII веке. СПб., 1890.
28. [Портрет Абд эль-Кадера].— Современник. СПб., 1848, № 2, отд. 4.
29. Рафалович А. А. Записки русского врача, отправленного на Восток.— Журнал министерства внутренних дел. СПб., 1849, № 26.
30. Рафалович А. А. Некролог.— Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1851, сентябрь.
31. Ришом Ш. Э., Вангольд А. География в эстампах, с повестями и картинами по предметам географии. Изд. 2-е. СПб., 1847. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1847, № 10, отд. 6.
32. Сахаров А. М. Историография истории СССР. Досоветский период. М., 1978.
33. Чихачев П. А. Испания, Алжир, Тунис. М., 1975.
34. Эйхвальд Э. И. Отрывки из путешествия в Алжир в 1847 г.— Вестник императорского Русского географического общества. СПб., 1851.
35. Broughton E. Six Years Residence in Algiers. L., 1839. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1839, № 9, отд. 7.
36. [Decker C., von]. Algerien und die dortige Kriegstührung, von C. von Decker. Nach offiziellen und andern authentischen Quellen, und den auf dem Kriegsschauplatze selbst gesammelten Nachrichten bearbeitet. Bd. 1—2. B., 1844. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1844, № 10, отд. 7.
37. Galibert L. L'Algerie ancienne et moderne depuis les premiers etablissements des Carthaginois jusqu'a la prise de la smalah d'Abd-el-Kader... P., 1844. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1844, № 7, отд. 7.
38. Rotalier Ch. de. Histoire d'Alger et de la piraterie des Turkes dans la Mediterranee, a dater du seizieme siècle. Vol. 1—2. P., 1841. Рец. на книгу.— Отечественные записки. СПб., 1842, № 2, отд. 7.
39. Wagner M. Reisen in der Regentschaft Alger in den Jahren 1836, 1837 und 1838. Von. D. Moritz Wagner nebst einem naturhistorischen Anhang und einem Kupterallas. Bd. 1—3. Lpz., 1846.

М. И. Шевчук

**СТАНОВЛЕНИЕ И ФОРМЫ АНТИКОЛОНИАЛЬНОЙ БОРЬБЫ
В ВОСТОЧНОЙ АФРИКЕ
(1918—1939)**

Период 1918—1939 гг. сыграл большую роль в социально-экономическом, политическом и этническом развитии Восточной Африки. В это время здесь возникли первые просветительские и общественно-политические организации, которые своеобразно сочетались с традиционными и колониальными институтами управления. Указанный период характеризовался становлением национально-освободительного движения, которое уже после второй мировой войны привело народы региона к независимости.

Появление общественных и политических организаций современного типа в Африке происходило в условиях, когда основная масса населения колоний сохраняла социальную структуру, а также уровень развития общественного сознания, характерные для доклассовых и раннеклассовых обществ. Это наложило отпечаток как на принципы построения организаций, так и на формы их политической борьбы.

Изучение начального этапа антиколониального движения необходимо не только для более глубокого понимания истории политического развития стран Восточной Африки и континента в целом. Оно также поможет объяснить многие события, которые произошли в социально-экономической и политической жизни народов региона в новейшее время, более точно расставить акценты при оценке современной ситуации во многих странах Тропической Африки.

Первые отечественные исследования Восточной Африки относятся к 20—30-м годам нашего столетия. Ей посвящены работы Б. А. Александрова, А. В. Зусмановича, И. Л. Попова-Ленского, И. И. Потехина и др. В 60—80-е годы советские африканисты (Д. А. Ольдерогге, А. С. Балезин, М. И. Брагинский, Л. С. Владимиров, Н. М. Гиренко, А. А. Жуков, Р. Н. Исмагилова, В. К. Карпов, В. Я. Кацман, Н. Д. Косухин, Н. А. Ксенофонтова, Ю. В. Луконин, В. М. Мисюгин, В. Е. Овчинников, В. П. Панкратьев, И. Е. Синицына, С. Р. Смирнов, И. И. Филатова и др.) опубликовали ряд монографий, очерков и статей по истории региона. Основной акцент в них сделан на события

после второй мировой войны либо до первой мировой войны.

В работах Н. А. Ксенофонтовой, Ю. В. Луконина, В. Е. Овчинникова, В. П. Панкратьева и И. И. Филатовой частично исследуются проблемы становления антиколониальных сил в форме политических и общественных организаций. Но для более полного освещения освободительного движения в Восточной Африке межвоенного периода необходимо изучение и других его форм, таких, как выступления африканцев Уганды и Танганьики против создания Восточноафриканской федерации под эгидой Кении, движение за церковь нового типа. Данная статья в какой-то мере восполняет пробел в комплексном исследовании становления и форм антиколониальной борьбы народов региона.

До первой мировой войны антиколониальное движение в Восточной Африке носило характер массовых крестьянских выступлений, во главе которых обычно стояли представители традиционной общинно-родовой верхушки (вожди племен или союзов племен, стремящихся к образованию собственного государства, старейшины и т. д.). Так, на территории Германской Восточной Африки в связи с экспроприацией земель и регулярным использованием принудительного труда коренного населения, жестоким угнетением и произволом, чинимым германскими властями, произошел целый ряд народных восстаний. Особенно известны восстания, которыми руководил Бушури (1886—1889), война народа вахехе во главе с вождем Мквава (1891—1898), восстание «Маджи-Маджи» (1905—1907). На территории Уганды в 1897 г. вспыхнуло антиколониальное восстание во главе с кабакой Мванга, продолжавшееся до 1899 г., и в этом же году восстание подняли баньоро. Они штурмовали английский форт в Хойме, напали на католическую миссию, изгнали вождей баганда, находившихся на службе у колонизаторов.

После установления господства метрополий, в первый период новейшего времени в истории Африки освободительная борьба приобретает формы движения за либерализацию существующей системы колониального управления. Коренное население требует предоставления ему определенных прав — экономических (право самостоятельно выращивать экспортные культуры, свободно торговать), муниципальных (избирать и быть избранным в органы власти), образовательных (преподавать в светских школах), — распространения буржуазно-демократических свобод метрополии на колонии. Оно ведет борьбу против различных злоупотреблений колониальной администрации и проявлений расизма [1, с. 6]. Во главе этих движений выступают уже не вожди и старейшины, а представители формирующейся национальной буржуазии. Основной движущей силой являются в основном средние городские слои, делающие попытку приобщить к движению крестьянство.

Формы антиколониальной борьбы в межвоенный период в Восточной Африке были в основном пассивные: подача пети-

ций, побеги с работы, участие в различных собраниях, где выдвигались требования улучшения жизни африканцев, выступления против создания Восточноафриканской федерации.

План создания федерации возник в начале 30-х годов, с целью его реализации был организован ряд комиссий, в которые вошли представители английского правительства. Сама идея была не нова. В свое время еще Г. Джонсон предлагал объединить Кению и Уганду на экономической основе, но вместо этого Восточная провинция Уганды отошла к Кении. В послевоенный период эта идея была возрождена тогдашним министром колоний Л. С. Эмери, который верил, что, если создать федерацию, экономические выгоды возрастут. «Небольшие территориальные единицы надо объединить в более крупные,—писал он,—которые смогут лучше удовлетворять потребности империи» [7, с. 311].

В 1924 г. первое лейбористское правительство (премьер-министр Р. Макдональд) отправило комиссию под руководством Ормсби—Гора в Восточную Африку. После посещения Танганьики, Уганды, Кении и других английских территорий комиссия представила отчет с рекомендациями об улучшении управления экономическим развитием, налогообложением, а также о совершенствовании социальных отношений между африканцами и остальными народами, населяющими Восточную Африку.

Комиссия Ормсби—Гора высказалась за объединение Кении, Уганды и Танганьики в Восточноафриканскую федерацию и внесла предложение создать верховный орган в составе губернаторов этих стран. Таким органом стала созданная в 1927 г. комиссия губернаторов, которая координировала все шаги колониальных администраций в интересах прежде всего белых поселенцев [3, с. 423]. Но проект создания федерации вызвал некоторые опасения. Во-первых, во главе ее стала бы Кения, где было наибольшее число белых поселенцев и местные власти могли распоряжаться полностью и бесконтрольно. Танганьика была подмандатной территорией, и это ограничивало возможности метрополии, тем более что страны-соперницы следили за действиями англичан на этой территории, особенно Германия, так как Танганьика раньше была ее колонией. Во-вторых, было очевидно, что в результате создания федерации возросло бы экономическое, а с ним и политическое положение плантаторов, которые в перспективе могли бы добиться создания доминионов.

В 1927 г. министр колоний Эмери направил комиссию в Кению, Танганьiku и Уганду для выяснения всех вопросов, связанных с организацией федерации. Комиссию возглавил Х. Янг. Метрополия пыталась усилить контроль над Танганьикой и Угандой. Для этого сначала правительство Англии предлагало учредить пост генерал-губернатора будущей федерации, который имел бы право непосредственно контролировать и, если понадобится, вносить изменения в ее законодательство. Прави-

тельство Англии при этом играло бы роль судьи по многим спорным вопросам.

Протесты против создания такого «союза» последовали в первую очередь со стороны белых — крупных чиновников в Восточной Африке. Губернатор Танганьики Д. Камерон в союзе с группой Олдхема—Лугарда энергично доказывал, что положение в Танганьике должно оставаться без изменения [10, с. 51]. В ходе борьбы противники создания федерации высказали опасение по поводу признания со стороны африканского населения будущего влияния кенийских белых поселенцев.

Если в Танганьике большую активность против создания федерации проявили белые колонисты, то в Уганде в этой борьбе принимали участие и африканцы. Враждебное отношение жителей Буганды к кампании за образование Восточноафриканской федерации объяснялось прежде всего их стремлением сохранить автономию. Комиссия Ормсби—Гора начала свою работу в 1924 г., и начиная с этого времени до создания Объединенного особого комитета по вопросам будущей федерации в 1931 г. кабака и люкико (местный парламент) всегда высказывались против образования федерации в меморандумах губернатору и министру иностранных дел. О том, какую роль племенной сепаратизм играл в создании такого отрицательного отношения, свидетельствует письмо кабаки министру иностранных дел Великобритании в 1927 г. «Какую бы форму в конце концов ни приняла предлагаемая федерация,— писал он,— нет никакой надежды, что жители Буганды и конституция нашего королевства что-либо от этого выиграют... Королевство Буганда — относительно очень маленькая страна, и ее значение ощущается только в свете ее положения в протекторате Уганды и ее статуса среди других народов, образующих протекторат... Буганда вследствие этого должна занимать самое важное место среди народов протектората. С другой стороны, очевидно, что в предполагаемой федерации британских восточноафриканских владений значение Буганды непременно пропорционально уменьшится... Существующий статус Буганды... наверняка будет упущен из виду, так как в предполагаемую федерацию будет включено огромное число разных народов и племен со своим относительным значением» [8, с. 255].

Уместно привести мнение Стенли Томкинса, высокопоставленного британского администратора в Уганде, о политике Англии в Буганде: «Бугандийское соглашение остается центральным фактом управления в Уганде, если только британское правительство не готово отступить от своих торжественных заверений и считать его аннулированным и не имеющим силы. Это предложение (по объединению Уганды и Восточноафриканского протектората.— *М. Ш.*) не может рассматриваться как серьезное предложение... Условия в двух протекторатах почти полностью различны... Многие путешественники, миссионеры и другие отмечали, что по пересечению озера (оз. Виктория.—

М. Ш.) они, казалось, попадали в совершенно другую страну. Отношения, существующие между администрацией и гражданским населением, несколько не похожи на отношения между этими же сторонами в Восточноафриканском протекторате. Национальные правительства обладают здесь значительной властью, и не будет слишком сильно сказано, что вся структура управления совершенно отлична от структуры в Восточноафриканском протекторате и требует специальных знаний... Что же касается национальных правительств, я знаю, что они возражают против любого объединения... Опытные администраторы данного протектората согласны в том, что наилучшим методом развития страны являются действия посредством национальных правительств и что эти правительства... должны поддерживаться и укрепляться любым возможным способом...» [9, с. 41—42].

В октябре 1929 г. некто Юсуфу Бамута пишет секретарю колониальной администрации, «объясняя» ему статус Буганды в соответствии с соглашением и утверждая, что «ограничение власти туземного правительства со стороны колониальной администрации противоречило бы соглашению и ее деятельность была бы определена как некомпетентная». В конце он утверждает, что «фактически король является главой суверенного государства» [9, с. 83].

Более важным фактором, обусловившим отрицательное отношение жителей Буганды к идее федерации, была боязнь, что кенийские переселенцы смогут влиять на их жизнь и распоряжаться их землей. С точки зрения простых африканцев, европейское поселение означало отчуждение земли и преобладающую или по крайней мере очень непропорциональную политическую власть в руках поселенцев. Эти опасения были главным препятствием на пути любых попыток добиться межтерриториальной кооперации. Кабака Буганды высказался весьма определенно по данному вопросу, выразив мнение большинства жителей страны: «Я всегда боялся, что образование Федерального совета... неблагоприятно скажется на существующем статусе и положении Уганды, так как наверняка такой совет будет состоять из большого числа неофициальных лиц, представляющих различные группы иммигрантов... Нет необходимости указывать, что интересы иностранцев и иммигрантов любой страны неизбежно находятся в противоречии с интересами коренных жителей» [8, с. 256].

Если сепаратизм Буганды помогает объяснить ее реакцию на попытки создания федерации, то сама эта кампания лишь усиливала бугандийский сепаратизм. Африканцы не имели какой-либо возможности бороться против федерации в масштабе всего протектората. В Законодательном совете они не имели своих представителей, на данном этапе не существовало общегугандийского патриотизма. Однако противостояние нежелательному для них объединению, несомненно, способствовало

укреплению их этнополитических связей. Более того, особый статус, гарантируемый англо-угандийским соглашением 1900 г., давал им законное основание для борьбы против предлагаемой федерации. В одном из выступлений омуваника Буганды Сервано Кулубья сказал: «Англо-угандийское соглашение — кровь нашей нации... наше единственное желание, чтобы нас оставили в покое и позволили жить, как мы жили после торжественного обещания, которым было отмечено подписание соглашения» [8, с. 551].

В течение непродолжительного периода в конце 20-х годов казалось, что сторонники федерации, возглавляемые Эмери, смогут добиться своего. Эмери был явно разочарован, что комиссия Хинтона Янга в 1929 г. высказалась против федерации, и через несколько месяцев он послал нового уполномоченного, проинструктировав его, как наиболее эффективно можно достичь соглашения. Однако в последний момент уполномоченному были даны новые инструкции, с тем чтобы он мог решить на месте, есть ли смысл бороться за создание федерации. Этим уполномоченным был Самюэль Уилсон. Изучив вопрос, он посоветовал назначить Верховного комиссара, который стал бы главным советником министра иностранных дел по «туземной» политике. Кроме того, он порекомендовал образовать Законодательный совет, который оказывал бы помощь Верховному комиссару.

Парламент Буганды отреагировал на это резко отрицательно и обратился с петицией к министру иностранных дел Британии, требуя принять парламентскую делегацию. Однако министр иностранных дел отказал в этой просьбе, заявив, что «точка зрения кабаки и правительства Буганды ему хорошо известна и они не должны бояться, что их протест будет проигнорирован и положению местного правительства будет грозить опасность» [8, с. 257].

Ответ министра иностранных дел не успокоил кабаку и его министров. Он был неопределеннее, чем то заверение, которое они получили в 1922 г. Оно было сформулировано следующим образом: «Министр колоний попросил проинформировать вас, что, если будет решено принять какие-то меры для обеспечения более тесной координации колониальных администраций Восточной Африки в виде федерации или как-то иначе, вы можете быть уверены, что не будут предприниматься действия, нарушающие англо-угандийское соглашение 1900 г., и что в любом случае не предполагается распространить на королевство Буганда или протекторат Уганда юрисдикцию какого-либо внешнего законодательного органа в Восточной Африке или как-то уменьшить ответственность министра иностранных дел за управление протекторатом» [8, с. 258].

Не исключая в конечном счете возможности образования федерации, жители Буганды и их лидеры начали выдвигать условия вступления в нее, рассчитывая добиться статуса, за-

щищаемого англо-угандийским соглашением. Кабака обратился к специальному уполномоченному провинции с просьбой, чтобы по крайней мере «независимо от того, какая политика в отношении африканцев будет проводиться администрацией этих объединенных территорий, никто не вмешивался во внутреннее местное управление королевством Буганда, как это оговаривалось в англо-угандийском соглашении» [8, с. 258].

На следующий год в меморандуме Объединенному особому комитету кабака потребовал, чтобы королевство Буганда было **исключено** из ведения предполагаемой комиссии губернаторов и Британия назначила специального уполномоченного, который бы отвечал за внутреннее управление этой страной только перед правительством империи.

Учитывая сопротивление со стороны жителей Восточной Африки, и в первую очередь европейских плантаторов, идее создания федерации, Эмери посылает туда своего заместителя С. Вильсона. Вильсон не вынес из этой поездки ничего нового, кроме того, что ему пришлось по многим вопросам согласиться с белыми поселенцами Танганьики и Уганды. После своего возвращения он представил отчет второму лейбористскому правительству, которое вынесло решение не торопиться с созданием федерации. Итак, кампания по объединению восточноафриканских территорий, начатая в 20-е годы, в начале 30-х годов потерпела поражение. И хотя роль коренных жителей Танганьики и Уганды в этом была невелика, можно говорить о том, что уже в 20—30-е годы складывались предпосылки совместного сопротивления африканцев Восточной Африки английскому колониальному господству.

Одной из форм антиколониального движения явилось сопротивление африканцев догмам христианства. В 1931—1935 гг. христианские миссии в Восточной Африке переживали кризис. Фонды католической церкви, направляемые сюда, сократились наполовину. Не лучше было положение и в других миссиях.

Среди африканцев Танганьики началось движение за **церковь** нового типа, которая в большей степени отвечала бы традициям и устоям африканского общества. То там, то здесь возникали псевдохристианские церкви. Верующие отказывались подчиняться своим бывшим пасторам. Многих объединяло в этом движении отстаивание права многоженства (традиционного семейного права). Самым сильным из новых религиозных течений стал эклектизм, состоявший из смешения старых африканских обрядов, не отрицавший колдовства, утративший основные догмы христианства, но сохранивший ряд его внешних признаков. Ислам также претерпел изменения. Так, в церемониях участвовали женщины, применялись африканские барабаны и т. д. Коран уже не был догмой.

В Кении местные жители выступали за сохранение обрядов, культуры, традиций. Большое распространение получило движение за создание независимых школ. Африканцы стреми-

лись вывести их из-под контроля как миссионеров, так и колониальной администрации.

Одной из самых действенных форм антиколониальной борьбы в период между мировыми войнами в странах Тропической Африки было создание общественно-политических организаций коренного населения. В большинстве своем они строились на этнической основе, и вся их деятельность была направлена на удовлетворение требований только определенного этноса. На данном этапе еще не выдвигался лозунг ликвидации системы колониального порабощения. «Перед второй мировой войной,— писал К. Нкрума,— в различных частях колониальной Африки происходило множество политических демонстраций и стачек. Их лозунги чаще всего сводились тогда к требованию реформ; в то время мало кто предвидел, что у нас возникнут национальные политические партии, которые потребуют независимости» [2, с. 86]. Но в этот период «заметно интенсифицировался процесс политизации общественной жизни в колониях. Под напором национально-освободительного движения колониальная администрация вынуждена была соглашаться на легализацию в отдельных странах партий и признавать за коренным населением право на образование различных общественных организаций» [4, с. 7]. Однако эти организации в большинстве случаев оставались аморфными образованиями без четкой программы (чаще всего вообще без какой-либо программы) и не пользовались широкой поддержкой масс. Некоторые общественные организации африканцев облекались в религиозно-мистическую форму, а их лидеры провозглашались мессиями, пророками или святыми.

В Западной и Центральной Африке представители местной интеллигенции приняли участие в панафриканском и гарвиистском движениях, центры которых находились за пределами континента. На определенном этапе эти движения оказали влияние на антиколониальную борьбу. В Восточной Африке панафриканизм и гарвизм в межвоенный период не получили распространения.

В целом первые общественно-политические организации коренного населения в Восточной Африке были слабы и разобщены, имели реформистский характер, выдвигая задачи «улучшения» и «демократизации» колониального режима. Их деятельность в период между мировыми войнами была закономерна и присуща всем общественно-политическим организациям Тропической Африки. В ходе второй мировой войны, под влиянием исторических побед над фашизмом, решающий вклад в которые внес Советский Союз, в антиколониальной борьбе народов Восточной Африки наступил качественно новый этап. Под руководством массовых политических партий, образованных в годы войны и после ее окончания, народы региона добились политической независимости.

Л и т е р а т у р а

1. *Куббель Л. Е., Туполев Б. М.* Антиколониализм в африканской общественной мысли: идеи и люди.— Антиколониальная борьба и общественная мысль в Тропической и Южной Африке. М., 1983.
2. *Нкрума К.* Африка должна объединиться. М., 1964.
3. Новейшая история Африки. М., 1968.
4. Политические партии современной Африки. М., 1984.
5. *Bennet G.* Kenya: A Political History. L., 1963.
6. *Iliffe J. A.* A Modern History of Tanganyika. L., 1979.
7. *Indham K.* A History of East Africa. L., 1962.
8. *Low D. A., Pratt R. C.* Buganda und British Overrule. 1900—1955. London—New York—Nairobi, 1960.
9. *Low D. A.* The Mind of Buganda Documents of the Modern History of an African Kingdom. Berkeley and Los Angeles, 1971.
10. Sidney Webb and East Africa. Berkeley and Los Angeles, 1962.

А. В. Хренков

К ИСТОРИИ РУССКО-ЭФИОПСКИХ
РЕЛИГИОЗНЫХ КОНТАКТОВ

Объективной исторической предпосылкой русско-эфиопских государственных и церковных контактов явилась, безусловно, религиозная близость России и Эфиопии. И русские и эфиопы (главным образом амхаро-тиграйское население Эфиопии) приняли в I тысячелетии нашей эры христианство восточного направления (византийского толка): Эфиопия (вернее, ее предшественник — Аксумское царство) — в 343 г. от Александрийской патриархии¹, Киевская Русь — в 988 г. от патриархии Вселенской, т. е. Константинопольской.

С одной стороны, принятие Аксумским царством христианства способствовало его обособлению от остальной Африки, от своих соседей, которые в то время еще придерживались традиционных анимистических верований, а после VIII—IX вв. стали подпадать под влияние быстро распространяющегося ислама; с другой стороны, это же обособление христианского анклава среди языческо-мусульманского окружения обусловило традиционное тяготение Эфиопии к государствам и народам Ближнего Востока и Европы как своим единоверцам.

До XVI — начала XVII в. христиане всех толков — православные, католики и протестанты — принимались эфиопами как единоверцы. Эфиопия, отрезанная от остального христианского мира прочным «мусульманским заслоном» и большими расстояниями, была далека от ожесточенных богословских споров, раздиравших христианский мир в средние века. Арианство, несторианство, монофизитство, православие и католицизм — эти бесконечные религиозные расхождения в христианстве доходили до Эфиопии глухими, отдаленными раскатами, не оказывая серьезного влияния на ее собственную внутрицерковную жизнь, которая развивалась относительно самостоятельно и в русле которой было немало собственных подводных камней, течений, противоречий и водоворотов, вызванных местными причинами.

Внешняя же связь с остальным христианским миром традиционно поддерживалась через Александрийскую патриархию, которая в V в. отделилась от Вселенской церкви из-за возникших серьезных догматических расхождений с последней при

александрійском митрополите Диоскоре, что, кстати сказать, стало известно в Эфиопии далеко не сразу. На Халкидонском соборе (451 г.) Диоскор и его приверженцы, отвергшие догмат о двуединой бого-человеческой сущности Христа и признававшие в нем лишь божественное начало, были осуждены и отлучены от церкви как еретики-монофизиты. В разряд еретиков, сами не ведая того, были отнесены и эфиопские христиане как «дети духовные» отлученного митрополита Диоскора, провозгласившего вскоре о создании самостоятельной Александрийской патриархии. Однако в традиционных, издавна сложившихся отношениях между Эфиопией и Александрийской патриархией все оставалось по-прежнему. Александрийский патриарх, как и прежде, назначал в Эфиопию по своему выбору митрополита (архиепископа) — «абунэ» («абуну»), за что получал установленный выкуп, дань от эфиопских властей.

До XVI — начала XVII в. эфиопские христиане, как отмечалось, по-видимому, не осознавали серьезных различий между католиками и православными, египетскими монофизитами (коптами), армяно-григорянами или греками. Все они были для них христианами, единоверцами. Во всяком случае, они не считали эти «заморские» религиозные расхождения столь уже принципиальными. Однако, после того как при императорах Лебнэ-Дынгэле и Сиссинии Эфиопию наводнили португальские и испанские иезуиты, которым последний монарх откровенно покровительствовал, и когда засилье католиков при дворе и в высшей церковной иерархии стало угрожать самой самостоятельности эфиопского государства, в Эфиопии возникло сильное оппозиционное течение, направленное против попыток католиков изменить традиционный государственный уклад и местные религиозные воззрения, сохраняющие значительные пережитки дохристианских верований. В начале XVIII в., при сыне Сиссиния, императоре Фасилидэсе, иезуиты и другие католические миссионеры были частью перебиты в результате стихийно вспыхнувшего возмущения, частью же изгнаны из страны.

Как реакция на активное неприятие населением и эфиопским клиром католических миссионеров и их деятельности в Эфиопии с этого времени усиливается тяготение к восточному христианству², враждебному католицизму. Вновь укрепляются ослабевшие было связи с александрийским патриаршим престолом, устанавливаются неофициальные контакты с другими восточнохристианскими церквами, которые, несмотря на значительные внутренние расхождения, все же нередко выступали единым фронтом против шедшего в наступление католицизма. Эфиопские государи начинают поощрять въезд в страну греков и армян, массами бежавших из мусульманской Турции, спасаясь от участвовавших в XVIII—XIX вв. погромов христиан. Эта эмиграция в Эфиопию христиан из Турции явилась непосредственной предпосылкой к установлению отношений Эфиопии с Россией, которая традиционно поддерживала тесные,

в том числе и религиозные, связи с армянами и греками, проживавшими в Османской империи, и нередко выступала их покровителем и защитником.

Однако от образования предпосылок до первых контактов между русскими и эфиопскими христианами прошло еще довольно много времени. Причина этого заключалась не только в значительной удаленности России и Эфиопии друг от друга или в плотном мусульманском кордоне между ними, но и в том, что Эфиопия почти до середины XIX в. была, выражаясь словами Иммануила Канта, «вещью в себе». До самой середины прошлого столетия эта страна не являлась, если так можно выразиться, субъектом мировой истории. Так же как и большинство стран внутренней Африки, она оставалась, по существу, «терра инкогнито». Связи ее с внешним миром были весьма непрочными и эпизодическими.

Отчасти тогдашнюю Эфиопию представлял на международной арене александрийский коптский патриарх, являвшийся духовным главой эфиопских христиан, который в то же время оказывал некоторое покровительство эфиопскому монастырю в Иерусалиме. Однако представителем интересов Эфиопии и ее государей на внешнеполитической арене он был, прямо скажем, неважным. Стремясь сохранить Эфиопию под своим монопольным церковным владычеством, а эфиопскую церковь как вассальную от него епархию, он вовсе не был заинтересован в самостоятельном выходе Эфиопии на мировую арену без его посредничества. И дело здесь было не только в престиже, который ему придавал духовный сюзеренитет над этим крупным африканским государством, но и в значительных доходах, которые приносил патриарху каждый отправляемый им в Эфиопию абунэ. А для коптского патриархата, чьи источники дохода в мусульманском государстве были весьма скудными, Эфиопия представляла собой поистине золотое дно.

Впрочем, нельзя, конечно, сказать, что все эти годы Эфиопия оставалась в полной изоляции. Так, эфиопские монахи и паломники довольно регулярно посещали Иерусалим и даже образовали там небольшую, но постоянную эфиопскую общину; случалось, проникали в Эфиопию и отдельные европейские путешественники (можно упомянуть здесь шотландца Сальта или француза Роше д'Эрикура). Кроме того, и Александрийский патриарх, как ни мало был он заинтересован в том, чтобы Эфиопия завязала собственные связи с другими христианскими странами, также предпринимал кое-какие шаги в этом направлении, ибо с течением времени держать Эфиопию в изоляции становилось для него все труднее. Собственно, и в этих случаях он преследовал прежде всего свои интересы, поскольку выступал в качестве непрямого посредника в таких контактах.

В особо тяжелые в политическом или финансовом отношении периоды тяготение коптской патриархии к контактам с

другими восточнохристианскими церквями значительно усиливалось. И тогда для подкрепления своего престижа копты неизменно пускали в дело главную козырную карту — Эфиопию. Надо сказать, что особо тесные отношения сложились у коптов с армяно-григорианами, которые, как и копты, были монофизитами, — а отсюда уже было рукой подать и до непосредственных контактов с Россией, которая начиная с XV—XVI вв. прочно занимала первое место среди государств, исповедующих христианство восточного толка. С падением в XV в. Византии Москва становится признанной наследницей Константинополя — «второго Рима». Военные победы России над Турцией, одержанные в конце XVII — начале XIX в., привели к безоговорочному признанию авторитета России на Востоке как единственной покровительницы всего восточного христианства. Надеясь на заступничество России, к ней потянулись не только греки, болгары, сербы и другие православные подданные султана, но и армяне, сиро-яковиты, ариане, копты и прочие последователи древнехристианских учений, объединяемые ныне под общим названием дохалкидонитов.

Уже при Иване Грозном и царе Алексее Михайловиче Московию регулярно стали посещать иерархи восточных патриархий: Антиохийской, Египетской и др., игумены Синайской обители, обращавшиеся к московским царям за денежным вспомоществованием. Благодаря этим визитам в Россию просачивались отдельные сведения об эфиопских христианах. Другим источником информации об Эфиопии стал Иерусалим — «святая столица» всего христианства и традиционное место паломничества христиан самых различных толков. Русским монахам и паломникам, приходившим поклониться «святым местам», не раз приходилось встречаться в Иерусалиме с чернокожими христианами Африки, что находило отражение в путевых заметках, оставленных некоторыми из них.

Немаловажную роль в накоплении знаний об Эфиопии в России играли также связи с Европой. В настоящее время признается, что первые достоверные и достаточно полные сведения об этой африканской стране Россия получила благодаря контактам с саксонским двором курфюрста Эрнста в конце XVII в., чьим политическим советником в то время состоял Иов Лудольф, бывший, по словам акад. И. Ю. Крачковского, «основателем научного абиссиноведения в Европе». Лудольф был одержим идеей заключения европейцами религиозно-политического союза с Эфиопией против Турции. Лучше других знакомый с Эфиопией, он предлагал свой план европейским государям от имени курфюрста Эрнста, но считал, что наиболее благоприятные шансы на успех в этом деле имеет именно Россия³. В 1674 г. Лудольф предложил своему соотечественнику Рингуберу, состоявшему переводчиком и секретарем русского посольства, передать правительству царя Алексея Михайловича «Пункты», в которых излагался приблизительный проект

установления непосредственных отношений и союза между Москвией и Эфиопией. Лудольф предлагал русским направить свое посольство в Эфиопию через Персию, используя в качестве проводников армян, «тамошних жаров обыклых» [3, с. 151]. Возглавить посольство вызвался сам Рингубер, увлекшись новой идеей. Однако предлагаемый Лудольфом и Рингубером проект представлялся думным дьякам посольского приказа, и не без основания, настолько фантастическим, что от него просто отмахнулись. В тот период России явно было не до Эфиопии.

Однако уже преемник Алексея Михайловича — Петр I — проявил к Эфиопии значительно больший интерес. Озабоченный расширением внешнеполитических контактов России, занятый поисками новых, перспективных торговых путей, Петр не обошел своим вниманием и Эфиопию, тем более что у него уже имелись значительно более надежные, чем у его предшественников, сведения об этой далекой африканской стране — ведь именно по его приказу была переведена на русский язык книга Лудольфа «История Эфиопии». Однако, вероятно, одной этой книгой знания Петра об Эфиопии не ограничивались. Какие-то сведения об этой стране поступали также и от русских послов в Сиятельной Порте⁴, и из церковной переписки с восточно-христианскими патриархиями. Кроме того, для пополнения своих сведений об Эфиопии Петр мог пользоваться разнообразными устными источниками.

В этой связи хочу заметить, что мы, историки, частенько преувеличиваем неосведомленность наших предков, принимаем уровень их знаний только потому, что абсолютизируем письменные источники и подчас совершенно забываем об устной информации, которая поступала буквально отовсюду и составляла весьма значительный процент ее общего объема, если вообще не большую часть. Письменные источники, дошедшие до нас, подчас страдают неполнотой. Что же в этом удивительного? Ведь они и горели, и тонули, и терялись, и просто истлевали от времени, и специально уничтожались, когда становились неудобным свидетельством. Отыскав в архивных закромах один-другой сохранившийся документ, мы порой преувеличиваем его значение, склонны думать, что именно этот документ или эта книга сделали переворот в сознании наших предков. В данном случае мне кажется, что мы ошибаемся, когда полагаем, что до Лудольфа об Эфиопии на Руси не знали вовсе и он «открыл» для русских эту страну.

Возвращаясь к Петру I, вспомним, что в его время католические миссионеры — францисканцы, иезуиты и др. — накопили богатейшую информацию об Эфиопии и эта информация на верняка была известна не только узкому кругу избранных членов католических орденов и римской курии. Ведь информация бесполезна, если ее не использовать; когда же ее пытаются использовать, то даже в случае соблюдения строжайшей тайны она неизбежно найдет щелочки для утечки. Да и похоже, что

изгнанные из Эфиопии католики не слишком-то пытались скрывать имеющиеся у них сведения об этой стране. Во всяком случае, францисканский монах Джакомо Олледжио, которого освободил из персидской тюрьмы и отправил в 1722 г. к царю Петру русский резидент в Персии Артемий Волинский, охотно рассказал русским многое из того, что знал об Эфиопии.

В задуманном Петром русском посольстве в Эфиопии францисканцу Джакомо Олледжио отводилась весьма значительная роль. Он должен был стать и проводником, и переводчиком, и советником русского посланца. Однако миссия эта по неизвестным для нас причинам была отложена Петром⁵, а скорая смерть царя, последовавшая в 1725 г., помешала выполнению этого замысла.

Впрочем, несмотря на то что обстоятельства не позволили Петру I довести свой замысел до конца, о нем все же стало известно на Востоке. Об этом говорит тот факт, что через четверть века после смерти Петра александрийский патриарх Матфей в письме к русской императрице Елизавете Петровне упомянул о замысле ее отца⁶ и в память о нем просил исполнить просьбу эфиопских государей — негуса Иясу II и его матери императрицы Мынтыуаб (в русском написании — Марфы) — и послать им мастеровых людей разных ремесел и ученого человека духовного звания.

Однако «дщери Петровой» не по плечу и не по уму были исполинские замыслы ее отца. Она не смогла должным образом оценить предоставлявшуюся ей возможность завязать непосредственные контакты с Африкой и отмахнулась от этой просьбы, передав письмо Александрийского патриарха на рассмотрение Синода, где оно, по-видимому, и было погребено под спудом новых текущих дел. Поскольку Харлампович, историк русской церкви, нашедший упомянутое выше письмо, не обнаружил ответа на него, то, вероятнее всего, он так и не был написан.

Вообще следует признать, что у России на протяжении XVII—XVIII вв. неоднократно появлялись относительно благоприятные возможности завязать непосредственные отношения с Эфиопией и они могли быть установлены значительно раньше, чем это случилось в действительности. Советские историки-эфиописты в свое время исписали немало страниц в обоснование такого опоздания. Ведь это же своего рода феномен: при длительном и устойчивом взаимном тяготении двух стран, существовавшем как реальный фактор на протяжении почти двух веков, непосредственные контакты между Россией и Эфиопией были установлены только в конце XIX столетия.

Для объяснения этого мы ищем объективные причины, анализируем географические, политические и экономические особенности России и Эфиопии. Но среди объективных причин, среди всех этих осложняющих факторов мы почему-то не замечаем тех, которые лежат на самой поверхности: банальной

лени, нежелания начинать новое трудное дело, государственно-приказной рутины, безынициативности, боязни нового, искони присущей российскому правящему классу. Почему Петр в своих реформах опирался на иностранцев да на выходцев из низов? Не из прихоти царской, а потому, что в своей боярско-дворянской среде опереться было не на кого. А почему первые русские академики были из крестьян и лавочников? Потому, что в XVII — начале XVIII в. только в этом низком, как тогда выражались, «подлом» сословии еще и сохранились здоровое национальное ядро, инициатива, практическая сметка, жажда знаний и открытий. Потребовался толчок Петра и, вторичный, Екатерины II, чтобы пробудить русское дворянство от спячки, заставить его перестраиваться в соответствии с духом времени. Стоит ли после этого удивляться, что дело практического сближения России с Эфиопией так долго не «шло», что оно растянулось на столетия.

Однако вернемся к письму александрийского патриарха Матфея. То, что Святейший Синод несколько им не заинтересовался так же, впрочем, как и светские власти, свидетельствует, кроме всего прочего, и о том, что никаких прозелитских или церковно-объединительных намерений в отношении эфиопской или коптской церковью у России в тот период не было.

Эти намерения в среде русского православного духовенства впервые обнаружили лишь в 40-е годы следующего, XIX столетия, и распространение их в церковных и политических кругах было связано прежде всего с деятельностью архимандрита Порфирия Успенского. По существу, экуменистско-прозелитские идеи Успенского явились прямым следствием заметно возросшего военно-политического могущества и международного влияния России, которыми она пользовалась как в Европе, так и на Ближнем Востоке после разгрома наполеоновской Франции и своих побед над Турцией в 20—30-х годах прошлого века. Фактически эти идеи являлись религиозным политическим выражением возросших внешнеполитических амбиций российского самодержавия николаевской эпохи, претендовавшего на роль «вершителя судеб Европы» и заодно покровителя всех православных подданных султана.

В 1847 г. Порфирий Успенский, известный своими дипломатическими связями и хорошим знанием Ближнего Востока, предложил Синоду проект создания в Иерусалиме русской православной духовной миссии. Этот проект в высших государственных и духовных сферах был встречен одобрительно. 11 февраля 1847 г. Николай I подписал его. Первым главой миссии по совместному предложению Синода и министерства иностранных дел стал сам автор проекта. Официально духовная миссия должна была помогать русским паломникам, оказывать покровительство православным подданным на территории Турции, опекать церковные школы и иконописную мастерскую, которые Порфирий намеревался там создать.

Задачи и сами по себе немалые, однако Порфирий Успенский поставил перед своей миссией почти с самого начала и еще одну, куда более широкомасштабную и амбициозную цель — постепенно подготовить объединение всех древнехристианских церквей с греко-русской православной церковью под эгидой России. В Иерусалиме он много занимается изучением религиозной догматики и обрядов древнехристианских церквей. В частности, сравнивая догматику и обрядность коптской церкви с православием, Порфирий находит их различия не столь существенными, чтобы они стали серьезным препятствием к сближению. Зондируя почву для осуществления своих объединительных планов, архимандрит устанавливает довольно тесные контакты с коптской церковной верхушкой, некоторые представители которой относились, по его мнению, к идее подобного объединения весьма сочувственно, ибо авторитет России на Ближнем Востоке был в 40-х — начале 50-х годов почти непререкаем. Для той части коптского духовенства, которая склонялась к церковному союзу, определяющим мотивом подобного шага были, безусловно, соображения политической и материальной стабильности, которая подвергалась угрозе в условиях мусульманского владычества и при сравнительно небольшом числе приверженцев коптской церкви в самом Египте.

В этот период довольно тесных контактов с коптской церковной иерархией Порфирий впервые обращает внимание на эфиопов как духовных подданных коптского патриарха. Он старается побольше узнать об Эфиопии, о ее государственном и церковном устройстве, знакомится с эфиопскими богослужебными книгами и вступает в непосредственный контакт с монахами эфиопской иерусалимской обители. Наблюдая эфиопскую литургию, расспрашивая монахов о символе веры и культе местных святых, он черпает, кроме того, сведения о государственном устройстве этой страны, бытовой и культово-религиозной жизни ее населения. Дополнительные сведения об Эфиопии он получает из бесед с англиканским епископом Гоба, проводившим около трех лет во главе англиканской миссии в Эфиопии.

Можно смело утверждать, что в начале 50-х годов Порфирий Успенский располагал по сравнению с другими представителями России на Востоке самыми полными, точными и достоверными сведениями об Эфиопии. Эти сведения он обобщил в ряде работ как богословского, так и историко-политического содержания. Вот некоторые из них: «Вероучение, богослужение, чиноположение и правила церковного благочиния египетских христиан (коптов)» (1856 г.); «Чин крещения и миропомазания в эфиопском Требнике» (1869 г.); «Церковное и политическое состояние Абиссинии с древнейших времен до наших дней» (1866 г.) и работа уже чисто политического характера — «Участие России в судьбе Абиссинии» (1866 г.).

Изучая эфиопскую церковь и ее отношения с коптским пат-

риархатом, Порфирий сделал заключение, что эфиопы, особенно светские правящие круги во главе с императором Федором (Теодросом II), тяготеют своей церковной зависимостью от Александрийского коптского патриарха. Учитывая это обстоятельство, он приходит к выводу, что войти в прямой контакт с эфиопами России было бы удобнее самостоятельно, не прибегая в этом случае к довольно сомнительному с точки зрения успеха посредничеству коптского патриарха, который тем ревнивее оберегал свои монопольные права духовного сюзерена, чем сильнее было стремление эфиопской церкви к автокефалии.

Действовать в этом направлении Порфирий предполагал через Синайскую обитель, которая в отличие от других православных епархий и монастырей Ближнего Востока обладала для этого, по его мнению, рядом неоспоримых преимуществ. В 1851 г. в письме российскому генеральному консулу в Иерусалиме он писал: «Недаром она (Синайская обитель.— А. Х.) стоит на рубеже Африки и Азии. Из нее со временем может пролиться свет Православия в царство Абиссинское... где некогда прославилось имя Христово. Нигде, кроме сей обители, нет лучшего места, как для учреждения училища благовестников, должествующих воскресить Православие в Египте, Абиссинии и далее, так и для принятия и руководства иноков из этих стран» [7, с. 356].

Указывая на Синайскую обитель как на «исходную точку для... действий во славу Божию», Порфирий имел в виду то обстоятельство, что Синайский монастырь в течение нескольких столетий поддерживал тесные отношения с Россией, получая оттуда регулярно щедрые пожертвования, а также традиционную связь этой обители с Африканским материком, о чем свидетельствовали, по мнению Успенского, изображения чернокожих святых на старинных росписях синайских церквей. «В Синайском монастыре,— писал он,— открыты мною святые образа негров, которых черные лики татуированы. Очевидно, что туда приходили богомолствовать эти христиане из Африки и с островов Тихого океана (имеется в виду, конечно, Индийский океан.— А. Х.), где их видел Козьма Индикоплаватель в конце V или в начале VI века» [7, с. 314].

Таким образом, само географическое положение Синайской обители и ее тесные традиционные связи как с Россией, так и с Африкой превращали, по мнению Порфирия Успенского, этот отдаленный православный монастырь в весьма удобную базу для подготовки распространения православия в глубь Африканского материка. «На Абиссинию,— писал он в 1851 г. своему духовному начальству,— надобно бы нам обратить внимание и начать влияние на нее посредством Синайской обители. Ибо в тамошней стране есть исходная точка для наших действий во славу Божию и в пользу Святого Православия» [7, с. 334].

Порфирий был даже готов сам сделать первый шаг для

сближения с эфиопским клиром, о чем говорит его намерение посетить вместе с монахом Синайской обители Иосифом в 1850 г. Эфиопию, с тем чтобы «устроить духовное тамошнее православное общество и положить ту закваску, которой в Евангелии уподобляется распространяющееся Царство Божие или, что то же, Церковь Православная» [7, с. 385].

Однако поездка эта не состоялась. Архимандрит Августин, доцент Ленинградской духовной академии, в своей статье «Епископ Порфирий (Успенский) и Древние Восточные Церкви» объясняет это тем, что «Синайский Архиепископ Константин не благословил иеромонаха Иосифа на поездку в Эфиопию, а предпринимать такое длинное и опасное путешествие без спутника отец Порфирий не решился» [6, с. 73, 74]. Не оспаривая мнение уважаемого архимандрита Августина, позволим себе, однако, высказать мысль, что подобная причина отказа Порфирия от поездки в Эфиопию представляется слишком незначительной и потому малоубедительной. Вероятнее всего, истинной причиной было отрицательное отношение российского Святейшего Синода к этой поездке, так как она была связана со значительными финансовыми ассигнованиями и с длительным отсутствием главы русской духовной миссии в Иерусалиме на своем посту, а в связи с обострением в начале 50-х годов русско-турецкого дипломатического конфликта (из-за «святых мест» и права российского покровительства православным в Турции) он был нужен именно там.

Вынашивая мысль о поездке в Эфиопию и мечтая завязать непосредственные контакты с эфиопской церковью, Порфирий в то же время продолжал укреплять личные контакты с коптской церковной верхушкой. Эти контакты продолжались до самого начала Крымской войны (1854—1856), с началом которой Порфирий Успенский был вынужден покинуть Иерусалим.

Между тем как попытки Порфирия Успенского и его преемника епископа Кирилла Мелитопольского, по окончании войны вновь вернуться к вопросу установления церковно-политических контактов с Эфиопией потерпели неудачу, не встретив поддержки министерства иностранных дел, в самой Эфиопии все больше росло стремление к установлению связей с Россией.

Едва окончился период внутренних смут, последовавших за англо-эфиопской войной 1867—1868 гг. и смертью Теодороса II, на престоле прочно воцарился император Йоханнес IV. Он, несмотря на многими его современниками отмечаемую нелюбовь к иностранцам и на склонность к изоляционизму во внешней политике, уже в первый год своего правления (1872 г.), как на то указывают сохранившиеся в архивах документы, принял попытку вступить в непосредственный контакт с Россией, направив туда вместе с письмом Александру II серебряный с позолотой эфиопский крест и прося российского императора «о покровительстве и назначении русского консула в Абиссинию» [1, д. 806, л. 87 об]. Однако Александр II ограничился

тем, что через посредство российского консула в Иерусалиме⁷ «изволил приказать словесно ответить для сообщения Королю Иоанну о несвоевременности назначения консула в Абиссинию» [1, д. 806, л. 88].

Через шесть лет Йоханныс повторил попытку установить контакты с Россией, вновь отправив письмо российскому императору. Однако на этот раз из России вообще не последовало никакого ответа.

Исследователи до сих пор задаются вопросом о том, какой смысл нес в себе такой символический дар эфиопского императора, как крест. Многие говорят за то, что этот крест означал готовность Йоханныса пойти на религиозное сближение или даже церковную унию с Россией. Известно, что с 1870-х годов отношения Эфиопии с Египтом были весьма напряженными. Йоханнысу IV дважды пришлось отражать агрессивные вылазки войск египетского хедива с севера. Политическая и военная напряженность между двумя соседними государствами породила и религиозные проблемы. Хедив, желая «наказать» эфиопов, вмешался в религиозные отношения между коптским патриархатом и эфиопской церковью и запретил патриарху назначить нового митрополита в Эфиопию взамен умершего. Очевидно, обращение Йоханныса IV к России было попыткой переориентироваться с Египта на Россию, т. е. впредь получать митрополита (абунэ) из России, а не из Египта [12, с. 342].

Интересно отметить, что шаги в этом направлении предпринимались не только самим эфиопским императором, но тайком от него и его вассалами, прежде всего самым могущественным и непокорным вассалом Йоханныса — шоанским негусом Менеликом, который сам претендовал на корону императоров Эфиопии и подчас старался вести независимую от Йоханныса внешнюю политику. Выход Менелика на прямые политические и религиозные контакты с Россией, популярность которой среди эфиопов была довольно высока, усилил бы позиции Менелика в борьбе за императорскую корону.

В 1877 г., пользуясь отсутствием в Эфиопии уже длительное время верховного церковного владыки и готовясь выступить против Йоханныса и короноваться в качестве самостоятельного правителя области Шоа, а возможно, и всей Эфиопии [11, с. 57], Менелик, как позволяют предположить весьма интересные документы, находящиеся в архивах МИД и Святейшего Синода, сделал попытку вступить в прямые контакты с Россией. Он направил письмо, в котором просил российский Синод прислать церковного иерарха «для занятия епископальной кафедры» в Анкобере (тогдашней столице Шоа). Попытка эта не нашла отклика в России, которая в тот момент была занята войной с Турцией (1877—1878), что не позволяло своевременно проверить (из-за отсутствия российских дипломатических представителей на Ближнем Востоке⁸) достоверность полученного письма и сообщенных в нем сведений о якобы уже

одержанной победе «короля Менелика» над «королем Иоанном Касой» [10, ф. 797, оп. 48, л. 2, 3], относительно правдоподобия которых российский МИД высказал сильное сомнение [10, ф. 797, оп. 48, д. 41, л. 10].

Насколько актуальным был в тот период для Эфиопии вопрос о первосвященнике, указывает и свидетельство терского казака Н. И. Ашинова, посетившего в 1884—1885 гг. северные районы Эфиопии и проведшего более месяца в гостях у ближайшего сподвижника Йоханнуса IV, раса Алулы⁹. Одной из просьб, с которой обратился к Ашинову рас Алула, очевидно признавая казака за официальное лицо, пользующееся доверием русского правительства, была просьба о посвящении в России нескольких епископов для Эфиопии.

Надо сказать, что затруднительными обстоятельствами, в которых оказались Эфиопия и ее церковь, некоторые церковные и клерикальные круги России попытались воспользоваться в своих целях. Желание эфиопов иметь во главе своей церкви епископа, присланный российским Синодом, сочли в этих кругах благоприятным поводом вернуться к планам Порфирия Успенского. В 1887—1888 гг. в России формируется и готовится к отправлению в Эфиопию так называемая русская духовная миссия, перед которой ставились откровенно миссионерские, прозелитские задачи. Инициатором этой затеи становится тот же Н. И. Ашинов. Несмотря на весьма сомнительную репутацию этого «деятеля», выдававшего себя и в Турции, и в Эфиопии за «командированного от Высочайшего Имени» [9, ф. 102, д. 598, т. 1, л. 37; 10, ф. 797, оп. 58, д. 180, л. 23], ряд высших государственных чиновников и иерархов русской православной церкви, включая митрополита Санкт-Петербургского и Новгородского Исидора и небезызвестного обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, сочли возможным поддержать идею духовной миссии. Близкая к этим кругам влиятельная петербургская газета «Новое время» следующим образом выразила свое отношение к затее Ашинова: «Что Ашинов авантюрист, которого надо держать в ежовых рукавицах и не очень полагаться на его уверения,—это, кажется, всем давно известно... Мы, однако, никогда не смешивали Ашинова и его подчиненных с миссией арх. Паисия¹⁰... Ашинов дал только толчок делу, которое давно уже, еще в 50-х годах, было задумано арх. Порфирием, начальником русской духовной миссии в Иерусалиме, но тогда не устроилось и было забыто на тридцать лет. Теперь Абиссиния приобретает огромное значение благодаря своему положению близ главной морской дороги между Европой и Азией, и, не будь Ашинова, нам и без него давно следовало бы сблизиться с этой единой верной нам страной, на которую разгорелись аппетиты у стольких народов Западной Европы» [8, 21.12.1988].

Однако, несмотря на сильное лобби, которое активно действовало в пользу Ашинова и его замыслов в околоправитель-

ственных и даже в правительственных сферах, где порой личные амбиции одних совпадали с узковедомственными интересами других, сколько-нибудь серьезной поддержки со стороны российского правительства затея Ашинова не получила, что и предопределило в итоге ее провал. Наиболее резко против Ашинова и его миссионерско-колониальных планов в Африке выступило министерство иностранных дел. Опасаясь нежелательных последствий африканской авантюры Ашинова для первостепенных целей России в Юго-Восточной Европе, министр иностранных дел Н. К. Гирс приложил немало усилий, чтобы сорвать отправление в Эфиопию пресловутой духовной миссии. В конце концов ему удалось удержать военное и морское министерства, которых привлекала перспектива воспользоваться услугами Ашинова для приобретения Россией якорной стоянки и угольной станции на Красном море, от оказания материальной помощи «вольному казаку»¹⁴; тем не менее Ашинов отправился со своими сподвижниками в Африку частным порядком, за свой собственный счет.

Столкнувшись с первыми же трудностями на африканском берегу, духовная миссия, сформированная из самых разнородных элементов, начала разваливаться из-за внутренних раздоров. Кроме того, появление русских на красноморском берегу Африки, в непосредственной близости от французской колонии Обок, всполошило французскую администрацию, которая увидела в православной духовной миссии опасного конкурента в борьбе за контроль над местными сомалийскими и данакильскими племенами. Дело кончилось тем, что через три недели после высадки в Таджурском заливе лагерь русской миссии был подвергнут бомбардировке с французских военных кораблей, а ее члены интернированы и переданы на борт русского судна. Русское же правительство, заранее предупредившее заинтересованные державы в том, что оно не принимает участия в этом предприятии и не несет ответственности за его возможные последствия, возложило всю вину за этот инцидент на Ашинова. Так бесславно завершилась еще одна попытка установления русско-эфиопских религиозных контактов.

Провал ашиновского замысла и весьма двусмысленная позиция, которую заняло в деле эфиопской духовной миссии российское правительство, значительно охладили пыл как светских, так и церковных сторонников объединения эфиопской церкви с православием. В дальнейшем сколько-нибудь широко-масштабных попыток, подобных ашиновской уже не предпринималось. Дело ограничивалось лишь осторожным зондированием почвы. Но отдаленность Эфиопии и труднодоступность ее для широкого проникновения миссионеров обусловили более чем скромные результаты подобных попыток. В этой связи стоит вспомнить неудачную попытку отца Тихона, который, будучи послан в 1891 г. в Эфиопию в составе экспедиции поручика Машкова для специального изучения религиозных догматов

и обрядов эфиопов и определения их близости к православию, вернулся назад, не достигнув Эфиопии, убоявшись трудного пути через пустыню.

В 1894—1895 гг. в составе экспедиции Русского географического общества, во главе которой стояли известные путешественники А. В. Елисеев и Н. С. Леонтьев, в Эфиопии побывал иеромонах Ефрем, которому в отличие от его предшественника Тихона удалось установить первые, правда весьма скромные, контакты с эфиопским клиром. Впрочем, они не имели никакого продолжения, если не считать включения в первое эфиопское посольство, направленное в Россию в 1895 г. Менеликом II, харэрского епископа Гэбрэ-Эгзиахэра будто бы «для выяснения возможности сближения Абиссинской церкви с православием» [1, д. 833, л. 56]. Однако, как показывают результаты этой дипломатической миссии, вопросы церковного единения в ходе визита не рассматривались вовсе, и присутствие в составе эфиопского посольства высокого духовного лица имело скорее номинальное и декоративное значение, как и многочисленные торжественные богослужения, устраиваемые в честь эфиопского посольства в петербургских и московских храмах.

В то же время следует признать, что, несмотря на довольно вялые шаги церковных кругов обеих стран в этом направлении, вопрос о возможном сближении и воссоединении русской и эфиопской церквей никогда не снимался окончательно с повестки дня. Время от времени об этой идее вспоминали вновь, и можно сказать, что она постоянно подспудно присутствовала в речах, а то и в практических действиях как российских, так и эфиопских официальных лиц, в прессе и в дневниках русских путешественников по Эфиопии. Причем, хотя это может показаться неожиданным и странным, наибольший интерес к возможности церковного единения проявляли и в России, и в Эфиопии не церковные деятели обеих стран, а лица сугубо светские, принадлежавшие, как правило, к политическим или военным кругам. Именно они в первую очередь поднимали в прессе эти вопросы, вынося их на суд общественного мнения, и лишь затем в дело приходило вступать церковникам, причем их выступления чаще были направлены на то, чтобы охладить неумеренный пыл светских клерикалов и радетелей православия.

Постараемся повнимательнее взглянуть в это на первый взгляд парадоксальное явление.

Решение вопроса о сближении и возможном последующем объединении двух восточнохристианских церквей рассматривалось его сторонниками в тесной связи с общей перспективой русско-эфиопского политического сближения. Относительно его целесообразности, так же как и относительно российской политики в отношении Африки в целом, в петербургских правящих кругах не было единого мнения, и этот вопрос вплоть до нача-

ла первой мировой войны оставался предметом ожесточенных споров на страницах российской печати.

Поскольку Африка никогда не была сферой экономических интересов России, внимание к ней имело неустойчивый, конъюнктурный характер. То же самое можно сказать и о характере религиозных контактов с христианами Африки, прежде всего с эфиопами и коптами. Отсутствие определенной и, самое главное, преемственной политической программы в отношении Африки обусловило спорадичность и вялость религиозных контактов.

Сторонники активной африканской политики заявили о себе в России лишь во второй половине XIX в., после ввода в строй Суэцкого канала и особенно после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. и начавшегося колониального раздела Красноморского побережья Африки, после захвата в 1882 г. Англией Египта. В их планах Эфиопии уделялось преобладающее внимание. Самые активные из них выступали за политический и даже военный союз с Эфиопией, конечно же, под эгидой России. Причем направлен этот союз должен был быть против Великобритании — главной соперницы царской России на Востоке.

Сторонники военно-политического союза с Эфиопией рассматривали религиозное сближение двух церквей на почве православия как необходимую предпосылку, как наилучший трамплин для постепенного превращения Эфиопии в послушного союзника, а то и вассала России в Африке. Однако, для того чтобы начать движение в направлении такого сближения, необходимо было сначала освободить эфиопскую церковь из-под зависимости коптского патриархата, предоставив ей автокефалию. Эта задача отвечала интересам и самой Эфиопии.

Стремления эфиопской церкви к независимости от Александрийского патриарха, поддерживаемые светской властью, особенно усилились после итало-эфиопской войны 1895—1896 гг., в которой Эфиопия отстояла свой государственный суверенитет. Теперь настала пора подумать и о суверенитете церковном. Эфиопскую церковь все менее устраивали ее полу-данические отношения с коптским патриархатом. Эфиопскую общину в Иерусалиме также стесняла зависимость от ее «покровителей» в Святой земле — армяно-григориан и коптов.

В 1897 г. российский генеральный консул в Каире А. И. Кояндер доносил в Петербург: «По доходящим сюда слухам, нынешний Глава Коптской церкви не пользуется в Абиссинии престижем и популярностью, и в среде тамошнего духовенства замечается даже стремление совершенно порвать узы, связывающие его с пребывающим в мусульманской стране и находящимся под влиянием иноверцев Патриархом» [1, д. 140, л. 78 об., 79].

Наметившуюся в Эфиопии тенденцию к независимости в церковных делах усиливал конфликт между эфиопскими и коптскими монахами из-за святых мест в Иерусалиме, обострив-

шийся после окончания итало-эфиопской войны. Эфиопы настаивали на возвращении им некоторых земельных участков и строений при храме Гроба Господня, захваченных в прежние времена коптами под предлогом покровительства бедной эфиопской общине. О существовании этого спора генеральный консул в Иерусалиме Яковлев писал в Петербург в декабре 1896 г. следующее: «Следы о пребывании Абиссинцев в Святой Земле и об их правах и владениях теряются в глубокой древности. Все это подробно обозначено в летописи, которую они непрерывно ведут, по их словам, с Рождества Христова до сего времени. Судя по извлечениям из нее, которые они мне дали во время моего управления Генеральным Консульством в Иерусалиме в 1894—5 г., первое появление их в Иерусалиме восходит до IV в. В то время Св. Царица Елена, построив храм над Св. Гробом Господним, дала западную часть его Православным, а северную вместе с пещерою Обретения Св. Креста — Абиссинцам. Тогда же эти последние выстроили для себя и монастырь, именуемый Дейр-ес-Султан. По завоевании Иерусалима Султан Омар (халиф Омар.— А. Х.)... сохранил права духовенства... выдал в 636 г. особый фирман Софронию, Патриарху Иерусалимскому. В нем, между прочими народностями, упоминаются Абиссинцы... В 1639 г. в Иерусалиме появились копты. Желая иметь влияние, они начали притеснять самых слабых представителей духовенства, а именно Абиссинцев. Они сожгли их монастырь, библиотеку и Церковь (Св. Апостолов.— А. Х.) и разграбили все имущество. Затем примеру Коптов следовали Армяне, а также, я полагаю, Католики и Православные» [1, д. 138, л. 127, 128 об].

Эфиопское духовенство и лично император Менелик II прилагали значительные усилия, чтобы достигнуть компромисса в споре из-за святых мест и добиться возвращения хотя бы части захваченных у них в Иерусалиме другими церковными общинами владений. Однако это им не удалось. Кроме того что сам вопрос о правах на те или иные строения Святого града оказался чрезвычайно сложным и запутанным, дело для эфиопских монахов осложнялось еще и хроническим недостатком денежных средств и опыта, которых требовала подобная тяжба. Немногочисленная и бедная эфиопская община в Иерусалиме, несмотря на оказанную ей Менеликом II поддержку, не смогла на равных тягаться с богатыми и влиятельными общинами коптов и армян. Ее претензии турецкие власти Иерусалима отклонили.

В 1896—1897 гг. иерусалимские эфиопы, не признавая свой спор с коптами и армянами из-за святых мест окончанным, обратились за помощью в российское генеральное консульство в Иерусалиме, которое и прежде неоднократно оказывало таковому эфиопским монахам некоторое неофициальное покровительство. Теперь же они просили официального покровительства. Можно с уверенностью утверждать, что этот шаг был

ими сделан с ведома и одобрения императора Менелика II.

Обращение за помощью именно к России было, конечно, не случайным. Благожелательная позиция, занятая Россией по отношению к Эфиопии во время итало-эфиопской войны, помощь, оказанная ей поставками оружия и отправкой врачей, давали Менелику право рассчитывать на то, что и в данном случае Россия не оставит эфиопов без поддержки. Эту надежду поддерживал в Менелике и известный русский путешественник Н. С. Леонтьев, активно выступавший за военно-политическое и религиозное сближение России с Эфиопией и пользовавшийся одно время исключительным доверием эфиопского императора.

Секретарю Менелика II ато Иосифу, направленному эфиопским императором в 1897 г. со специальной миссией в Россию и Турцию, было поручено, среди всего прочего, затронуть в Петербурге и Константинополе вопрос о положении и правах эфиопских монахов Иерусалима и, в частности, просить российское правительство «помочь изъять» эфиопский монастырь «из-под покровительства Армянской Патриархии и поставить его под покровительство русской Духовной Миссии» [1, д. 133, л. 118].

Дальнейшие события развивались, правда, не совсем по сценарию Менелика и Леонтьева, но в целом в направлении, благоприятном для Эфиопии. Рассмотрев просьбу Менелика, в Петербурге решили, однако, действовать более осторожно, находя для начала достаточным «разрешить вопрос в том смысле, чтобы абиссинский монастырь в Иерусалиме был поставлен в независимое от какой-либо иной духовной власти положение и поступил в непосредственные отношения к Турецким властям» [1, д. 133, л. 113 об.]. Российское генеральное консульство в Иерусалиме отклонило ходатайство эфиопских монахов об официальном покровительстве, считая этот шаг в данный момент несвоевременным, однако оно подтвердило свою готовность оказывать, как и прежде, покровительство неофициальное, в том числе и в споре с коптами. Признавая не совсем удобным для России предлагать свое официальное покровительство эфиопским монахам, что нарушило бы установленный в Иерусалиме статус-кво и, возможно, было бы истолковано другими державами «в смысле протектората над Абиссинией» [3, с. 141], российский посол в Турции А. И. Нелидов направил министерству иностранных дел компромиссный проект урегулирования вопроса, предложенный Яковлевым и согласованный с посланцем Менелика ато Иосифом и настоятелем эфиопского монастыря в Иерусалиме аббей Гийоргисом.

В предлагаемом проекте Яковлев писал, что для улучшения положения эфиопских монахов в Иерусалиме следует на первых порах «остановиться на следующем:

1) надо, чтобы главою Абиссинских монахов в Турции был назначен природный Абиссинец в сане Епископа и чтобы он

и его подчиненные получали бы ежегодную денежную помощь от своего Правительства;

2) чтобы Султан разрешил этому Епископу официально и везде ходатайствовать о нуждах абиссинских монахов по делам религиозным и касательно святынь, независимо от Армянской Патриархии...

3) надо, чтобы этот Епископ имел непременно своего Капукхая (представителя, ходатая.— А. Х.) в Константинополе;

4) надо, чтобы Султан разрешил им возвести... постройки на террасе пещеры Обретения Креста вместо нынешних маза-нок, представляющих собою Абиссинский монастырь;

5) надо им возратить отнятую коптами в 1894 г. церковь во 2-м этаже храма Гроба Господня...

6) надо разобрать их права на то, что им вероятно принадлежало ранее этого при различных святынях, и возратить то, что будет найдено возможным;

7) назначить время церковного служения у тех святынь, где они ныне служат только одновременно с Армянами».

«Я полагаю,— писал в заключение Яковлев,— что в нынешнюю историческую минуту не особенно трудно улучшить судьбу Абиссинцев, которые после своих побед над Итальянцами желают завязать сношения с Европою» [1, д. 133, л. 134].

Присоединяясь к высказанным Яковлевым предложениям относительно улучшения положения эфиопских монахов, А. И. Нелидов сообщал, что проект этот был представлен лично Султану и тот обещал «сделать все возможное и в той форме, которая будет наиболее приятна... Императору Эфиопии». Следить за ходом дела в Константинополе русское посольство поручило Яковлеву [1, д. 133, л. 136 об]. Генеральному консульству в Иерусалиме было в то же время поручено «следить за делом на месте», причем Нелидов счел необходимым указать генеральному консулу Арсеньеву на то, что «вопрос этот жгучий, а потому во избежание подозрений со стороны Католиков и Православной (Греческой.— А. Х.) Патриархии,— мы должны держаться в тени и не выступать на первый план, помогая Абиссинцам» [1, д. 133, л. 137].

Надо признать, что проект Яковлева—Нелидова был весьма радикальным и в случае его осуществления в полном объеме явился бы значительным шагом на пути укрепления церковной независимости Эфиопии, однако дело застопорилось как из-за противодействия коптской, армяно-григорианской и итало-католической церковных общин Иерусалима, так и из-за неподготовленности почвы в самой Эфиопии к подобному коренному изменению статуса своей монашеской обители в Святом граде. Поэтому реформы осуществлялись медленно, но поскольку их успех в целом отвечал интересам всех трех заинтересованных сторон: Эфиопии, России и даже турецкого правительства, которое, как отмечал русский посол, «по-видимому, очень рассчи-

тывает на помощь Абиссинии в Африканских делах» [1, д. 133, л. 137], то все же в течение последующих 10 лет эти реформы частично были проведены, и положение эфиопских монахов улучшилось. Этому во многом способствовала позиция России, чье содействие выразилось в дипломатической поддержке, неуклонно оказываемой российскими представителями в деле возвращения Эфиопии принадлежавших ей ранее святынь.

В конце 1906 г. был достигнут первый крупный успех: старинный эфиопский храм Дейр-эс-Султан — главный объект притязаний эфиопов — особым ираде (указом) султана Абдул-Хамида был возвращен им. Этому успеху Эфиопия была обязана не только дипломатической поддержке России, но и деятельности русского подданного Н. Н. Шедевра¹², на которой хотелось бы остановиться более подробно. Этому отставному русскому офицеру Менелик поручил розыск документов, доказывающих права эфиопов на их прежние владения в Иерусалиме, после того как две дипломатические миссии: 1902 г. (абунэ Матеоса) и 1904 г. (деджазмача Мэшэши), посланные эфиопским императором на Ближний Восток для урегулирования спора с коптами, потерпели неудачу за недоказанностью эфиопских притязаний. Так, российский генеральный консул в Каире В. А. Максимов, сообщая о неудаче миссии деджазмача Мэшэши, писал: «Копты не поступятся своими правами. На главный спорный участок, который составляет монастырь Дейр-эс-Султан, по словам Министра Иностранных Дел (Египта. — А. Х.), копты имеют владетельные грамоты 17-го века... между тем как абиссинцы основывают свои домогательства на весьма сомнительных легендах, из которых одна даже будто бы утверждает, что участок, на котором находится спорный монастырь, преподнесен еще Соломоном царице Савской» [1, д. 164, л. 10 об., 11].

В 1905 г. Шедевр приступил к поискам в архивах Константинополя, Иерусалима, Александрии, Джидды. Довольно скоро ему повезло. В 1906 г. с помощью турецких архивариусов он обнаружил и выкупил подлинный фирман халифа Омара, захватившего в VII в. Иерусалим и закрепившего как новый владетель Святого града за эфиопами принадлежавшие им права на храм Дейр-эс-Султан. Шедевр заплатил за этот фирман паше, заведовавшему архивом Блистательной Порты, огромную по тем временам сумму — 2500 ф. ст. Кроме этого фирмана Н. Н. Шедевром было найдено еще четыре подлинника, подтверждавших права эфиопов на различные строения, входящие в комплекс храма Гроба Господня. Непосредственным результатом этих находок и явилась упомянутая передача храма Дейр-эс-Султан эфиопам. Успех архивных изысканий Шедевра был высоко оценен императором Менеликом. Шедевр был награжден орденом «Эфиопской Звезды» 2-й степени и получил от Менелика золотой щит, двух мулов с серебряными седлами и четыре концессии на разработку золота и др. Обрадованный

успехом, Менелик высказался за продолжение Шедевром его поисков, в результате чего в течение семи последующих лет, вплоть до 1913 г., Шедевром было найдено еще 18 документов — ирадэ, указов, фирманов халифов, хедивов и султанов, утверждавших права на владения эфиопов в Святой земле [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 6].

Архивными изысканиями Н. Н. Шедевра заинтересовалось и российское Православное палестинское общество. Одной из задач, которую ставила перед собой эта религиозно-благотворительная организация с политическим уклоном, было приобретение земельных участков и культовых строений в Иерусалиме. Общество предложило Шедевру свое финансовое содействие.

Деятельность Шедевра по поиску документов вызвала, таким образом, перекрестный интерес, причем роли заинтересованных сторон распределились следующим образом.

Менелик, как уже отмечалось, был очень заинтересован в продолжении работы Шедевра, но дальнейшее выделение значительных наличных средств, необходимых на розыск, выкуп и экспертизу документов, становилось обременительным для скудной эфиопской казны. Все, что мог предложить эфиопский император Шедевру, — это концессии на добычу золота, однако разработки золотonosных участков, для того чтобы приносить доход, также, в свою очередь, нуждались в капиталовложениях, которых у Шедевра не было. Чтобы обеспечить себя необходимыми средствами на продолжение поисков, Шедевр передал права на разработку принадлежащих ему концессий александрийскому банкиру Зервудаки, который вскоре полностью приобрел дело к своим рукам, оставив Шедевра без средств и без концессий. Именно тогда, надо полагать, и начались регулярные контакты Шедевра с Православным палестинским обществом — российской внеправительственной организацией, официально объявлявшей своей целью покровительство русским паломникам в Святой земле, а «попутно» активно работавшей для укрепления влияния России на Ближнем Востоке.

Православное палестинское общество, возглавляемое одним из наиболее влиятельных русских великих князей, дядей императора Николая II Сергеем Александровичем, не испытывало стеснений в финансовых средствах и охотно пошло навстречу Шедевру, естественно не забыв при этом и о своих интересах.

Отныне Шедевр регулярно стал получать от Палестинского православного общества довольно значительные суммы, необходимые ему для продолжения своей деятельности, а главное — для приобретения нужных документов, что нередко требовало серьезных трат в качестве «благодарности» различным турецким чиновникам в ответ на оказываемые ими услуги.

Однако, предлагая Шедевру свою помощь, Палестинское общество поставило условием, что одна из святынь, права абиссинцев на которую будут документально доказаны Шедевром,

должна стать собственностью общества. Менелик, которого Шедевр поставил в известность об этих условиях, охотно согласился на них. В 1910 г. между Менеликом II и Шедевром состоялось соглашение, по которому Россия получала право на одну из часовен, которые должны были перейти к эфиопам на основании документов, найденных Н. Н. Шедевром. От имени Менелика соглашение подписал секретарь эфиопского негуса грек Афанасий Сурис [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 158]. С 1907 по 1913 г. Шедевр удалось найти владельческие документы еще на семь различных культовых мест и пристроек к храму Гроба Господня, которые ранее принадлежали эфиопским монахам.

В январе 1914 г. при новом эфиопском императоре, Лидже Иясу, упомянутый договор между эфиопским правительством и Шедевром после обстоятельного отчета последнего Совету короны о своих находках в Иерусалиме вновь был подтвержден. Причем по соглашению 1914 г. уже не одна, а две часовни должны были перейти к России в случае успеха всего дела [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 168].

Шедевр старался по возможности уладить конфликт эфиопов с коптами мирным путем. Есть сведения, что к концу 1913 г. ему удалось получить от сторон принципиальное согласие на следующую договоренность: храм Дейр-эс-Султан признавался собственностью эфиопов, из семи других владений, принадлежащих им на основании найденных документов, три они «добровольно, официальным актом уступают коптам, а четыре — возвращаются в их собственность», из которых две часовни при храме Воскресения передаются «в дар Российскому Императору» [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 6].

С весны 1914 г. в Аддис-Абебе готовилась к отправлению в Россию чрезвычайная дипломатическая миссия. Среди ее многих задач едва ли не самой главной было получить согласие российского императора быть посредником в переговорах с турецким правительством и поддержать законные права эфиопов на оспариваемые ими владения. Миссии поручалось также доставить российскому императору Николаю II от правителя Эфиопии Лиджа Иясу дарственную на две упомянутые выше часовни при храме Воскресения. Во главе миссии был поставлен один из наиболее «прорусских» членов эфиопского правительства, родственник императора Менелика II кантиба Уольде Цадык.

Шедевр принимал самое деятельное участие в подготовке этой миссии, составлял проекты кабинетных и прочих официальных писем, которые должны были быть вручены посольством Николаю II, турецкому султану Магомету V, многим русским и турецким членам правительства от их эфиопских виазави.

Однако миссии этой так и не суждено было состояться. Буквально накануне ее отправления из Аддис-Абебы пришло

сообщение о начале в Европе первой мировой войны. В состоянии войны друг с другом оказались и Россия с Турцией, и теперь эфиопам не приходилось ожидать успеха российского правительства в делах, касающихся Иерусалима, по крайней мере до окончания войны.

Столь резкий поворот событий оказался неожиданным как для эфиопского правительства, так и для самого Шедевра. Через год, в августе 1915 г., когда всем стало ясно, что война затягивается и ее близкого конца не предвидится, эфиопские правящие круги стали испытывать беспокойство за судьбу своих владений в Иерусалиме и документов на них, которые все еще находились в руках Н. Н. Шедевра. В Эфиопии имели весьма серьезные основания опасаться, что Турция потерпит поражение в войне и утратит свою власть над Палестиной и Иерусалимом, и тогда эфиопам придется иметь дело с новыми хозяевами Святой земли. Шедевр предполагал, что скорее всего этими новыми хозяевами станут англичане, которые, весьма вероятно, решат спор в пользу коптов, которым они покровительствовали, стараясь привлечь их на свою сторону в египетских делах.

В этих условиях в эфиопских правящих кругах всерьез стала обсуждаться мысль воспользоваться затруднительным военным положением Турции, с тем чтобы немедленно потребовать от нее передачи спорных владений Эфиопии, угрожая в противном случае вторжением эфиопских войск на Аравийский полуостров и военной диверсией против исламских святынь Медины и Мекки [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 145]. В Эфиопии срочно потребовались документы Шедевра, за которыми в Россию с большими трудностями через линию фронта был направлен специальный курьер эфиопского правительства. Шедевр оказался в затруднительном положении. Сообщая управляющему делами Православного палестинского общества генералу М. Н. Степанову о том, что «Абиссиния уже сейчас желает иметь доказательства своих прав, за которыми прислано... специальное лицо», Шедевр спрашивал у Степанова, как ему следует в данном случае поступить: отдать эти доказательства эфиопам немедленно или повременить, и если отдавать, то на каких условиях [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 145].

Несмотря на сложную обстановку военного времени, Степанов, ведавший после смерти великого князя Сергея Александровича фактически всеми делами Общества и управлявший им от имени вдовы князя, великой княгини Елизаветы Федоровны, считал данный вопрос настолько серьезным, что устроил Шедеву аудиенцию с великим князем Николаем Николаевичем¹⁹. На этой аудиенции, состоявшейся осенью 1915 г. в Тифлисе, было решено, что Шедеву следует немедленно «ехать самому в Аддис-Абебу» через Владивосток, Шанхай, Джибути. 25 сентября 1915 г. Шедевр получил от Степанова деньги на дорогу. Накануне его отъезда из России руководство Православного

палестинского общества сочло нужным сообщить непосредственно царю о предполагаемой командировке Шедевра, дабы уточнить все детали и получить его согласие на условия сделки, предлагаемой эфиопским правительством¹⁴. В ноябре 1915 г. Шедевр был вызван в Могилев, в ставку верховного главнокомандующего для высочайшей аудиенции.

Мы упоминаем об этих высоких контактах Шедевра только затем, чтобы подчеркнуть уровень той заинтересованности, которую выказывали в этом деле российские придворные круги. Кажется странным, что во время тяжелой и разорительной войны, которую вела в то время Россия, вопрос приобретения часовен в Иерусалиме способен был так занимать ближайшее царское окружение. Впрочем, может быть, это покажется менее странным, если вспомнить о заразивших тогда правительственные и придворные сферы религиозно-мистических настроениях, ставших предвестниками крушения самодержавной России.

В последних числах ноября 1915 г. Н. Н. Шедевр прибыл в Могилев, где в то время находился царь. Однако в ночь на 25 ноября, накануне назначенной ему аудиенции, он внезапно и неожиданно для всех скончался в гостинице от острого приступа грудной жабы [2, разд. III, оп. 1, д. 34, л. 151].

К сожалению, в настоящее время мы пока не знаем, какое продолжение имела эта история и какова судьба обнаруженных Шедевром документов. Были ли они переданы эфиопскому правительству или нет — неизвестно. Также неизвестно и где они сейчас находятся: в архивах ли нашей страны, канули ли безвозвратно в вихре революционных событий или были вывезены за границу послереволюционной эмиграцией. Судьба этих документов, а также решение, принятое царским правительством относительно их использования, остаются пока для нас тайной. В какой-то мере ее покров могло бы приоткрыть детальное и тщательное изучение архивов Православного палестинского общества, архивов русской духовной миссии в Иерусалиме. Многие, возможно, стало бы нам известно, если бы эфиопским историкам удалось отыскать личный архив Бабичева, бывшего русского поручика, так же как и Н. Н. Шедевр поступившего на службу к эфиопскому императору. Бабичев в отличие от Шедевра не вернулся в Россию, долгие годы прожил в Эфиопии и скончался в Аддис-Абебе в 1953 г. И. Ф. Бабичев активно помогал Шедевру в поисках документов, был его корреспондентом и доверенным лицом в Эфиопии. И если эфиопские исследователи заинтересуются этим архивом и разыщут его, их, вероятно, ожидает много интересных открытий.

Впрочем, кое-какие данные дают основания думать, что документы, найденные Шедевром, могли быть вывезены в Европу вместе с бежавшими от революции великими князьями и царскими генералами. Так, Ч. Иесман в своей книге «Русские в Эфиопии» упоминает о визите в Эфиопию в 1925 г. великого

князя Алексея Михайловича, который якобы приезжал туда «для окончательного урегулирования вопроса о владениях эфиопской монашеской общины в Иерусалиме» [11, с. 147]. В чем заключался вопрос конкретно — не совсем ясно. Автор лишь пишет, что великий князь от имени «всея России» пожертвовал некую земельную собственность в дар Эфиопии. Мы не знаем, к сожалению, что представляло собой это пожертвование, если оно имело место в действительности. Были ли это все те же документы, найденные Шедевром и в свое время не переданные эфиопскому правительству, или же великий князь пожертвовал Эфиопии одно из бывших русских владений в Палестине, от которых отказалось после революции Советское правительство?

Весьма возможно также, что вся история с «дарственными» великого князя — очередная выдумка английского историка, который вообще-то не очень беспокоился о достоверности приводимых им в своей книге фактов. Итак, вопрос остается открытым.

* * *

В свете русско-эфиопских религиозных контактов не менее интересную и еще более загадочную роль сыграл царский гусар и известный русский путешественник по Эфиопии А. К. Булатович. Этот блестящий гвардейский офицер, в 1896—1900 гг. совершивший три значительных путешествия по Эфиопии, в 1906 г. неожиданно для многих принял монашество и несколько лет провел в русском Свято-Андреевском ските на Афоне. Уже будучи иеросхимонахом, А. К. Булатович (в монашестве отец Антоний) дважды, а возможно, и трижды вновь приезжал в Эфиопию, которую он любил, вероятно, не менее, чем свою отчизну, и куда его тянуло снова и снова.

О первом его посещении Эфиопии в монашеской рясе нам не известно почти ничего, кроме того, что он привез обратно на родину своего воспитанника — эфиопского мальчика Ваську¹⁵, так как не имел возможности продолжать его воспитание в монастыре. Вторично он прибыл в Эфиопию в 1911 г. вместе с монахом Свято-Андреевского скита отцом Иеронимом [4, с. 115]. По сообщениям российского поверенного в делах в Эфиопии Б. А. Чемерзина, он объяснял свой приезд одним лишь желанием навестить своего воспитанника. Но, как впоследствии удалось выяснить Чемерзину из доверительного разговора с отцом Антонием, цель его приезда в Эфиопию была более серьезной. А. К. Булатович, как сообщал в МИД Чемерзин, намеревался испросить у правительства Лиджа Иясу разрешение на выделение ему небольшого земельного участка, предпочтительно какого-нибудь безлюдного островка на оз. Хоррошал, для сооружения «скромного подворья Афонского Свято-Андреевского скита». При подворье, писал в своем донесении Б. А. Чемерзин, А. К. Булатович намеревался «учредить

школу для детей, в коей давать первоначальное образование малолетним туземцам», а при успехе преобразовать ее в семинарию [4, с. 116].

Однако ходатайство отца Антония не встретило сочувствия эфиопских правящих кругов. Особенно настороженно к его проекту отнеслась коптская верхушка эфиопского духовенства во главе с абунэ Матеосом. Светским же властям в тот смутный для Эфиопии период, когда в Гэби¹⁶ доживал свои дни совершенно больной и разбитый параличом император Менелик II, а вокруг его несовершеннолетнего внука-наследника яростно бушевали политические страсти, было явно не до Булатовича и его проектов.

Кстати, проект отца Антония имел еще и очевидную прозелитско-миссионерскую направленность. По словам Антония, скит, который он намеревался устроить, со школой при нем должен был стать «очагом просвещения» в Эфиопии и укрепления в этой стране православия, хотя направление его деятельности выдилось ему как «исключительно религиозно-нравственное... вне всяких политических тенденций» [1, д. 181, л. 193].

Б. А. Чемерзин весьма скептически оценивал возможность какого бы то ни было успеха отца Антония на миссионерско-просветительской ниве в Эфиопии. Не отрицая в Булатовиче большой энергии и увлеченности, он считал его, однако, большим идеалистом, весьма далеким от практических вопросов, и писал в МИД: «С моей стороны я заметил о. Антонию в виде критики этих предположений, что надежды на прилив пожертвований на такое специальное дело, как устройство подворья в Абиссинии, едва ли основательны и что ему, в случае одобрения его планов Св. Синодом, следует рассчитывать исключительно на свои личные средства. Кроме того, по моему мнению, имеется еще одна слабая сторона — это подбор сотоварищей. Едва ли можно сомневаться в том, что большая часть его братья, прельщенная ныне его пылкими рассказами о блаженстве жить в Абиссинии, разбежится вскоре после того, как ознакомится со всеми трудностями, которые предстоит испытать им на лишенном пресной воды острове, в местности, не отличающейся здоровым климатом, вдали от всякого человеческого жилья. Наконец, сам о. Антоний, будучи человеком сильного духа, в то же время весьма слаб здоровьем (он страдает малярией и глазами) и весьма несведущ в делах житейских, что отнюдь не может благотворно отразиться на его деятельности» [1, д. 181, л. 193].

В то же время, как это явствует из его дальнейшей переписки, Б. А. Чемерзин отчасти опасался, что Булатович со свойственным ему упорством способен ради осуществления своих планов наломать дров, затруднить деятельность российской дипломатической миссии и посеять недоверие в Эфиопии к российской политике.

Худшие опасения Б. А. Чемерзина, казалось, начали подтверждаться, когда летом 1913 г. до него дошли сведения о предстоящем будто бы вскоре прибытии в Эфиопию отца Антония с единомышленниками и большой партией оружия, которое тот якобы намеревался предложить эфиопскому правительству в обмен на земельный участок для строительства подворья. В депеше, направленной в МИД 5 июня 1913 г., Чемерзин просил запретить Булатовичу появляться с оружием в Африке, уподобляя его сумасбродные планы печально известной духовной миссии Ашинова—Паисия [1, д. 181, л. 193].

Нам, к сожалению, пока неизвестно, чем завершилось это дело, но, не боясь слишком ошибиться, можно высказать предположение, что Булатовичу, вероятно, так и не довелось попасть в Эфиопию накануне первой мировой войны, ибо это, несомненно, нашло бы отражение в донесениях русских представителей в Аддис-Абебе. Кроме того, известно, что вскоре после начала войны Булатович пошел добровольцем на германский фронт и ввиду своего духовного сана был зачислен на должность полкового священника в одну из действующих частей.

Таково вкратце все или почти все, что известно в настоящее время о религиозной стороне русско-эфиопских отношений. Многое здесь еще неясно. Вообще эта сфера русско-эфиопских контактов изучена советской наукой значительно менее других, и поэтому здесь будущих исследователей еще ждут, вероятно, наиболее впечатляющие находки и открытия.

¹ Относительно даты принятия христианства правителями Аксума единого мнения нет. Чаще называют IV в., где-то между 331 и 343 гг. Однако известный русский историк церкви В. В. Болотов считал, что христианство утвердилось в Аксуме на полтора века позднее — в конце V — начале VI в., причем уже сразу в форме монофизитства, т. е. после отделения Александрийской патриархии от Вселенской (Константинопольской) церкви. Впрочем, аргументы сторон в этом до сих пор не законченном споре являются пока довольно зыбкими, чтобы можно было с уверенностью предпочесть одну точку зрения другой. Версия, которой придерживаемся мы в настоящей работе, хотя и представляется нам более правдоподобной, также ни в коем случае не может считаться безусловной.

² К «восточнохристианским церквям» традиционно относят: греко-русское православие, армяно-григорианскую и грузинскую церкви, египетских христиан-монофизитов (коптов), сиро-яковитскую и другие менее значительные церкви и исповедания.

³ Трудно сказать, почему он так считал: со слов ли своего информатора аббы Григория, чьими сведениями Лудольф пользовался при написании книги «История Эфиопии», или по какой-либо другой причине.

⁴ Одним из тех, с кем Петр Андреевич Толстой, посол при дворе турецкого султана, поддерживал постоянные и весьма плодотворные контакты, был иерусалимский патриарх Досифей, державший русского посла в курсе всей политической и церковной жизни Порты (см.: *Павленко Н. И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1985, с. 135).

⁵ Возможно, отправление русского посольства в Эфиопию сухопутным маршрутом через Персию было отложено Петром в связи с появлением у него в 1722 г. нового замысла — направить русскую морскую эскадру на Мада-

гаскар, где Петр намеревался устроить перевалочную базу на торговом морском пути в Индию. Этот маршрут был удобен и для связи с Эфиопией, поскольку морской путь в Индию лежал тогда не прямо через Индийский океан от мыса Доброй Надежды, а сначала на север, вдоль восточных берегов Африки, и сворачивал на восток лишь вблизи нынешнего Сомали. (См.: *Заозерский А.* Экспедиция на Мадагаскар при Петре Великом.— Россия и Запад. Петроград, 1923, с. 91—102).

⁶ Готовя свою миссию в Эфиопию, Петр, вероятно, поставил в известность о том александрийского патриарха Косму I, у которого он мог просить помощи, совета или дополнительных сведений об Эфиопии. Во всяком случае, Александрийские патриархи, как православный, так и коптский, могли знать о замысле Петра непосредственно от самого русского царя.

⁷ Письмо Иоханннуса и крест были из Эфиопии доставлены в Иерусалим эфиопским монахом Бедромом Микаэлем и переданы им российскому генеральному консулу в этом городе Кожевникову. Сам же Бедрос Микаэль остался в Иерусалиме ожидать ответа из России.

⁸ В связи с началом войны российские представители в Константинополе, Иерусалиме, Александрии и др. были отозваны со своих постов.

⁹ Рас Алула был самым могущественным после самого Иоханннуса феодалом Северной Эфиопии, правой рукой императора, нередко его именовали даже вице-королем Абиссинии. Рас — высший военно-феодальный титул Эфиопии.

¹⁰ Паисий — инок русского Пантелеймоновского монастыря на Афоне, взятый Ашиновым себе в сотрудники по организации духовной миссии в Эфиопию. Возведен митрополитом Исидором в сан архимандрита и утвержден им главой миссии.

¹¹ Первоначально предполагалось снабжение духовной миссии некоторым числом оружия для вооружения ее «казачьего конвоя» и доставка сподвижников Ашинова в Таджурскую бухту на пароходе Добровольного флота «Россия».

¹² Русский офицер запаса барон Н. Н. Шедевр прибыл в Эфиопию в 1898 г. вместе с Н. С. Леонтьевым, а впоследствии поступил на службу к Менелику. За различные услуги, оказанные им Эфиопии, он был награжден высоким чином «фитауари».

¹³ Великий князь Николай Николаевич, дядя царя, с начала первой мировой войны — главнокомандующий русской армией, после поражений 1915 г. отстранен от этого поста (его место занял сам царь) и переведен на Кавказ командующим Кавказским фронтом. Какую роль он играл в делах Православного палестинского общества — неясно, однако огромное влияние его в придворных и особенно армейских кругах было общеизвестно.

¹⁴ Согласно полученной Шедевром из Эфиопии телеграмме, окончательные условия, предложенные эфиопским правительством, были таковы: оно подтверждало свое обращение «передать России две часовни у храма Гроба Господня» и уплатить Шедеву «все его расходы и все что он занял денег для этого дела». Сообщалось, что «ввиду чрезвычайного времени ему будет уплачено не деньгами, а слоеной костью... независимо от сего за ним будут закреплены концессии, неправильно присвоенные Зервудаки» (Архив Института востоковедения АН СССР. Ленинградское отделение, раз. III, оп. 1, д. 34, л. 149).

¹⁵ Этот эфиопский мальчик, брошенный родителями, был найден Булатовичем во время похода русского офицера с войсками раса Уольдэ-Гийоргиса к оз. Рудольф в 1898 г. и взят им на воспитание в Россию.

¹⁶ Гэби (Гиби) — дворец эфиопского императора в Аддис-Абебе.

Л и т е р а т у р а

1. Архив внешней политики России. Фонд «Политархив».
2. Архив Института востоковедения АН СССР (Ленинградское отделение).
3. Булатович А. К. С войсками Менелика II. Под редакцией, с предисловием и примечаниями И. С. Кацнельсона. М., 1971.

4. Булатович А. К. Третье путешествие по Эфиопии. М., 1987.
5. Васин И. И. Политика капиталистических держав в Эфиопии (80—90-е годы XIX века). М., 1974.
6. Журнал Московской патриархии. 1986, № 2.
7. Материалы для биографии епископа Порфирия Успенского. Т. 1. Официальные документы. СПб., 1910.
8. Новое время. СПб.
9. Центральный государственный архив Октябрьской революции.
10. Центральный государственный исторический архив.
11. Jesman C. The Russians in Ethiopia. L., 1958.
12. Rubenson S. The Survival of Ethiopian Independence. L., 1976.

Ю. М. Кузьмин

**БОРЬБА ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ДЕРЖАВ
ВОКРУГ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ
ДЖИБУТИ—АДДИС-АБЕБА**

На рубеже XIX—XX вв. в мире быстрыми темпами шло строительство железных дорог, особенно на Африканском континенте. В качестве примера приведем следующие данные: в 1899—1909 гг. железнодорожная сеть мира увеличилась с 599 тыс. до 1 млн. км, а в Африке за это же время — с 9,4 тыс. до 33,5 тыс. км [1, с. 268].

В конце XIX в. постройка железных дорог началась и в Эфиопии. Император Менелик II решил соединить столицу Аддис-Абебу с Красноморским побережьем и с западной границей государства. В связи с планами эфиопского монарха развернулась ожесточенная борьба между западными странами, стремившимися поработить Эфиопию. Этому соперничеству империалистических держав и посвящена данная статья. Актуальность ее темы обусловлена не только слабой изученностью, но и возросшим интересом в мире к прошлому этой африканской страны, переживающей ныне один из самых бурных периодов своей истории.

В годы правления Менелика II в стране был осуществлен ряд реформ, преодолена в основном феодальная раздробленность государства. Его имя получило всемирную известность после того, как в войне 1895—1896 гг. эфиопская армия разгромила итальянских агрессоров. По словам советского историка Г. В. Цыпкина, «европейцы, посетившие Эфиопию в конце XIX — начале XX в., отмечали ум, волю, простоту и справедливость правителя, его способность быстро разобраться в сложной политической ситуации» [9, с. 54]. Высокую оценку дал Менелику II представитель России в Аддис-Абебе А. И. Кохановский. Он свидетельствовал: «Экономический и политический расцвет эфиопской империи во второй половине XIX и в начале XX в. неразрывно связан с крупной личностью Менелика II» [6, с. 316]. Можно привести также характеристику из санкт-петербургской газеты «Новое время»: «Но не одна государственная деятельность привлекла к Менелику европейцев и абиссинцев: его личное благородство, сердечность, простота располагали к нему даже врагов. Народ звал его своим отцом,

а европейцы гордились дружбой этого человека» [7, 26.02.1914]. Но, отмечая многие достоинства и заслуги императора Эфиопии, нельзя, конечно, забывать о том, что он был крупнейшим феодалом, активно поддерживавшим беспощадную систему эксплуатации миллионных масс крестьянства.

Большое внимание Менелик II уделял модернизации государства, что способствовало усилению Эфиопии в конце XIX—начале XX в. Справедливое сравнение, которое дает один из советских исследователей, отмечая, что история отвела Менелику II роль, подобную той, которую сыграл Петр I в истории России [9, с. 55].

Император стремился использовать технические достижения и опыт европейских государств. В этих целях Менелик II направлял своих приближенных в страны Европы. Так, летом 1902 г. рас Мэконнын посетил Англию и Францию, а абунэ Матеос — Россию. Показательна заметка в одной из русских газет, которая освещала визит духовного главы эфиопской церкви в Петербург: «4 июля абунэ Матеос посетил Обуховский сталелитейный завод. Он с большим вниманием осматривал завод, очень заинтересовался отливкою стали и подводными миноносцами; он с удовольствием слушал объяснение и приказал секретарю своему записывать все виденное, чтобы по возвращении в Эфиопию иметь возможность подробно сообщить Менелику II» [7, 18.07.1902].

В этот период в Эфиопию прибыло множество европейцев — инженеров, врачей, учителей, ремесленников, купцов, которые «внесли в страну новые идеи и новые цели жизни» [7, 26.02.1914]. Однако современные технические достижения применялись в Эфиопии в крайне небольшом объеме.

Во время правления Менелика II были осуществлены административная и финансовая реформы, создана почтовая система, организована телеграфная и телефонная связь. Некоторые меры были предприняты и в области образования. В 1908 г. в Аддис-Абебе открылась первая светская школа, которая из детей богатых феодалов готовила бюрократическую элиту. Кроме того, молодых эфиопов стали посылать на учебу за границу, первые такие группы были отправлены в Швецию и Россию.

Но экономическое положение Эфиопии тогда было крайне трудным. Она пережила страшный голод, только что завершились внутренние войны, которые принесли народу тяжелые испытания. В этих условиях необходимо было приступить к восстановлению и развитию экономики страны. Большие надежды возлагались на торговлю, оживление которой было одним из условий общего улучшения экономического положения государства. Главным тормозом развития Эфиопии, и в частности торговли, явилось отсутствие хороших дорог, без которых нельзя было добиться какого-либо прогресса. Можно привести такой факт: для того чтобы из столицы Эфиопии попасть на побережье Красного моря, надо было затратить 1,5—2 месяца.

Положение Эфиопии начиная с последней четверти XIX и до середины XX в. осложнялось еще и тем, что страна была окружена со всех сторон владениями Англии, Франции и Италии [10, с. 11]. Поэтому наряду с экономическими проблемами необходимо было решить и не менее важную политическую задачу. В целях сохранения независимости страны Менелик II пытался использовать противоречия между колониальными державами, стремившимися подчинить Эфиопию своему контролю. 1880—1890-е годы были периодом активной экспансии итальянского империализма в эту страну. Чтобы противостоять агрессивной политике итальянцев, Менелик II надеялся получить поддержку Франции [4, с. 61], которая добивалась приобретения права на строительство путей сообщения и эксплуатацию природных богатств страны.

Сложная история эфиопской железной дороги началась еще в 1879 г., когда Альфред Ильг, германский подданный швейцарского происхождения (проживший в Эфиопии около 30 лет), показал модель дороги Менелику, в то время еще правителю Шоа, чтобы продемонстрировать значение современного транспорта для будущего страны. Тогда нельзя было и мечтать о том, что император Эфиопии Йоханнес IV согласится с этим проектом, осуществление которого укрепило бы провинцию Шоа, находящуюся в центре государства. В 1889 г., после того как императором страны стал Менелик II, А. Ильг вновь посоветовал ему вернуться к этому вопросу. 11 февраля 1893 г. Менелик издал декрет, который уполномочил А. Ильга изучить возможности железнодорожного строительства. Позже, в том же году, последний доложил императору, что планы вполне осуществимы, отметив, что денежные средства можно получить во Франции [13, с. 127].

9 марта 1894 г. Менелик II предоставил А. Ильгу совместно с французским инженером Л. Шефне концессию на строительство железной дороги от Джибути до берегов Белого Нила. А. Ильг получил эту концессию благодаря тому, что он сумел завоевать доверие императора. В одной из бесед с главой русской дипломатической миссии в Эфиопии П. М. Власовым Менелик II сказал: «Я до сего времени вполне и во всем доверял Ильгу и не имел причин **раскаиваться в том...** у меня не имеется лица надежнее его» [3, д. 142, л. 24].

Необходимо хотя бы в нескольких словах сказать об этом человеке. А. Ильг после окончания Цюрихской политехнической школы прибыл в 1878 г. в Эфиопию, где находился до 1907 г. С 1897 г. он в течение 10 лет являлся министром при Менелике II, и его деятельность во многом способствовала проникновению иностранного капитала в экономику Эфиопии. Приобретая концессию, А. Ильг считал, что это предприятие станет и для него источником дохода [13, с. 127].

Согласно ст. 1 договора о концессии, А. Ильгу поручалось организовать «императорскую компанию эфиопских железных

дорог» [16, с. 343]. Правительство Эфиопии предоставило компании территорию для проведения дороги, строительства платформ, станций, мастерских, а также земли вдоль линии железной дороги шириной 1 км со всеми находящимися там лесами, водами и полезными ископаемыми [5, с. 61]. Оборудование, машины, инструменты, топливо, которые ввозились для строительства и эксплуатации железной дороги, освобождались от таможенных пошлин. Компании было дано право устанавливать любые тарифы при условии, что они не будут превышать стоимость существующей выючной перевозки.

Вся линия была разделена на три участка (Джибути — Харэр; Харэр — Аддис-Абеба; Аддис-Абеба — Белый Нил), для начала работ на каждом из них должно было быть получено особое разрешение Менелика II. Это условие император Эфиопии выдвинул с целью контроля за ходом строительства и для того, чтобы ограничить внедрение других иностранных компаний в экономику страны. Концессия предоставлялась на 99 лет. По истечении этого срока железная дорога переходила в собственность Эфиопии. В январе 1896 г. концессионеры подписали контракт с одной из парижских фирм на это строительство. Формально компания была эфиопской, но в действительности находилась в руках французов.

Таким образом, получив право на строительство железной дороги, Франция захватила инициативу в борьбе империалистических держав за природные богатства и рынки Эфиопии, за пути проникновения в богатые провинции Харэр и Шоа. Постройка железной дороги открывала перед французами широкие возможности торговли со всей Южной Эфиопией — в то время торговля в основном шла через порты Зейла и Берберы, находившиеся в английских колониях на побережье Аденского залива.

В 1896 г. Менелик II и французское правительство разрешили компании приступить к строительству первого участка железной дороги на территории Французского Сомали и Эфиопии протяженностью около 300 км. Одновременно в проект было внесено изменение: конечным пунктом первого участка стал Дыре-Дауа вместо запланированного Харэра, так как подъем к последнему был очень крут [17, с. 377].

Хотя французское министерство колоний предоставило компании денежные льготы, она с самого начала своей деятельности натолкнулась на финансовые затруднения. Выпущенные компанией 28 тыс. акций достоинством в 500 фр. каждая были проданы лишь на сумму 8,7 млн. фр., реализация долгосрочных обязательств дала 11,7 млн. фр., таким образом, было собрано только 20,4 млн. фр. [5, с. 61].

Несмотря на недостаток средств, в октябре 1897 г. началось строительство железной дороги, но сразу же возникла другая трудность, о которой П. М. Власов писал следующее: «За исключением императора, все население Эфиопии без раз-

личия классов к постройке железной дороги... относится или вполне равнодушно, или безусловно враждебно» [3, д. 141, л. 80]. Население Французского Сомали, территорию которого должна была пересечь железная дорога, было настроено крайне агрессивно. Строители дороги порой подвергались нападениям. «Причину ненависти местных племен к железной дороге нетрудно понять: французы сводили на нет роль верблюдов как средства заработка местного населения» [4, с. 75].

Большие осложнения в постройке дороги вызвали местные климатические условия. По характеристике французского географа Е. Фелькура, «этот район является самым пустынным в мире, имеет только в некоторых пунктах воду. Температура там обычно поднимается до +50°. Страна очень мало изучена, имеет неустойчивый водный режим, что вводит в заблуждение инженеров, строящих мосты, которые зачастую оказываются скорее вредными, чем полезными» [12, с. 183].

Но главным препятствием для французской компании при постройке железной дороги была нехватка финансовых средств, которая становилась все более ощутимой. Руководители компании стремились раздобыть кредиты. Быстрое завершение постройки дороги было вопросом престижа Франции, оно способствовало бы росту ее влияния в Эфиопии. Однако французское правительство проявило тогда определенную близорукость, не оказав компании поддержки. Банкиры Парижа разуверились в успехе этого предприятия.

К концу 1900 г. железная дорога достигла эфиопской границы. Но уже после прокладки 163 км пути, в том числе 54 км по территории Эфиопии, организаторы этого предприятия обратились за помощью к английскому капиталу. 28 января 1901 г. преемник П. М. Власова на посту главы русской миссии в Эфиопии А. А. Орлов сообщал в Петербург, что сначала Ильг предпринял огромные усилия, чтобы найти деньги во Франции, но, убедившись, что эти попытки тщетны, обратился к англичанам [3, д. 152, л. 11].

Англичане немедленно откликнулись на это предложение, так как постройка французами железной дороги была им крайне невыгодна — она разрушала их план прокладки железной дороги Хартум — Бербера, которая дала бы Англии доступ к Индийскому океану [15, т. 1, с. 488]. Кроме того, англичане понимали, что в случае соединения французской колонии с Аддис-Абебой вся торговля Эфиопии будет проходить через Джибути, что позволит ему стать одним из самых процветающих портов Африки.

Английские компании тотчас ссудили на строительство дороги 3,5 млн. фр. под залог участка 140 км [3, д. 158, л. 11]. Англичане также приобрели 11 тыс. акций из 28 тыс., составляющих первоначальный капитал компании [15, т. 2, с. 477]. Так как эта сумма предназначалась только на покрытие долгов, а на дальнейшую постройку железной дороги по-прежне-

му денег не было, то французские предприниматели согласились на учреждение англичанами общества «International Ethiopian Railway Trust and Construction Company». Во главе этого общества встал граф Честерфилд, открыто заявивший, что «цели новой компании прежде всего политические, коммерческие же расчеты должны стоять у нее на втором плане» [7, 02.05.1902].

Англичане фактически стали хозяевами строительства железной дороги и начали замену большей части служащих английскими подданными. Кроме того, у англичан возник план соединения строящейся дороги с линией, которая должна была вести к одному из портов Британского Сомали, чтобы превратить его в центр транзитной торговли в ущерб Джибути [2, с. 65]. При успешном осуществлении этого плана будущая дорога отходила бы от моря двумя главными ветвями. Имея в своих руках управление дорогой, англичанам было бы нетрудно направлять грузы в один из портов Британского Сомали, в первую очередь Зейлу, которая находилась на расстоянии 50 км от Джибути.

Если говорить о Джибути как о торговом порте, то он обладал превосходными условиями, обеспечивающими безопасность навигации, и имел более удобные подходы, чем порты Британского Сомали. Таким образом, строительство железной дороги, планируемое англичанами, имело целью поднять их торговое и политическое влияние на Красноморском побережье Африки. Но Англию волновали не только проблемы укрепления своих позиций в Восточной Эфиопии. По свидетельству А. И. Кохановского, с постройкой железной дороги порт Джибути стал бы серьезным соперником английской колонии Аден [6, с. 324].

Эти действия и планы англичан вызвали озабоченность правительства Франции, которое предложило А. Ильгу продать построенный участок железной дороги от Джибути по территории французской колонии. Но он отверг это предложение, поскольку считал, что эксплуатация данного участка обеспечит ему значительные прибыли. Он полагал, что дорога останется в основном в руках французоз, так как из намеченных к постройке 800 км пути англичанам будет принадлежать всего 140 км [3, д. 152, л. 12]. Однако во французской прессе появились многочисленные статьи, подчеркивающие опасность привлечения британских капиталов, раздавались призывы к правительству поддержать железнодорожную компанию, которая является главным проводником влияния Франции в Эфиопии [16, с. 352].

Правительство Франции вполне сознавало, что реализация английского плана вызвала бы конкуренцию Зейлы и Берберы — портов в Британском Сомали — с Французским Джибути и исход соперничества был бы, вероятно, в пользу двух первых. Тогда Франция окончательно утратила бы свои позиции в Вос-

точной Эфиопии. В этих условиях министр иностранных дел Франции Т. Делькассе призвал летом 1901 г. министров колоний и финансов оказать содействие строительству железной дороги в Эфиопии [11, т. 1, № 309, с. 360]. В итоге французское правительство решило предоставить железнодорожной компании субсидию в 5 млн. фр. [3, д. 155, л. 9]. Тем самым исключалась необходимость привлечения британских капиталов и устранялась опасность перехода линии в руки англичан.

6 февраля 1902 г. было подписано соглашение правления компании с губернатором Французского Сомали, который был уполномочен правительством Франции предоставить упомянутую субсидию. В соответствии с этим договором контроль над дорогой передавался в руки французского правительства. Субсидия должна была выплачиваться в течение 50 лет ежегодно в размере 500 тыс. фр., начиная с 1 июля 1902 г. Компания реорганизовалась на основе французских законов. Ее правление было переведено в Париж. Все вопросы компании отныне решались с согласия министров колоний, финансов и иностранных дел Франции. Французская полиция должна была нести охрану железной дороги. Правительство получило право на расторжение договора и конфискацию дороги в случае, если компания будет не в состоянии выполнить условия концессии. По истечении срока концессионного договора железная дорога переходила в полную собственность французского правительства [16, с. 353—355]. Отметим, что этот договор был заключен без согласования с Менеликом II.

21 марта 1902 г. французская палата депутатов, а 6 апреля того же года сенат одобрили этот договор. Ежегодная правительственная субсидия была капитализирована, благодаря чему компания получила наличными 11,3 млн. фр. Этих средств хватило на оплату старой задолженности и на завершение железнодорожной линии до Дыре-Дауа к концу 1902 г. После открытия в начале 1903 г. первого участка дороги центр эфиопской торговли переместился в Джибути [15, т. 1, с. 489]. Некоторые подробности об этом участке железной дороги можно почерпнуть из донесения командира русского крейсера «Новик», который в начале 1903 г. посетил Джибути. Он сообщал, что во многих местах путь образует крутые повороты, поэтому скорость движения поездов не превышает 25—30 км в час. Поезда ходят регулярно, но только дважды в неделю. Железнодорожное депо станции Джибути имеет хорошо оборудованную слесарно-токарную мастерскую [8, л. 259].

К тому времени были завершены все расчеты с английскими компаниями, осудившими железной дороге 3,5 млн. фр. При этом англичане получили за свою ссуду 3 млн. фр. в виде процентов и неустойки [3, д. 158, л. 11]. Таким образом, Франция стала осуществлять полный контроль над строительством дороги. По свидетельству А. А. Орлова, «это соглашение создало французскому правительству во всей восточной части Эфио-

лии исключительное положение как по отношению к эфиопскому правительству, так и по сравнению с прочими заинтересованными державами» [3, д. 155, л. 44].

Что касается реакции Менелика II на эту акцию французов, то он был ею потрясен [13, с. 358]. Выдавая концессию, император предвидел возможность образования компании интернациональной или французской, находящейся в последнем случае даже под покровительством французского правительства. Но в его расчет не входило, что концессионером станет само французское правительство. В апреле 1902 г. в беседе с А. А. Орловым Менелик II просил его довести до сведения Л. Шефне и губернатора Французского Сомали, что он не признает соглашения о железной дороге [3, д. 155, л. 55]. Кроме того, он заявил, что считает обязательной для себя первоначальную концессию, предоставленную в 1894 г.

Об оппозиции Менелика II этому соглашению свидетельствует также его отказ участвовать в церемонии открытия движения по новому участку, которая состоялась в начале 1903 г. [16, с. 360]. Кроме того, император запретил вести какие-либо работы по строительству второго участка железной дороги. Таким образом, между ним и правительством Франции возник конфликт, который продолжался в течение нескольких лет.

После подписания упомянутого соглашения англичане тотчас возобновили попытки захвата железной дороги, которая, как было отмечено, имела для них важное экономическое и стратегическое значение. Они воспользовались обострением франко-эфиопских отношений и добились того, что 15 мая 1902 г. между Эфиопией и Англией был заключен договор, согласно которому английскому правительству предоставлялось право строительства на территории Эфиопии железной дороги, соединяющей две британские колонии — Судан и Уганду. Два года спустя, в августе 1904 г., Менелик II «даровал» Англии еще одну концессию на сооружение железной дороги из Британского Сомали через Эфиопию в Судан параллельно строящейся французской железной дороге [6, с. 360].

Все это свидетельствует об усилении влияния Англии на Менелика II и ослаблении французских позиций в Эфиопии. Следует отметить гибкость избранной Менеликом II тактики использования противоречий между соперничающими державами в интересах эфиопского государства.

Английские колонизаторы не удовлетворились этими успехами и стали домогаться контроля над железной дорогой под флагом ее «интернационализации». В этих целях они пытались заручиться поддержкой Италии, что грозило новым столкновением между французами и англичанами [3, д. 158, л. 65]. Последние по-прежнему стремились вытеснить Францию с Красноморского побережья и добиться преобладания в этом районе.

Активное противодействие работе французской железнодо-

рожной компании оказывал, в частности, английский представитель в Эфиопии Дж. Харрингтон. Он говорил об этом в одной из бесед с русским дипломатом [3, д. 161, л. 50]. В конце 1903 г., находясь в Париже, во время встречи с крупными финансистами он заявил, что всеми силами будет препятствовать постройке французами линии, призванной соединить побережье моря с Аддис-Абебой [11, 1955, т. VI, № 196, с. 252]. Свою позицию Дж. Харрингтон не изменил и впоследствии, когда началось сближение между Англией и Францией после подписания соглашения 8 апреля 1904 г. Антифранцузскую позицию по этому вопросу занимал также итальянский представитель в Эфиопии.

Что касается Менелика II, то, видя, что в Эфиопии усиливается английское влияние, становящееся для него опасным, он пошел на некоторые уступки французам, чтобы вновь сыграть на противоречиях между этими двумя державами. В июле 1903 г. русский дипломат К. Н. Лишин сообщал, что император готов способствовать продолжению французской железной дороги до Аддис-Абебы [3, д. 159, л. 24]. В это же время французы стремились добиться признания Эфиопией соглашения от 6 февраля 1902 г. Делькассе обратился к русскому послу во Франции с просьбой, чтобы Лишин высказался в пользу данного соглашения [3, д. 162, л. 5]. В Париже было хорошо известно, что к его мнению император всегда прислушивался. В итоге в начале 1904 г. французы получили от императора разрешение на продолжение строительства железной дороги от Дыре-Дауа до Аддис-Абебы. Но спустя некоторое время Менелик II, уступив давлению англичан и итальянцев, приостановил осуществление предоставленной им Францией железнодорожной концессии [3, д. 161, л. 28]. Однако 8 августа того же года он вновь санкционировал ее реализацию. Все эти колебания Менелика II и соперничество английских и французских предпринимателей крайне затормозили строительство дороги от Дыре-Дауа в глубь Эфиопии. Понадобилось несколько лет, чтобы конфликт на этой почве между Францией и Эфиопией был разрешен в пользу первой в результате переговоров между Англией, Францией и Италией, завершившихся подписанием 13 декабря 1906 г. трехстороннего соглашения.

Статья 4 этого договора, носившая совсем неподходящий заголовок «О сохранении целостности Эфиопии», определяла особые интересы держав в случае распада Эфиопии, т. е. фактически фиксировала схему ее будущего империалистического раздела. При этом демагогически подчеркивалось, что подписавшие договор державы должны «приложить все усилия, чтобы сохранить целостность страны» [18, с. 23]. Сфера британского влияния определялась бассейном Нила. За Италией признавались особые интересы в районах Эфиопии, прилегающих к Эритрее и Сомали, а также права на установление сухопутного сообщения к западу от Аддис-Абебы, которое связало бы

эти итальянские колонии. Французские же интересы ограничивались зоной в Восточной Эфиопии, необходимой для завершения постройки железной дороги до Аддис-Абебы. Следует отметить, что английские и итальянские зоны частично совпадали, так как сообщение между Эритреей и Сомали пересекало ряд притоков Нила, входящих в английскую зону. Поэтому в статье отмечалось, что английские интересы не должны нарушать итальянские [18, с. 23].

Статьи 5 и 6 признавали право французской компании продолжить строительство железной дороги от Дыре-Дауа до Аддис-Абебы при условии, что эта компания не будет допускать никакой дискриминации по отношению к Англии и Италии в торговле и транзите [18, с. 24]. Здесь же отмечалось, что завершение строительства может быть осуществлено эфиопской или частной французской компанией.

Статья 7 оговаривала право Англии, Италии и Эфиопии иметь по одному представителю в правлении французской железнодорожной компании. Аналогичную привилегию получала Франция в правлениях английских и итальянских компаний, которые могли быть образованы «для строительства железных дорог, идущих из любой точки Эфиопии в любую точку прилегающих к Эфиопии английских и итальянских владений» [18, с. 24]. В частности, за Англией, в соответствии со статьей 9 договора, сохранялось право воспользоваться в случае надобности разрешением Менелика II прокладывать линию от Британского Сомали до границ Судана, но после предварительного согласия Франции и Италии.

История заключения этого соглашения свидетельствует, что три империалистические державы договорились между собой о разделе суверенного государства на сферы влияния, решив этот вопрос за его спиной. После подписания договора его участники лишь сообщили Менелику II о содержании заключенной закулисной сделки. В дальнейшем каждая из трех держав стремилась укрепить свои позиции в тех сферах влияния, которые она приобрела по этому соглашению.

Главная задача французов заключалась в завершении строительства железной дороги Джибути — Аддис-Абеба. Подписанный в 1906 г. договор не сгладил разногласий между Менеликом II и Францией по этому вопросу. Император не дал разрешения французской компании продолжить дальнейшее строительство линии от Дыре-Дауа до Аддис-Абебы. Тогда в начале 1907 г. французское правительство направило в Эфиопию своего министра — резидента в Каире А. Клобуковского со специальной миссией. Министр иностранных дел Франции С. Пишон в инструкции названному выше дипломату указывал на необходимость заключения с Менеликом II соглашения о создании новой компании по постройке второго участка железной дороги [11, 1955, т. X, № 447, с. 722]. Отправляя А. Клобуковского в Аддис-Абебу, французские дипломаты полагали, что

его миссия продлится по крайней мере до октября 1907 г., но переговоры с Менеликом II, начавшиеся в июне, затянулись. Следует отметить, что это были последние переговоры, происходившие при личном участии императора, который вскоре серьезно заболел [14, с. 57].

Между тем французская железнодорожная компания оставалась в крайне стесненном финансовом положении. К. Н. Лешин в своих донесениях из Аддис-Абебы в 1903—1905 гг. неоднократно сообщал, что эксплуатация построенных участков не покрывает расходов и «не приносит ни одного процента на затраченный капитал» [3, д. 158, л. 14]. Одновременно он предсказывал вероятность в близком будущем банкротства этого французского предприятия [3, д. 164, л. 73].

Компания предпринимала отчаянные усилия, чтобы выпутаться из трудностей. Так, она пыталась укрепить свои финансы путем введения в конце 1906 г. дополнительно 10-процентного сбора с грузов. Но эти действия вызвали протесты со стороны купцов, которые прекратили пользоваться услугами железной дороги. В начале 1907 г. сбор был отменен. Все попытки компании добиться рентабельности дороги ни к чему не привели. В июне 1907 г. французское правительство, разочаровавшись в ее способности вести дело собственными средствами, объявило компанию несостоятельной и заявило о ее ликвидации [17, с. 385].

Несмотря на эти финансовые перипетии, А. Клобуковский продолжал переговоры с Менеликом II по вопросу заключения договора о постройке второго участка железной дороги. В январе 1908 г. император дал разрешение на создание новой смешанной франко-эфиопской компании по эксплуатации железнодорожной линии Джибути—Дыре-Дауа и на продолжение ее строительства до Аддис-Абебы [16, с. 370]. 24 марта 1908 г. врач Менелика II, французский подданный Витальен, организовал компанию по строительству железной дороги.

Французское правительство и Менелик II приняли участие в создании основного капитала этой акционерной компании. Все товары, провозимые по железной дороге, наряду с таможенными сборами облагались 6-процентной пошлиной, при этом 4% поступали в пользу акционерной компании, а 2% — в казну Эфиопии [3, д. 173, л. 4]. Французская сторона вынуждена была пойти на крупные затраты, чтобы погасить убытки и долги прежней компании. В Париже также согласились на первом этапе эксплуатации дороги выдавать вновь созданной компании в случае нужды денежные авансы [3, д. 173, л. 4].

Обеспечив себе солидную финансовую базу, компания франко-эфиопской железной дороги в начале 1910 г. возобновила работы по строительству второго участка, которые успешно продолжались [3, д. 176, л. 103]. К началу первой мировой войны линия была доведена до деревни Акаки, находившейся

в 23 км от Аддис-Абебы, затем работы приостановились. Лишь в 1917 г. столица была наконец соединена с побережьем Красного моря железной дорогой протяженностью 712 км. Вдоль нее были протянуты телеграфная и телефонная линии, соединившие Аддис-Абебу с Джибути.

Завершив строительство этой дороги, Франция укрепила свои позиции в Восточной и Центральной Эфиопии [5, с. 66]. В дальнейшем французское правительство прежде всего стремилось сохранить статус-кво, предусмотренное договором 1906 г. В итоге Франция полностью восстановила свое влияние в Эфиопии, что позволило ей иметь прочные позиции в этом районе Африки в течение ряда лет.

Что касается взаимоотношений трех держав после заключения договора 1906 г., который определил и судьбу железной дороги, то между ними порой возникали трения (в связи с нарушением той или иной стороной взятых на себя обязательств), но ни одна из них не помышляла о денонсировании договора. И только в обстановке начавшейся первой мировой войны Италия, затеяв циничный торг за свое присоединение к одной из двух враждующих коалиций, потребовала пересмотра соглашения об Эфиопии 1906 г. Она выдвинула тогда целую программу колониальных притязаний в Африке, которая была предъявлена Англии и Франции. В ней, в частности, Италия потребовала уступки в свою пользу Французского Сомали и передачи контроля над железной дорогой Джибути — Аддис-Абеба, строительство которой, как отмечалось выше, было к этому времени уже завершено. Однако англичане и французы отвергли эти притязания.

Таким образом, договор 1906 г. оставался основой, на которой Англия, Франция и Италия строили свои отношения в Эфиопии вплоть до окончания первой мировой войны.

Л и т е р а т у р а

1. Ленин В. И. Тетради по империализму. — Т. 28.
2. Александров В. А., Зусманович А. З. Абиссиния. М., 1936.
3. Архив внешней политики России. Фонд «Политархив».
4. Васин И. И. Политика капиталистических держав в Эфиопии (80—90-е годы XIX века). М., 1974.
5. Вобликов Д. Р. Французская железнодорожная концессия в Эфиопии. — Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР. М., 1963, № 56.
6. Кохановский А. И. Абиссиния (Доклад министру иностранных дел С. Д. Са-зонову 1 июня 1913 г.). — Новый Восток. М., 1922, № 1.
7. Новое время. СПб.
8. Центральный государственный архив Военно-Морского Флота СССР. Ф. 417, оп. 1, д. 2427.
9. Цыпкин Г. В. Менелик II — император Эфиопии. — Азия и Африка сегодня. 1972, № 6.
10. Ягья В. С. Эфиопия в новейшее время. М., 1978.
11. Documents Diplomatiques Français. 1871—1914. 2-ème série (1900—1911). P., 1930—1955.
12. Felcourt E. L'Abyssinie. Agriculture, chemin de fer. P., 1911.

13. *Keller C.* Alfred Ilg. Lpz., 1918.
14. *Marcus H. G.* The Life and Times of Menelik II. Ethiopia. 1844—1913. Oxf., 1975.
15. *Morié L. J.* L'Histoire l'Ethiopie (Nubie et Abyssinie). Vol. 1—2. P., 1904.
16. *Pankhurst R.* The Franco-Ethiopian Railway and Its History.—Ethiopia Observer. 1963, vol. VII, № 4.
17. *Pankhurst S.* The Beginning of Modern Transport in Ethiopia.—Ethiopia Observer. 1957, vol. 1, № 12.
18. Une Route imperiale française menacée en mer Rouge. Les conversation franco-italiennes et l'Ethiopie. P., 1934.

В. М. Платонов

ТРАДИЦИОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ЭФИОПИИ

Вначале несколько предварительных замечаний по поводу обозначенной темы. Ее научное значение представляется нам неоспоримым ввиду той важной роли, которую играли на протяжении многих веков традиционные церковные и монастырские школы в Эфиопии. Полагаем также, что она имеет и определенное общественное значение в связи с резко возросшим в последние годы интересом общественности к вопросам культурного наследия. К тому же, как мы увидим ниже из краткого обзора источников, ни в европейской, ни в отечественной литературе тема традиционного образования в Эфиопии до сих пор должным образом не разработана. Степень ее изученности, несмотря на относительно неплохую обеспеченность эфиопскими материалами, представляется совершенно неудовлетворительной.

В предлагаемой вниманию читателей статье дается сравнительно подробное описание структуры традиционного образования в Эфиопии, традиционных школ, способов и приемов обучения и оценка социальной функции традиционного образования (см. также [2, с. 218—226]).

Эфиопия издревле обладала уникальной системой церковных и монастырских школ, которая вплоть до начала XX в. являлась единственным средством образования в стране и до 40-х годов сохраняла господствующее положение в этой области. В эфиопской провинции, в глубинке, она существует и по сей день, играя определенную роль в деле начального образования. В течение многих столетий церковные школы в Эфиопии являлись главным инструментом сохранения, передачи и распространения эфиопского культурного наследия. Значительным было влияние этих школ и на эфиопское общество в целом, на его обрядовую и бытовую жизнь, его ценностные ориентации, социальную психологию.

Традиционное образование во многом определяло особенности бытования рукописной книги в Эфиопии, отношение к ней (характеризующееся традиционным пиететом), жанры и даже некоторые своеобразные черты эфиопских средневековых текстов. Так, говоря о цитатах из библейских книг в трудах

эфиопских книжников, Б. А. Тураев замечает: «Несмотря на духовное происхождение агиобиографов, эти цитаты далеко не всегда точны и правильны: они делались по памяти и часто уклоняются от подлинного текста. Только заимствования из Псалтири почти всегда точны, что и понятно ввиду того, что книгу эту все знали наизусть» [3, с. 40—41]. Это обстоятельство, как мы увидим ниже, объясняется особенностями традиционного образования.

Таким образом, изучение традиционного образования в Эфиопии является своего рода ключом к пониманию многих аспектов эфиопской культуры, которая до недавнего времени оставалась «вещью в себе». Разумеется, в эфиопских хрониках, в житиях святых, в сочинениях европейских путешественников и миссионеров можно встретить отдельные упоминания о церковных и монастырских школах, изучаемых там книгах и даже отдельных учителях (как правило, воспитателях царских детей). Тщательный подбор и анализ всех этих отрывочных данных представляется необходимым для исследования вопроса в историческом аспекте. Кое-что в этом направлении уже сделано (см. [12, с. 241—244]), но основная работа еще впереди.

Вместе с тем появившиеся в последние годы материалы, дающие описание системы традиционного образования в Эфиопии как бы изнутри, делают возможным уже сегодня получить о ней определенное представление.

В 1962 г. уроженец Годжама авва Киданэ Марьям Гетахун, закончивший и традиционную и современную духовную школы, публикует небольшую книгу о традиционном образовании в Эфиопии под названием «Странствующий студент былого времени» [6]. Толчком к ее написанию послужило пренебрежительное отношение учащихся к церковному образованию [6, с. 104]. Восстановлению морального авторитета церковного образования и посвящена книга, интересная главным образом массой бытовых подробностей о жизни странствующих студентов. В 1965 г. Институт эфиопских исследований публикует на амхарском языке воспоминания Энбакома Калевольда, уроженца Шоа, получившего в скитаниях из одного учебного центра в другой высшее духовное образование и специализировавшегося в провинции Годжам на искусстве кыне, т. е. духовного стихосложения [4]. В 1970 г. появляется книга Хабтэ Марьяма Воркнэха, ныне декана Богословского института св. Павла в Аддис-Абебе, посвященная традиционному церковному образованию в Эфиопии (см. [5]).

Все эти работы содержат интереснейший материал по традиционному образованию в Эфиопии, хотя и носят апологетический характер. Попытки критического осмысления системы церковного образования в Эфиопии предприняты в ряде статей европейски образованных эфиопских ученых: Гырма Амаре [7] и Хайле Габриэля Дане [8; 9].

Основываясь преимущественно на упомянутых материалах, мы и попытаемся описать систему традиционного образования в Эфиопии. Во многом еще спорные и неясные вопросы становления и исторического развития этой системы оставлены нами в стороне. Не касаемся мы и проблематики, связанной с традиционным образованием у эфиопских мусульман (см. [9, с. 349—353]), а также у эфиопских иудаистов — фалаша.

Априори можно предположить, что церковное образование в Эфиопии зародилось в Аксуме в первые века распространения в стране христианства и становления здесь христианской церкви, т. е. уже в IV—VI вв. Церковь как организация нуждалась, естественно, в воспроизводстве собственных кадров, в обучении миссионеров для увеличения сферы своего влияния. С расширением Эфиопского государства и постепенным перемещением его центра в южном направлении (при Загвях — в область Ласта, при Соломонидах — в Шоа) и параллельным этому процессу распространением христианства на южные и юго-западные области Нагорья там основывались церкви и монастыри, становившиеся важнейшими центрами средневековой культуры и образования.

В целом та система церковного образования, которая зафиксирована источниками, сложилась, видимо, в эпоху золотого века эфиопской церкви и государственности (XIII—XVI вв.) и в основных чертах сохранилась вплоть до наших дней, существуя со времен Менелика II со школой светской (см. [12, с. 259]). Важнейшим этапом в совершенствовании этой системы был гондэрский период (1636—1855), характеризующийся особо ярким расцветом эфиопской культуры. Гондэр долгое время являлся центром политической, культурной и церковной жизни. Гондэрские императоры покровительствовали искусствам и ремеслам, поощряли книжную премудрость. Со всех концов страны стекались в Гондэр ученые и студенты. Сюда же были перенесены резиденции митрополита и ыччеге¹, превратившие Гондэр и в средоточие церковной жизни.

При Иясу II (1730—1750) в Гондэре насчитывалось более 500 мэмхыров, т. е. ученых-наставников [11, с. 25]. Именно в гондэрский период окончательно сформировались высшие церковные школы: пеня (зема бет), духовной поэзии (кыне бет) и экзегезы (мэцхаф бет). Высшего расцвета достигли в этот же период каллиграфическое искусство, церковная живопись и архитектура.

Так постепенно сложилась в Эфиопии довольно стройная система церковного образования, в достаточной степени удовлетворявшая социальные потребности экономически неразвитого общества средневекового типа.

Через систему школ церковь обеспечивала прежде всего воспроизводство собственных кадров. Наряду с этим она же поставляла грамотных людей, которые привлекались на государственную службу в качестве писцов, секретарей, чиновни-

ков и т. д. Нередким явлением было совмещение в одном лице церковной и государственной должностей. (Так, например, министр Пера, секретарь и историограф Менелика II Гэбрэ Сэлласе был одновременно старостой церкви архангела Рагуила в Аддис-Абебе.)

Надежда занять важную церковную или государственную должность была одним из самых сильных стимулов в стремлении получить высшее церковное образование, на что уходило около 30 лет упорного труда, лишений и скитаний из одной знаменитой школы в другую, от одного известного учителя к другому.

Из чего состоит и как функционирует² система церковного образования в Эфиопии?

Применяя к этой системе наши привычные понятия о начальной, средней и высшей школах (сами эфиопы таких понятий в отношении традиционных церковных школ не употребляют), в ней можно выделить следующие ступени по уровню подготовки: начальную — ныбаб бет (Дом чтения), среднюю — кыддасе бет (Дом литургии) и высшую, состоящую из зема бет (Дома пения), кыне бет (Дома поэзии) и мэццаф бет (Дома писания). Отметим, что любая из названных школ в качестве некоей конгрегации, объединяющей учителя и учеников и живущей по строго определенным правилам, именуется также словом «собрание» (губа'е), как и сирийская средневековая школа. Письменные уставы средневековых сирийских школ сохранились и рассмотрены в работе Н. В. Пигулевской [1, с. 46—106]. Уставы эфиопских школ, видимо, не записывались. Но они определенно существовали и существуют, обозначаясь словом «дэнб» [4, с. 5]. Этим неписаным уставом определяется вся жизнь церковной школы: расписание занятий, правила поведения учеников, порядок наложения дисциплинарных взысканий.

Начальная школа. Начальное церковное образование дается, как отмечалось, в Доме чтения. Такие школы имеются практически при всех церквях и монастырях, во многих деревнях (а в прежние времена и в феодальных усадьбах). Статистических данных о количестве Домов чтения (как, впрочем, школ средней и высшей ступеней) нет. Но если число церквей и монастырей в Эфиопии ко времени революции 1974 г. составляло, как полагают, не менее 15 тыс. [9, с. 339], то приблизительно столько было, очевидно, и начальных школ. В каждой такой школе, по устным данным, было в среднем до 20 учеников — значит, во всех начальных школах могло обучаться одновременно около 300 тыс. человек. Для Эфиопии это, разумеется, немного (к 1974 г. от 90 до 93% населения было, как известно, неграмотным), но следует иметь в виду, что всеобщая грамотность и не являлась целью этой системы образования.

В школу шли дети из относительно благополучных семей христианского вероисповедания. Значительная часть крестьян-

ских детей вовсе не посещала школу, так как родители не могли позволить себе освободить их от необходимых сельскохозяйственных работ.

Дети в Эфиопии очень рано становятся самостоятельными. С шести или семи лет они уже оказывают существенную помощь в ведении хозяйства: мальчики пасут скот, девочки помогают по дому, носят воду, ходят за дровами. Девочки, кстати, имеют такое же право на обучение, но социальная традиция препятствует (во всяком случае, так было до революции 1974 г.) его реализации. Считается, что место девочки — дома, а обучаться она должна лишь рукоделию и ведению домашнего хозяйства (известны, впрочем, имена монахинь, сумевших приобрести репутацию выдающихся ученых-книжников; особенно много было их в Годжаме [5, с. 66]).

Дети богатых феодалов получали, как правило, домашнее воспитание.

Что же такое Дом чтения? Это школа одного учителя, которым является обычно священник или мирянин с церковным образованием. Содержит учителя, как правило, приход, выплачивая ему 10—15 эфиопских долл. в год, снабжая его хлебом и другими продуктами [4, с. 11]. Нередко, впрочем, учителя преподают бесплатно, получая от родителей учеников подарки, помощь по хозяйству и подрабатывая перепиской книг, плетением циновки, зонтиков и т. п. Приличное содержание получали учителя, которых нанимали феодалы.

Помещается такая школа обычно за церковной оградой, а кровлей ей служит крона раскидистого дерева. Учитель сидит на низенькой скамейке. Рядом с ним лежит длинный хлыст (физическое наказание нерадивых школяров считается делом душеполезным), а в руках — Псалтирь. 5—7-летние ученики группами по два-три человека сидят перед ним на земле. Старшие (продвинувшиеся) ученики обучают младших, учитель следит за первыми и время от времени проверяет младших. Главная задача Дома чтения состоит в том, чтобы обучить детей читать богослужебные книги на мертвом языке геэз. Письму обучают не везде, так как оно не считается столь же необходимым для церковной службы, как чтение. Более того, некоторые учителя запрещают ученикам писать, опасаясь, что они используют эти знания для «чернокнижия», т. е. изготовления магических текстов, осуждаемых церковью. Хабтэ Марьям Воркнэх упоминает даже о церквях, где к священству не допускаются люди, умеющие писать: например, собор Мэканэ Иесус в провинции Бэгемдыр [5, с. 37].

Начинают обучение с запоминания 231 слога эфиопского силлабария. Силлабарий записывается обычно на свитке пергамента, который ученик носит с собой. Во время учебы он разворачивает свиток и закрепляет его концы на палке с помощью веревочек. Под руководством учителя ученик громко произносит слоги, указывая на них соломинкой поочередно сле-

ва направо. Так он запоминает весь силлабарий подряд, но путается при чтении слогов вразбивку. Затем учитель заставляет его читать силлабарий справа налево, затем сверху вниз. Для лучшего запоминания отдельных слогов употребляется и такой порядок их записи, когда число слогов в семи порядках силлабария остается постоянным, но место их изменено, так что слоги приходится запоминать как бы вразбивку. Это так называемая абугида, где сохранился традиционный семитский порядок букв алфавита.

Наряду с силлабарием (фидэль) ученикам дается понятие о цифрах и счете (хисаб). Выучив слоги, ученик начинает читать тексты. Первый текст составляют обычно стихи с 1-го по 7-й 1-го Послания апостола Иоанна, называемые «Азбукой апостольской» («Фидэле хаварья»). Сначала ученик читает слоги по отдельности, распевая их. Это кутыр — счет. Затем он пытается соединить слоги в слова. Это гы'ыз — первое чтение. Упражнения повторяются несколько недель или месяцев. Затем он переходит к так называемому малому чтению (вырд ныбаб). Здесь обращается внимание на правильное соединение слов в смысловые единицы, ударение, удвоение согласных, которое никак не обозначается на письме, и т. п. Последняя ступень чтения — кум ныбаб, т. е. полное, совершенное чтение. Это уже беглое чтение без ошибок.

После «Азбуки апостольской» ученики переходят к чтению других текстов, выбор которых зависит от наличия книг. Обычно это так называемые соборные послания, именуемые «Гэбэта хаварья», т. е. «Переплет апостольский»³, Послания апостола Павла, Евангелие от Иоанна. Важнейшая и неперемнная книга — Псалтирь. Это главная литургическая книга Эфиопской церкви. Несколько раз вся Псалтирь прочитывается методом «малого чтения», затем в течение месяца — методом «полного чтения». Многие ученики, таким образом, запоминают всю Псалтирь наизусть. Это особенно важно для тех, кто желает продолжить образование, так как псалмы употребляются и в литургии, и в гимнографии, и при сочинении духовных стихов.

Чтению посвящаются утренние (с 8 до 12) и послеобеденные (с 14 до 17) часы [4, с. 5]. В вечерние часы (с 19 до 21) происходит устное обучение (екаль тымыхырт) [4, с. 7]. Ученики твердят наизусть наиболее употребительные молитвы («Отче наш», «Верую» и др.) и церковные гимны. Из последних заучиваются «Песнь песней» Соломона, «Песни пророческие», «Похвалы Богородице» («Выддасе Марьям»), приписываемые Ефрему Сирину, «Врата света» («Анкэцэ бырхан») — похвалы Богородице, приписываемые Яреду-сладкопевцу (VI в.). Заучиваются наизусть и так называемые образы (мэльк), т. е. стихотворные гимны, в которых в определенной последовательности восхваляются органы тела того или иного святого, являющиеся вместилищем определенных духовных качеств

и добродетелей. В начальной школе учат только два таких гимна: «Образ Марии» и «Образ Иисуса» [4, с. 7]. На устных занятиях проходят и так называемые «Столпы таинств» («А'ымадэ мыстир»), представляющие собой краткий катехизис на амхарском языке в форме диалога (вопрос — ответ). Катехизис излагает учение церкви о таинствах Троицы, Воплощения, Крещения, Евхаристии и Воскресения мертвых.

В большей части начальных школ учеников обучают и письму. Чернила при этом ученики изготавливают сами по рецепту учителя. Для этого собирают сажу со сковородок, поджаривают и толкут листья растения харэг эреса (*Melothria tomentosa*, из семейства тыквенных), все это смешивают и добавляют воду. После трехдневной выдержки в овечьем роге чернила — хотя и не очень высокого качества — готовы. Перья изготавливают из стеблей тростника или бамбука. Писчим материалом служат бычьи кости, гладкие дощечки. Используют их многократно, смывая чернила. Имя божие на этих материалах, однако, не пишут, ибо смывать его — грешно. За 3—4 месяца ученики выучиваются довольно сносно писать [4, с. 11].

Параллельно с обучением идет и нравственное воспитание. Ученики постигают добродетель послушания, скромности, уважения к старшим. Помощь учителю по хозяйству входит в обязанности ученика, так же как и внешние проявления уважения: приходя на занятия и уходя с них, ученики целуют ноги учителю. С полудня субботы и до понедельника школяры отдыхают. Не учатся они и по большим праздникам: на Рождество, Крещение, Пасху и т. д. В праздничные дни ученики, однако, обязательно присутствуют на богослужении, а многие даже прислуживают в церкви в качестве дьяконов. В школе строго соблюдаются все посты. За нарушение поста школяра ожидает суровое наказание — десять ударов плеткой [1, с. 12].

Таким образом, за два-три года «псалтирное чадо» (дэккэ мэзмур), как называют учеников начальной школы, осваивает чтение, счет, молитвы, письмо и, как правило, выучивает наизусть Псалтирь. Этим учение и заканчивается. Учитель посылает родителям ученика радостную весть о том, что такой-то выучил наизусть Псалтирь. Это важное событие в жизни ребенка. Родители ученика устраивают по такому случаю праздник. Приглашают учителя, соучеников, крестного отца, родственников. Гордые родители преподносят учителю дары: быка или корову (если они богаты), барана или козу (если они бедны), иногда — деньги. Бывший ученик одаривается обычно новой одеждой и деньгами. Устраивается пир. Затем герой дня встает посредине собрания и по указанию учителя читает что-нибудь из Псалтири под одобрительные рукоплескания присутствующих [4, с. 9].

Для большей части учеников с окончанием начальной школы завершается и вся учеба. Знатор Псалтири обладает в деревне определенным престижем. Он может читать и писать

письма, прислуживать в церкви, исполняя обязанности дьякона. В отсутствие священника он читает молитвы при совершении некоторых религиозных обрядов.

Средняя школа. Те из учеников, которые хотят продолжить свое образование и выбирают духовную карьеру, идут в литургическую школу — кыддасе бет. Такая школа имеется обычно при любой близлежащей церкви, и посещающий ее ученик, как правило, еще не порывает с родительским домом. В литургической школе учитель обучает своих учеников обязанностям дьякона (гыбрэ дикуна) и священника (гыбрэ кысна) во время совершения литургии. В эту школу идут обычно дети клириков, владеющих церковной землей, чтобы стать дьяконами или священниками при церкви и сохранить землю в семейном владении. Притягательной была должность священника до революции 1974 г. и для арендатора или безземельного крестьянина, так как она была связана с правом на владение земельным наделом.

Обязанности священника при алтаре сравнительно несложные и требуют лишь знания употребляемых во время литургии песнопений и определенных ритуальных действий при осуществлении церковных таинств. В литургических школах обучают только песнопениям — все остальное, включая различные обряды и требы, усваивается учениками в ходе повседневной церковной практики. Кроме того, каждого из учеников учитель отправляет к какому-нибудь из монахов или священников в качестве помощника. Таким образом ученик знакомится со своими будущими обязанностями, которые ограничены преимущественно обрядовой стороной. Поэтому для рукоположения молодого человека в сан священника от него не требуется особенно глубоких знаний христианского учения, догматики или патристики. Именно это обстоятельство давало повод многим иностранцам считать невежественным весь эфиопский клир и поражаться той легкости, с какой целые массы претендентов рукополагались митрополитом в течение одного дня в священнический сан.

Посвящаемые в сан священника должны быть женаты церковным браком и выдержать нечто вроде экзамена. Проверяется умение читать богослужебные тексты. Служащие священники должны отличаться безупречным поведением и высокой нравственностью. В дьяконы посвящаются мальчики 8—12 лет. Женившись, молодой человек уже не может быть дьяконом. Он или добывается священнического сана, или переходит в разряд мирян. Для обучения довольно несложным обязанностям дьякона или священника требуется не более полугода. Многие из этих обязанностей усваиваются к тому же уже в начальной школе, и претенденты овладевают ими, как правило, без особого труда.

Высшая школа. Священник при алтаре служит обедню и совершает таинства, важнейшим из которых является таинст-

во евхаристии. Однако до литургии и после нее имеют место чтения из Священного писания, исполняются церковные песнопения, которыми столь богата эфиопская церковь, так называемые священные танцы с молитвенными посохами и музыкальным сопровождением (систры и барабаны), импровизируются духовные стихи — кыне.

Нуждается церковь и в знатоках церковного календаря, канонического права, патристики и экзегезы.

Этим запросам и отвечает высшая церковная школа, состоящая соответственно из школы пения, школы духовной поэзии и школы комментаторов Священного писания.

Ученик, желающий поступить в одну из высших школ, оставляет своих родителей и присоединяется к сонму странствующих студентов, так как высшие школы имеются далеко не в каждом приходе. Нередко школяры тайком покидают отчий дом вопреки воле родителей. Многих привлекает не только стремление продолжить учебу, но и романтика, связываемая обычно с жизнью странствующего студента, о которой рассказывается немало занятных историй.

На долгие годы, а нередко и навсегда покидает будущий студент свою родную деревню. Отныне одежда его — дэбэлэ (накидка из бараньей или козьей шкуры), пища — колё (жареные зерна), в руке его — посох, а на ремне через плечо — акофада (плетенная из пальмовых листьев сума для сбора подаяния). Это знаменитый эфиопский странствующий студент — еколё тэмари. Странствующие студенты, как правило, — выходцы из крестьянских семей, иногда это дети священников, очень редко — выходцы из высших классов.

Пересекая границу своей провинции (обычно группами в три-пять человек), будущие студенты меняют свои имена. Это делается для того, чтобы избежать розысков со стороны родственников, «обмануть» болезни и прочие напасти. Какую-то роль играет в этом обычае, вероятно, и воспоминание о перемене имен учениками Христа (апостолами). Выбираются имена пророков, апостолов и прочих библейских персонажей [4, с. 21].

Школы пения. Самые известные из них находятся в провинции Бэгемдыр. Туда устремляются студенты, желающие специализироваться в одной из четырех дисциплин, преподающихся в такой школе, или закончить ее, с тем чтобы поступить затем в школу духовной поэзии. Потратив две-три недели на дорогу, будущие студенты отыскивают нужную им школу, спрашивают об имени учителя (преподаватель пения носит титул «мэри гета»), знакомятся с радушно принимающими их студентами. Об их прибытии докладывают преподавателю. Последний по окончании занятий знакомится с новичками, спрашивает, откуда они прибыли и чего хотят. Некоторое время у студентов уходит на устройство жилья: живут студенты обычно по два-три человека в хижине, которую они сами себе строят. Основным средством пропитания для них является ми-

лостыня. Просить подавание ходят по очереди в близлежащие деревни, которые распределяются между студентами по жребию. Границы сбора милостыни строго соблюдаются и могут быть нарушены только по праздничным и базарным дням.

В школе пения собирается обычно от 30 до 40 студентов [4, с. 25]. Освоившись с обстановкой и наладив быт, новички приступают к занятиям. Начинаются занятия с 8 часов утра и продолжаются с перерывом на обед до 5 часов вечера. После сбора милостыни и вечерней трапезы вновь начинаются занятия, но теперь без книг. Это уже знакомые нам по начальной школе устные занятия, продолжающиеся с 8 до 10 часов вечера. Как и в начальной школе, с полудня субботы и до понедельника, а также по большим праздникам студенты отдыхают, участвуя, однако, в богослужении.

После общей молитвы учитель распределяет студентов на группы в зависимости от изучаемых ими гимнологических сборников. Первая группа изучает так называемую «Постную Дыггву» («Цомэ Дыггва») и «Главу» («Мы'ураф»). «Постная Дыггва» содержит церковные песнопения на период великого поста. «Глава» представляет собой богослужебный устав с песнопениями, включающий общий порядок всенощного бдения («Вазема), общий порядок воскресной службы («Мэваддыс»), порядок праздничной службы («Кыстат зэ-Арьям»), утренние молитвы («Сыбхатэ нэгх»), порядок великопостной службы («Мы'ураф зэ-цом») и молитвы-заклинания («Мыхылля»).

Вторая группа изучает обширный сборник церковных гимнов на весь год (за исключением исполняемых во время литургии, службы часов и великого поста), именуемый «Дыггва».

Традиция эфиопских ученых-книжников приписывает авторство вышеупомянутых гимнологических сборников Яреду-слакопевцу (VI в.), обучившему им священников, которые и передавали эти гимны изустно из поколения в поколение. Первую полную запись этих гимнов традиция относит ко времени Зара-Якоба (1434—1468), знаменитого царя-богослова, автора нескольких сочинений, в том числе «Господь воцарися» («Эг-зиабхер нэгса») [5, с. 74].

Третья группа изучает сборник песнопений, исполняемых хором певчих в конце литургии в честь таинства евхаристии (именуемых «Зыммаре»), и сборник антифонов («Мэвас'ыт»), которые поются на похоронах и в дни поминовения усопших. Данные сборники — не столь обширные, как «Дыггва», «Постная Дыггва» или «Глава», — включаются обычно в состав последней, реже записываются и переплетаются отдельно. В этой же группе те из студентов, которые хотят стать преподавателями литургии в средней школе, изучают дополнительно литургические гимны и Часослов.

Учитель занимается сам лишь со старшими, далеко продвинувшимися в изучении гимнов учениками. Последние «натаскивают» начинающих. Разучив свой гимн, студент поет его перед

учителем. Учитель или одобряет студента и дает ему новое задание, или делает необходимые замечания и заставляет практиковаться далее. Огромное количество гимнов заучивается таким образом наизусть. Обучение занимает, естественно, много времени и больше развивает память студента, нежели его способность мыслить самостоятельно. Несмотря на продолжительность учебы (на изучение «Постной Дыггвы» и «Главы» уходит три года, песнопений «Зыммаре» и антифонария — два года [5, с. 290]) и ее монотонность, студенты учатся весьма прилежно, ибо впереди перспектива получения определенной должности в церковной иерархии. Хорошее пение к тому же высоко ценится прихожанами. Чтобы сделать свои голоса приятными и сладкозвучными, некоторые студенты прибегают даже к магическим снадобьям — проглатывают, например, живую пчелиную матку с медом [8, с. 10].

В школе пения студенты овладевают также и нотной грамотой. Заметим, что знание возможно большего количества гимнов облегчает овладение своеобразной нотационной системой, применяющейся в эфиопской гимнографии. Первые «нотированные» рукописи появляются в Эфиопии лишь в XVI в., хотя эфиопская устная традиция приписывает изобретение основных нотных знаков, напоминающих древнерусские крюки, все тому же Яреду-сладкопевцу. Эти знаки указывают направление движения голоса, звуковые акценты и т. п. В XVI в. способ нотации был, видимо, усовершенствован: помимо основных знаков, означавших отдельные ходы голоса, поверх текста мелким почерком стали писать слоги, взятые из каких-либо гимнов, напев которых певцы, предполагается, прекрасно знали. Слоги эти могут обозначать начало и конец целой фразы из какого-либо гимна или ряды характерных звуков, встречающихся в том или ином гимне. Таким образом, чем больше гимнов студент знает, тем лучше он понимает нотационную систему.

Каждый студент, изучивший пение гимнов (кум зема), стремится овладеть и искусством хорового пения, именуемого «акваквам». Для этого приходится идти в Гондэр, бывшую столицу Эфиопии, — город образованных, утонченных книжников. Года два студенты подвизаются в пригородах, изучая местные обычаи, особенности гондэрского диалекта, запасаясь продовольствием и по возможности деньгами. В то же время при одном из периферийных соборов они практически изучают искусство хорового пения, сопровождаемого особыми ритмическими движениями с применением молитвенных посохов и музыкальных инструментов: систров и барабанов. Затем они отправляются в Гондэр, где в течение одного года совершенствуются в этом искусстве в одной из знаменитых гондэрских школ хорового пения.

Все традиционно образованные эфиопы отмечают гордость и даже некоторую надменность преподавателей хорового пения. Ученики стремятся подражать им, держатся так же не-

зависимо, так же форсисто повязывают тюрбаны, заводят изящные посохи и систры в красивых футлярах. Почтительное обращение к учителям — «енета» (господин мой) — сменяется несколько бесцеремонным — «ава», «айва» (брат, приятель) [4, с. 45]. Само учение называется здесь «кыттэля», т. е. следование, подражание. Состоит оно в овладении целым рядом приемов искусства хорового пения, например зыммаме — пение, сопровождаемое движениями тела с молитвенным посохом, ны'ус мэргэйд — пение под спокойный аккомпанемент систров и барабана, цыфат — пение, сопровождаемое особо быстрыми движениями тела и ускоренным ритмом музыкального сопровождения (цыфат означает, собственно, заушение и символизирует заушение, т. е. оскорбление, поношение Христа иудеями), мэльс — антифонное пение особо приятным, нежным голосом, когда две группы хора то сходятся, то расходятся [5, с. 112—114].

Торжественное, церемониальное танцевальное действо в целом, сопровождаемое хоровым пением, именуется «шыбшэба». Все ритмические движения при хоровом пении, способы музыкального сопровождения строго упорядочены и символичны. Запрещены, например, движения шеей и бедрами. Движение посохом справа налево, затем вверх и вниз символизирует передачу Христа первосвященнику Каиафе, распятие его на кресте и погребение. Столь же символичны и все остальные ритмические движения, но символика эта еще не изучена должным образом и не раскрыта.

Студенты, закончившие школу пения, отправляются, как правило, в провинцию Годжам для овладения искусством духовного стихосложения и грамматикой языка геэз. На это уходит от двух до пяти лет (в зависимости от глубины изучения). Те, кто желает специализироваться в одной из дисциплин школы пения, вновь возвращаются в нее (дело в том, что только школа духовной поэзии дает хорошее знание геэз — языка литургии и церковных песнопений). Большая часть таких студентов стремится специализироваться в изучении «Дыггвы», самой распространённой и престижной дисциплины школы пения. Для этого изучившие «Дыггву» должны переписать ее, снабдить музыкальной нотацией и отправиться с этой книгой в монастырь Бетэ Лехем (провинция Бэгемдыр).

Как пишет Хабтэ Марьям Воркнех, в былые времена таких претендентов в Бетэ Лехеме собиралось до 100 человек [5, с. 100]. Занятия здесь носят индивидуальный характер, и приходится ждать две-три недели, чтобы попасть к учителю. Тем не менее во время занятий присутствуют все студенты: слушают, вносят в свои книги необходимые исправления или дополнения. На углубленное изучение «Дыггвы» уходит около двух лет. После проверки знаний претендент получает диплом (емысыккыр вэрэкэт) и почетное звание «мэри гета». Диплом представляет собой лист пергамента, на котором учитель сви-

детельствует об успешном прохождении претендентом полного курса дисциплины и ставит свою печать. На книге претендента учитель также ставит печать, а в соответствующий приход (по месту рождения или найма претендента) он посылает рекомендательное письмо.

Часть студентов направляется в местечко Зур Амба в провинции Бэге́мдыр для усовершенствования в гимнах «Зымма-ре» и «Мэвас'ыт», на что уходит до полугода [4, с. 63]. Поскольку в литургической школе эти гимны преподаются вместе с литургией, студентам приходится затем отправляться в одну из высших литургических школ для получения диплома, дающего право на преподавание литургии в средней школе. Одна из этих школ — Дэбрэ Аббай — находится в провинции Тигре, вторая — Сэлелькулла — в провинции Уолло. На углубленное изучение литургии уходит от полугода до года [4, с. 63]. Для получения диплома на право преподавания искусства хорового пения следует пройти испытание в одной из школ Гондэра, известных под названиями «Верхний дом» и «Нижний дом».

Школа поэзии. Закончив школу пения, студенты отправляются в школу поэзии (кыне). Поскольку все духовные стихи исполняются на строго определенную мелодию, перед поступлением в школу кыне необходимо закончить школу пения. Попытки заняться изучением кыне, минуя школу пения, как правило, не дают результата. Часть студентов, проведя до двух лет в школе поэзии, возвращается, как отмечалось, в школу пения для специализации в одной из ее дисциплин. Другая часть остается в школе кыне для углубленного изучения духовного стихосложения.

Школами кыне славится Годжам, куда и устремляются студенты со всех концов страны. Они идут туда небольшими группами по три-четыре человека, обычно в праздничный сезон, так как в это время легче найти пропитание в дороге (странствующего студента всегда угостят и одарят на праздничном обеде, на свадьбе, на поминках). В школе кыне студентов вводят в геэзскую грамматику и обучают искусству сложения духовных стихов в пределах строго определенного канона. Искусство кыне является, пожалуй, самым оригинальным явлением традиционной эфиопской культуры. Формально речь идет о рифмованных строках (число которых может быть различным в зависимости от типа кыне), импровизируемых во время богослужения после чтения того или иного псалма или молитвы. Помимо поэтического таланта для такой импровизации требуется глубокое знание библейского текста, эфиопской истории, устной христианской традиции. Необходимы и тонкое знание языка геэз, и, наконец, умение (в некоторых случаях) скрыть под очевидным, поверхностным смыслом скрытый, основной⁴. Чтобы овладеть искусством кыне, нужно провести в Доме поэзии от четырех до пяти лет [4, с. 53].

Начинаются занятия с изучения простейшей формы стихов, именуемой «губа'е кана» (собрание в Кане), названной так, очевидно, в память Каны Галилейской. Эта форма стихов состоит всего из двух рифмованных строк. Затем в последовательности возрастания сложности изучаются следующие формы кыне: «зэ-амлакья» («только на бога...», по первым словам псалма 62) — состоит из трех строк; «мибэзху» («как много...», псалом 3) — состоит из трех же, но долгих с развернутыми сравнениями строк; «вазема» («всенощное бдение», по виду службы, во время которой она исполняется) — состоит из пяти строк; «сылласе» («троица», названная так потому, что исполняется с песнью трех отроков [3 Даниила, 52—56], символизирующих Троицу) — состоит из шести строк; «зэ-иезе» («ныне», по началу песни Симеона) [Лук. 2, 29]) — состоит из пяти или шести строк; «кыбр иети» («слава эта», псалом 149), состоит из четырех строк; «ытанэ могэр» («воскурение ладана», названная так потому, что исполняется после причастия, когда крест кадят ладаном) — состоит из семи или одиннадцати строк. Наконец, после трех-четырех месяцев учебы переходят к изучению наиболее сложной формы кыне, называемой «мэваддыс» (воскресная служба), которая состоит из семи или девяти строк.

Таковы наиболее распространенные формы кыне, хотя имеются и другие, но не принятые повсеместно.

Студенты изучают искусство кыне с большим интересом. Содержание текстов, которые прежде приходилось механически запоминать, впервые становится для них понятным. У них пробуждается как интеллектуальный, так и эстетический интерес. Кроме того, образование, полученное в школе кыне, является необходимым условием для желающих учиться дальше — в школе экзегезы.

Занятия в школе кыне, где может одновременно собираться до 200—300 учеников [4, с. 50], начинаются после обеда или рано вечером — обычно на открытом воздухе. После общей молитвы учитель объясняет, как спрягаются те или иные геэзские глаголы, иллюстрируя на примере тут же сочиненных стихов правильное употребление выбранных глаголов и имен. Затем учитель излагает истории и легенды о святом, память которого празднуется на следующий день. Этим задается тема для кыне, которые ученики обязаны сочинить, используя лексику и грамматические правила, о которых им рассказали на занятиях.

Так как все стихи поются, студенты стараются за вечер подыскать подходящую мелодию для той формы духовного стиха, в которой они собираются сочинять. Наутро они разбредаются в разные стороны в поисках уединенного места, где и обдумывают свою композицию. Они полностью поглощены своей задачей и уже «ничего не видят и не слышат» [4, с. 55]. Энбаком Калевольд сравнивает эти творческие муки с муками рожени-

цы, полагая, что последней легче, поскольку при ней есть по-витуха, а студенту и помочь некому [4, с. 56].

Составив стихи по заданной форме, студенты приходят к учителю и читают ему свои произведения. Он подбадривает их улыбкой, пословицами. Выслушав, он либо одобряет стихи, либо высказывает свои критические замечания и отсылает студентов для дальнейших размышлений.

Днем все студенты собираются вновь, и в общей, иногда жаркой дискуссии обсуждаются результаты их работы.

Когда учитель убеждается, что ученик способен к импровизации, он устраивает ему «выступление» в церкви под конец церковной службы в один из праздничных дней. Это очень высокая честь и в то же время суровое испытание. Студент исполняет свою композицию негромким голосом, а специально назначенный певец тут же воспроизводит ее звонко и отчетливо. В случае успеха в конце выступления раздается дружное «мэлькам, мэлькам!» («хорошо, хорошо!»). Если же ученик сбивается, то его тему подхватывает опытный певец и импровизирует по-своему. В этом случае вместо одобрительного «мэлькам» воцаряется молчание. Это — провал.

Окончив одну из школ поэзии, студенты, желающие сами стать преподавателями кыне, посещают другую известную школу (кроме Годжама такие школы имелись в Вадла, провинция Уолло, и в области Ласта) для изучения разнообразнейших видов кыне. Но обычно выпускник такой школы получает место в церкви и служит в хоре, где он импровизирует стихи и поет. Он же занимается нередко и перепиской книг, а иногда получает место церковного старосты.

Школа кыне является, пожалуй, единственной школой, где студенты могут (в определенных рамках) развивать свои интеллектуальные и эстетические способности. По общепринятому в Эфиопии мнению, наиболее выдающиеся церковные деятели выходят именно из школы кыне. Среди преподавателей, как и среди их учеников, развит дух соперничества. Нередко устраиваются шуточные состязания в искусстве стихосложения и знании грамматических тонкостей. Наиболее искушенные в сочинении кыне преподаватели во время таких состязаний импровизируют 100 и более стихов подряд, демонстрируя необыкновенную находчивость и остроумие, столь высоко ценимые эфиопами. Овладение искусством кыне требует огромного расхода нервной энергии и дается нелегко. Многие из студентов прибегают для развития своих способностей к сильнодействующим снадобьям. Чаще всего применяются растертые и смешанные с медом зерна пажитника — абшо (*Datura stramonium*). В студенческой среде по этому поводу сложилась такая пословица: «Пива без гешо⁵, а стихов без абшо не бывает» («Тэлля яле гешо кыне яле абшо»). После приема такого снадобья студент 2—3 дня находится в полубезумном состоянии: горящие глаза, пена на губах, бессвязные речи, которые окру-

жающими воспринимаются как пророческие [8, с. 9]. Тем не менее студенты идут на это. Стать знаменитым импровизатором (кыне ззрафи) весьма престижно, а впереди — должность преподавателя или церковного старосты. Наконец, студент, успешно окончивший школу кыне, может поступить и в школу экзегезы, т. е. достичь высшей и почетнейшей степени учености.

Школа экзегезы. Некоторая (приблизительно $\frac{1}{10}$) часть студентов по окончании школы кыне поступает в высшую школу богословской экзегезы. Как правило, туда идут наиболее способные студенты, имеющие характер серьезный, спокойный и обладающие философскими склонностями. Здесь для них открываются четыре области специализации:

1. Толкование книг Ветхого завета (Былюй).
 2. Толкование книг Нового завета (Хаддис).
 3. Толкование святоотеческих писаний (Ликавунт) вместе с каноническим правом и церковным календарем.
 4. Толкование монашеских писаний (Мэнэкосат).
- Эфиопский библейский канон включает 81 книгу: 46 книг Ветхого завета и 35 книг Нового завета.

Эфиопские книжники едины в оценке числа канонических книг (81), но расходятся в отношении их состава. На практике экзегезе подвергаются далеко не все книги этого канона. В первую очередь толкуются книги, используемые в богослужении. Этим в какой-то мере обеспечивается единообразное понимание библейских текстов священниками, а через них и прихожанами (в новое время толкование библейских чтений стало даваться во время богослужения). К тому же толкование всех книг Ветхого или Нового завета одному человеку не по силам. Преподаватели являются, как правило, специалистами по нескольким книгам, а иногда только по одной. В случае смерти такого специалиста нередко уходит в небытие и толкование книги, бывшей предметом его специализации.

Обычно студенты изучают одну из областей экзегезы, но есть ученые, овладевающие двумя, тремя или даже всеми четырьмя областями. Последних называют «четыреглазыми» («арат айна») [5, с. 216].

Школы экзегезы имеются только при крупных соборах и монастырях, где есть достаточно крупные библиотеки и известные учителя — толкователи Священного писания.

В Доме писания студенты изучают церковную традицию, богословие, церковную историю и каноническое право посредством толкования соответствующих книг. Толкование происходит не по какой-либо категориальной системе (богословской или исторической). Толкуется каждое предложение или фраза каждой отдельной книги в зависимости от поднимаемых в нем или в ней (фразе) богословских, исторических и моральных вопросов. Имеется три способа толкования. Первый именуется «еандым тыргваме». Условно этот термин можно перевести как «во-первых», а также «или». При этом способе толкования да-

ется 10—15 различных комментариев к одному предложению вплоть до полного выяснения его скрытого смысла. (Такова, например, интерпретация Ветхого завета как содержащего в скрытом виде образы и понятия Нового завета [5, с. 217—218].

Второй способ толкования именуется «нэтэля тыргваме», т. е. простое толкование. Это — буквальный перевод [5, с. 218—219].

Третий способ именуется «емыстир тыргваме», т. е. толкование тайны. Это — прямая передача скрытого смысла [5, с. 210].

Эфиопская традиция богословской экзегезы восходит, вероятно, еще к аксумским временам и, по мнению некоторых ученых, связана с Александрийской богословской школой, стремившейся (в отличие от Антиохийской) к выяснению не только буквального, но и скрытого смысла библейских текстов, к аллегорическому их толкованию [10, с. 146].

Как протекает сам процесс обучения экзегезе? Студенты приходят к учителю группами по 3—4 человека, изучающими один и тот же текст. Один из группы торжественно, нараспев читает предложение или фразу на языке геэз. Учитель сначала переводит ее на амхарский, затем комментирует, управляя процессом толкования с помощью определенных сигнальных слов. Если прочтенный отрывок слишком краток (недостаточен для толкования), он говорит «йтчэммырбэт» (добавить). Если в ходе объяснения учитель теряет нить рассуждений, он говорит «ймэльс» (повторить!). Если чтец случайно повторяется, учитель возвращает его к нужному месту словом «авырджалле-ху» (я это уже объяснял!). К чтению же он побуждает словом «аврыд» (доводи!) [10, с. 142]. Студенты внимательно слушают и стараются запомнить комментарий слово в слово.

Затем приходит другая группа, а первая самостоятельно повторяет предыдущую процедуру. После этого первая группа возвращается к учителю и повторяет упражнение перед ним. Огромный комментарий должен таким образом запоминаться наизусть с максимальной точностью. Учитель передает его своим ученикам в том самом виде, в каком он некогда получил его из уст своего учителя. Памяти учителя доверяют даже больше, чем записанному тексту. Если зачитывающийся текст отклоняется от того вида, в каком он запечатлен в памяти учителя, последний вмешивается и исправляет священный текст по памяти [10, с. 143].

В школе экзегезы выше всего ценится точность передачи комментария. Ученик, обладающий этим качеством, пользуется всеобщим уважением. Именно такой ученик может претендовать на место преподавателя экзегезы. Учителя, слишком увлекающегося толкованием текстов, несколько опасаются: считается, что такая излишняя увлеченность может привести к ереси. Среди студентов по этому поводу бытуют пословицы: «Табаку зелени, а еретика красноречия не занимать», «Кто мо-

жет соперничать на дереве с обезьяной, а на словах с еретиком?» [5, с. 218]. Некоторые из экзегетов, склонные к собственным размышлениям, объясняют поэтому свои толкования лишь очень близким, преданным ученикам в личном порядке, а не во время занятий [5, с. 218].

Так же как и в случае со школами пения и школами кыне, те или иные регионы страны традиционно славятся своими школами экзегезы в той или иной ее области. Годжам славится школами толкования Ветхого завета, Гондэр — Нового. Школы по изучению патристики и монашеских писаний имеются в Гондэре, а также в Анкобэре (провинция Шоа). Благодаря известной искушенности в предыдущих науках и феноменально развитой памяти студенты овладевают экзегезой книг Ветхого завета в течение двух лет. Столько же времени уходит и на овладение экзегезой книг Нового завета. Изучение патристики и монашеских писаний занимает три года.

На отделении патристики изучаются следующие книги: сборник «Кирилл» («Кериллос»), «Толкование Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к евреям» («Йоханннс Афэворк»), сборники «Вера отцов» («Хайманотэ абэу») и «Право царей» («Фытха нэгэст»).

Сборник «Кериллос» представляет собой собрание христологических и тринитологических трактатов и проповедей, направленных против несторианства и составленных вскоре после Эфесского собора (431 г.). Главное место среди них занимает трактат «О вере православной» Кирилла Александрийского, именем которого и назван весь сборник. Этот сборник был переведен с греческого оригинала на геэз еще в аксумскую эпоху (предположительно в VI в.), хотя его текст дошел до нас лишь в сравнительно поздних списках XVI—XVII вв.

«Толкование Иоанна Златоуста на послание апостола Павла к евреям» было переведено с арабского на геэз известным церковным и литературным деятелем XVI в. Аввакумом и египтянином Михаилом.

Сборник «Вера отцов» представляет собой обширный свод догматических извлечений из высказываний отцов церкви (от апостолов до коптского патриарха Христодула, 1050—1078) в защиту монофизитства. Этот сборник был составлен в конце XI в. в Египте и переведен с арабского на геэз в XVI в.

На отделении патристики изучается и комментируется также и обширный сборник по каноническому (церковному и светскому) праву, именуемый «Право царей». Это перевод «Номоканона», составленного в XIII в. в Египте Ибн ал-'Ассалем для египетских христиан. В конце XVI в. он был переведен с арабского на геэз дьяконом Петросом Гэбрэ Эгзиабхером с помощью египетского клирика Авраама. Если в Египте «Номоканон» Ибн ал-'Ассалья служил только учебником права для коптских школ, то в Эфиопии этот сборник вплоть до нового времени считался авторитетным источником права при любых

судебных разбирательствах. Стремление освоить «Право царей» было велико, хотя далеко не всех студентов допускали к его изучению. Это чрезвычайно сложное терминологически и по содержанию сочинение требовало от студентов массы времени и усердия. Видимо, в их среде сложилась об этой книге поговорка: «Тот, кто судит по „Фытха нэгэст“, и тот, кто учит числам (календарным вычислениям.— В. П.), другим книгам не обучает», т. е. все его время занято изучением этих книг.

На том же отделении в течение полугодия студенты-экзегеты овладевают искусством календарных вычислений по книгам «Бахрэ хасаб» («Море счисления») и «Мэрха эвур» («Поводырь слепца»). Книги эти содержат расчеты пасхалий, постов, праздников и прочие календарные выкладки. Реже изучается здесь довольно обширный хронографический свод египетского дьякона Абу-Шакира (именуемый по имени автора «Абушахыр»), составленный им в XIII в. и переведенный с арабского на геэз в XVI в. Свод этот содержит, между прочим, сведения о греческом, еврейском, коптском, мусульманском и других календарях. Именно отсюда, как нам представляется, заимствовали их эфиопские книжники для тех хронологических выкладок, которые мы нередко встречаем в хрониках и житиях.

На четвертом отделении школы экзегезы изучаются и комментируются три неперенные книги: «Старец духовный» («Арэгави мэңфэсави»), «Исаак Ниневийский» («Мар Йэсхак»), «Филоксен» («Филькысьёс»).

Первая книга представляет собой свод аскетических писаний сирийского монаха Иоанна Сабы (VI в.), переведенный с арабского на геэз по инициативе царя Лебна Дэнгэля в XVI в. Этот сборник состоит из 36 проповедей о монашеской жизни, 48 посланий на ту же тему, трех проповедей о «высших степенях познания» и послания старца своему брату.

Вторая книга представляет собой трактат об аскезе другого сирийского автора VI в.—Исаака Ниневийского. Текст этого сочинения дошел до нас только в списках XVII, XVIII и XIX вв. Но, судя по близости содержания, перевод обеих книг с арабского был, вероятно, осуществлен приблизительно в одно и то же время.

Третья книга представляет собой труд в четырех главах, построенный в форме вопросов и ответов, о нормах и правилах монашеской жизни, составленный сирийским автором Филоксеном, епископом Маббургским (485—519). Книга была переведена с арабского на геэз еще в XVI в. знаменитым аввой Саламой II, митрополитом Эфиопии (1348—1388).

Следует сказать, что «книги монашеские», очевидно в силу специфики их содержания, в наши дни находят все меньше желающих их изучать, да и знатоки этих книг постепенно исчезают. Ф. Хейер, занимавшийся вопросом экзегезы в самой Эфиопии в 1970 г., писал, что учителя, способного толковать «книги монашеские», ему удалось найти только в монастыре

Дима (провинция Годжам), отрезанном от всяких путей сообщения. Но и тот уже никого не обучал, так как, по его словам, «ныне никто из студентов не интересуется такими аскетическими предметами» [10, с. 141]. И все же сравнительное обилие списков «Кирилла», «Иоанна Златоуста», «Веры отцов», «Права царей», «Старца духовного», «Исаака Ниневийского» и «Филоксена» даже в европейских библиотеках объясняется только тем, что книги эти изучались в школе экзегезы и что потребность в них была больше, нежели в царских хрониках и даже житиях местных святых, гораздо скромнее представленных не только в европейских, но и в эфиопских собраниях рукописей.

Закончивший школу экзегезы обладает большим авторитетом как ученый, может занять высокий пост в церковной иерархии — стать настоятелем монастыря или большого собора. В прошлом такие люди нередко привлекались и на государственную службу в качестве царских историографов, личных секретарей, различного ранга чиновников. Надежда на такой пост являлась одним из мотивов, заставлявших студента провести чуть ли не половину жизни в учении, претерпевая массу трудностей и лишений. А жизнь странствующего студента нелегка. Страдает он от ночного холода и голода. Многие болеют чесоткой и куриной слепотой — дафынт (последнюю даже называют студенческой болезнью). Нередко их кусают собаки во время сбора подаяния. У многих расстраивается психика, некоторые слепнут, но продолжают учебу. Преждевременная смерть — нередкое явление в их среде. По этому поводу в народе были сложены щемящие душу стихи:

Прошло уж семь лет,
Как умер студент.
А мать его ждет:
«Обучившись, придет».
(Тэмари бэмотэ
Бэсэбат амэту
Тэмро ймэталъ
Тыляллеч энату) [6, с. 31].

Трогательно возвращение такого лика (ученого) в родные края. Он целует родную землю, траву, листья деревьев. Плачет. У встречаемых пастухов или дровосеков он спрашивает, не знают ли они таких-то и таких-то. А кто они тебе? Отец (брат). А ты откуда, как тебя зовут? Из Гондэра, зовут так-то. Те бросают свои дела, кто-нибудь бежит предупредить родственников. И стар и млад выбегают навстречу ученому земляку. Обнимают, целуют его. Каждый приносит то, чем богат: мед, пиво и пр. Первый встретивший его закалывает барана. Устраивается пир с песнями. Расспросы, рассказы. Как говорит сам испытывавший все это алека Энбаком Калевольд, «радость одного этого дня перечеркивает тяготы тридцати лет» [1, с. 77].

Следует добавить, что многие из студентов сверх собствен-но «книжной премудрости» овладевают и необходимыми для

церковного обихода ремеслами (тэгбарэ эд). Обучаются этим ремеслам главным образом в Бэземдыре, в местечке Эндабет. Здесь приобретаются навыки в выделке пергамента, изготовлении чернил и красок, тростниковых и бамбуковых перьев. Здесь обучаются они каллиграфии (кум цыхфэт), искусству переплета книги и тиснения, искусству иллюминации рукописей и церковной живописи, резьбе по дереву и камню. На все это уходит до трех лет [1, с. 71].

Разумеется, в наши дни описанная выше система традиционного образования претерпела существенные изменения. Собственно, изменения эти начались уже со времен Менелика II, когда Эфиопия вступила в эпоху нового времени. Это и понятно, поскольку такая, по существу, средневековая система образования не могла удовлетворить потребности модернизирующегося общества. Церковное образование становится в Эфиопии все более периферийным. Замечено, что, чем больше светских государственных школ открывается в сельской местности, тем меньше становится контингент учащихся в церковных школах. Сельские жители все реже усматривают пользу от посещения их детьми церковных школ [9, с. 340].

Институт странствующих студентов также постепенно приходит в упадок. Основная причина заключается, видимо, в том, что выпускники высших церковных школ утратили в обществе свой традиционный статус элиты, который имеют теперь люди с современным, европейского типа образованием.

Функция системы церковного образования в Эфиопии в наши дни сводится к минимально необходимому воспроизводству церковных кадров, и лишь в глубинке она функционирует еще в качестве начальной школы.

Вместе с тем эфиопская церковь прилагает усилия к тому, чтобы не отстать от века и в какой-то степени модернизировать систему церковного образования. В куррикулум церковных школ включаются ныне такие предметы, как английский язык, медицина, математика [7, с. 11]. В Аддис-Абебе открыта высшая церковная школа — Богословский институт св. Павла, сменивший закрытый после революции 1974 г. Богословский колледж св. Троицы, существовавший с 1945 г. Имеется семь семинарий для подготовки священнослужителей. Существует также несколько центров повышения квалификации для священников при епархиальных управлениях в провинциях Годжам, Шоа, Сидамо, Иллубабор, Гэму-Гофа и Тигре⁶. Некоторое количество студентов продолжает богословское образование за рубежом.

Отметим в заключение наиболее характерные черты описанной выше системы традиционного образования.

Это прежде всего резкое разделение между письменным текстом и устным обучением. Текст всегда на мертвом языке геэз, а обучение на живом амхарском, устное и основанное на запоминании.

Учебные пособия при этой системе обучения практически отсутствуют. Главную роль в ней играет учитель. Отсюда огромное значение меморизации, отчасти объясняемое дороговизной и редкостью пергаменных книг. Но дело не только в этом. Согласно традиционной христианской системе взглядов, истина уже дана в откровении. Священные тексты, следовательно, должны запоминаться вместе с их толкованиями точно в том виде, в каком они были открыты святым отцам и передаются из поколения в поколение. Критическая работа ума, пытливость, любознательность не только не поощряются, но воспринимаются как губительные для души пороки, которые следует тотчас же истреблять самыми суровыми мерами. Дома ребенку рассказывают страшные истории о пагубных последствиях любопытства. В школе зубрежка и суровая дисциплина отбивают у него естественную для детей любознательность.

Цель такой системы обучения состоит не столько в расширении знаний о мире, сколько в воспитании в человеке восприятия существующего природного и социального порядка вещей как богоустановленного. Интересно, однако, отметить, что, по единодушному мнению эфиопов, дух нонконформизма часто наблюдается среди мастеров кыне и ученых, достигших высшей ступени традиционной образованности. Ученость, приобретаемая на высшей стадии даже этой сугубо консервативной системы образования, стимулирует определенную независимость мысли.

Еще раз подчеркнем центральную роль учителя на всех ступенях обучения. Отношения между учителем и учениками — в отличие от современной школы — самые тесные. Учитель в школе — это строгий, но заботливый отец. Он не может быть плохим (некомпетентным), поскольку к такому учителю студенты просто не придут. Он не только дает ученикам знания, но и обучает их правилам традиционной этики и этикета («гыбрэ гыбнэт»). Идеал истинно образованного человека — это человек вежливый, уважающий старших, почитающий принятые в обществе традиции, компетентный в своей области знаний.

Трудности, с которыми приходится сталкиваться странствующему студенту, оставляют глубокий отпечаток на его характере: он в высокой степени дисциплинирован и самостоятелен, хорошо подготовлен к трудностям жизни.

Консерватизм является качеством, внутренне присущим рассмотренной выше системе образования. Это вполне естественно и понятно. Не так уж трудно, вероятно, с высоты XX в. взирать на эту систему с чувством превосходства. Не нужно, однако, забывать, что во многом благодаря сознательному консерватизму этой системы сохранены в Эфиопии ее уникальная литература, своеобразная музыкальная культура, искусство настенных росписей и миниатюры, традиционные ремесла. Благодаря традиционной школе сохранен в Эфиопии язык геэз,

из которого, кстати, щедро черпается лексический материал для создания современной философской и социально-политической терминологии.

Все это — существенная часть культурного наследия Эфиопии, которое привлекает все большее внимание и в самой Эфиопии, и за ее пределами.

¹ Главный архимандрит всех монастырей дабралибаносского (по имени главного монастыря Эфиопии — Дабра Либаноса) устава и фактический администратор Эфиопской церкви. С получением Эфиопской церковью автокефалии (1959) и возведением ее в степень Патриархии патриарх Эфиопской церкви стал осуществлять и функции ийчеге. Митрополит (абунэ) Эфиопии вплоть до 1950 г. назначался патриархом Коптской церкви из египетских монахов.

² Мы позволим себе употреблять впредь настоящее время, памятуя, однако, о том, что ныне сохранились лишь остатки этой системы в эфиопской провинции.

³ В отличие от «Азбуки апостольской», умещавшейся на одном листке пергамена, соборные послания составляли уже целую книжицу, которую приходилось переплетать. Отсюда и название.

⁴ По принципу, который получил у эфиопов название «воск и золото» («Сэммынна ворк»): мастер лепит фигуру из воска, покрывает ее глиной и обжигает; воск плавится и сгорает, а в образовавшуюся форму мастер льет расплавленное золото, получая золотую отливку — копию восковой фигуры. Очевидный, поверхностный смысл кыне уподобляется воску, скрытый, но основной — золоту. Например:

	Ако ээ-тэмхырэ йкэввын мэмхырэ.
«Воск»:	(Не всякий обучившийся станет учителем.)
«Золото»:	Познакомившийся с чесоткой станет учителем.

(Чесотка весьма распространенная болезнь среди странствующих студентов). Пример взят из устного сообщения эфиопского священника Мэээммыра Бырру.

⁵ Гешо (*Rhamnus prinoides*) — растение, листья которого употребляются вместо хмеля при изготовлении ячменного пива.

⁶ Согласно устному сообщению Мэээммыра Бырру.

Л и т е р а т у р а

1. *Пигулевская Н. В.* Культура сирийцев в средние века. М., 1979.
2. *Платонов В. М., Чернецов С. Б.* Эфиопская рукописная книга. — Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. 1. М., 1987.
3. *Тураев Б. А.* Исследования в области агиологических источников истории Эфиопии. СПб., 1902.
4. Еитьёпья бахль лематнат этэсэбэссэбу цыхуфоч: Сыле итьёпья бетэ крыстиан тымышхрточ. Аддис-Абеба, 1965 (на амхарском языке).
5. Тынтави еитьёпья сыратэ тымышхырт. Аддис-Абеба, 1970 (на амхарском языке).
6. Тынтавиу еколё тэмари. Аддис-Абеба, 1963 (на амхарском языке).
7. *Girma Amare.* Aims and Purposes of Church Education in Ethiopia. — *Ethiopian Journal of Education*. 1967, vol. I, № 1.
8. *Haile Gabriel Dagne.* Education Magic in Ethiopia. — *Ethiopian Journal of Education*. Vol. 4, № 2, 1971.

9. *Haile Gabriel Dagne*. Non-Government Schools in Ethiopia.— Language in Ethiopia. L., 1976.
10. *Heyer Frederick*. The Teaching of Tergum in Ethiopian Orthodox Church.— Proceedings of the Third International Conference on Ethiopian Studies. Vol. II. Addis Ababa, 1966.
11. *Levine D.* Wax and Gold. Tradition and Innovation in Ethiopian Culture. Chicago, 1956.
12. *Pankhurst R.* The Foundation of Education, Printing, Newspapers, Book Production, Libraries and Literacy in Ethiopia.— Ethiopia Observer. 1962, vol. 6, № 3.

Г. А. Папышева

**ИСКУССТВО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ
В ЭФИОПИИ XV—XVIII вв.**

В средневековой Эфиопии наряду с архитектурой и связанным с ней орнаментальным декором значительную роль играло искусство художественного оформления книги. В течение многих веков художниками-писцами были созданы тысячи рукописных книг, и творческая деятельность народа Эфиопии в этой области не прекращалась даже в самые тяжелые периоды ее истории. Несмотря на обилие рукописного материала, хранящегося как в библиотеках Европы, так и в Институте эфиопских исследований при Аддис-Абебском национальном университете, этот чрезвычайно интересный и самобытный вид искусства до сих пор мало изучен. Отдельные статьи и заметки на эту тему принадлежат зарубежным и отечественным ученым: К. Конти-Россини, У. Монноре де Вилляру, Ж. Леруа, О. Ягеру, С. Панкхерст, С. Хойнацки, Д. В. Айналову, Н. П. Кондакову, В. В. Стасову, Б. А. Тураеву и др.

Однако как в зарубежной, так и в советской науке до сих пор отсутствует монографическое исследование об эфиопской средневековой рукописной книге как произведении искусства, не изучена также и история ее орнаментики. Миниатюра же не только дополняет историю эфиопского искусства, но иногда освещает такие периоды, от которых не сохранилось ни фресок, ни икон. Изучение миниатюры и декора иллюминированных рукописей способно не только расширить и обогатить, но в некоторых случаях и изменить некоторые традиционные представления об эфиопской художественной культуре в древности, пролить свет на малоизученные этапы ее развития и тем самым способствовать более глубокому и полному осмыслению ее состояния сегодня.

Материалом для данной статьи послужили рукописи XV—XVIII вв., хранящиеся в рукописных фондах книгохранилищ СССР (Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Ленинградское отделение Института востоковедения АН СССР, Матенадаран [Ереван]). Учтены также некоторые зарубежные коллекции. Имеющийся в нашем распоряжении материал далеко не полон, поэтому мы не ставили своей задачей дать исчерпывающее исследование эфиопского книж-

ного искусства, а лишь попытались привлечь внимание исследователей к наиболее ярким и характерным его чертам.

В начале нашей эры на территории Северной Эфиопии существовало крупное аксумское государство, достигшее наивысшего расцвета в IV—VI вв. Известно, что наряду с Византией и сасанидским Ираном Аксум являлся одним из самых великих государств древности, распространившим свое влияние на значительные районы юга Аравии и Судана. От времен преаксумского и аксумского царств сохранились прекрасные памятники зодчества, гигантские статуи, отлитые из золота, серебра и бронзы, с надписями на древнеэфиопском языке геэз, огромные монолитные обелиски, базальтовый трон Птолемея III с греческими надписями и др. Сильное государство пользовалось большой известностью во всем тогдашнем мире: не только ближайшие соседи, такие, как Южная Аравия, но и далекие страны — Египет, Византия и даже Индия — стремились установить с Аксумом более тесные экономические и культурные связи. Именно в это время в Эфиопию проникает христианство и северо-эфиопская цивилизация приобретает тот характерный облик, черты которого будут сохраняться на протяжении столетий вплоть до конца XIX в.

Формирование эфиопского искусства происходит под влиянием двух факторов. С одной стороны, сохраняются национальные традиции, обладающие такой живучестью, что новая религия не в состоянии их вытеснить, стереть. С другой стороны, тесная связь Эфиопии с Византией, а также с другими странами христианского Востока — Сирией, коптским Египтом, Арменией, Палестиной, — обусловленная общность религиозного мировоззрения, вызывает приток новых образов и мотивов. Воспринимая, однако, от иноземных культур только то, что соответствовало ее запросам и потребностям, творчески претворяя все заимствованное согласно своим религиозным и эстетическим канонам, Эфиопия создает свою особую систему художественных форм, переплавляя разнообразные внешние влияния в самобытное культурное единство, оказывая, в свою очередь, влияние на соприкасающиеся с нею народы. Географическая удаленность Эфиопии от других континентов, изоляция страны от внешних воздействий в результате мусульманского завоевания Палестины и Египта в VII в., замедленный ход общественного развития способствовали устойчивости художественных образов на протяжении многих столетий.

Архитектурные традиции древних аксумских памятников и обелисков нашли свое продолжение в стиле не только раннехристианских храмов, старейшим из которых является главная церковь при монастыре Дэбра-Дамо (VI в., провинция Тигре), но и средневековых церквей. Неотъемлемой частью средневекового архитектурного сооружения являлся декор. Орнаментальные мотивы церквей того времени сохранились в художественном убранстве манускриптов XV—XIX вв.

На раннем этапе излюбленные мотивы орнаментальной резьбы — виноградная лоза или видоизмененный аканф, перемежающийся розетками. Одним из немногих сохранившихся образцов древнейшей резьбы по камню являются остатки колонн из черного базальта базилики IV в., близ Адулиса, покрытые изображениями побегов виноградных лоз, среди которых извиваются змеи. Две деревянные капители другой старинной церкви (возможно, V—VI вв.) в Асмаре украшены также кустистыми завитками аканфа, имеющими аналогию с византийским и романским орнаментами. Верх одной капители окаймлен двухрядным ленточным плетением, другой — плетенкой из жгута. Этот вид орнаментального мотива, широко распространенный в искусстве христианского Востока, со временем начинает играть все большую роль в художественном убранстве эфиопских храмов, почти полностью вытесняя античные растительные мотивы. Резным геометрическим прямоугольным плетением, на фоне которого представлены традиционные кресты, покрыты остатки четырех деревянных панелей в древней церкви в Арамо (V в.), капители более поздних церквей — Дэбра-Дамо (IX в., провинция Шоа), пещерной церкви Ыбрахана Крестоса (XI—XII вв.), одной из монолитных лалибельских церквей — Бета-Марьям (XII в.) и др.

В некоторых эфиопских храмах сохранились прекрасно выполненные деревянные резные рельефы, помещаемые, как правило, в кессонах над нижней частью притвора; рельефы не всегда однородны, некоторые из них — простого геометрического рисунка — сходны с орнаментикой церкви, большая же часть изображает либо зверей, либо крылатых фантастических существ. Такого рода рельефы сохранились в Дэбра-Дамо, а также в более поздних церквях — Св. Марьям в Аксуме (XVII в.), Ындэ Мэдхане-Алем в Адуа (XIX в.). В их художественном убранстве видна связь с традициями восточного декоративного искусства, однако, несмотря на общность с византийским, сирийским и коптским, эфиопский декор в значительной мере отличается от них, являясь, по выражению В. В. Стасова, «продуктом местным, совершенно оригинальным, корни которого следует искать в древнеэфиопском, еще языческом искусстве» [11, с. 471]. Древние орнаментальные мотивы архитектурного декора эфиопских церквей и дворцов переходят в орнаментiku эфиопских рукописей, где сохраняются неизменными в течение многих столетий.

Первые эфиопские рукописные книги — переводы религиозной христианской литературы — появились, по-видимому, в V—VI вв. (Вплоть до этого времени письменная литература была представлена лишь эпиграфическими жанрами.) Религиозные христианские книги были привезены в страну, как известно, из Сирии, Египта и Византии; в это же время было основано множество церквей и монастырей, ставших средоточием умственной жизни и центрами церковного образования. При монасты-

рях создаются библиотеки, первоначальный фонд которых составлял собрание переводов с греческого, сирийского и коптского. Известно, что уже в этот ранний период были переведены (в основном сирийскими миссионерами) Новый и Ветхий заветы, некоторые апокрифы, «Энох Вознесения, или Мученичество Исайи», агиологическая литература, «Житие Павла Пустыни», монашеские «Правила Пахомия» и др. Вероятно, на первых же ступенях развития эфиопской литературы часть рукописей иллюстрировалась, как это было в практике всех имевших письменность народов. К сожалению, ни одна рукопись данного периода не дошла до нас. Объясняется это рядом причин: опустошительными войнами, непрочностью самого рукописного материала, огромным промежутком времени, прошедшим с тех пор. Известно, что памятники такого рода у других народов сохранились тоже в очень небольшом количестве.

На основании уцелевших рукописей XV в. можно представить художественный облик и некоторые особенности оформления эфиопской рукописной книги. Эфиопские рукописи в большинстве случаев имеют вид кодекса-книги. Материалом для них служил пергамен, изготовленный из козьей или овечьей кожи. Бумага вошла в обиход очень поздно, лишь начиная с XX в. Переплеты рукописей делались из деревянных досок, обтянутых, как правило, красной или коричневой кожей, украшенной тиснением. Некоторые монахи помещали книги в специально сделанные футляры, имевшие особые ремешки для ношения их на груди или через плечо. Рукописи оборачивались в чехлы, сшитые из какой-либо красивой ткани. Для сохранности миниатюр сверху или сбоку приклеивались небольшие куски ткани, часть которых сохранилась до настоящего времени. Форматы эфиопской книги были разнообразны, страницы заполнялись текстом в одну, две или даже три колонки. Текст обычно писался черными чернилами, оглавления, зачалы молитв — красными. Миниатюры и орнаментальные украшения XIV—XVI вв. выполнялись акварелью, темпера стала использоваться в XVII—XVIII вв., а в XIX в. вновь вернулись к использованию акварели. Основная палитра красок — зеленый, синий, красный и желтый тона. Твореное золото встречается редко, в основном в рукописях более позднего времени (см. подробнее [7, с. 201—240]).

Путь развития эфиопской миниатюры в основном совпадает с этапами социально-экономической и политической истории страны. Первый период начинается приблизительно в V—VI вв. и достигает своего наивысшего расцвета в XIII—XV вв. В это время с развитием и укреплением феодализма в Эфиопии (наряду с сохраняющимися пережитками родо-племенного строя и рабства) обычным явлением стали феодальные междоусобицы, разорявшие население и мешавшие прогрессу страны. К следовавшим непрерывной цепью раздорам и смутам, выступающим подчас под оболочкой религиозной борьбы, присоеди-

лись и многочисленные войны с султанатами Адал, Ифат и Хадья, находившимися в вассальной зависимости от Эфиопии и стремившимися к получению самостоятельности.

Начиная с Икуно-Амляка, создателя прежней, так называемой Соломоновой династии, многие правители пытались изменить существующее положение, но лишь при Амда-Сионе (1314—1344), в царствование которого значительная часть окружающих страну султанатов была завоевана и опасность их набегов временно миновала, Эфиопия вступила в полосу более спокойного существования. Наступило экономическое оживление, а вместе с ним и новый рост культуры, достигший наивысшего расцвета в царствование Зара-Якоба (1434—1468), этого, по словам Б. А. Тураева, «африканского Филиппа II», царя-богослова, широко прославившегося своими религиозными и административными реформами. Главным очагом эфиопской культуры XV в. становится область, расположенная между Лалибелой, оз. Тана и Аксумом. Благоприятный климат и плодородные почвы способствовали превращению этого района с незапамятных времен в фокус экономической и культурной жизни страны. Важнейшие церкви и монастыри размещены именно здесь — на 12 из 35 островов оз. Тана.

Резиденции многих эфиопских правителей располагались прямо на берегах этого озера Тана. Известные императоры Икуно-Амляк (1268—1283), Давид (1382—1411), Зара-Якоб Константин (1434—1468), За-Денгель (1603—1604) и Василида (1632—1667) похоронены на одном из островов Таны — Дэга Эстифанос. Монастыри и церкви этой области, несомненно, владели большим количеством древних манускриптов и другими произведениями искусства. Время и войны, как уже отмечалось выше, уничтожили громадную часть наиболее древних эфиопских рукописных книг. Однако то небольшое число манускриптов из монастырей оз. Тана, которое дошло до наших дней, позволяет предположить, что в XIII—XV вв. этот район являлся крупным центром изготовления книг. Здесь, по-видимому, работали наиболее искусные каллиграфы и миниатюристы. Эфиопские изографы художественных центров оз. Тана разработали главные принципы образной системы миниатюры, оказавшие сильное влияние на развитие эфиопского книжного искусства XIII—XV вв.

Миниатюра этого периода отличается своеобразным сочетанием отвлеченности замысла с большой эмоциональностью. Эфиопский художник ограничивается двумя измерениями, он не пользуется светотеневой моделировкой, его не привлекают сложные композиции. Чрезмерно вытянутые либо неуклюжие, приземистые фигуры распластываются по плоскости, лица, руки и ноги в своей геометрической обобщенности почти граничат с орнаментом; пальцы рук, стремясь подчеркнуть символичность персонажей, достигают неестественно больших размеров. В рисунке доминируют угловатые, резкие линии, движе-

ние выражено крайне слабо. Исполненные достаточно примитивно, тем не менее эти произведения подкупают своей яркой колористической гаммой, построенной на резком сопоставлении контрастных тонов, повышенной декоративностью, которая так отличает древнюю эфиопскую миниатюру от изображений поздних веков. Эта сила воздействия исключительно колоритом объясняется, видимо, тем, что эфиопский мастер берет краски для своей палитры не из традиционного цветового канона, а из окружающей его, необычайно богатой контрастами африканской природы, красoty которой он, несомненно, чувствовал как никто другой.

Прекрасным образцом эфиопской миниатюры этого периода могут служить иллюстрации Кебранского Евангелия, написанного в церкви Св. Гавриила, находящейся на одном из островов оз. Тана. Согласно датировке Ж. Леруа, она относится к концу XIV в. и является, таким образом, одним из самых ранних сохранившихся памятников эфиопского книжного искусства [16, ил. VII—XXI].

В манускрипте сохранились 15 миниатюр с изображением евангелистов, канонов Евсевия и евангельского цикла «праздников». В начале рукописи, согласно древней традиции, помещены парные изображения евангелистов Луки и Марка в декоративном обрамлении, представленных сидящими [16, ил. XII—XIII]. Марк изображен пишущим первые строки Евангелия. Лука передан в момент творческого вдохновения, взор его устремлен вперед, поверх книги. На рис. XIV [16] изображен киворий древнего типа с конусообразной верхушкой, заимствованный, по всей вероятности, из Сирии, на что указывают сохранившиеся сирийские названия оленей, стоящие по обеим сторонам. Совершенно очевидно, что понимание архитектурной формы, лежащей в основе этого канона, полностью отсутствует у эфиопского художника. Подвергнутое максимальной геометрической стилизации, оно превращено им в чисто декоративный плоский узор. Следующий за ним праздничный евангельский цикл состоит из следующих эпизодов: Распятие, Благовещение, Рождество Христово, Вознесение, Сретение, Вход в Иерусалим.

Чисто греческая иконография, лежащая в основе иллюстраций этой рукописи, указывает на то, что прототипами миниатюр были византийские рисунки. Однако эти прототипы подверглись коренной переработке в традиционном эфиопском стиле: трактовка отличается плоскостностью, фигуры обработаны при помощи резких линий. Схематичные вытянутые лики святых иногда помечены красными точками, пальцы рук преувеличенных размеров. Вместе с тем темпераментный, звучный в своей тональности колорит, основанный на смелом сочетании излюбленных народных тонов — красного, желтого и зеленого, — создает сильный декоративный эффект.

К Кебранскому Евангелию тесным образом примыкают две

близкие ему по стилю, но уступающие в мастерстве рукописи из церкви Дэбра-Марьям и монастырей оз. Хаик [16, ил. I—V]. Художественный язык миниатюр этих евангелий отличается значительно большей упрощенностью, тяжелые, грубые формы выдают руку малоопытного миниатюриста, палитра красок тускла и невыразительна. В иконографическом отношении миниатюры представляют собой довольно сложный комплекс: одни из них отмечены влиянием Византии, в других видна связь с ранней сиро-александрийской традицией, сыгравшей, как известно, большую роль в создании раннехристианского искусства. Примером этого является миниатюра с изображением Распятия, где вместо распятого Христа изображен пустой крест с ягненком наверху. Данная трактовка Распятия восходит, по наблюдению Ж. Леруа к ампулам Монцы, в которых наряду с полным изображением Христа встречается иногда только изображение его головы или бюста поверх пустого креста [16, с. 12]. Эфиопский художник заимствовал эту концепцию, однако вместо бюста Христа изобразил его символ — ягненка.

Такая деталь, как положение рук разбойников (в эфиопской иконографии они или заломлены назад, или согнуты в локтях, но не свободно растянуты на перекрестьях, как, например, в византийской), по нашему наблюдению, также заимствована из сирийских источников. Вместе с тем в ряде миниатюр наблюдаются отступления от канонических схем и новые сюжетные композиции. Любопытна в этом отношении иконография имеющейся в нашем распоряжении репродукции миниатюры из Евангелия императора Зара-Якоба с изображением Крещения, где оба действующих персонажа — Иоанн и Христос — представлены обнаженными и по грудь погруженными в воду с плавающими в ней рыбами. Своеобразие иконографической трактовки этой сцены, по-видимому, можно объяснить местными обычаями крещения — начиная с VII в. массовые обряды крещения совершались эфиопами прямо в реках, при свете факелов. Это изменение в обрядности привело в дальнейшем к отсутствию баптистерия в эфиопских церквях.

По стилю и технике исполнения к миниатюрам указанных выше рукописей монастырей оз. Тана близка миниатюра Четвероевангелия [14] из Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина. Из приписки, приведенной в конце Евангелия, явствует, что эта рукопись была написана в 1426 г. в эфиопском монастыре в Иерусалиме. Перед Евангелием на отдельном листе помещено изображение Иоанна, представленного во весь рост в декоративном обрамлении, с крестом и книгой в руках. Данный тип, как отмечает Д. В. Айналов, восходит к сирийской традиции (в основе ее, как известно, лежит изображение оратора — евангелист уже не только автор, но и проповедник [1, с. 58]). На нем желтого цвета хитон, напоминающий эфиопскую национальную одежду — шаму. Лицо, руки и шея евангелиста в отличие от персонажей «танских» ми-

ниатюр закрашены коричневой краской, указывающей на национальную принадлежность. Подчеркивание оттенка кожи отнюдь не является обычной чертой эфиопской миниатюры. Как правило, лица на них пишут белыми. Отсутствие в нашем распоряжении других памятников из Иерусалима не позволяет установить, единичное ли это явление, или, возможно, оно характерно для миниатюр иерусалимского художественного центра.

Изображение евангелиста исполнено в той же художественной манере, что и миниатюры монастырей оз. Тана, и представляет собой, таким образом, орнаментальную картинку, подчеркнута линейную, ярко расцвеченную красными, зелеными и желтыми акварельными красками. В стиле и иконографических деталях ясно видна связь эфиопской художественной традиции с культурой стран христианского Востока. Данная миниатюра, например, тождественна с изображением евангелиста Иоанна в армянской рукописи Св. Лазаря 1200 г. Связи эфиопов с армянскими единоверцами развивались в течение многих веков, неудивительно поэтому взаимопроникновение тех и других художественных элементов в искусство обоих народов.

Художественный декор манускриптов XV в. аналогичен орнаментации древних эфиопских церквей (самые ранние из них относятся к VII в.) и развивает те же мотивы. Таковы, например, заставки в Часослове, датированном Б. А. Тураевым XV в. [13], помещенные перед каждой новой молитвой, выполненные стилем плетенки. Орнамент такого рода не только перекликается с орнаментикой церквей Дэбра-Дамо, Бета-Кристиан, но встречается также на многочисленных древних серебряных крестах, выполненных в технике «утерянного воска». Аналогично оформлена рукопись «Хвала и умиление Богородицы» [12]. Лестничный мотив декора «Песнопения на каждый день от Иоанна до Иоанна» [6] близок элементу орнамента, украшающего капители древней церкви Дэбра-Дамо. Тождество орнаментации эфиопских рукописей с декором древних церквей, которая, в свою очередь, однородна с дохристианскими орнаментальными формами, указывает на самобытное начало эфиопского искусства.

Таким образом, своеобразная орнаментика, стремление к упрощению и геометризации, схематичное решение фигур, подчеркнутая линейность и вместе с тем яркая красочная палитра — таковы характерные черты художественного стиля эфиопской миниатюры первого периода, иллюстрирующие процесс развития христианского искусства на эфиопской почве. В связи с этим хотелось бы отметить, что некоторые исследователи, в частности Э. Уллендорф, склонны рассматривать эфиопское искусство XIV—XV вв. как некий стилистический конгломерат из сирийских, коптских и византийских элементов. Сопоставление эфиопской миниатюры с указанными выше памятниками показывает, что сходство с ними выражается

лишь в самых общих, характерных для всего средневекового искусства моментах — плоскостности трактовки, отсутствии натуралистических черт в изображении человека, отвлеченности цвета. Во всем остальном эфиопская художественная манера исполнения не только отлична, но иногда прямо противоположна стилю этих памятников. В миниатюрах коптских и сирийских рукописей XIV—XVIII вв. преобладают большеголовые короткие фигуры, присутствует, хотя и минимальная, моделировка, раскраска отличается небрежностью и пестротой. В миниатюрах эфиопских рукописей XIV—XV вв. размеры фигур, как правило, преувеличены, формы тяготеют к монументальности, вместо пестрой восточной многокрасочности и более темного колорита византийской миниатюры преобладают яркие локальные краски, заливающие ровным слоем большие плоскости, без обработки их светотенью. Влияние Византии, Сирии и других стран христианского Востока на эфиопское искусство проявляется, как отмечалось, лишь в иконографии.

Следующий период развития эфиопской миниатюры начинается в XVI в. В это время на Эфиопию напали турки-османы. Их поддерживали мусульманские султаны Ифат и Адал. Почти одновременно с войсками Ахмеда ибн Ибрахима Граня, одного из военачальников Адала, на страну начали наступать с юга галлы (оромо). Правители Эфиопии обратились за помощью к Португалии: объединенными силами эфиопских и португальских войск удалось изгнать турок и подчинить часть галласких племен. Однако португальские гидальго, отправившиеся в Африку ради обогащения, попытались обосноваться в стране. С этой целью они всячески стремились обратить эфиопских негусов в католичество, что им и удалось, несмотря на ряд неудачных попыток. Однако бесцеремонное хозяйничанье португальцев встретило ожесточенный отпор, и они вынуждены были покинуть Эфиопию.

Кратковременный период португальской экспансии тем не менее не прошел бесследно для эфиопского искусства и сыграл в определенном отношении свою прогрессивную роль. Западная иллюстрированная литература впервые в таком большом количестве попадает в поле зрения местных художников, и они пытаются внимательно изучать и использовать новые технические и художественные приемы — в частности, уделяют внимание перспективе и объему, совершенно неизвестным в Эфиопии до тех пор. Европейское влияние, таким образом, легко прокладывает себе путь — вкусы меняются, появляются работы, кажущиеся на первый взгляд смелыми изобретениями эфиопских художников. В действительности же они — слепое повторение многочисленных иноземных моделей.

Ярким примером такого подражания западноевропейскому искусству является Евангелие императора Иоанна I, считавшееся прежде наиболее ценным достижением гондарского периода, на самом же деле скопированное с отпечатанного в

Риме в начале XVII в., которое, в свою очередь, явилось копией с шедевров Дюрера. Это подтверждается также рядом иллюстрированных рукописей, сохранившихся в церкви Кадет Амара, имеющих тот же образец для подражания, что и Евангелие Иоанна I. Наряду с такого рода «ложными шедеврами» в этот период возникают работы, отмеченные истинным вдохновением, выполненные, несомненно, выдающимися мастерами, творчески переработавшими все заимствованное со стороны соответственно своим национальным вкусам и склонностям. Таковы, по наблюдению С. Хойнацки, настенные росписи церковью Дэбра-Бэрхан в Гондаре и Дэбра-Сина в Горгоре, отличающиеся высоким качеством исполнения, свободной манерой письма, прекрасной колористической гаммой [15, с. 9—10].

Из имеющихся в Ленинграде иллюстрированных рукописей три могут быть отнесены к данному периоду. Это — Евангелие от Иоанна [4], Апокалипсис [2] и Органон восхваления Св. Девы [5]. Манускрипты Евангелие от Иоанна и Апокалипсис, очевидно, были выполнены в одной и той же мастерской одним и тем же лицом, о чем свидетельствует исключительная близость стиля. При сопоставлении данных рукописей XVI в. с манускриптами XV в. сразу же бросается в глаза резкое улучшение качества орнаментики — жесткий, линейный, зачастую небрежно выполненный орнамент сменяется роскошно оформленными заставками, отличающимися ювелирной тщательностью отделки, мягкостью трактовки. Сочетание желтого, тусклого красного и зеленого цветов создает приглушенную, но своеобразную гармонию.

Этому периоду, вероятно, принадлежит и рукопись Органон восхваления Св. Девы [5], не датированная Б. А. Тураевым, с изображением Богоматери с младенцем типа Умиления, выполненным чернилами на фоне незакрашенного пергамента. Сопоставляя данную миниатюру с миниатюрами рукописей XV в., нетрудно отметить основные черты их отличия. В миниатюрах XV в. преобладают крупные, статичные, фронтально поставленные фигуры, одетые в длинные одеяния с широкими, симметричными складками. В изображениях XVI в. фигуры уменьшаются, формы делаются легче и изящнее, одеяния почти утрачивают графичность разделки. Черты лица в отличие от крупных неживых лиц XV в. мельчают, выражение приобретает менее строгий, более земной и человеческий характер, свидетельствующий о постепенном приземлении, «обмирщении» миниатюры.

Складывается новый, более свободный стиль, несомненно связанный с проникновением в Эфиопию западных образцов, во многом определивших стиль эфиопской живописи XVI—XVIII вв. Совершенно очевидно, что Эфиопия в этот период еще не могла противостоять бурному натиску западноевропейских влияний, не обладала также и достаточной подготовкой, чтобы органически усвоить, ассимилировать за это короткое

время европейские достижения. Именно поэтому она быстро теряет многое из вновь приобретенного в последующий период. Однако живопись сложившаяся в это время, сыграла роль взрывающей силы, которая смогла сдвинуть с мертвой точки традиционный догматизм, внесла новые технические приемы, **расширила** изобразительные возможности, освободила до некоторой степени фигуры от иконописной скованности, открыла новую выразительность жеста — и в этом ее несомненная заслуга.

Взлет эфиопской художественной культуры продолжался недолго. Вынужденная замкнутость страны (после изгнания иезуитов) явилась причиной застоя многих форм общественного развития. Внутреннее положение Эфиопии — распад государства на ряд соперничавших княжеств, рост феодальных междоусобиц — влекло за собой ослабление государства и мешало прогрессу страны. Черты социальной и культурно-исторической жизни Эфиопии в рассматриваемую эпоху нашли свое отражение в иллюстрациях и художественном убранстве эфиопских рукописей середины XVII—XVIII в. Искусство этого периода характеризуется возрождением старых художественных традиций. В результате слияния местных элементов с занесенными еще в XVI в. европейскими влияниями складывается новый стиль. Плоскостная трактовка, схематизм композиционных построений, условное цветовое решение, абстрактный фон мирно уживаются с новыми реалистическими тенденциями: намечаются попытки передачи объемности и перспективы, общее облегчение пропорций, введение жанровых элементов. В некоторых случаях видна попытка отказа от новых художественных форм, возврат к старому путем копирования древних образцов.

В иконографии этого периода наряду с западными нововведениями также продолжают сохраняться старые, традиционные черты. Примером может служить миниатюра Евангелия от Иоанна [3], помещенная перед «Трактатом о страстях Господних». Повествовательный характер текста заставил художника изобразить на одной миниатюре два разных события одновременно: Христа в терновом венце и багрянице и Распятие. Такая трактовка свидетельствует о появлении жанровых деталей в иконографии XVII—XVIII вв. Прежде схематичное, лишенное чувств и мыслей лицо Христа сменяется ликом, полным глубокой внутренней сосредоточенности и напряжения. Следует отметить, что эта миниатюра совершенно аналогична миниатюре другой эфиопской рукописи из коллекции Британского музея, выполненной в 1730—1740 гг. рукой более зрелого, опытного мастера, и является, по-видимому, ее близкой копией (см. [17]). В иконографии Распятия прослеживаются западные черты: Христос изображен в терновом венце и с ногами, пронзенными одним гвоздем, — деталь, возникшая в XIII в. под влиянием францисканского прославления бедности.

Интересна и другая миниатюра этой рукописи с изображением эфиопского святого Самуила Вальдебского верхом на льве, написанная в той же художественной манере. Святой изображен в монашеском одеянии темно-коричневого цвета, лик и фигура переданы чрезвычайно схематично и лишены индивидуальных черт, рисунок льва отличается некоторой реалистичностью исполнения, на что указывают четкость и выразительность контурных линий. Из многочисленных житий святых, возникших в связи с развитием монашества в XII—XV вв., известно о подвигах Самуила из пустыни Вали (Самуил ээбырхан), прославившегося своим мученическим аскетизмом во славу Христа. Следствием полного отречения от земных благ явилось то, что святого признали и пришли к нему для поклонения все «звери пустыни: лев, тигр, гиена и змеи». Больше всего он полюбил льва, ласкал его, ездил на нем верхом. Изображение Самуила верхом на льве является одним из излюбленных образов эфиопского искусства, продолжающих существовать и в живописи последующих периодов.

Черты нового стиля ясно прослеживаются в миниатюре, изображающей известную евангельскую сцену «Бегство в Египет», рукописи «Чудеса Марии» XVIII в. По сравнению с миниатюрами XV—XVI вв. на этот же сюжет отчетливо видна попытка отобразить фигуры и особенно лица в реалистическом понимании. Некогда совершенно плоские, они приобретают пластическую моделировку, наблюдается стремление передать объем, ощущение падающей ткани. Однако в живописном языке все еще чувствуется скованность, фигуры схематичны, в них мало движения.

Орнаментация рукописей в этот период также претерпевает ряд существенных изменений. Получает широкое распространение стилизованный растительный орнамент, а также мотивы, заимствованные из мира птиц и животных, свидетельствующие об ориентации художника на реальную жизнь. Такой тип художественного оформления в виде схематичного изображения побегов виноградных лоз, цветочного орнамента и т. п. наблюдается в Псалтири Давида [8, с. 12, 22, 65, 101], Псалтири 19, с. 67, 78]. Наряду с новыми растительными мотивами сохраняется геометрический орнамент в Псалтири [9, с. 1, 6, 24; 10, с. 1, 24, 26, 62].

Таким образом, несмотря на возврат к старым художественным формам, эфиопская миниатюра и декор рукописей XVII—XVIII вв. в целом по стилю и технике резко отличаются от художественного оформления манускриптов ранних веков. Новый стиль миниатюры, возникший на основе слияния местных традиций с элементами европейского искусства, свидетельствует о большом переломе в художественном восприятии и мышлении. Миниатюра XVIII в. развивается по линии накопления реалистических деталей, что особенно сказалось в насыщении традиционных религиозных сцен жанровыми чертами.

По существу она открыла путь к дальнейшим реалистическим исканиям, подготовив почву для создания нового светского искусства, которое пришло на смену церковному в середине XIX—начале XX в.

Л и т е р а т у р а

1. *Айналов Д. В.* Византийские памятники Афона.— Византийский временник. Т. VI. Вып. I—II. СПб., 1896.
2. Апокалипсис. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Л. [эф. н. с. 7].
3. Евангелие от Иоанна. ЛО Института востоковедения АН СССР [ИНА, Орлов 6].
4. Евангелие от Иоанна. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Л. [ГПБ, эф. н. с. 5].
5. Органон восхваления Св. Девы. ЛО Института востоковедения АН СССР [ИНА, Орлов 10].
6. Песнопения на каждый день от Иоанна до Иоанна. Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Л. [ГПБ, Вост. 615].
7. *Платонов В. М., Чернецов С. Б.* Рукописная книга в культуре народов Востока. Кн. I. Эфиопская рукописная книга. М., 1987.
8. Псалтирь Давида. ЛО Института востоковедения АН СССР [ИНА, эф. 17].
9. Псалтирь. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Л. [ГПБ, эф. н. с. 19].
10. Псалтирь. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Л. [ГПБ, эф. н. с. 3].
11. *Стасов В. В.* Славянский и восточный орнамент по рукописям старого и нового времени. СПб., 1884—1887.
12. Хвала и умиление Богородицы. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина. Л. [ГПБ, Вост. 611].
13. Часослов. ЛО Института востоковедения АН СССР [ИНА, Папад.—Керам. 6].
14. Четвероевангелие. Государственная публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Ленинград [ГПБ, Вост. 612].
15. *Chojnacki S.* Short Introduction to Ethiopian Traditional Painting.— Journal of Ethiopian Studies. Addis Ababa, vol. II, № 2, 1964.
16. Ethiopia. Illuminated Manuscripts. N. Y., 1961.
17. *Pankhurst S.* Ethiopia. A Cultural History. L., 1955.

ЭКОНОМИКА

В. И. Гусаров

ЗИМБАБВЕ: РУБЕЖ И НАЧАЛО САМОСТОЯТЕЛЬНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (1965—1985)

В апреле 1980 г. на политической карте Африки появилось новое независимое государство — Республика Зимбабве. До этого в стране на протяжении 90 лет господствовали колонизаторы — белое меньшинство. А в течение последних семи лет колониального периода народ Зимбабве вел ожесточенную войну против режима, находившегося под контролем белых поселенцев. Свобода досталась зимбабвийцам дорогой ценой: 27 тыс. человек погибли в ходе национально-освободительной борьбы, 270 тыс. были ранены и 750 тыс. потеряли кров, 250 тыс. оказались на положении беженцев в соседних странах [2, 1982, № 37].

Независимость заложила основу для коренной перестройки общества в интересах широких масс трудящихся. Так, например, в качестве первого важного шага перестройки в социальной сфере был принят закон о введении минимальной заработной платы, в соответствии с которым она не может быть ниже 70 зимб. долл. в месяц для рабочих в промышленности и торговле и ниже 30 долл. в сельском хозяйстве. Для защиты прав трудящихся министерство труда приняло меры по объединению всех профсоюзных организаций страны в единый Конгресс профсоюзов Зимбабве.

Началась перестройка государственного аппарата. На ключевые посты в министерства и ведомства были назначены африканцы. Тем самым на деле были осуществлены первые мероприятия по ликвидации любых форм расовой дискриминации и сегрегации. Был отменен, в частности, раздел страны по расовому признаку на так называемые европейские и африканские районы и осуществлены многие другие преобразования подобного рода. Еще в канун независимости, в марте 1980 г., национально-патриотическими силами была разработана экономическая программа, включавшая две первоочередные зада-

чи после достижения независимости. Во-первых, это ликвидация отсталости африканского сектора в сельском хозяйстве и национализация путем выкупа у частных владельцев тех земель, которые ими не используются. Во-вторых, это обеспечение нормального функционирования экономики и осуществление постепенных преобразований социалистического характера [5, с. 94].

В июле 1982 г. премьер-министр Зимбабве Роберт Мугабе заявил, выступая в парламенте, что правительство и народ республики твердо избрали путь социалистической ориентации. «Мы искренне убеждены,— сказал он,— что капитализм несовместим с такими понятиями, как гуманизм и социальное равенство, ему чужда всякая человеческая мораль». Р. Мугабе подчеркнул, что народу Зимбабве предстоит многое сделать на пути преодоления эксплуататорских отношений и философии индивидуализма, для формирования духа коллективизма и братства между людьми (цит. по [4, 31.07.1982]).

Первый президент Зимбабве, К. С. Банана, в своей книге «Теология обещания. Динамика самообеспечения», вышедшей в свет в 1982 г., отмечал, что после победы национально-освободительной борьбы зимбабвийского народа на повестку дня встает достижение экономической самостоятельности. Объясняя зимбабвийскому читателю, почему экономическая сторона так важна, К. С. Банана пишет: «Те, кто контролирует средства производства, могут легко контролировать наши сердца и разум... В Зимбабве мы не должны быть довольны достижением независимости и подъемом нового национального флага. Наше освобождение не может быть полным без экономической самостоятельности» [8, с. 24].

Следует подчеркнуть, что Зимбабве располагает природными условиями и экономическими предпосылками для относительно быстрого достижения хозяйственной самостоятельности. Будучи одной из самых развитых среди освободившихся стран Африки, Зимбабве во многом представляет собой феномен на Африканском континенте. Страна обладает $\frac{2}{3}$ известных в мире запасов хромита, используемого в металлургической промышленности, и входит в число трех ведущих стран по производству хризотил-асбеста. Зимбабве занимает второе место в мире по добыче хрома и пятое — по добыче золота. Здесь добывается более 40 видов полезных ископаемых, включая никель, платину, медь и уголь. Эта страна имеет многоотраслевую и интегрированную экономику. В 1981 г. в промышленности было создано 26%, а в сельском хозяйстве только около 18% ВВП страны [22, с. 3].

В заявлении правительства молодой республики «Рост на основе равенства», опубликованном в 1981 г., говорилось о стремлении проводить политику, основанную на принципах социализма, равноправия и демократии, в условиях быстрого экономического роста, полной занятости, стабильности цен, эффективного использования ресурсов и справедливого распре-

ления будущих доходов. Позднее все эти принципы вошли в опубликованный в ноябре 1982 г. переходный национальный план развития на 1982/83—1984/85 гг., который будет проанализирован ниже.

Несмотря на боевые действия, продолжавшиеся в течение ряда лет, к моменту независимости страна пришла с развитой и диверсифицированной экономикой. Она обладала эффективными отраслями обрабатывающей и горнодобывающей промышленности и высокопродуктивным сельским хозяйством. По основным экономическим показателям Южная Родезия занимала промежуточное положение между развивающимися странами континента и ЮАР, примыкая ближе к последней.

За период с 1965 по 1979 г. ВВП Зимбабве увеличился с 703,3 млн. долл. до 1187,0 млн. (в ценах 1965 г.) [5, с. 130]. Основные причины такого быстрого роста заключаются в том, что санкции, применявшиеся против Южной Родезии в период 1965—1980 гг., вынудили местный капитал создать диверсифицированную промышленную базу, чтобы обеспечивать себя полностью большинством необходимых промышленных товаров. Также из-за санкций в стране было развернуто производство пшеницы, сои, хлопка и сахара, чего у нее прежде не было. В обход санкций расисты привлекали в страну иностранный капитал исключительно выгодными условиями. За период с 1966 по 1975 г. в экономику страны было инвестировано 340 млн. род. долл. [1, с. 81].

Для южнородезийской экономики было характерно наличие двух секторов: капиталистического европейского («белого»), охватывающего все отрасли промышленности и основную часть товарного сельского хозяйства, и полунатурального африканского, в котором была занята основная часть населения страны. Африканский сектор давал 10% ВВП страны, а «белый» — 90% [1, с. 84].

Европейский и африканский секторы экономики были четко разделены территориально в результате политики расовой сегрегации. Африканские районы играли роль своего рода «внутренней колонии» по отношению к районам, населенным белыми.

С целью увековечения существовавшего положения в 1969 г. был принят закон о землевладении, который предусматривал создание так называемых «племенных подопечных земель» — африканских резерваций. Их образование представляло собой родезийский вариант южноафриканской бантустанизации. Английская газета «Файнэншл таймс» писала по этому поводу: «Племенные земли Родезии, как и бантустаны ЮАР, играют роль губки, которая впитывает излишнюю рабочую силу в период замедления экономического роста и выдавливает ее из себя при ускорении роста» [13, 10.06.1969].

Правительство Родезии не уделяло достаточного внимания развитию африканских районов. С 1963 по 1973 г. на сельское

хозяйство здесь была истрачена лишь $\frac{1}{10}$ суммы, вложенной в развитие сельского хозяйства европейского сектора [9, 25.05.1973].

Уровень жизни африканского населения постоянно снижался. Официальная геологическая карта, созданная в Родезии в 1970 г., показывает, что 98% земли, пригодной для лесопосадок, разведения садов и животноводства, находились в европейских районах, 82% земли, подходящей для интенсивного растениеводства, также принадлежали белым, тогда как все 100% непригодной для обработки земли находились в африканских районах страны.

Важной отраслью экономики Родезии была горнодобывающая промышленность, которая являлась основным объектом приложения иностранного капитала. За период с 1965 по 1976 г. объем продукции горнодобывающей промышленности в стоимостном выражении стабильно возрастал — с 53,0 млн. до 230,5 млн. род. долл. [11, с. 5]. Увеличилось число занятых в отрасли.

Быстрыми темпами развивалась обрабатывающая промышленность. Важную роль в этом играло государственное стимулирование, выразившееся как в прямом финансировании ряда отраслей, так и в мерах по ограничению импорта, составлявшего конкуренцию товарам местного производства. Усиленная помощь государства, оказывавшаяся в первую очередь именно обрабатывающей промышленности, объяснялась стремлением правительства Я. Смита приспособиться к условиям экономических санкций, взяв курс на экономическое самообеспечение. Основными отраслями обрабатывающей промышленности Родезии стали пищевая, металлургическая, текстильная и химическая. Потребление энергии в 1979 г. составило в пересчете на нефть 5,5 млн. т. Около 84% энергии было получено на месте, а 16% — импортировано, 11% энергоснабжения обеспечивалось за счет импорта нефти и 5% — импорта электроэнергии из соседней Замбии. Составными частями энергоснабжения в 1979 г. были электроэнергия (31%), уголь (29%), дрова (29%) и импортная нефть (11%), поступавшая через ЮАР и Мозамбик. Потребление бензина снизилось в период с 1973 по 1979 г. отчасти из-за повышения цен и замедления экономической деятельности.

Африканское население Родезии было сконцентрировано в основном в сельской местности. В 1977 г. лишь немногим более 750 тыс. африканцев (или менее 10%) проживало в городах [17, 1977, № 4, с. 45].

Внутри африканского населения шел процесс выделения зажиточного фермерства, применявшего современную технологию и наемный труд. С целью упрочения позиций этой прослойки родезийский парламент в 1976 г. принял поправку к закону о владении землей 1969 г., суть которой сводилась к тому, что африканцы получили право приобретать фермы белых

поселенцев. Правда, цены на эти фермы оказались столь высокими, что лишь незначительное число африканцев могло позволить себе их купить.

Большинство африканского крестьянства составляли общинники с наделами от 2 га (5% семей) до 3—4 га (53% семей). Хозяйства их носили полунатуральный характер.

Перенаселенность африканских территорий, мелкие земельные наделы, низкая производительность труда вызывали отток рабочей силы в города. Однако система отходничества, широко поощрявшаяся властями, искусственно сдерживала процесс становления рабочего класса. Численность работавших по найму африканцев составляла в 1975 г. более 935 тыс. человек. Из них приблизительно 350 тыс. были заняты на «белых» фермах в качестве сельскохозяйственных рабочих, более 130 тыс. выполняли обязанности домашней прислуги, остальные 455 тыс. были рабочими в обрабатывающей промышленности, на транспорте, в строительстве, на рудниках и шахтах [11, с. 7]. Около 10% промышленных рабочих были иммигрантами из Малави и Мозамбика. В 1976 г. численность африканцев, работавших по найму, составила 926 тыс. человек, а в 1978 г.— 903 тыс. человек [17, 1979, № 8, с. 64—66].

В оплате труда африканцев и неафриканцев имелись большие различия (см. таблицу):

Т а б л и ц а

**Занятость и уровень заработной платы
в основных отраслях экономики Южной Родезии в 1976 г. ***

Отрасль	Число занятых, тыс. человек		Зароботная плата в год. род. долл.	
	африкан- цев	неафрикан- цев	африкан- цев	неафрикан- цев
Сельское и лесное хозяйство	356,1	5,9	201	4915
Горнодобывающая промышленность	61,4	3,9	567	7590
Обрабатывающая промышленность	131,0	21,9	805	6347

* Источник: [19, 1977, № 4, с. 7].

Из таблицы видно, что заработная плата африканского рабочего в 1976 г. была в среднем в 15 раз меньше, чем неафриканца. Минимальный прожиточный уровень в стране в 1973 г. составлял для семьи из четырех человек 73,9 род. долл. в месяц, однако только 7% африканцев, живущих в городах, зарабатывали свыше 70 род. долл. в месяц [20, с. 5].

Для использования в среднем звене управленческого аппарата в Родезии была создана относительно многочисленная

прослойка африканской интеллигенции, в основном вышедшей из обеспеченных слоев. Заработная плата ряда ее категорий была значительно выше, чем у африканского рабочего. Наиболее хорошо оплачивался труд банковских служащих и учителей. Подкупая представителей африканской интеллигенции высокими заработками, правительство Родезии тем не менее не позволяло африканцам занимать руководящие посты.

После 1965 г. были предприняты меры по сокращению числа африканских служащих в государственном аппарате. Если в 1966 г. там работало 1700 африканцев, то в 1969 г. — только 802, а в 1971 г. в министерствах уже нельзя было встретить ни одного африканца [18, с. 39, 40].

Особое место в социальной структуре африканского населения занимали вожди племен. Существовавшая еще до колонизации система правления вождей и старейшин была использована родезийскими властями для установления контроля над африканским населением путем включения института вождей в колониальный административно-бюрократический аппарат. Постепенная замена традиционных вождей назначаемыми центральной властью, перевод их на государственное жалованье крепко привязывали большинство вождей к существующему режиму. В 1962 г. был создан Национальный совет вождей. В своей подавляющей массе они превратились в прямых исполнителей политики колониальных властей. Таким образом, в рамках расистского государства была сформирована сложная, многоплановая система социально-экономических отношений, в которой классовая эксплуатация сочеталась с расовым угнетением.

Эту систему после завоевания независимости нельзя было сломать сразу, в один день. Требовалась ее постепенная, но решительная перестройка с временным сохранением отдельных элементов и с полной ликвидацией других. Поэтому, заявив об отмене закона о землевладении 1969 г. и о своем намерении оказывать постоянную и систематическую помощь хозяйствам африканского сектора, правительство молодой республики декларировало, что оно обязуется защищать и поддерживать товарные хозяйства белых фермеров, чтобы сохранить способность страны обеспечивать себя полностью продуктами питания. Хотя на долю сельского хозяйства приходилось всего от 12 до 18% ВВП, что крайне мало для стран Африки, в нем была занята $\frac{1}{3}$ наемной рабочей силы и оно давало 40% поступлений от экспорта, сберегая Зимбабве сотни миллионов долларов, которые в противном случае пришлось бы тратить на импорт продовольствия.

Такая политика в области сельского хозяйства была продиктована и тем, что эта отрасль экономики больше всего пострадала от военных действий. Погибли люди и скот, большая часть сельской инфраструктуры, включая школы, больницы, системы водоснабжения, ирригации и коммуникации, была раз-

рушена. В связи с этим было принято решение о переселении жителей пострадавших районов на новые территории, где в первый год независимости были получены рекордные урожаи кукурузы и хлопка. В 1980 г. объем поставок кукурузы на рынки увеличился по сравнению с 1979 г. на 60 %, а производства сахара — на 12 %. Несмотря на снижение на 19 % забоя крупного рогатого скота, вклад сельского хозяйства, взятого в целом, в ВВП увеличился на 30 % [13, 29.09.1981].

В 1980 г. объем товарной продукции ферм, принадлежащих белым, вырос по сравнению с предшествующим годом в абсолютных показателях на 12 %, а в стоимостном выражении — на 34 % (из-за повышения цен на многие продукты). Эти фермы произвели продукции на 588 млн. зимбабв. долл., а традиционный сектор — на 146 млн. зимбабв. долл. Следовательно, товарное сельскохозяйственное производство, которое было сосредоточено в руках примерно 5800 белых фермеров, дало 80 % всей сельскохозяйственной продукции. В товарной продукции страны доля современного сектора достигла 94 % [13, 29.09.1981].

Численность рабочей силы на «белых» фермах сократилась с 335 тыс. в 1979 г. до 327 тыс. в 1980 г. (Наивысшая численность была зарегистрирована в 1975 г. — 364 тыс. человек.) Это снижение объясняется упоминавшимся выше введением минимальной заработной платы в сельском хозяйстве и сокращением производства табака в пользу производства кукурузы, где используется сравнительно меньше рабочей силы.

В то время как в большинстве африканских стран производство продовольствия на душу населения за последние десятилетия значительно упало и они вынуждены сейчас импортировать в больших количествах рис, пшеницу и кукурузу, Зимбабве по-прежнему полностью обеспечивает себя продуктами, несмотря на исключительно высокий рост населения, достигающий 3,6 % в год.

1980 год был успешным и для горнодобывающей промышленности, которой помогли также высокая цена на золото и отмена экономических санкций: добыча минералов достигла в стоимостном выражении 414 млн. зимбабв. долл. В 1983 г. этот показатель составил 469 млн., из которых 194 млн. пришлось на добычу золота. Горнодобывающая промышленность давала около 8 % ВВП и более половины инвалютных поступлений. По состоянию на конец 1980 г., в этой отрасли было занято в общей сложности 70,5 тыс. человек. За год, с конца 1979 г., численность рабочей силы возросла почти на 14 % [13, 29.09.1981].

В 1981 г., однако, цены как на простые, так и на благородные металлы понизились. Другой трудностью отрасли стала острая нехватка квалифицированной рабочей силы. Новые проблемы возникли и в результате быстрого увеличения эксплуатационных расходов, главным образом из-за введения ми-

нимальных ставок заработной платы и инфляции. По этим причинам, а также в результате колебания валютных курсов (особенно когда расчеты за оборудование производятся в американских долларах) эксплуатационные расходы в горнодобывающей промышленности возросли на 20—30%. Остро стоял и вопрос транспортировки. 70—80% добываемых в Зимбабве минералов экспортируется, в том числе все золото и никель, большая часть асбеста, хрома, меди и серебра. Из железной руды выплавляют чугуны или сталь, большая часть которых затем вывозится.

Финансовые трудности явились причиной того, что в ряде отраслей горнодобывающей промышленности инвестиции сократились на 50% против уровня 1980 г. С целью упорядочения развития этой сферы экономики правительство республики приняло решение создать Корпорацию развития горнорудной промышленности, которая контролирует сбыт минералов. Добыча же их по-прежнему остается в руках частных компаний, главным образом транснациональных корпораций.

В энергетике страны в первые годы независимости отчетливо проявились две тенденции. Одна из них состоит в том, чтобы осваивать новые угольные месторождения, а другая — в развитии дополнительных гидроэнергетических ресурсов. Угольные запасы страны достигают 28 млрд. т; при нынешнем потреблении их хватит на 10 тыс. лет. Гидроэнергетический потенциал используется пока весьма недостаточно.

Огромное влияние на экономику Зимбабве оказывает состояние и развитие транспортных коммуникаций, учитывая, что страна лишена выхода к морю. Пытаясь уменьшить свою зависимость от портов ЮАР, Зимбабве стремится активизировать товарооборот через Мозамбик. Однако в начале 80-х годов на мозамбикские порты Мапуту и Бейра приходилось лишь 27% объема железнодорожных перевозок Зимбабве, а остальные 73% — на порты ЮАР. Весьма быстро стал развиваться воздушный и трубопроводный транспорт.

ЮАР оставалась в начале 80-х годов главным внешнеторговым партнером Зимбабве, несмотря на состояние политической конфронтации между двумя странами. На долю ЮАР приходилось в этот период 26% всего импорта (исключая нефть) и 20,5% всего экспорта (исключая золото). Второе место занимала Великобритания (9% импорта и 9,5% экспорта), за которой следовала ФРГ (6,6% импорта и 10,4% экспорта). 9% зимбабвийского экспорта направлялись в Заир, Замбию, Малави и Ботсвану, а 6,4% импорта поступало из этих стран и Мозамбика [13, 29.09.1981]. Наиболее важное значение имел импорт электроэнергии из Зимбии.

С 1 января 1982 г. по инициативе ЮАР торговое соглашение, заключенное в 1964 г. с Южной Родезией, было аннулировано, что отрицательно сказалось на зимбабвийском экспорте текстиля, обуви, радиоизделий и некоторых других товаров. Од-

нако, несмотря на свою дестабилизирующую деятельность, ЮАР в марте 1983 г. возобновила указанное соглашение о преференциальной торговле, которое регулирует почти $\frac{2}{3}$ экспорта промышленных изделий из Зимбабве в ЮАР.

Бюджет на 1981 г. предусматривал рекордный дефицит в размере 680 млн. долл., равный 11% ВВП. Образованию бюджетного дефицита способствовали также правительственные субсидии на главные виды продовольствия, в частности на кукурузную муку, мясо и молочные продукты. В 1981 г. они составляли 180 млн. зимбабвийских долл. [16, 20.01.1982].

Импорт в стоимостном выражении за 1980 г. возрос примерно на 45%, в результате чего дефицит платежного баланса также достиг рекордной цифры — 112 млн. зимбабв. долл. Поскольку промышленность нуждалась в возрастающем импорте сырья и средств производства, дефицит платежного баланса в 1981 г. увеличился еще больше.

Валютно-финансовое положение молодой республики в огромной степени зависит от позиций частного иностранного и национального капитала. Поэтому с первых дней независимости правительство стремилось проявлять максимально сдержанную позицию по отношению к частному сектору. Убедившись в этом, американская компания «Юнион карбайд» объявила о программе инвестирования 27,4 млн. долл. для увеличения производства феррохрома с большим содержанием углерода.

Английский концерн «Лонро» и горнодобывающая компания «Рио-Тинто» сообщили об инвестиционных программах увеличения добычи полезных ископаемых, в частности золота. Поступили предложения на заключение крупных контрактов, предусматривающих увеличение добычи угля и производство электроэнергии в Уанки, а также электрификацию железной дороги Хараре—Гверу.

В октябре 1982 г. было создано смешанное предприятие совместно с американской компанией «Хейнц». В соответствии с соглашением последняя приобрела 51% акций ведущей зимбабвийской компании по производству растительных масел, маргарина и мыла, а 49% перешли к правительству Зимбабве. Это соглашение стало практически первым серьезным примером иностранных инвестиций в республике на условиях создания смешанных компаний.

В это же время южноафриканский горнодобывающий гигант «Англо-Америкэн» объявил, что он откладывает свои планы расширения производства. Официально компания объяснила такое решение увеличением производственных расходов, возрастанием заработной платы и снижением мирового спроса. Поэтому упомянутое выше решение «Юнион карбайд» выполнить свою программу было расценено как свидетельство заинтересованности США в создании стратегических запасов, в которых хром занимает важное место.

Уже в первый период независимости иностранным горнодо-

бывающим компаниям было разрешено тратить довольно крупные суммы валюты на закупки оборудования для замены и восстановления машин, пришедших в негодность за предыдущие пятнадцать лет международных санкций. Валютные контрольные органы разрешили горнодобывающим компаниям переводить иностранным инвесторам большую часть дивидендов, чем компаниям, занятым в других отраслях, которые могут переводить за границу до $\frac{1}{2}$ своих прибылей после вычета налогов.

Таким образом, зависимость Зимбабве от иностранных инвестиций была велика, поскольку в экономике страны преобладал иностранный капитал в горнодобывающей и обрабатывающей промышленности, банковском деле, сельском хозяйстве. Около 3,3 млрд. зимбабв. долл., или 70% основного капитала, принадлежало иностранцам, главным образом англичанам и южноафриканцам [16, 20.01.1982]. Около 130 английских и 43 южноафриканских компаний представляли в начале 80-х годов большую часть иностранного капитала в Зимбабве.

Руководство страны считало, что изменить создавшееся положение можно путем постепенного создания смешанных предприятий. Кроме того, государство стремилось предоставлять субсидии в первую очередь тем предприятиям, которые выполняют государственные заказы, экспортируют значительную долю своей продукции, сами производят до сих пор импортировавшиеся товары или применяют трудоемкие методы производства. Дополнительно к этому преимуществом в обеспечении иностранной валютой пользовались предприниматели-африканцы.

С первых дней независимости правительство республики должно было решать постоянно обостряющиеся проблемы нехватки специалистов и квалифицированных рабочих, с одной стороны, и проблемы использования неквалифицированной рабочей силы — с другой. Белые специалисты и рабочие (в особенности механики, электрики, сварщики) в массовом порядке стали покидать страну. Ежемесячно из Зимбабве выезжало около 1,5—2 тыс. человек белого населения [13, 29.09.1981].

В 1981 г. в государственном секторе 40% из 2432 должностей, требующих специальных знаний, оставались вакантными. Особенно остро ощущалась нехватка бухгалтеров, инженеров, медиков, научных работников, специалистов сельского хозяйства, механиков, а также таких рабочих, как слесари-монтажники, токари, котельщики. Тем не менее правительство отказывалось от политики «открытых дверей», поскольку должностные лица не считали, что предприниматели делают все необходимое для обучения африканцев или максимально используют имеющихся квалифицированных рабочих.

Таким образом, руководство молодой республики, опираясь на весьма диверсифицированную экономику бывшей Южной Родезии и на новые политические реалии, смогло уже в пер-

вые месяцы и годы существования новой власти осуществить важные преобразования в социально-экономической сфере, направить развитие многих отраслей хозяйства страны на удовлетворение национальных интересов, на обеспечение интересов трудящихся. Наиболее принципиальным шагом явилось установление минимума заработной платы. Эта мера, осуществленная наряду с другими, рассмотренными выше, ослабила как экономические, так и политические позиции транснациональных корпораций в Зимбабве, заставила их считаться с суверенитетом страны.

Тенденции экономического и социально-политического развития Зимбабве в первые годы независимости характеризовались дуализмом. В экономике по-прежнему сосуществовали два сектора: современный капиталистический, охватывающий все неземледельческие отрасли и основную часть товарного сельского хозяйства, и традиционный африканский, за счет которого жила основная часть населения страны. Основой традиционного сектора являлось малопродуктивное сельское хозяйство. Главная причина отсталости традиционного сектора заключалась в неравномерном и неравноценном распределении обрабатываемых земель.

В распоряжении примерно 5,8 тыс. фермеров, по преимуществу белых, ведущих хозяйство на капиталистических основах, находился 51% обрабатываемых земель, расположенных вблизи городов и рынков сбыта, а также в благоприятных экологических зонах [22, с. 3]. Остальные 49% земель приходились на 700 тыс. африканских семей и были расположены в экологически неблагоприятных зонах. По имеющимся расчетам, эти земли могли прокормить не более 325 тыс. семей, или около 46% [22, с. 3].

Таким образом, низкая продуктивность традиционного сектора в сочетании с относительно избыточным населением влекла за собой массовую безработицу, миграцию неквалифицированной рабочей силы из деревни в город, преступность и многие другие негативные социально-экономические явления.

Дуализм в социальной сфере проявлялся прежде всего через расовые различия. В 1981 г. из 7,6 млн. жителей Зимбабве 96% были черными африканцами, 3% — белыми и 1% — цветными и азиатами. Однако из-за расистской политики прежних правительств доступ к образованию, здравоохранению и другим социальным службам был для африканцев крайне затруднен. В условиях первого периода независимости привилегированное положение белого меньшинства продолжало во многом сохраняться. Это объяснялось преимущественно тем, что контроль над зимбабвийской экономикой оставался в руках белых.

Несмотря на это, правительство молодой республики смогло направить значительные ресурсы в социальную сферу. Только за первые два года независимости число учащихся в начальных школах удвоилось, в средних — возросло в 4 раза,

в университете — в 3 раза. Были приняты законы, строго регламентирующие условия труда. Для тех, чей месячный заработок составлял менее 150 зимбабв. долл. в месяц, предоставлялось бесплатное медицинское обслуживание. За эти два года в стране было создано 100 тыс. новых рабочих мест [2, 1982, № 37].

Программы переселения, повышение минимальной заработной платы, развитие систем здравоохранения и просвещения, создание сельскохозяйственной инфраструктуры в районах, населенных африканцами, установление новых внешних экономических связей вызвали бурный рост спроса на потребительские товары и промышленное оборудование. Это давало возможность увеличивать ВВП в среднем на 10 % в год. Но в 1982 г. начался быстрый спад как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. Одна из причин этого заключалась в постигшей Зимбабве, как и многие другие африканские страны, жестокой засухе. В 1983 г. почти половина населения страны получила от правительства чрезвычайную продовольственную помощь. По имеющимся оценкам, убытки от засухи, включая стоимость названной помощи, в 1983 г. составили 500 млн. зимбабв. долл., что равняется сумме дефицита платежного баланса Зимбабве в 1982 г. [2, 1983, № 20, с. 17].

Железнодорожный транспорт страны был весьма развит, тем не менее в годы быстрого роста экономики в 1980—1981 гг. он не смог справиться с нагрузкой, когда пришлось перевозить резко увеличившуюся продукцию сельского хозяйства и горнорудной промышленности. В 1982 г. завершилась электрификация железнодорожной линии Дабука—Хараре протяженностью 335 км. В результате принятых мер перевозки грузов в 1981—1982 гг. увеличились примерно на 20 %, но транспорт по-прежнему продолжал сильно тормозить развитие экономики Зимбабве.

Ухудшение экономического положения страны в 1982—1983 гг. представители государственного аппарата объясняли общим ухудшением мировой экономической ситуации и «проблемами империализма и его ставленников — расистов ЮАР» против Зимбабве (такие причины назвал, в частности, министр финансов, экономического планирования и развития Зимбабве Б. Чидзеро в беседе с автором в декабре 1982 г.). Диверсии против нефтехранилищ и нефтепроводов в Мозамбике, например, в декабре 1982 г., откуда в Зимбабве поступали бензин и нефтепродукты, практически парализовали страну. Останавливался автомобильный транспорт, резко ограничивалось или прерывалось совсем автобусное движение между городами. Для осуществления более строгого контроля над запасами топлива и их распределением в мае 1983 г. правительство Зимбабве объявило о создании национальной нефтяной компании. Эта компания стала заниматься закупкой, транспортировкой и хранением всех нефтепродуктов в стране.

Дважды осуществленное в 1982 г. повышение цен на электроэнергию примерно на 70% вызвало массовое разорение черной и белой мелкой буржуазии — владельцев небольших предприятий, мастерских, магазинов, отелей — и серьезно ущемило интересы крупной буржуазии.

В декабре 1982 г. правительство было вынуждено осуществить девальвацию зимбабвийского доллара на 20%, что усугубило трудности экономики страны. Девальвация, хотя и облегчила экспорт, привела к удорожанию импорта, в первую очередь нефти, что еще больше усилило инфляционные процессы.

Для выхода из создавшегося положения правительство Зимбабве разработало «Переходный национальный план социально-экономического развития страны на 1982/83—1984/85 гг.» (см. [22]). Официально сформулированные цели плана состояли в том, чтобы 1) преодолеть последствия войны и экономических санкций и привести экономику в нормальные условия; 2) достичь быстрого экономического роста; 3) более равномерного перераспределения доходов; 4) предпринять первоначальные шаги по преобразованию унаследованной от прошлого социально-экономической системы в направлении социалистического и равноправного общества [22, с. 100].

Для осуществления плана была определена стратегия развития — «Рост на основе справедливости и преобразований» [22, с. 24, 100 и след.]. Достижение указанных целей зимбабвийское руководство планировало путем дальнейшего внедрения и утверждения двух форм собственности: кооперативной и государственной. В плане говорилось, в частности, и о предстоящей аграрной реформе, которая сможет ускорить процесс формирования кооперативов в деревне.

Общий размер инвестиций в годы действия плана — с середины 1982 по июнь 1985 г. — должен был составить 6,1 млрд. зимбабв. долл. (7,9 млрд. долл. США). Основная часть этой суммы направлялась из внутренних источников (63%) и меньшая часть (37%) — за счет внешних поступлений [5, с. 39].

Во многих главах плана подчеркивалась приверженность Зимбабве социализму и новому экономическому порядку. Планировалось 59% указанных инвестиций направить в государственный сектор и лишь 41% — в частный [5, с. 41], при этом 73% капиталовложений предназначались для отраслей материального производства [1, с. 101].

При планировавшемся среднегодовом росте ВВП на уровне 8% обрабатывающая промышленность должна была возрастать в среднем на 11% [22, с. 73], а строительство — даже на 15% в год [9, с. 81]. В сельском хозяйстве увеличение производства планировалось в размере 5% ежегодно [22, с. 67], в горнодобывающей промышленности рост не предполагался из-за спада в мировой экономике в целом. Составители плана считали, что в конце намеченного периода производство в горнодобы-

вающей промышленности едва превысит уровень 1981/82 фин. г. [22, с. 71].

В обрабатывающую промышленность планировалось направить 23% всех капиталовложений, в транспорт — 14, в сельское хозяйство — 13%.

План предусматривал переселение за три года 162 тыс. семей, или 900 тыс. человек, на новые земельные участки размером примерно 5 га на каждую семью. В целом для этого предполагалось отвести около 10 млн. га сельскохозяйственных земель, которые к моменту составления плана не использовались или использовались недостаточно, и 260 млн. зимбабв. долл. (в постоянных ценах) капиталовложений для их освоения [9, с. 66].

Следует отметить, что определенный опыт переселения крестьян традиционного сектора на новые земли был накоплен к моменту публикации плана. За первые два года независимого развития Зимбабве было переселено 14 тыс. семей [6, 1983, февраль]. Переселение велось по двум направлениям. Во-первых, на новых землях организовывались кооперативы; во-вторых, выделялись индивидуальные земельные участки с коллективными пастбищами, организацией сбыта и предоставлением орудий труда и другого инвентаря, необходимого для начала производства.

Планы переселения предусматривали не только выделение крестьянам земельных участков, но и предоставление услуг консультантов-агрономов и экономистов. Крестьяне могли также пользоваться ирригационными сооружениями, коммуникациями и т. п.

Во внешней торговле планом предусматривалось почти удвоение объема экспорта и импорта. При этом импорт должен был возрасти с 1249 млн. зимбабв. долл. в 1981/82 г. до 2314 млн. в 1984/85 г. с учетом позитивных сдвигов в пользу средств производства, а экспорт за тот же период — с 1085 млн. до 2094 млн. зимбабв. долл. при возрастании удельного веса сельского хозяйства [22, с. 102].

По мнению ряда обозревателей и экономистов, в частности ведущего экономиста Конфедерации зимбабвийской промышленности Р. Ридделла, которое он высказал в беседе с автором в Хараре в декабре 1982 г., трехлетний план развития Зимбабве был нереален, поскольку составлялся в условиях отсутствия необходимых исходных данных. Составители плана не могли также предвидеть резкого ухудшения мировой экономической ситуации в середине 80-х годов.

Деловые круги и ведущие экономисты страны выражали опасения, что существующая система цен, заработной платы и налогов не позволит достигнуть уровня капиталовложений, предусмотренных планом. К сожалению, их опасения оправдались. Трехлетний план не был выполнен по многим показателям.

В августе 1985 г. в парламенте страны выступил министр финансов, экономического планирования и развития Б. Чидзиро. Он подробно проанализировал причины невыполнения трехлетнего плана, отметил, в частности, что его цели не были достигнуты из-за ограниченного опыта зимбабвийских специалистов в области планирования и из-за плохих результатов экономической деятельности начиная с 1982 г. По его словам, в 1980 и 1981 гг., когда в страну хлынул поток долларов для оказания помощи послевоенному восстановлению, ежегодный темп роста экономики составлял 12%. В плане был заложен темп роста в 8%, но падение цен на полезные ископаемые — главные статьи экспорта Зимбабве — и другие последствия общего экономического спада привели к снижению темпов ежегодного роста на 1,5%.

Другой важной причиной невыполнения плана стала нехватка иностранной валюты. Многие иностранные компании к тому же прекратили свою деятельность из-за новой налоговой системы, хотя в Зимбабве, по словам Б. Чидзиро, благоприятный климат и достаточные гарантии для инвесторов. Он также сказал, что нельзя полностью полагаться на иностранные капиталовложения в развитие экономики, так как это равносильно согласию на то, чтобы внешние силы определяли судьбу страны.

За три года действия плана было переселено всего 18 тыс. крестьянских семей, или 11% от намеченного показателя, а за пять лет независимости число таких семей составило 32 тыс. [2, 1985, № 50]. Это объясняется, в частности, тем, что у государства не было средств для выкупа достаточного количества земли у белых фермеров.

Трудности страны усугублялись и быстрым ростом населения. В год составления плана была проведена перепись, которая показала, что число жителей Зимбабве достигло 7,5 млн. человек. А к середине 1985 г., когда завершился срок действия плана, население Зимбабве составило уже 8,4 млн. человек.

Вместе с тем трехлетний план, несмотря на все трудности его реализации, сыграл важную роль в накоплении опыта планирования в условиях Зимбабве, для разработки перспектив дальнейшего социально-экономического развития этого государства.

С середины 80-х годов экономическое положение Зимбабве вновь стало улучшаться после спада 1982—1984 гг., вызванного засухой и низкими ценами на экспортируемое страной сырье. В 1985 г. объем производства должен был увеличиться на 5% [2, 1985, № 50, с. 9]. Этому способствовал, в частности, рост почти на 20% экспорта кукурузы, табака, хлопка и некоторых других культур, в результате чего впервые с 1978 г. платежный баланс в 1985 г. имел положительное сальдо по статьям текущих операций. Сыграло свою роль и введение в марте

1984 г. чрезвычайных мер по контролю над валютным обменом и уменьшению расходов на импорт.

Выступая в июле 1986 г. на открытии съезда Конфедерации зимбабвийской промышленности, премьер-министр Р. Мугабе ~~сообщил~~ о разработке первого пятилетнего плана национального развития на 1986—1990 гг. и охарактеризовал его основные направления. Он отметил, что промышленности как ключевой отрасли экономики в нем будет уделено первостепенное внимание. За шесть лет независимости страна уже приобрела значительный опыт и намерена путем мобилизации всех внутренних ресурсов добиться выполнения поставленных задач. В области сельского хозяйства упор был сделан на поощрение и развитие кооперации. Уже в 1983 г. число кооперативов в стране достигло 1 тыс. и было в 2,5 раза больше, чем в 1980 г., а в 1984 г. оно возросло до 1340. Кооперативы создавались на строго добровольной основе. Поэтому в годы трехлетней засухи ни один кооператив не распался, несмотря на имевшиеся трудности. Трудности эти и в благоприятные в климатическом отношении годы состояли в недостатке опыта коллективного хозяйствования, в нехватке финансовых средств, техники, квалифицированных кадров, мелких масштабах производства. Для повышения рентабельности в условиях конкуренции со стороны белых фермеров кооператоры-африканцы стремились специализироваться в конкретных сферах деятельности, создавать при хозяйствах дополнительные мощности обрабатывающей промышленности (например, цехи по упаковке яиц при птицефермах). Правительственная программа предусматривала организацию профессиональной учебы кооператоров, призванной подготовить квалифицированных администраторов, учетчиков, агрономов и механизаторов.

Однако руководство страны понимало, что успешное социально-экономическое развитие Зимбабве во многом будет зависеть от внешних факторов, в частности от состояния отношений с ЮАР. Кроме того, оно возлагало большие надежды на расширение экономических связей в рамках Конференции по координации экономического развития независимых стран Юга Африки (САДКК) и созданной в 1982 г. зоны преференциальной торговли для востока и юга Африки.

Таким образом, в первый период независимого развития Республика Зимбабве, несмотря на ряд благоприятных факторов, столкнулась со многими проблемами, которые в значительной степени были следствием продолжительной освободительной борьбы. И хотя внешние атрибуты политической власти перешли к национально-патриотическим силам, реальная экономическая власть оставалась у прежних владельцев. Лучшие земли находились в основном в руках белых. Почти вся горнодобывающая промышленность принадлежала транснациональным корпорациям. То же самое относилось и к банкам, страховым компаниям, финансам в целом, транспортным ком-

паниям. Значительная часть капитала и лицензий, поступавших в страну через эти компании, находилась под иностранным контролем. И все же в этих условиях правительство молодой республики смогло осуществить меры по повышению жизненного уровня коренного населения, улучшению его социальной обеспеченности (установление минимума заработной платы, бесплатное медицинское обслуживание низкооплачиваемых категорий трудящихся, осуществление программ в области здравоохранения и просвещения и др.), направить развитие многих отраслей экономики страны в национальных интересах.

Л и т е р а т у р а

1. *Асоян Б. Р.* Зимбабве. М., 1983.
2. За рубежом. М.
3. *Ксенофонтова Н. А.* Народ Зимбабве. М., 1974.
4. Правда. М.
5. Республика Зимбабве. Справочник. М., 1985.
6. The African Business. L.
7. The African Report. L.
8. *Vanana C. S.* Theology of Promise. The Dinamics of Selfreliance. Harare, 1982.
9. The Chronicle. Bulawayo.
10. Economic and Agricultural Review of Zimbabwe. Harare, 1982.
11. Economic Aspect of the Struggle. Lusaka, 1979.
12. The Financial Gazette. Harare.
13. The Financial Times. L.
14. The Foreign Policy. Wash.
15. The Herald. Harare.
16. The International Herald Tribune. P.
17. Labour Research. L.
18. *Mlambo E. E.* No Future without Us. L., 1972.
19. Monthly Digest of Statistics. Salisbury.
20. *Nchwati F. M.* The Effect of Racial Discrimination on the African Worker in Rhodesia. Oxf., 1979.
21. Neue Zürcher Zeitung. Zürich.
22. Transitional National Development Plan 1982/83—1984/85. Vol. I. Harare, 1982.
23. Zimbabwe. A Field for Investment. Harare, 1981.
24. Zimbabwe's Inheritance. L., 1981.

В. Д. Сухоруков

**ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ
В ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЗВИТИИ АФРИКАНСКИХ СТРАН**

В экономическом развитии африканских стран заметно проявляются интеграционные тенденции. Отчасти это объясняется их общим стремлением ослабить свою зависимость от индустриально развитых стран, снизить воздействие внешних факторов и усилить значение внутренних на формирование взаимодополняющих национальных структур. Таким образом, намечающееся «смещение акцентов» в борьбе освободившихся стран континента за свою самостоятельность говорит о потенциальном значении межафриканской экономической интеграции. В этой связи в современных исследованиях усиливается интерес к данному процессу. Задача настоящей статьи — показать нынешнее состояние хозяйственной интеграции в Африке и наиболее важные проблемы, имеющиеся в этой сфере.

Африка — континент больших экономических возможностей. Африканские страны, взятые в совокупности, обладают всеми известными на Земле полезными ископаемыми, располагают обширными территориями плодородных земель, имеют значительные трудовые ресурсы. Вместе с тем африканское хозяйство представляет собой наиболее отсталую часть периферии мировой экономики. Хозяйственное положение большинства молодых государств Африки не улучшается. Выход из создавшейся ситуации развивающиеся страны континента видят в осуществлении совместной стратегии социально-экономического роста при опоре на собственные силы и в перестройке международных экономических отношений на справедливой, демократической основе. Такой подход нашел отражение в Монровийской программе (1979 г.) и в Лагосском плане действий (1980 г.), которые определяют пути развития Африки на период до 2000 г.

Первоочередная цель принятого плана — не интеграция в мировое капиталистическое хозяйство, но коллективное сотрудничество между самими освободившимися странами, изыскание совместных ресурсов экономического развития. Одним из направлений деятельности здесь является создание многонациональных отраслей промышленности, особенно таких, как металлургическая и химическая, где капитальные затраты высо-

ки и оптимальная мощность предприятий требует достаточно емкого внутреннего рынка. Большое место в плане уделяется продовольственной проблеме. Объединение средств и усилий предполагается также в непродовольственной сфере, в области использования людских ресурсов континента.

Неотъемлемой частью плана является сотрудничество африканских стран в решении экологических проблем, особенно тех, которые имеют последствия, выходящие за рамки национальных границ (и в первую очередь проблем Сахеля). В Заключительном акте Лагосского плана действий сформулирован призыв создать к 2000 г. африканский «Общий рынок» для обеспечения экономической, социальной и культурной интеграции континента. Главной его задачей будет всемерное содействие «коллективному, ускоренному, самообеспеченному и самостоятельному» развитию государств-членов в рамках концепции «коллективной опоры на собственные силы» [8, с. 3 Заключительного акта].

Первые региональные союзы и интеграционные экономические группировки появились в Африке, когда процесс деколонизации на континенте приобрел наиболее широкие масштабы. Впоследствии некоторые из этих союзов распались, другие подверглись реорганизации. В середине 80-х годов на континенте действовало 16 экономических группировок интеграционного характера [3, с. 154]. Наиболее значительные из них: Экономическое сообщество западноафриканских стран (ЭКОВАС). Конференция по координации развития стран юга Африки (САДКК), Экономическое сообщество стран Западной Африки (КЕАО), Таможенный и экономический союз стран Центральной Африки (ЮДЕАК), Экономическое сообщество стран района Великих озер Африки (ГЛЭК), Союз по развитию бассейна р. Ману (МАРИУН) и др. Большое количество различных институтов регионального и субрегионального значения создано в области финансов и банковского дела, изучения и освоения природных ресурсов, обслуживания промышленности, планирования и управления экономикой, подготовки кадров, торговли (см. [9, с. 264, 265]).

Как видно из этого перечня, система экономических межгосударственных организаций в Африке является обширной и сложной. При наличии некоторых специфических черт все эти группировки ставят перед собой общие задачи по подъему экономики стран-участниц и усилению хозяйственных связей между ними. Между тем известно, какие трудности встречаются на этом пути. Прежде всего следует отметить исключительную многоликость африканских государств с точки зрения их внутренних социально-экономических структур, величины природно-ресурсного и демографического потенциала, географического положения и т. д. Это препятствует сплочению, порождает дезинтеграционные тенденции в уже существующих экономических группировках, приводит их к стагнации и даже распаду.

К примеру, более развитым странам либерализация торговли и установление преференциальных тарифов приносят больше всего преимуществ. Для бедных стран, входящих в подобные группировки, основным результатом либерализации торговли может, вероятно, стать ухудшение состояния их платежных балансов. Тенденция к присвоению отдельными странами преимуществ интеграции послужила одной из причин, приведших к развалу Восточноафриканского сообщества. В данном случае все выгоды доставались Кении в ущерб Танзании и Уганде. Такой же исход угрожает сейчас Экономическому сообществу стран Западной Африки, где Нигерия занимает намного более прочное по сравнению с другими участниками положение [1, с. 316]. Сказываются трудности политического характера — идеология развития в отдельных странах неодинакова.

Препятствует региональному сотрудничеству в Африке широко представленная на континенте система производства на экспорт. Экспортные отрасли, отличающиеся удручающим однообразием производимой продукции, представляют основной тип специализации африканских стран. Противоречивым является механизм сбыта экспортных товаров, банковского дела, страхования, организации информации и подготовки специалистов. Требуется, чтобы весь этот механизм был ориентирован на облегчение перемещения товаров и рабочей силы между государствами Африки. О существовании ряда препятствий на пути межафриканской интеграции свидетельствует статистика внутриафриканской торговли. Доля ее во внешней торговле стран континента остается незначительной и в 80-е годы имела тенденцию к снижению — 4% в 1982 г. по сравнению с 5,6% в 1970 г. [3, с. 154]. Доля внутрирегиональной торговли отдельных экономических объединений в их общем экспорте в начале 80-х годов характеризовалась следующими показателями: 0,1% (МАРИУН), 0,2% (ГЛЭК), 3,9% (ЭКОВАС), 4,1% (ЮДЕАК), 6,9% (КЕАО) [2, с. 280—281].

Наконец, необходимо отметить фундаментальную для африканских стран проблему зависимости от мировых экономических центров. Нити контроля за экономикой государств континента держат в своих руках транснациональные корпорации (ТНК). Если хозяйственная интеграция молодых государств так или иначе затрагивает их интересы, то корпорации постараются «обеспечить» ее провал или будут способствовать мизерности ее результатов. В ряде случаев монополии могут оказывать поддержку экономическому сотрудничеству молодых государств, если решат, что это соответствует интересам ТНК. Однако деятельность корпораций, вероятнее всего, будет ограничиваться созданием в развивающихся странах второстепенных экономических объектов. (Например, в одном из докладов Института международных исследований при Калифорнийском университете в Беркли, США, фигурирует предприятие по производству бутылок для кока-колы, построенное японской ком-

паний в Нигерии, которое, по мнению авторов доклада, может стимулировать хозяйственную интеграцию в регионе [11, с. 60].

Следует также подчеркнуть, что процессы хозяйственной интеграции в Африке не затрагивают базовых вопросов, связанных с условиями совместного производства, особенно с контролем над ним. Уровень обсуждения проблем интеграции и ее практическое воплощение иногда доходят до абсурда: к примеру, Кот-д'Ивуар импортирует автомобили из Нигерии, но произведенные во Франции; Нигерия в то же время ввозит из Кот-д'Ивуара строительные материалы, изготавливаемые французской компанией, которая размещена в Абиджане [1, с. 318].

Несмотря на трудности, процессы хозяйственной интеграции в Африке не затухают. Растет число межафриканских организаций многостороннего сотрудничества, имеющих целью развитие отдельных районов, как, например, Межгосударственный комитет по борьбе с засухой в Сахеле, Организация сотрудничества по освоению района Липтако—Гурма, различные организации по комплексному освоению речных и озерных бассейнов (организации стран бассейнов рек Сенегал, Гамбия, Нигер и др.). На континенте действует ряд объединений стран-производителей и стран-экспортеров определенного вида продукции (межафриканские организации производителей риса, кофе, какао, арахиса, леса, фосфатов). В 1986 г. в Лагосе состоялась учредительная конференция Ассоциации африканских стран—производителей нефти (АППА). Ее участники—восемь государств: Алжир, Ангола, Бенин, Камерун, Конго, Габон, Ливия и Нигерия.

Необходимость создания региональной организации нефтедобывающих государств Африки предопределилась всем ходом событий, произошедших на континенте и на рынке нефти. На континенте появилась целая группа государств, где с каждым годом добывается все больше этого вида топлива. В ОПЕК входят только четыре африканские страны: Алжир, Ливия, Нигерия и Габон. Остальные производители нефти вынуждены были решать вопросы ее разведки, добычи и переработки один на один с нефтяными монополиями. Молодые государства были заинтересованы в налаживании взаимовыгодного сотрудничества друг с другом, чтобы ослабить зависимость от нефтяных корпораций. Падение цен на нефть с 28 до 9 долл. за баррель в первой половине 1986 г. нанесло огромный ущерб экономике африканских стран. Потери Нигерии в 1986 г. превысили 6 млрд. долл., Ливии—4 млрд., Алжира—3 млрд., Анголы—более 600 млн. долл. Общие потери африканских производителей нефти за тот год достигли 20 млрд. долл. [7]. В ходе прошедшей конференции страны—участницы ассоциации обсудили вопросы создания смежных предприятий в сотрудничающих государствах, обмена технологией, совместной подготовки специа-

листов, а также правовые вопросы в тесной увязке с задачами ОАЕ и ОПЕК.

Африканские страны делают попытки осуществления совместных программ в области промышленного производства, которые направлены на выпуск товаров, позволяющих сокращать импорт (производство строительных материалов, удобрений, сельскохозяйственного инвентаря). Эти программы предусматривают также создание предприятий по переработке сырьевых ресурсов. Примером совместного проекта может служить предприятие «Западноафриканский цемент» (СИМАО), созданное в Ломе силами Ганы, Кот-д'Ивуара, Того. Завод размещается у месторождения в Моно, его проектная мощность — 1880 тыс. т цементного клинкера (полуфабриката) в год [10, с. 108]. Основные потребители его продукции — два предприятия по дроблению клинкера в Гане, два в Кот-д'Ивуаре, одно в Того. Потребности в цементе стран-участниц в настоящее время удовлетворяются почти полностью.

Есть примеры промышленного сотрудничества и в других отраслях. Так, при участии Нигерии в Кот-д'Ивуаре создан и действует крупный асфальтовый завод. Предприятие по производству дегтя в этой стране построено силами Нигерии, Того и Буркина-Фасо. В Чаде работает текстильная фабрика, в Бенине — сахарный завод, созданные при содействии Камеруна и Нигерии. Эти и другие предприятия ориентированы в основном на рынки стран-партнеров.

Перспективными являются совместные программы по освоению и разработке месторождений бокситов и железных руд в Гвинее, Мали, Сенегале, фосфатов в Мавритании и др. Например, для эксплуатации бокситоносного района Дабола в Гвинее создано смешанное предприятие с участием Нигерии и Алжира. Нигерия, Ливия, Алжир и Либерия совместно ведут разработку гвинейских железных руд (Лесная Гвинея), вывоз которых осуществляется через либерийский порт Бьюкенен [4, с. 144].

Имеет место сотрудничество между африканскими странами на двусторонней основе. Так, Танзания и Алжир в 1983 г. разработали и приняли совместную программу в области промышленности. Конго и Республика Гвинея-Бисау заключили ряд соглашений о сотрудничестве в области промышленного развития и подготовки технических специалистов. Мозамбик и Зимбабве подписали соглашение о сотрудничестве в энергетике, транспорте и связи. К настоящему времени рассмотрено и принято около ста проектов, в частности по строительству международной телефонной станции в Зимбабве, электрификации железной дороги Хараре — Мапуту, реконструкции мозамбикского порта Бейра, обслуживающего пять африканских стран — Малави, Зимбабве, Заир, Ботсвану и Замбию. В сфере добычи полезных ископаемых сотрудничают Бенин и Алжир. Они реализуют также ряд сельскохозяйственных проектов, плани-

руют совместные меры по повышению эффективности работы транспорта, ведут строительство энергетических объектов.

Преимущества, заложенные в совместном предпринимательстве африканских стран, очевидны. Взаимное сотрудничество способствует расширению внутреннего африканского рынка, облегчая тем самым социально-экономический рост освободившихся стран, способствуя улучшению торговых отношений с индустриальными державами. Интеграционные процессы могут вызвать определенную рационализацию территориальной структуры хозяйства развивающихся стран Африки. В рамках отдельных группировок на каких-то этапах могут возникнуть межгосударственные экономические районы. Как полагает Ю. Д. Дмитриевский, они будут включать смежные территории соседних государств [6, с. 132]. В настоящее время выделить подобные районы еще не представляется возможным. Существуют определенные основания говорить лишь об ареалах потенциальных межгосударственных экономических районов.

Итак, приведенные выше примеры совместного сотрудничества африканских стран дают основания сдержанно оценить успехи интеграционных процессов в Африке. Пока они только в ограниченной степени содействуют уменьшению негативных тенденций в экономике, превращению стран континента из монокультурных экспортеров в государства с диверсифицированным индустриальным хозяйством, способным к самоподдерживающему развитию. Малоуспешными являются попытки оказывать нажим на центры мирового хозяйства, с тем чтобы отношения между ними и периферией отвечали жизненно важным целям африканских государств [5, с. 145]. Сотрудничество между африканскими странами в гораздо большей степени способствовало бы достижению указанных целей, если бы удалось добиться высокого уровня координации проводимой ими экономической политики и разрабатываемых программ. Необходимы также меры, которые были бы направлены на развитие в странах Африки производственной специализации, что придало бы их экономике взаимодополняющий характер. Однако в решении именно этих задач результаты более чем скромные. С чувством глубокого сожаления Клод Аке, профессор Порт-Харкортского университета в Нигерии, констатирует: «Лидеры африканских стран слишком не уверены в своем будущем, слишком ревностно относятся к вопросу о национальном суверенитете и слишком привязаны к прежним колониальным хозяевам, чтобы предпринять шаги, необходимые для координации политики и для обеспечения взаимодополняемости экономики своих стран. Они не в состоянии за короткое время добиться каких-либо результатов в условиях, когда последствия экономического застоя сказываются на политике и когда законность их власти постоянно подвергается сомнениям» [1, с. 301].

Таким образом, интеграционные тенденции в хозяйственном развитии африканских стран, несмотря на всеобщее признание

необходимости совместного сотрудничества, пока не способны фундаментальным изменениям их экономических и экономико-географических структур.

Л и т е р а т у р а

1. Аке К. Политическая экономия Африки. М., 1985.
2. Африка в цифрах (Статистический справочник). М., 1986.
3. Африка: энциклопедический справочник. Т. 1. М., 1986.
4. Гвинея. Справочник. М., 1980.
5. Гладкий Ю. Н. Индустриализация и региональное развитие в Африке. Л., 1987.
6. Дмитриевский Ю. Д. Территориальный аспект экономики развивающихся стран. Л., 1983.
7. Ермаченко И. «Черное золото» и АППА.— Известия. 10.02.1987.
8. Лагосский план действий по осуществлению Монровийской стратегии экономического развития Африки, принятый на 2-й Чрезвычайной ассамблее глав государств и правительств ОАЕ, посвященной экономическим вопросам и проходившей в Лагосе, Нигерия, 28—29 апреля 1980 г. ООН/Дос. А/S—11/14/.
9. Современный империализм и освободившиеся страны Африки. М., 1986.
10. Территориальная структура хозяйства современной Африки. М., 1980.
11. Moss J., Ravenhill J. Emerging Japanese Economic Influence in Africa: Implications for the United States. Berkeley, 1985.

Н. С. Бабинцева, Э. А. Салахов

**КАПИТАЛИЗМ В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ» —
СИНТЕЗ ТРАДИЦИОННОГО И СОВРЕМЕННОГО**

Проблема синтеза традиционного и современного исследуется в чрезвычайно интересной книге почти такого же названия, принципиально решающей задачу определения формационной принадлежности переходного общества «третьего мира» [21]. Выдвижение тезиса о синтезе традиционного и современного во всяком переходном периоде от одной формации к другой, безусловно, отвечает творческому духу марксизма гораздо больше, чем буквальное применение весьма абстрактной и чисто временной модели трехчленного формационного развития человеческого общества (см. [14]).

Широкий общеметодологический подход, продемонстрированный авторами «Синтеза традиционного и современного», позволяет, как нам представляется, распространить положение о синтезе на весь «третий мир», несмотря на то что книга анализирует материалы прежде всего по афро-азиатскому Востоку, хотя и на основе обширнейших историко-географических сопоставлений. Попытаемся с позиций теории синтеза рассмотреть становление и дальнейшую эволюцию капитализма в развивающихся странах. Подчеркнем прежде всего, что отмечаемые ныне в любом, даже самом популярном издании такие характерные черты социально-экономической структуры развивающихся стран, как многоукладность и дуальность их экономики, являются выражением этого синтеза. И то и другое явление подвергнуто в нашей литературе тщательному анализу (см. [8; 9; 12; 19]), поэтому мы остановимся лишь на некоторых моментах.

Первый вопрос: каково соотношение этих понятий между собой и с процессом становления капитализма? Идеи о многоукладности и дуальности экономики и общества развивающихся стран появились в литературе последовательно одна за другой, что, очевидно, отражало определенный порядок эволюции самой действительности. Конечно, термины «традиционный сектор» и «современный сектор» применялись и для характеристики колониального общества, но все-таки в ином смысле, нежели теперь. Категория «многоукладность» отража-

ла унаследованное от колониализма состояние базиса и всей экономики «третьего мира» сразу после завоевания политической независимости. Эта по сути своей колониальная многоукладность обладала такими качествами, как относительная устойчивость, малый динамизм и достаточная способность к воспроизводству каждого уклада в отдельности. Названные условия явились предпосылкой для того, чтобы капитализм первоначально формировался не просто как многослойный, но и как многоукладный.

Прямой причиной многоукладности капитализма явилась длительная разобщенность в развивающихся странах его верхушечного и низового потоков, порожденная большим разрывом в применяемой технике и ориентацией крупного капитала на деловые контакты во многом вне национальной экономики. Появление двух или нескольких капиталистических укладов, несомненно, усиливало многоукладность, но лишь на сравнительно небольшой период, так как она в это время под влиянием в первую очередь активной государственной деятельности обрела высокую динамичность и быстро трансформировалась в направлении собственного преодоления путем интегрирования всех укладов ведущим, в качестве которого на первых шагах экономической независимости выступал государственный капитализм. Но интегрирование протекало двуслойно. С одной стороны, обнаружилась тенденция к слиянию низового и верхушечного потоков становления капитализма и к созданию единого капиталистического производственного механизма. Как правило, это имело место в странах с демократическим типом капиталистического развития (см. [13; 20, с. 61]). С другой стороны, капитализм все больше отторгал от себя не интересовавшие его докапиталистические уклады, которые в целях выживания консолидировались и образовывали собственный докапиталистический производственный механизм бедности и пауперизма. Экономика и общество оказались расколотыми на два сектора — традиционный и современный. Примерно таков был ход событий в Индии.

В Африке сейчас вырисовывается сходная по тенденциям картина. В ряде стран Северной Африки намечается переход к дуальной экономике, но в Тропической Африке в основном еще имеет место многоукладность с ярко выраженным в некоторых странах (например, в Нигерии, Кении) разделением потока капитализма на низовой и верхушечный.

В странах с бюрократическим характером капитализма картина несколько иная. Низовой поток не получил там полноценного развития, и современный сектор представлен почти исключительно верхушечным капиталом, а все то предпринимательство, которое могло бы составить его низовую базу, опускается в традиционный сектор. Типичным примером является Турция. Здесь после массированного вторжения в промышленность в 50—60-е годы крупного частного капитала «сверху»,

преимущественно из торговли, мелкокапиталистическое предпринимательство начало увядать. Уменьшалось даже количество мелких предприятий, причем в производстве потребительских товаров, где традиционно концентрируется мелкое производство. Из всех вновь созданных в Турции в 70-е годы мелких предприятий 70% имели занятость не более одного-двух человек и лишь 3,5% предприятий нанимали от семи до девяти человек [25, с. 14]. Это означает, что практически все созданные за 70-е годы мелкие предприятия относились к традиционному сектору. В Тропической Африке еще до сих пор, видимо, капитализм не консолидировался в едином, в известном смысле, противостоящем всему традиционному обществу секторе. В верхушечном потоке не соединились еще его основные части: крупное национальное предпринимательство, иностранный капитал и государственный капитализм, а низовой поток развивается в основном как неформальный сектор. В целом применительно к Тропической Африке приходится говорить пока именно о многоукладности, в том числе в рамках самого капитализма.

Дуальность и многоукладность быстро идущей по пути капитализма экономики симптоматичны. Они сохраняются, безусловно, не потому, что капитализм не имеет финансовых сил их ликвидировать, но потому, что капитал в них заинтересован. Традиционные и докапиталистические структуры (ростовщичество, патриархальность отношений, остатки общинной взаимопомощи и т. д.) удерживают в деревне громадные массы населения, предохраняют их от классического «раскрестьянивания» и тем самым создают нормальную социально-политическую обстановку для развития капитализма. Если бы эти гигантские людские потоки в сотни миллионов были «освобождены» тем же самым капиталом от связи с землей, от докапиталистических пут, то при невозможности их поглощения капиталоемким, а не трудоемким промышленным производством они потрясли бы до основания всякую политическую стабильность. В этом именно, а не в старых связях основа союза, а порой и политическое подчинения капитала землевладельцам.

Латифундизм в Латинской Америке, видимо, надо считать составным элементом формирующегося там финансового капитала, а латифундизм, в свою очередь, консервирует не только минифундизм, докапиталистическую аренду, но и виды полурабской личной зависимости. Таким образом, в развитии латиноамериканского капитализма присутствуют не включенные в капиталистическое воспроизводство, но неотделимые от капитализма традиционные структуры. Недаром латиноамериканский экономист Теотонис Дос Сантос писал: «Живучесть традиционного сектора, которая столько раз вызывала ужас и восхищение, объясняется не его собственной силой, а той необходимостью в нем, которую испытывает промышленный капиталистический сектор экономики» [24, с. 68]. Расширение

традиционного сектора как за счет вытеснения низших форм капиталистического производства, так и за счет своего собственного автохтонного роста параллельно с современным отмечается и в ряде книг по частному предпринимательству в Африке (см., например, [15, с. 26]). Авторы ссылаются при этом и на конкретные полевые исследования французских ученых, проведенные в Кот-д'Ивуаре. Таким образом, дуальность экономики означает не просто сосуществование, а именно синтез в макроэкономическом масштабе традиционных структур и современного капитализма.

Синтез характеризует не только все капиталистическое общественное воспроизводство в масштабах страны, но и отдельные процессы формирования и отдельные части национального капитала. Синтез, безусловно, присутствует в мелком капиталистическом предпринимательстве. Так, в только что упомянутой книге об Африке указывается на формирование в африканском земледелии промежуточных структур, которые представляют собой симбиоз стадияльно разных укладных форм, в частности «слабо дифференцированных форм общинно-кабального и феодально-кабального типа с элементами мелко-товарного и мелкокапиталистического укладов» [15, с. 33]. Но даже и высшие капиталистические структуры в «третьем мире» характеризуются все тем же синтезом. Как хорошо известно, в целом ряде развивающихся стран уже образовались национальные монополии и финансовый капитал, которые в большинстве своем, хотя и по-разному, оказались сплетенными с докапиталистическими классами и прослойками. Например, в Латинской Америке, как отмечалось, капитализм с начала XIX в. (свержение испанского господства) формировался параллельно с концентрацией земельной собственности в частных руках, что и привело к своеобразному латиноамериканскому явлению — латифундизму, которое нельзя рассматривать как чистый пережиток феодализма. Это крупное частное землевладение, представляющее огромную экономическую и политическую силу, как таковое существует, несомненно, лишь в тесной связи с банками, промышленным капиталом, транснациональными корпорациями (ТНК).

Многие латифундисты занимают важные посты в промышленных, торговых и финансовых компаниях. Финансовые же и промышленные магнаты, в свою очередь, стремятся обзавестись земельными владениями не только для непосредственно предпринимательских целей, но и для повышения своего социального престижа, ибо латифундисты во многих странах, особенно в Аргентине, — это традиционно самый высший, привилегированный слой общества. Переплетение идет и по линии вложений накоплений латифундистов в промышленность, торговлю, банковское дело. Контакты с ТНК особенно значительны в формирующемся агробизнесе.

Латифундизм, таким образом, имеет как бы две стороны:

одна обращена к местному и иностранному финансовому капиталу и имеет чисто капиталистическую сущность; другая обращена к местному аграрному производству, где латифундизм, как правило, консервирует отсталость во всех отношениях — и в производительности труда, эффективности использования земель, и в системе подчинения сельского населения. Например, в 70-е годы в Бразилии в хозяйствах с площадью до 10 га возделывались почти $\frac{2}{3}$ участка, а в хозяйствах с земельным владением свыше 1000 га — лишь 1%. Капиталовложения же на единицу обрабатываемой площади в средних хозяйствах с применением наемного труда в два раза выше, чем в латифундиях [23, с. 319]. В аргентинской Пампе — основной сельскохозяйственной зоне страны — производство остается крайне экстенсивным, производительность труда понижается. Так, в первой половине 30-х годов в Аргентине производилось 598 кг зерна на жителя, а в начале 70-х годов — 261 кг. Количество голов крупного рогатого скота на душу населения упало с 5,5 в конце XIX в. до 2,1 в 70-е годы [4, с. 96]. Латифундизм сочетается с докапиталистическими формами аренды (издольщина), отработками, сохранением пеонажа, эквадорской уасипунгии, контроля над въездом и выездом крестьян, их занятиями торговлей и другими средневековыми ограничениями свободы личности.

Полуфеодальное явление латифундизма включается составной частью в латиноамериканский капитализм и его верхушечную часть — финансовый капитал. Своеобразный агропромышленный комплекс в Латинской Америке характеризуется как раз совмещением чисто капиталистической промышленности и отсталого сельского хозяйства. Типичным примером является латиноамериканская (аргентинская по стране базирования) финансово-монополистическая группа «Бунхе и Борн», владеющая 553 тыс. га плодородных земель, контролирующая $\frac{3}{4}$ мукомольной промышленности Аргентины, значительную часть других отраслей пищевой промышленности, часть текстильного и химического производства и даже машиностроение, в том числе производство оборудования по первичной обработке хлопка. Эта группа имеет филиалы в 80 странах и входит в первую пятерку международных монополий, контролирующих примерно 90% мировой капиталистической торговли зерном. Группа имеет также собственный банк.

Сходное положение можно наблюдать во многих других финансово-монополистических группах Латинской Америки, в частности в аргентинской «Сасетру», связанной с маслобоянным производством, виноделием, рыбным хозяйством, мясокомбинатами и холодильниками. Латифундизм включается в финансовый капитал и как очень своеобразное его банковское звено, точнее, как заменитель широкой сети банковских отделений в сельской местности. Банк выдает суммарный кредит латифундисту, а тот распространяет его в форме ростовщиче-

ского среди нуждающихся крестьян. Таким образом, система латифундизма, будучи составной частью финансового капитала Латинской Америки, синтезирует его с традиционными структурами. Подобным же образом обстоит дело в некоторых других развивающихся странах, в частности в Турции и в известном смысле, на Филиппинах.

Финансовый капитал в «третьем мире» использует и включает в свой состав не только земельную собственность, но и чисто традиционные институты типа общины. Характерный пример дает Юго-Восточная Азия. Видимо, так можно расценить ту часть программы «корпоративного хозяйствования» на Филиппинах [6, с. 60—63], которая призвана привлечь в сельское хозяйство крупный капитал на условиях владения землей и ее аренды при заключении контрактов с крестьянскими кооперативами «самаханг найон», использующими традиционную крестьянскую взаимопомощь «баянихан».

Очень большую роль в формировании и укреплении китайской финансовой верхушки в Юго-Восточной Азии играет китайская деловая община с ее традиционными институтами (см. [11, с. 83—90]). Специфика положения национального меньшинства заставила китайскую финансовую олигархию этого субрегиона успешно использовать традиционную социальную форму для прикрытия классовых различий в самой китайской общине и для подчинения всех ее классов и слоев финансовым магнатам. Кроме того, традиционная организация по кланам и диалектным ассоциациям поддерживает единство всех китайских мигрантов и действительно является до известных пределов формой взаимопомощи. Например, в этих группах существуют стипендиальные фонды, больницы, филантропические организации, внутренние страховые фонды, а также обычай предоставлять льготный кредит тем из членов общины, кто может в будущем преуспеть в деловой жизни, хотя в данный момент ничего не имеет. Все это делается на базе сохранения заимствованных из Китая традиций древних кланов, верности конфуцианству, преклонения перед предками, божествами-покровителями, соблюдения праздников, обрядов, поддержания храмов, замкнутости кланов, использования даже тайных обществ, деятельность которых граничит и порой открыто переходит в незаконную. Такая монолитность китайской деловой общины обеспечивает ее верхушке широкую и прочную основу и возможность проникновения в самые разные слои общества, доступность самой многообразной информации, хранящейся затем строго внутри общины. По-видимому, без традиционно-институциональной основы общины китайский финансовый капитал не смог бы добиться того места и роли в хозяйственной жизни, которую он имеет сейчас в Юго-Восточной Азии, да и за ее пределами (см. [11]).

Наконец, рассуждая о синтезе современных капиталистических форм с традиционными, нельзя не остановиться на вопро-

се о государстве. Отметим прежде всего, что в его деятельности еще в колониальный период мы находим такой синтез. В колониях, может быть, раньше, чем в метрополиях, отчетливо проявились государственно-монополистические черты и тенденции, так как необходимость в широкой экономической деятельности государства и в слиянии его силы с силой монополий здесь была больше. Так называемые «планы развития» для заморских территорий нередко появлялись раньше, чем для самих метрополий, развитие государством транспортной и частично ирригационной инфраструктуры в колониях началось еще задолго до второй мировой войны, а энергетики — сразу после войны. Система государственно-монополистического предпринимательства дополнялась жестким регулированием внешней торговли, созданием валютных зон, экспортом государственно-го капитала в виде «помощи». Вряд ли можно оспаривать государственно-монополистическую природу этих мероприятий с точки зрения финансового капитала Западной Европы. Но если посмотреть на них со стороны общества колоний, то они предстают в другом свете.

В докапиталистической экономике колоний эксплуатация могла осуществляться только насильственными и полунасильственными методами на основе внеэкономического принуждения. Их и использовало колониальное государство. В результате создавалось положение, похожее на древневосточные деспотии: государство играло активную роль в экономической жизни и использовало для этого методы насилия и внеэкономического принуждения. Поэтому деятельность колониального государства можно и нужно определять не только как государственно-монополистическую, но и как восточнодеспотическую (см. [5, с. 30—37]), причем обе стороны были нераздельны, представляя собой синтез традиционного (восточнодеспотического) и современного (государственно-монополистического). Чисто административное вмешательство государства, иногда в очень грубых формах, способствовало внедрению товарно-денежных отношений.

Денежный налог можно рассматривать как фактор внеэкономического принуждения. Во-первых, это была как бы колониальная дань завоеванных завоевателям. Во-вторых, во многих странах, особенно африканских, он представлял собой насилие над натуральным хозяйством. Распространение экспортных культур в Африке до 50-х годов осуществлялось благодаря значительному внеэкономическому принуждению. Колониальная администрация заставляла африканских крестьян культивировать строго определенные экспортные культуры, как правило в ущерб продовольственным.

Рынок труда в колониях создавался административными методами. Собственно говоря, трудно даже называть его рынком. Во всяком случае, это не был тот «свободный» рынок, где продавец рабочей силы свободен в двояком отношении: от

средств производства и от личной зависимости. Во многих случаях речь шла не о продаже рабочей силы, а о ее насильственном отчуждении, которое осуществляло государство в пользу иностранных монополий или европейских колонистов (насильственная вербовка, система контрактаций, насильственные переселения и т. п.). Характерным для колоний вплоть до послевоенного периода был принудительный труд на так называемых «общественных работах», т. е. отчуждение рабочей силы в рамках собственно государственного сектора колониального государства.

Восточнодеспотический характер имело и провозглашение колониального земельного фонда собственностью государства метрополии («коронные земли»). Капиталистическое государство выступало верховным сюзереном в докапиталистическом обществе. Синтез государственно-монополистического и восточнодеспотического объясняется тем, что в соприкосновение пришли различные способы производства. Монополии, попав в колонии, столкнулись с невозможностью экономически реализовать свое политическое господство, воспользоваться его результатами. Тогда на помощь было призвано государство. Но машина буржуазного государства, столкнувшись с докапиталистическим базисом колоний, подверглась его влиянию, которое и привело к появлению в деятельности и характере буржуазного государства восточнодеспотических черт. Оно показало также, что широкая государственная экономическая деятельность при сохранении докапиталистических структур может протекать только с элементами восточнодеспотических черт. Неизбежность обратного влияния базиса завоеванного общества на методы и аппарат его эксплуатации завоевателями подчеркивал К. Маркс: «И способ грабежа опять-таки определяется способом производства. Например, *stock-jobbing nation* (нация с развитой биржевой спекуляцией) не может быть ограблена таким же способом, как пастушеский народ» [1, т. 12, с. 724].

Аналогично, хотя и в другой генетической взаимосвязи, стоит, видимо, вопрос о деятельности национального государства, государственном капитализме и государственно-монополистическом капитализме в современных развивающихся странах. Он рассматривается в литературе применительно ко многим государствам Латинской Америки и Азии, где сегодня наблюдается становление и развитие монополий и финансового капитала. Что касается Африки, то о государственно-монополистической тенденции, связанной с национальным капиталом, говорить можно лишь с большой осторожностью применительно к некоторым странам Магриба. В Тропической Африке речь идет скорее о государственном капитализме. Ряд авторов выдвигают предположение о принципиальной возможности трансформации производственных отношений в освободившихся странах непосредственно в государственно-монополистические, минуя исто-

рически предшествующие фазы развития капитализма. Так, например, Н. А. Симония пишет: «Чисто теоретически для тех азиатских стран, которые пытаются решить проблему экономической самостоятельности, оставаясь в рамках капиталистической формации, представляется лишь один „выход“ — скачок через фазу частнохозяйственного капитализма в фазу специфического (не только по своему генезису, но и по некоторым чертам) государственно-монополистического капитализма» [17, с. 18]. Причем одним из исходных источников государственно-монополистического капитализма Н. А. Симония считает государственный капитализм.

Противоположную позицию занимает Г. К. Широков, полагающий, что в условиях дуальной экономики гипертрофированная роль государства постепенно будет сокращаться и превращаться в подсобную, а «государственный капитализм здесь не будет перерастать в государственно-монополистический» [20, с. 20]. Различие точек зрения прослеживается и применительно к отдельным странам. Так, например, очень острая дискуссия по этому вопросу идет среди тюркологов (см. [10, с. 36, 37; 16, с. 271; 22, с. 35]). Обратимся поэтому к конкретным материалам по Турции, чтобы попытаться найти подходы к проблеме в более общем виде.

Экономическая деятельность государства в Турции, которая развивалась в 20—40-е годы, до сих пор очень велика. Сейчас в ней отчетливо заметно подчинение интересам монополий, так что можно говорить об элементах государственно-монополистического капитализма. Сращивание силы монополий с силой государства в Турции происходит в разных формах. Одна из главных в настоящее время — налоговое стимулирование крупного бизнеса. По новому законопроекту частные акционерные компании подлежат обложению налогом в размере от 35 до 46% при налоге на прибыль для государственных компаний в 50% [27, с. 26]. Корпорационные налоги в Турции оказываются значительно меньше вычетов из зарплаты. Так, в 1983 г. последние составили 1068 млрд. лир, а налоги на корпорации — 272 млрд. лир. В 1984 г. соответствующие показатели были 1450 млрд. и 385 млрд. лир [26, с. 21].

Государство поставляет по льготным ценам крупным предпринимателям сырье и топливно-энергетические ресурсы, производимые на государственных предприятиях, что ведет к убыточности последних и перераспределению созданной там прибавочной стоимости в пользу монополий. Большую роль играет государство в кредитовании частного капитала. Так, в 1984 г. Центральный банк выдал кредиты монополистическим объединениям, работавшим на экспорт, и частным банкам в сумме более 1 трлн. лир, причем с 20—25%-ной ставкой, в то время как сам Центральный банк получал ссуды от других банков из расчета 53% годовых. Убытки банка от указанной операции составили 160 млрд. лир [29, с. 8].

Государство до сих пор берет на себя инвестирование таких отраслей, куда частный капитал не идет из-за низкой прибыльности: энергетика, транспорт, связь, горнодобывающая промышленность и др. Правительство Турции и непосредственно оказывает помощь монополиям, которым грозит банкротство, выдавая займы и даже безвозмездные субсидии, как было, например, в 1982 г. с группой «Казаноглу—Джавушоглу холдинг». Национализации с выплатой компенсации были подвергнуты 30 нерентабельных предприятий этой группы. В 1985 г. для спасения от банкротства 225 компаний государство предоставило им 200 млрд. лир кредита из 30% годовых при общей средней ставке в стране в это время 70% [29, с. 8]. Такого рода данные показывают, что в Турции идет всемерная поддержка и поощрение государством крупного монополистического капитала. Это заставляет поставить вопрос о возможности развития в Турции государственно-монополистического капитализма.

Однако утвердительно ответить на него трудно. Во-первых, при сформированности такой системы государство служит интересам монополий и подчиняется им, выражая именно их интересы и являясь их органом. Монополии диктуют ему свою волю не только в экономических делах, но и при проведении внешней и внутренней политики. В Турции указанные моменты присутствуют не в полной мере. Прежде всего чисто экономическая мощь государства настолько велика, что оно может диктовать частному капиталу свою волю. Государственные экономические организации осуществляют 35% всех инвестиций в стране, в госсектор входит весь железнодорожный транспорт, почти вся электроэнергетика, связь, горнодобывающая промышленность, значительная часть обрабатывающей, половина банковско-кредитной сети. Государственные предприятия — самые крупные в Турции. Уровень концентрации на них в пять-семь раз превышает таковой у частных компаний. Государственные корпорации, по существу, приобрели характер монополий, причем более крупных, чем частные. Например, государственная нефтяная корпорация «Турки петроли» в начале 80-х годов по объему продаж заняла 100-е место среди 500 ведущих неамериканских корпораций, а самая могущественная частная турецкая промышленная монополистическая группа «Коч-Холдинг» — только 200-е.

Эти гигантские рычаги воздействия на экономику находятся в руках государства, которое, видимо, еще не имеет чисто буржуазной классовой природы. Как хорошо известно, после установления республики турецкая буржуазия была настолько слабой, что не могла ни создать собственной политической организации, ни претендовать на политическое господство. В то же время в Турции, не терявшей формального суверенитета, давно существовала сформировавшаяся национальная государственная машина с ее бюрократическим аппаратом, т. е.

созданная другими классами готовая организационная форма, через которую смогла получить самовыражение и турецкая буржуазия. Естественно, что в государственной машине, унаследованной от феодализма и развивавшейся далее в условиях дуальности экономики, очень сильно влияние встроженных в современные структуры элементов феодальных отношений, о которых говорилось ранее. В Турции таким элементом явилась анатолийская земледельческая знать. Положение в этой стране очень напоминало картину в Японии эпохи Мэйдзи, когда старый государственный аппарат стал выразителем интересов зарождавшегося класса буржуазии. Капитализм там формировался и длительное время развивался в полуфеодальной политической оболочке.

В Турции она сохраняется и по сей день. Нельзя забывать и о том, что при развитой бюрократии интересы бюрократической верхушки в известной мере обособляются, особенно в условиях неполной однозначности классовой природы государственной власти. Это создает возможность противостояния бюрократии обществу, в том числе и монополистическому капиталу. Во всяком случае, о полном слиянии их интересов в Турции говорить, видимо, нельзя. Государство пытается подчинять себе капитал политически и опирается при этом на свою экономическую мощь. Так, придя к власти в 1980 г., военные разъяснили, что дело монополий — «заниматься экономикой, предпринимательством, и в этих вопросах они получают поддержку; что же касается мероприятий, относящихся к внутренней и внешней политике, то этим должны заниматься власти» (цит. по [7, с. 108]). Все это дает основание сделать вывод о том, что существующий политический режим в Турции может быть охарактеризован как бюрократический, согласно классификации Н. А. Симонии [18, с. 92].

Сказанное выше не позволяет приравнять существующее проявление государственно-монополистического капитализма к полнокровному его варианту, тем более если учесть дуальность экономики Турции и наличие в стране хотя и слабого, но зато в значительной мере изолированного от монополий низового потока становления капитализма. Для последнего государство выступает как обычный на ранних этапах капитализма искусственный двигатель развития. Таким образом, и при формировании капитализма государственная экономическая деятельность порождает неоднозначные отношения, содержащие элементы как государственного, так и государственно-монополистического капитализма. В разных странах их соотношение различно. Видимо, в Индии, где низовый поток капитализма гораздо сильнее и где он уже сливается с верхушечным, придавая всему индийскому капитализму, как считают специалисты [13, с. 61], демократический характер, преобладающие получают элементы госкапитализма. В противоположность этому в Турции государство ориентируется на монопо-

листический капитал, и в переплетении государственного капитализма с элементами государственно-монополистического капитализма превалирует последний.

Сохранение же дуальности экономики и, как следствие, синтетического характера власти государства позволяет последнему использовать характерные для докапиталистических формаций методы регулирования экономики и надзора за обществом, до известной степени подчиняя себе и сам финансовый капитал. Как выразился по поводу нефтяных монархий Ближнего Востока Р. Н. Андреасян, там «складывается своеобразный государственный феодально-монополистический капитализм» [3, с. 11]. Такой синтез является частью и порождением более широкого синтеза традиционного и современного при становлении и развитии капитализма на базе дуальности, опережающего развития монополистического капитала в «третьем мире». В этом много сходства со становлением капитализма в Японии и частично в России, где, безусловно, имел место такой же синтез, что и нашло отражение в ленинском определении русского империализма как «военно-феодального» [2, с. 395, 396].

Л и т е р а т у р а

1. Маркс К. Из рукописного наследства.— Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 12.
2. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма.— Т. 27.
3. Андреасян Р. Н. «Нефтяное процветание» и капиталистическая трансформация.— Азия и Африка сегодня. 1979, № 1.
4. Аргентина. Тенденции социально-экономического развития. М., 1980.
5. Бабинцева Н. С. О восточнодеспотических чертах в деятельности колониального государства в Африке.— Вестник Ленинградского университета. Сер. «Экономика, философия, право». Вып. 5. 1968.
6. Барышникова О. Г. Экономика Филиппин в настоящем и будущем. М., 1986.
7. Буржуазия и социальная эволюция стран зарубежного Востока. М., 1985.
8. Восток. Рубеж 80-х годов. М., 1983.
9. Зарубежный Восток и современность. Т. 1—3. М., 1980—1981.
10. Капитализм в Турции: социально-экономическое развитие в 50—80-е годы. М., 1987.
11. Китайские этнические группы в странах Юго-Восточной Азии. М., 1986.
12. Левковский А. И. Социальная структура освободившихся стран. М., 1978.
13. Противоречивая эволюция (Международный обмен мнениями о капиталистическом развитии в афро-азиатском регионе).— Проблемы мира и социализма. 1981, № 12.
14. Развивающиеся страны в современном мире. Единство и многообразие. М., 1983.
15. Развитие частного предпринимательства в странах Тропической Африки. М., 1987.
16. Розалиев Ю. Н. Экономическая история Турецкой Республики. М., 1980.
17. Симония Н. А. К вопросу о судьбах капитализма в странах Азии.— Азия и Африка сегодня. 1979, № 2.
18. Симония Н. А. Национально-государственная консолидация и политическая дифференциация развивающихся стран Востока.— Мировая экономика и международные отношения. 1983, № 1.
19. Традиционные структуры и экономический рост в Индии. М., 1984.

20. Широков Г. К. Техническое переоснащение и социально-экономическая трансформация стран Востока.— Азия и Африка сегодня. 1979, № 7.
21. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
22. Экономическое развитие современной Турции. М., 1983.
23. Anuario estatístico do Brasil. 1977. Rio de Janeiro, 1978.
24. Dos Santos. Socialismo o fascismo: dilemma latinoamericana.— Santiago de Chile. 1969.
25. Genel sanayi ve isyerleri sayimi. Türkiye toplami. Estambul, 1980.
26. OECD Economic Survey. Turkey. P., 1985.
27. The Middle East News Economic Weekly. Cairo, 1987.
28. The Financial Times. L.
29. Türkiye postasi. B.

Б. А. Вальская

**ЛЕТОПИСЬ ВОСТОЧНОЙ КОМИССИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА СССР
за 1987—1990 гг. ***

1987

21 января на совместном заседании Восточной комиссии и Ленинградского индологического семинара, посвященного национальному празднику — Дню республики, — были заслушаны два доклада: П. А. Баранникова «Визит М. С. Горбачева в Индию — новый этап советско-индийского сотрудничества» и Е. Я. Люстерник «Индия в научной и общественной мысли России на рубеже XIX и XX веков».

18 февраля О. С. Сорокина выступила с докладом «Миф об Атлантиде в свете индоевропейской логико-философской традиции».

25 марта Е. Я. Люстерник и Е. А. Западова рассказали о русских в Индии в 30—60-х годах XIX в., а А. П. Терентьев-Катанский сообщил об украшениях и одежде тангутских женщин.

15 апреля состоялись два доклада: М. Ф. Чигринского «Из истории китайско-голландской борьбы за Тайвань в XVII веке» и Л. А. Яшкина «Члены Русского географического общества — участники освобождения Болгарии от турецкого ига».

27 мая Восточная комиссия совместно с Ленинградским отделением Ассоциации советских китаеведов провела заседание, посвященное памяти Виктора Васильевича Петрова. Л. Н. Меньшиков выступил с докладом «Жизнь и научная деятельность В. В. Петрова». С научными сообщениями и воспоминаниями выступили Б. А. Рифтин, Е. А. Серебряков, Г. Я. Смолин, В. Ф. Сорокин, Н. А. Спешнев, Ю. Л. Кроль. К заседанию была открыта выставка печатных работ В. В. Петрова.

28 октября на заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской революции, выступили М. Б. Пиотровский — «СССР и арабские страны» и Р. Я. Рассудова — «Народы Средней Азии на новом пути».

18 ноября состоялось заседание, посвященное памяти Ва-

* О работе Восточной комиссии Географического общества СССР с 1955 по 1986 г. см. [1; 2; 3].

дима Александровича Ромодина, на котором были заслушаны доклады П. И. Хотеева «Труды В. А. Ромодина по изучению Афганистана» и А. Л. Грюнберга «Три месяца в Афганистане (январь—апрель 1987 г.)». Затем были исполнены традиционные восточные мелодии.

16 декабря Восточная комиссия посвятила свое заседание памяти председателя комиссии Дмитрия Алексеевича Ольдерогге. Были заслушаны доклады: В. С. Ягья «Слово о Д. А. Ольдерогге», А. Б. Давидсона «Слово об учителе», А. А. Жукова «Ольдерогге и африканистика в Ленинградском университете», Ю. К. Поплинского «Д. А. Ольдерогге и африканские источники», К. И. Позднякова «История и лингвистика в советской африканистике», Н. М. Гиренко «Концепция колониального общества и этносоциальная история Африки». К заседанию была открыта выставка печатных трудов Д. А. Ольдерогге.

В 1987 г. вышел в свет XXV выпуск сборника «Страны и народы Востока. География. Этнография. История», посвященный тридцатилетию Восточной комиссии Географического общества СССР, объемом 20 печатных листов.

1988

6 января П. А. Грязневич выступил с докладом «Итоги работ Советско-Йеменской комплексной экспедиции (1983—1987)». К. К. Шилик рассказал об изменении уровня Мирового океана и проблемах археологии (по материалам полевых исследований экспедиции).

10 февраля состоялся доклад А. Н. Ланькова «Поездка в Корейскую Народную Демократическую Республику в 1985 г.».

23 марта заслушан доклад Б. Г. Доронина «Путешествие по Тибету в 1986 г.».

6 апреля заслушан доклад П. В. Комина «Полгода среди папуасов Западного Ириана (к 100-летию со дня смерти Н. Н. Миклухо-Маклая)». Доклад сопровождался показом слайдов.

20 апреля на заседании комиссии выступил В. Р. Арсеньев с докладом «Культура народов Мали (Опыт работы этнографа)».

25 мая заседание Восточной комиссии было посвящено обсуждению сборников «Страны и народы Востока». С докладом «Двадцать пять выпусков сборника „Страны и народы Востока“ (1959—1987)» выступил В. В. Перцмакер.

26 октября состоялся доклад М. Б. Пиотровского «Путешествие по Махре (Южная Аравия) в 1988 г.».

23 ноября заслушан доклад О. Г. Пересыпкина на тему «Внешняя политика СССР в условиях перестройки».

30 ноября А. Н. Ланьков рассказал о своей поездке в Сеул осенью 1988 г.

21 декабря заседание Восточной комиссии было посвящено современному исламу. Его вступительным словом на тему «Ислам и политика» открыл П. А. Грязневич. С докладами выступили: Е. А. Резван на тему «Коран в современной политической жизни», Д. В. Ермаков «О деятельности организации „Братья-мусульмане“» и А. Д. Кныш «Полевые исследования культа святых в Хадрамауте».

1989

18 января состоялся доклад А. Л. Грюнберга «Уроки Афганистана».

15 февраля на совместном заседании Восточной комиссии и Отделения этнографии выступила Т. К. Посова с докладом «Индуизм в его отношении к человеку и миру (по материалам санскритских источников)».

22 марта совместное заседание Восточной комиссии и Комиссии планетологии было посвящено индийской космогонии и современной космологии. С докладом выступила О. С. Сорокина.

26 апреля заседание Восточной комиссии было посвящено 100-летию со дня рождения Василия Васильевича Струве, которое вступительным словом открыл М. Н. Боголюбов. О жизни и научной деятельности В. В. Струве рассказали А. А. Большаков, М. В. Воробьев, М. А. Дандамаев, Ю. Л. Кроль и др.

31 мая на заседании, посвященном Дню освобождения Африки, выступила Г. А. Лашова с докладом «Миграционные процессы в Магрибе».

25 октября В. В. Рыбин поделился своими впечатлениями о поездке в Японию в 1988—1989 гг.

15 ноября было прочитано четыре доклада: П. А. Грязневич — «Новые открытия в Южной Аравии», М. А. Родионов — «Обычаи и обряды Хадрамаута», А. Д. Кныш — «Культовые памятники и народные формы ислама в Южной Аравии», И. О. Редькин — «Диалекты Хадрамаута».

6 декабря состоялось заседание на тему «Владимир Сергеевич Стариков: жизнь в науке (к 70-летию со дня рождения)». С характеристикой вклада доктора исторических наук В. С. Старикова в отечественную науку и с воспоминаниями о нем выступили О. К. Войнюш, М. В. Воробьев, К. Д. Лаушкин, Ю. В. Маретин, В. А. Петрицкий, М. А. Пчелина, Л. И. Чугуевский.

1990

17 января Н. Г. Пчелин рассказал об изучении Китая французскими учеными XVII—XVIII вв.

7 февраля на заседании Восточной комиссии выступили: О. Ф. Акимускин — «Ленинградские востоковеды в универ-

ситете Индианы (ноябрь 1989 г.)» и М. Н. Боголюбов — «Два месяца в Калифорнийском университете (декабрь 1989 г.)».

14 марта состоялся доклад В. В. Перцмахера «Роль старых карт в изучении стран Востока (Природа, население, хозяйство и окрестности индийского города Транкебар на немецком плане середины XVIII в.)».

18 апреля совместное заседание Восточной комиссии и Отделения этнографии было посвящено Индии. С докладом «Индия сегодня (февраль—март 1990 г.)» выступила С. А. Маретина.

23 мая с докладом «С. Рушди о пророке Мухаммаде» выступил М. Б. Пиотровский.

30 мая В. В. Кушев рассказал о племенах Афганистана.

Л и т е р а т у р а

1. *Вальская Б. А.* Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 10 лет (1955—1965).— Страны и народы Востока. Вып. 8. М., 1965.
2. *Вальская Б. А. и Сахаров И. В.* Восточная комиссия Географического общества СССР в 1966—1972 гг.— Страны и народы Востока. Вып. 15. М., 1973.
3. *Вальская Б. А.* Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 1973—1986 гг.— Страны и народы Востока. Вып. 25. М., 1987.

CONTENTS

<i>M. N. Bogolyubov.</i> A Note by the Oriental Commission of the USSR Geographic Society	5
<i>B. A. Valskaya, A. A. Zhukov, V. S. Yagya, D. A. Olderogge</i> and the Geographic Society of the USSR	6

GEOGRAPHY. TRAVELS

<i>D. A. Olderogge.</i> Three Cities in Western Sudan—Three Capitals	18
<i>O. G. Gerasimov.</i> Travelling in the Great Desert	30
<i>O.-M. M. Klaasen, G. R. Nilander</i> —the First Estonian Scholar of Africa . .	50
<i>Yu. D. Dmitriyevsky.</i> Africa's Climatic Resources	58
<i>M. P. Zabrodsкая.</i> Main Trends in Regional Comprehensive-Geographic Analysis of Africa's Territory	67
<i>O. P. Litovka.</i> The Sahel: Problems of Urbanization and Industrialization .	76
<i>V. S. Yagya.</i> Change in the Geographic Pattern of the Population and Politico-Geographic Processes in Developing Countries	83
<i>G. L. Galperin.</i> Concerning Population Migration in Ethiopia (Before the 1974 Revolution)	97
<i>G. A. Lashova.</i> The Evolution of the Process of Migration to France from Maghreb countries	116

HISTORY. CULTURE

<i>A. M. Khazanov.</i> The Mbudu and Jaga of Angola on the Eve of Portugal's Colonial Expansion	125
<i>N. M. Girenko.</i> Culture and Social Development in the Rural Areas of Tanzania	141
<i>V. G. Kukuyan.</i> Contributions by Russian Scientists and Travellers to the Studies of Algeria (from the 17th to the early half of the 19th century)	150
<i>M. I. Shevchuk.</i> The Development and Forms of Anti-Colonial Struggle in East Africa (1918—1939)	171
<i>A. V. Khrenkov.</i> On the History of Russo-Ethiopian Religious Contacts . .	180
<i>Yu. M. Kuzmin.</i> West-European Contention over the Project of the Jibuti-Addis Ababa Railway	208
<i>V. M. Platonov.</i> Traditional Education in Ethiopia	221
<i>G. A. Papysheva.</i> Artistic Design of the Manuscripts in Ethiopia of the 15th-18th Centuries	245

ECONOMICS

<i>V. I. Gusarov.</i> A Threshold and the Beginning of Zimbabwe's Independent Socio-Economic Development (1965—1985)	258
<i>V. D. Sukhorukov.</i> Integration Tendencies in Africa's Economic Policies . .	275
<i>N. S. Babintsev, E. A. Salakhov.</i> Third World Capitalism: a Fusion of Old and New	282
<i>B. A. Valskaya.</i> A Chronicle of the Oriental Commission of the USSR Geographic Society for 1987-90	295
Contents	299

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. Н. Боголюбов.</i> От Восточной комиссии Географического общества СССР	5
<i>Б. А. Вальская, А. А. Жуков, В. С. Ягья, Д. А. Ольдерогге</i> и Географическое общество СССР	6
ГЕОГРАФИЯ. ПУТЕШЕСТВИЯ	
<i>Д. А. Ольдерогге.</i> Три города Западного Судана — три столицы	18
<i>О. Г. Герасимов.</i> По дорогам великой пустыни	30
<i>О.-М. М. Клаасен, Г. Р. Нилэндер</i> — первый эстонский африканист	50
<i>Ю. Д. Дмитриевский.</i> Климатические ресурсы Африки	58
<i>М. П. Забродская.</i> Основные тенденции развития регионального комплексно-географического анализа территории стран Африки	67
<i>О. П. Литовка.</i> Сахель: проблемы урбанизации и индустриализации	76
<i>В. С. Ягья.</i> Сдвиги в географии населения и политико-географические процессы в развивающихся странах	83
<i>Г. Л. Гальперин.</i> К вопросу о миграциях населения в Эфиопии (до революции 1974 г.)	97
<i>Г. А. Лашова.</i> Эволюция миграционных процессов из стран Магриба во Францию	116
ИСТОРИЯ. КУЛЬТУРА	
<i>А. М. Хазанов.</i> Народы Анголы накануне португальской колониальной экспансии (мбунду и жага)	125
<i>Н. М. Гиренко.</i> Культура и общественное развитие в аграрных районах Танзании	141
<i>В. Г. Кукуян.</i> Вклад русских ученых и путешественников в изучение Алжира (XVII — первая половина XIX в.)	150
<i>М. И. Шевчук.</i> Становление и формы антиколониальной борьбы в Восточной Африке (1918—1939)	171
<i>А. В. Хренков.</i> К истории русско-эфиопских религиозных контактов	180
<i>Ю. М. Кузьмин.</i> Борьба западноевропейских держав вокруг строительства железной дороги Джибути — Аддис-Абеба	208
<i>В. М. Платонов.</i> Традиционное образование в Эфиопии	221
<i>Г. А. Папышева.</i> Искусство художественного оформления рукописи в Эфиопии XV—XVIII вв.	245
ЭКОНОМИКА	
<i>В. И. Гусаров.</i> Зимбабве: рубеж и начало самостоятельного социально-экономического развития (1965—1985)	258
<i>В. Д. Сухоруков.</i> Интеграционные тенденции в хозяйственном развитии африканских стран	275
<i>Н. С. Бабинцева, Э. А. Салахов.</i> Капитализм в «третьем мире» — синтез традиционного и современного	282
<i>Б. А. Вальская.</i> Летопись Восточной комиссии Географического общества СССР за 1987—1990 гг.	295
Contents	299

Научное издание

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Вып. XXVII

Африка

(География, история, культура, экономика)

*Утверждено к печати
Восточной комиссией
Географического общества СССР
Академии наук СССР*

Зав. редакцией *Г. С. Киселев*
Редактор *А. Я. Хазизова*
Младший редактор *Г. С. Горюнова*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *Г. А. Никитина*
Корректор *А. Е. Шелгева*

ИБ № 16697

Сдано в набор 02.11.90. Подписано к печати 08.04.91. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 19,0. Усл. кр.-отт. 19,0. Уч.-изд. л. 20,75. Тираж 1350 экз. Изд. № 7129. Зак. № 444. Цена 5 р.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21
3-я типография издательства «Наука»
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНОЙ РЕДАКЦИЕЙ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

готовится к изданию книга

Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. 20 л.

Книга состоит из записок русских путешественников, побывавших в XVIII в. в странах Востока. Это — редкие исторические материалы, большинство из которых было опубликовано сто и более лет назад. Один из источников — записки Хрисанфа Неопатрасского — публикуется впервые. Книга снабжена подробными научными комментариями.

ЗАКАЗЫ НА КНИГУ ПРИНИМАЮТСЯ ВСЕМИ МАГАЗИНАМИ КНИГОТОРГОВ И «АКАДЕМКНИГИ», А ТАКЖЕ ПО АДРЕСУ: 117393 МОСКВА, УЛ. АКАДЕМИКА ПИЛЮГИНА, ДОМ 14, КОРП. 2, МАГАЗИН № 3 («КНИГА — ПОЧТОЙ») «АКАДЕМКНИГИ».

**Книги Главной редакции восточной литературы
издательства «Наука» можно предварительно заказать
в книготорговых организациях
всесоюзной фирмы «Академкнига».**

**ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ КНИГ ПОЧТОЙ
ЗАКАЗЫ ПРОСИМ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:**

Магазины «Книга — почтой»

- 252208 Киев, пр-т Правды, 80а;
197345 Ленинград, ул. Петрозаводская, 7;
117393 Москва, ул. Академика Пилюгина, 14, кор. 2;
700043 Ташкент, ул. Дружбы народов, 6.

**Магазины «Академкнига»
с указанием отделов «Книга — почтой»**

- 480091 Алма-Ата, ул. Фурманова, 91/97 («Книга — почтой»);
370005 Баку, ул. Коммунистическая, 51 («Книга — почтой»);
232600 Вильнюс, ул. Университето, 4 («Книга — почтой»);
690088 Владивосток, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»);
320093 Днепропетровск, пр-т Гагарина, 24 («Книга — почтой»);
734001 Душанбе, пр-т Ленина, 95 («Книга — почтой»);
375002 Ереван, ул. Туманяна, 31;
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 («Книга — почтой»);
420043 Казань, ул. Достоевского, 53 («Книга — почтой»);
252030 Киев, ул. Ленина, 42;
252142 Киев, пр-т Вернадского, 79;
252025 Киев, ул. Стретенская, 17;
277012 Кишинев, пр-т Ленина, 148 («Книга — почтой»);
343900 Краматорск, Донецкая обл., ул. Марата, 1 («Книга —
почтой»);
660049 Красноярск, пр-т Мира, 84;
443002 Куйбышев, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»);

- 191104 Ленинград, Литейный пр-т, 57;
199164 Ленинград, Таможенный пер., 2;
194064 Ленинград, Тихорецкий пр-т, 4;
220012 Минск, Ленинский пр-т, 72 («Книга — почтой»);
103009 Москва, ул. Тверская, 19а;
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7;
630076 Новосибирск, Красный пр-т, 51;
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»);
142284 Протвино, Московская обл., ул. Победы, 8;
142292 Пущино, Московская обл., МР «В», 1 («Книга — почтой»);
620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»);
700047 Ташкент, ул. Ю. Фучика, 1;
700029 Ташкент, ул. Газеты «Правда», 73;
700100 Ташкент, ул. Ш. Руставели, 43;
634050 Томск, наб. реки Ушайки, 18;
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»);
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49;
720000 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42 («Книга — почтой»);
310078 Харьков, ул. Чернышевского, 87 («Книга — почтой»).

